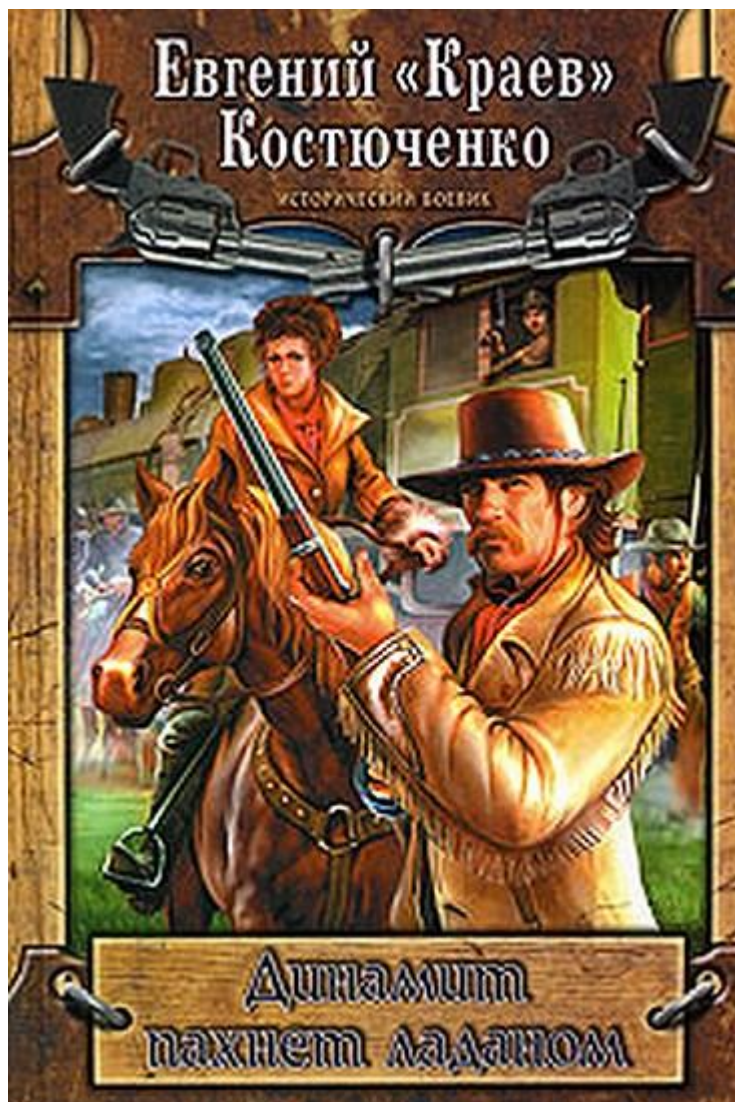


Евгений Николаевич Костюченко
Динамит пахнет ладаном



Текст предоставлен автором АСТ, Хранитель, Астрель-СПб; 2008
ISBN 978-5-17-050137-3, 978-5-9762-6079-5, 978-5-9725-1090-0

Аннотация

Бывших офицеров не существует. Они выходят в отставку. Иногда они покидают родину. Но верность присяге сохраняют до последнего вздоха.

Граф Орлов, офицер российского Генштаба, вышел в отставку и поселился в Америке. Но даже здесь не смог оставаться в стороне от необъявленной войны против России.

Потому что таков долг воина — бить врага там, где его найдет.

Евгений «Краев» Костюченко
Динамит пахнет ладаном

Создав для угнетенных масс динамит, наука совершила свое величайшее дело.

Фунт этой штуки действует лучше, чем два пуда бюллетеней для голосования.

Иоганн Мост, анархист

В феврале 1893 года в номере санкт-петербургской гостиницы, снятом на имя Вашингтона Мура, гражданина Северо-Американских Соединенных Штатов, прогремел мощный взрыв.

Через несколько часов на месте происшествия уже работала следственная комиссия. Опытный эксперт, стоя посреди комнаты на постеленном под ноги газетном листе, методично осматривал помещение и диктовал секретарю, сидящему в гостиничном коридоре с планшетом на коленях. Карандаш секретаря метался с умопомрачительной скоростью, записывая:

— ... Штукатурка потолка и карнизов растрескалась и местами обвалилась... На потолке и на стенах обильные следы крови и фрагменты костной ткани... Пол комнаты сплошь покрыт обломками мебели... Рама окна высажена наружу и держится на одном гвозде. Так-так... В оставшейся части оконного переплета имеются застрявшие шестерни и пружина, предположительно от часового механизма. А вот это запишите на полях, войдет в особый отчет: среди обломков обнаружены неразорвавшиеся динамитные заряды. Мы их потом сосчитаем и классифицируем. Далее... У капитальной стены стояли комод и шкаф, от которых остались только обломки задних стен... На груде обломков досок и мебели, в расстоянии одного аршина от стены, лежит... Лежит обезображенный труп мужчины. Голова обращена к окнам, откинута назад. Туловище лежит спиной книзу. Грудная полость совершенно открыта спереди, в правой ее половине ничего нет, позвоночник в грудной и отчасти брюшной полости открыт...

Эксперт ненадолго замолчал, наклонившись над трупом. Выпрямился, зачем-то вытер руки платком, и продолжил:

— Через левую половину грудной клетки видны оба легких. В связи с головой сохранились части плечевого пояса с прилегающими мышцами. Брюшная полость совершенно разорвана. Сердце найдено среди обрывков мышц в области левого плечевого сустава. Правая нога с частью таза лежит параллельно туловищу. На ней имеются остатки нижнего белья. Левая нога с частью тазовой кости лежит на пороге комнаты... Взрыв, по-видимому, произошел у окна. Силою взрыва тело Вашингтона Мура было брошено на противоположную стену и вверх, о чем свидетельствуют обильные следы крови в виде мазков и брызг на стене и потолке. Оттуда, в силу тяжести, оно упало на место, где и было найдено.

Эксперт повернулся к секретарю и сказал:

— Когда будете переписывать набело, «Вашингтон Мур» исключить. Просто: «тело было брошено» и далее по тексту.

Жандармский ротмистр, стоявший в коридоре рядом с секретарем, спросил:

— Что так? Есть основания считать паспорт подложным?

— Такие основания есть всегда, когда перед нами динамитчики.

— Но он, видать, не простой динамитчик. Не из нашенских, — заявил ротмистр. — Наши заводским динамитом не пользуются. Сами готовят. И часовой механизм, опять же, не по-нашему это. Наши работают попроще, у них бомбы на ударных запалах. Кинул — и готово. Каналья, видать, из засланных. Хотел, видать, сегодня бомбу подложить, да рука дрогнула, или механизм неверно сработал. Мне еще давеча не терпелось его досмотреть, да к иностранцу нынче нелегко подступиться.

— Сейчас уже трудно разобрать, иностранец перед нами или соотечественник, — заметил эксперт. — Но мне бы хотелось сохранять предельную точность. Кто знает, может быть, именно в эту минуту настоящий Вашингтон Мур пьет утренний кофий у себя в каком-нибудь Техасе. А мы про него — «брошен на стену»? Итак, просто «тело»...

1. Рейнджер по кличке Дьявол

Выйдя в отставку, капитан Орлов уехал в Техас. Захудалый городок, в котором он

поселился, носил звучное имя — Севастополь.

Когда-то здесь, на реке Тринити, русские купцы грузили на свои баржи хлопок, скупленный на плантациях, и спускались к морю. Они и назвали скромный поселок в честь славного города. Тогда Россия вела Крымскую войну, и купцы, видимо, желали хотя бы таким способом исполнить свой патриотический долг. Тот Севастополь, что на Черном море, после героической обороны был сдан противнику. Зато другой, техасский, процветал назло врагам. Правда, недолго. В Америке разразилась гражданская война, и поставки хлопка прекратились. Купцы переключились на другие товары и стали ввозить в Техас оружие и порох. Им бы, наверно, хотелось, чтобы в схватке Севера и Юга победили южане, их постоянные торговые партнеры. Но история не считалась с купеческими интересами и присудила победу северянам. А те живо навели на Юге свои порядки. Рабов освободили, и выращивать хлопок стало некому. Старые поставщики исчезли — кто погиб на войне, кто обнищал, а кто подался в партизаны, не желая смириться с поражением. И русские купцы, предчувствуя неприятности, свернули торговлю, собрали пожитки и подались в другие края. От них осталось только громкое имя, закрепившееся за городом, да десяток отличных зданий на набережной. В одном из таких домов на самой окраине городка и поселился граф Орлов.

Однако в доме своем он появлялся редко. На другом краю Техаса, за тысячу миль отсюда, в Эль-Пасо, в конюшне рейнджерской роты стояли его лошади, а в скромной гостинице один номер был закреплен за постоянным клиентом, которого, судя по записи в журнале, звали Пол Орлофф. Судя по той же записи, в Эль-Пасо он находился «по служебной надобности». Столь благопристойная формулировка была, к сожалению, весьма и весьма неточной. Со службой Орлов покончил раз и навсегда. Несмотря на настойчивые уговоры, он так и не записался в рейнджеры. Примыкая к отряду капитана Джонса, он просил, чтобы его считали проводником или рядовым стрелком, но наотрез отказывался получать даже минимальное жалованье.

У него и без жалованья хватало денег. Он долго работал в Штатах под деловым прикрытием, выполняя разведывательную миссию. Все его донесения теперь пылились в архивах Генштаба, а образцы вооружений, добытые ценой невероятных усилий, так никого и не заинтересовали в российских военных ведомствах. Если деятельность капитана Орлова и не принесла никакой пользы отечеству, то, по крайней мере, она позволила ему накопить небольшой капитал в американских банках. После выхода в отставку Орлов рассудил, что деньги эти он заработал не как офицер, а как предприниматель. Следовательно, их можно оставить себе. Да и кому в России нужны американские доллары? А в Техасе он вложил их в дело, прикупив керосиновый заводик. Так что на жизнь ему хватало. И, отказываясь от рейнджерской тридцатки в месяц, он сам закупал для отряда то, что считал необходимым — новые карабины, к примеру, или запас консервов для скрытного рейда по мексиканской территории, где у рейнджеров не будет возможности добыть свежее мясо охотой.

Однажды в ноябре его отряд возвращался с патрулирования. Тот выход в поле оказался на редкость неудачным. Обнаружив след контрабандистов, рейнджеры не смогли их догнать. А на обратном пути еще и в засаду попали. Правда, обошлось без потерь, а у врагов, возможно, были раненые или даже убитые, судя по оставшимся кровавым пятнам. Но пятна к делу не пришьешь и перед судьей не поставишь. Вот и получается, что впустую прогулялись.

Миновав станцию Сьерра-Бланка, Орлов приотстал от рейнджеров и свернул к реке. Там, на одном из прибрежных холмов, стояла небольшая часовня возле двух могил. В могилах лежали друзья Орлова. А часовню он построил сам в первый же год, как вернулся в Техас. Она была сложена из кедровых бревен, купол покрыт листовой латунью, а крыша — красной черепицей. Строил он ее всю весну и половину лета, изредка нанимая помощников. Часовня получилась — загляденье. Однако, едва успев полюбоваться, Орлов мысленно уже прощался с ней. Место тут было безлюдное, и кто же будет охранять сей храм? Растащат ведь и черепицу, и латунь, да и кедровым бревнышкам, с таким трудом доставленным в пустыню, тоже ноги приделают! Но вот — прошли годы, а часовенка всё стоит. И дело вовсе

не в богобоязненности местного населения. Оно, население, сплошь бандиты и конокрады, относилось с особым почтением к персоне капитана Орлова. В свое время тот наделал немало шума в этих краях, охотясь за бандой знаменитого Джерико. Методы Орлова, и размах, с которым он эти методы применял — все это крепко запечатлелось в памяти народной. Полсотни бандитов пошли на угощение стервятникам и могильным червям, а граф Орлов получил в народе простое и понятное прозвище — Дьявол. Кто же осмелится приблизиться к постройке самого Дьявола, даже если эта постройка осенена крестом?

Никто и не приближался. По крайней мере, до нынешней осени. Орлов нахмурился, едва подъехав к часовне и заметив, что ее двери приоткрыты. На глинистой дорожке вокруг могил засохли отпечатки копыт — кого-то угораздило забрести сюда в дождь. Возможно, случайный путник прятался от ливня в часовне? Но в ливень никто не смог бы подняться по скользкому склону холма. И вообще, о каких ливнях речь? В этих засушливых краях дожди могут зарядить на неделю-другую только в феврале, а в остальное время, если и прольется с неба несколько капель, то им все только радуются, и никто не думает укрываться.

Орлов постарался вспомнить, когда же в этих краях последний раз шли дожди. Получалось, что в сентябре.

Отпечатков было всего шесть, седьмой еле-еле читался, и можно было предположить, что здесь останавливались по меньшей мере две лошади. Они стояли мордой к могилам. Видимо, поводья были накинута на ограду.

Войдя в часовню, он сразу заметил на полу песок и комочки глины.

— Наследили гости дорогие, — проворчал Орлов, но тут же унял раздражение.

Перекрестившись, он подошел к иконостасу и отвесил земной поклон Георгию Победоносцу, Иоанну-воину и Сергию Радонежскому. Орлов редко выдерживал молитвенное правило, и службу в часовне вел по своему, особому, чину. Произнося молитвы, сохранившиеся в памяти, он непременно дополнял их простыми словами, обращаясь к святым так, словно они были не где-то на небесах, а служили в его же полку, только на более высоких должностях. Так поручик-квартирмейстер отчитывается перед своим полковником.

На этот раз он возблагодарил святых за то, что отвели от него пулю, летевшую из зарослей мескита. Но еще больше была его благодарность за то, что ему в этот раз не пришлось никого убить. Бывало, после рейда Орлов ставил на канун несколько свечей — за упокой тех, кого угораздило попасться ему в бою. Сегодня обошлось.

Только когда все положенные молитвы были прочитаны, Орлов стал осматривать часовню. Нет, гости ничего не унесли. Малость натоптали да в подсвечниках у распятия оставили после себя два парафиновых огарка. Он соскоблил наплывы и выковырял остатки из лунок. Сам он возжигал только восковые свечи, которые покупал в Сан-Антонио, в русской церкви. Их запас лежал в ящике у входа, и свечи оказались нетронутыми.

«Они были здесь ночью, а ящик оказался за дверью, в тени, потому и не заметили, — догадался Орлов. — Вошли со своими свечами, их же и оставили. Неужто православные?».

Снаружи послышалось короткое ржание его коня, и Орлов поспешил выйти — и заметил всадника, поднимающегося по склону холма. То был Нэт Паттерсон, маршал соседнего округа.

Орлов отошел к одинокой молоденькой акации и присел на скамейку в ее тени, набивая трубку. Когда Паттерсон наконец спешился возле часовни, Орлов уже окутался клубами душистого дыма.

Маршал присел рядом и достал из патронташа огрызок сигары. Они молча подымили несколько минут, прежде чем Паттерсон заговорил.

— Я встретил твоих головорезов, и они сказали, что ты поехал замаливать грехи.

— Им бы тоже не мешало покаяться, — заметил Орлов. — Проворонили караван. Двенадцать тяжело нагруженных мулов ушли за реку. Сколько может нести на себе мул? Фунтов триста?

— Грузят и больше.

— Вот и прикинь, сколько контрабанды мы упустили в этот раз.
— Что везли?
Орлов в ответ только пожал плечами.
— Большая охрана?
— Семеро всадников. Возможно, был головной дозор. Не исключено, что и с тыла их прикрывали. Кто-то обстрелял нас, когда мы шли по следу.
— Большая компания. Ценный груз. Досадно.
— Ты приехал выразить сочувствие?
— Не только, — Паттерсон усмехнулся. — Ты же знаешь, кроме тебя, мне не с кем сразиться в шахматы. У нас появляется возможность сыграть подряд десяток партий. Ты собираешься домой, на зиму?
— Посмотрим. Если не будет никаких сведений об этом караване, то уеду через неделю.
— Тебе же все равно ехать через Сан-Антонио? Так поедem вместе. Я возьму тебя напарником, и мы недурно проведем время в поезде.
— Напарником?
— Мне надо отконвоировать туда одну важную персону. Суд как раз через неделю. У нас, в Ван Хорне. Вынесут приговор, наденем на осужденного наручники и сядем с ним в поезд. Поедем первым классом, без посторонних, с кормежкой. Ты не против?
— Еще не знаю.
Паттерсон удовлетворенно кивнул.
— Спасибо, что не отказался сразу. А то я уже вписал тебя в ордер. Теперь у меня есть неделя, чтобы тебя уговорить. Иначе придется переделывать бумаги.
Орлов выбил трубку и смешал пепел с пылью под скамейкой.
— Нэт, в твоем округе есть пара мест, где можно в любое время купить мулов?
— Смотря сколько тебе нужно.
— Не мне.
— Понимаю. — Маршал сбил шляпу на затылок и оглядел долину, где извивалась и поблескивала река. — Думаешь, они купили мулов подальше от границы?
— Думаю, они постоянно их там покупают, — сказал Орлов. — Где-то на расстоянии двух ночных переходов. В первую ночь они подтягиваются поближе к реке и прячутся. Во вторую ночь переходят границу.
— В третью — возвращаются обратно, — продолжил маршал.
— Э, нет. Третью ночь они отдыхают там, в Мексике. А днем спокойно возвращаются в Техас. И едут в какой-нибудь соседний округ покупать мулов для новой переброски.
— Ты рассуждаешь об этих бродягах, будто о транспортной компании.
— Бродяги не обстреливают рейнджеров, — ответил Орлов.

* * *

Через два дня командир роты рейнджеров капитан Джонс на утреннем разводе поделился новостями, полученными от своих осведомителей из Мексики.

Караван, перешедший реку близ каньона, безостановочно проследовал к железной дороге, не задержавшись ни в одной из приграничных деревень. На станции Вилья груз, прибывший на двенадцати мулах, был сдан в пакгауз, а мулов отправили на скотный рынок, где их быстро раскупили, благо, цены были смехотворно низкими. Донесения не содержали никаких сведений о характере груза или о тех, кто этот груз доставил. Впрочем, одна деталь была весьма существенной — разгрузка на пакгаузе проходила ночью, причем без участия местных грузчиков.

— Оно и понятно, — сказал Орлов — Это дело любит скромность. Контрабанда — она и в Мексике контрабанда.

— Плохо ты знаешь Мексику, — сказал Джонс. — Там нет ничего, кроме контрабанды.

По крайней мере, в ближайших трех сотнях миль от границы. Наверно, груз слишком ценный. Или просто необычный.

— Например?

Джонс поморщился:

— Не будем гадать! Поймаем, тогда и заглянем в их ящики. Надо разбиться на двойки и патрулировать все подходы к каньону.

— Ага, — вступил в разговор громадный рейнджер по кличке Медвежонок. — Мы будем там околачиваться, а они перейдут за Камышовым островом. Или еще где-нибудь.

— Есть другие предложения? — Джонс оглядел рейнджеров, сгрудившихся вокруг стола с картой. — Нет? Идите, готовьте барахло. Уходим на неделю.

У Орлова были другие предложения, но он смолчал.

Можно было бы заслать своего человека в Мексику, чтоб он обосновался на станции Вилья и последил за этим загадочным пакгаузом, а главное — чтобы он запомнил физиономии ребят, которые набивают пакгауз не менее загадочным товаром.

Можно было бы понаблюдать за рынками, где торгуют мулами. Взять под наблюдение также и крупные ранчо, потому что дюжину мулов можно прикупить и там.

А еще можно было бы прочесать все приграничные заросли, все каньоны и пещеры, все укрытия, где можно припрятать ценный груз в ожидании транспорта. Да, можно было бы это проделать, если б в распоряжении капитана Орлова была не рота, а армия.

Но все равно что-то делать придется, потому что, начиная с сентября, это был уже четвертый караван, которому рейнджеры Джонса позволили уйти за границу. А ведь наверняка были и другие караваны, которых просто никто не заметил. Таких крупных перебросок в этом районе не было никогда прежде. И рейнджеры чувствовали себя так, будто им кто-то плюнул в лицо, — и удрал.

Джонс свернул карту и спрятал ее в сейф.

— Пол, кого ты возьмешь себе в пару? — спросил он Орлова. — Медвежонка или Апача?

— Я бы взял обоих. И еще человек трех для ровного счета. А седьмым был бы ты.

— Двойками, двойками пройдемся! — упрямо помотал головой Джонс. — Чем меньше тебя видят другие, тем больше видишь ты сам. Мы носимся всем отрядом, и нас замечают издалека. Ясное дело, любой кретин заляжет под куст, пока мы не скроемся из виду. А потом пойдет себе дальше. Нет, двойками, только двойками.

— Тогда я пойду с Апачем, — сказал Орлов. — Медвежонок слишком заметный.

Они с Джонсом вышли на крыльцо штаба, и тут к ним подбежал мальчишка.

— Капитан! Записка от шерифа! Он говорил по телефону с маршалом, а потом дал мне эту записку и сказал, что вы мне заплатите десять центов!

Джонс сунул руку в один карман, потом в другой, выгреб пригоршню разных патронов и сказал:

— У меня нет мелочи. Хочешь пару патронов к винчестеру?

— У меня есть мелочь, — Орлов вложил монету в чумазую ладошку и повернулся к Джонсу. — Ну, что нам пишут?

— «Передай Полу, что сегодня ночью с ранчо Гривса угнали две дюжины мулов. Следы потерялись в горах. Ищите их у себя, ближе к реке. Тавро — «косая лестница». Подпись — Паттерсон». — Джонс поскреб подбородок. — Ничего не понимаю. Кто такой Гривс? Зачем нам искать его мулов? Ты что, Пол, нанялся в частные сыщики?

— Гривса я не знаю. Но эти мулы спешат в Мексику, — сказал Орлов. — Значит, и нам надо поторопиться.

* * *

Две загадки не давали покоя капитану Орлову. Ему страстно хотелось знать, кто молился в его часовне и почему контрабандисты обстреляли его отряд.

Положим, первая загадка касалась лишь его одного, и потому могла бы показаться совершеннейшим пустяком. Вторая же значила неизмеримо больше — от ее решения, возможно, зависели жизни многих людей. Тем не менее, обе они мучили капитана с равной силой.

Орлов вообще не любил загадок, не терпел недомолвок, не выносил двусмысленностей. Отправляясь на патрулирование, он выбрал попутчиком рейнджера по кличке Апач как раз потому, что тот и вправду был наполовину апачем. И его индейский ум часто подсказывал парадоксальные решения.

Обследовав за день излучину Рио-Гранде между Камышовым островом и отрогами Сьерра-Дьяблос, Орлов и Апач остановились на привал, готовясь к ночному рейду. Они основательно подкрепились, улеглись на остывающие валуны и, любуясь закатом, раскурили трубки.

— Ты спрашивал, зачем они стреляли... Я не знаю, — сказал Апач. — Было семь выстрелов из трех разных стволов. И все пули прошли мимо. Я не знаю, зачем нужно впустую тратить семь патронов.

— Может быть, они плохие стрелки?

— Может быть. Это можно было бы проверить, если б мы их догнали. Но они ушли. Они умеют уходить по скалам, не оставляя следов. Такие ловкие ребята обычно и с оружием ловко обращаются.

— Так-так, — протянул Орлов, радуясь тому, что его туманная догадка приобретает все более ясные очертания. — Хочешь сказать, что они просто заманивали нас к себе?

— Если бы я хотел, чтобы враг свернул с тропы, я бы тоже выстрелил в его сторону. А потом кинулся бы убежать.

«Все верно, — подумал Орлов. — Это тертые ребята. Такие не промахнулись бы. Пальнули, убедились, что мы клюнули на приманку, и испарились. А если учесть, что они еще и раненого с собой смогли унести, то вырисовываются весьма и весьма серьезные фигуры».

— Как ты думаешь, это не были индейцы?

Апач помотал головой.

— Здесь уже давно ничего не слышно о *таких* индейцах. Все такие индейцы погибли или стали рейнджерами. Как я.

— Ты говоришь об апачах?

— Не только. Команчи, шайены, кайова — воинов и охотников не осталось ни у кого. Все стали работниками или торговцами, как теханос¹, как англичане, или немцы, или шотландцы, французы, ирландцы, датчане, итальянцы... Нет больше различий между техасскими народами, — заключил Апач.

— Ты перечислил не всех, кто живет в Техасе, — заметил Орлов.

Он хотел пошутить, но индеец воспринял его слова всерьез.

— Я встречал еще венгров. На восточном берегу Колорадо видел сербов. Из Канзаса к нам понемногу переселяются чехи. А из Калифорнии — китайцы. Еще говорят, что бандит, которого застрелил Джонс в апреле, был португальцем. Но это было на мосту через Рио-Гранде, так что он лежал наполовину в Мексике. Или мост тоже считается Техасом? Тогда прими в расчет еще метисов, которые толпятся возле него. И всех этих голозадых пима, якви, майо, тарахумара, папаго²... - Апач победоносно глянул на Орлова и спросил: — Продолжать?

— Как ты их различаешь?

— У каждого народа своя повадка. Для тебя, наверно, все апачи на одно лицо? А я могу

¹ Теханос — испаноязычное население Техаса

² Племена индейцев севера Мексики

отличить любой из двенадцати наших кланов. Так и со всеми остальными народами. У каждого народа свое лицо. Ты скажешь, у них и язык свой? Нет, все сейчас говорят на одном языке. Но повадки разные. Капитан Джонс не признает никаких различий. Он говорит, что все мы американцы и нечего вспоминать дедушкины корни. Наверно, он прав. Потому что сейчас все стали одинаковыми. Как патроны в пачке.

Орлов вспомнил о незнакомцах, что побывали в его часовенке, и спросил:

— Говоришь, ты видел сербов? А, может быть, ты и русских встречал?

— Их как-то везли через Эль-Пасо, — ответил Апач. — Несколько вагонов. Русские — странный народ. Все говорили на разных языках.

— Давно это было?

— Это было, когда в Аризоне случился обвал на медных рудниках. Половина холма осыпалась вместе с целым городом. Город Тирби тогда исчез. Русские ехали, чтобы восстанавливать рудники. Если ищешь русских, найдешь их в Аризоне.

— Нет, — сказал Орлов. — Я не ищу русских. Похоже, что, наоборот, какие-то русские ищут меня.

Апач разгреб догоревший костер и принялся засыпать угли песком. Он поглядывал на Орлова, то ли в ожидании новых расспросов, то ли готовясь задать свой вопрос.

— Не прячь от меня свои мысли, — сказал, наконец, индеец. — Я закапываю угли в песок. А ты прячешь свои мысли в пустых разговорах. Не уводи меня в сторону. Ты что-то придумал насчет каравана, я же вижу.

— Да, придумал. — Орлов помедлил, чтобы как можно более ясно выразить довольно запутанную идею. — Знаешь, что означали те выстрелы? Они хотели сказать: «Эй, рейнджеры! Вы нашли нашу тропу! Так знайте, что мы знаем об этом!»

— Не так быстро! — Апач поднял ладонь, словно останавливая бегущего. — То есть они хотят, чтобы мы знали о том, что они знают, что мы нашли их тропу. И теперь, раз мы ее нашли, они по ней не пойдут. Так?

— Именно! — улыбнулся Орлов. — Они нам говорят: «Мы не такие дураки, чтобы снова идти по тропе, которую вы нашли!»

— А мы не такие дураки, чтобы им верить, — сказал Апач.

— Но ведь все поверили. И я. И ты. Все. Это было само собой понятно. Вот смотри: если б нас не обстреляли, мы бы наверняка сегодня оседлали ту тропу, верно? Мы бы их ждали хоть до Рождества, но дождались бы! А теперь мы мечемся, как слепые котята.

— Ну, мы-то с тобой не мечемся, — с довольной ухмылкой сказал Апач. — Мы-то с тобой сегодня оседлаем их тропу. Ты ведь давно до этого додумался, раз мы с тобой пришли сюда?

Орлов засопел трубкой, выпустил струю дыма вверх и ответил честно:

— Нет. Я додумался только что. А сюда мы пришли, потому что никто больше сюда не захотел идти. Всем было ясно, что тут нечего ловить.

— Давай поспим до полуночи, — предложил Апач. — Взойдет луна, и нам со скалы будет всё видно. Они появятся ближе к рассвету. Ты хочешь их задержать?

— Хотел бы. Но буду рад, если мы их хотя бы заставим повернуть обратно.

Апач разлегся на песке, закутываясь в одеяло, зевнул и сказал:

— *Такие* не повернут обратно.

* * *

Луна взошла, как и было предсказано. Но толку от нее было мало. Едва осветив каньон, она тут же спряталась за тучи, и все залила чернота. Постепенно глаза Орлова привыкли, и он различил неясные очертания кустов внизу, увидел ломаную линию гор на горизонте и смутно белеющую дорогу вдоль реки. Отсюда до границы было не больше мили, и он подумал, что надо было устроиться где-нибудь подальше от реки. Потому что здесь контрабандисты уже не смогут остановиться. Даже если их встретить залповым огнем, они

будут идти вперед, словно опьяненные близостью заветной черты...

— Лошадь, — почти беззвучно произнес Апач, лежащий рядом на скальном выступе.

В ночной тишине за легкими порывами ветра и ропотом кустарника вдруг слышалось мерное цоканье копыт. Лошадь шла по каменистой тропе. Остановилась. Снова пошла, уже медленнее.

Как ни вглядывался Орлов, он не мог увидеть ни одного движущегося пятна там, откуда доносились почти неразличимые звуки.

— Он один, — шепнул Апач. — Можем взять его?

— Только тихо. Очень тихо.

— Он и сам не услышит, как мы его возьмем.

Они отползли от края и по заранее закрепленной веревке живо спустились со скалы. Апач снял с себя оружейный пояс, бесшумно уложил кобуру и патронташ на землю. Скинул он и куртку — она могла выдать его шумом, теми почти неслышными звуками, которые издает трущаяся грубая ткань. Оставшись в черной рубаше, Апач прокрался вперед, наперерез невидимой лошади, и слился с темнотой.

Орлов тоже снял с себя все, что могло бы издать лишний звук. Стянул и сапоги. Шагать босиком по холодным острым камням было не слишком приятно, зато он двигался почти так же незаметно, как индеец.

И вдруг он отчетливо увидел лошадиную голову — ее вытянутый профиль выплыл из-за куста и показался, черный, на фоне светлой скалы. Вот уже видна шея...

Он напрягся и привстал, готовясь к броску.

Что-то прошуршало в стороне. В следующий миг слышался глухой удар, сдавленный вскрик — и два тела покатались по камням. Орлов рванулся, схватил лошадь под уздцы и, не давая ей заржать, обхватил морду спереди.

— Что за черт, — раздался недовольный голос Апача. — Это наш.

Орлов присел над тем, кого Апач оглушил, выбив из седла. На камнях лежал рейнджер из соседней роты, по кличке Пейот.

— Какого черта он тут шатается по ночам?

— Очухается — спросим.

Орлов хотел потеревить рейнджера за нос, чтобы привести в чувство, как вдруг что-то прошуршало по камням прямо у него под ногами. Он так и подпрыгнул на месте.

— Ты что? — удивился Апач.

— Змея.

— Змея? Ночью? В ноябре?

Апач огляделся, словно мог в темноте увидеть ускользающую гадину.

— Ладно, всякое бывает. Если люди бродят по ночам, почему змеям нельзя? Пол, я думаю, этот парень — дозорный. За ним идут остальные. Будем ждать?

— Они не придут, — сказал Орлов. — Если он в дозоре, то они сейчас ждут от него сигнала, что все в порядке.

— Да ладно тебе, — махнул рукой индеец. — Не все же такие умные, как мы с тобой.

Они заткнули пленному рот добротным кляпом и вернулись за оружием.

Договорились сначала стрелять в воздух, только чтобы напугать. Если откроют ответный огонь — бить по вспышкам. Если начнут обходить — не мешать. Если отступят — не преследовать. И самое главное — стрелять поочередно из карабина и револьвера, чтобы создать видимость, будто их здесь не двое, а хотя бы четверо.

Но все их приготовления оказались напрасными. До самого рассвета из каньона никто не вышел. А когда взошло солнце, Апач прогулялся между скалами и вернулся с обрывком тонкой бечевки.

— Это твоя «змея», — сказал он Орлову. — Наш приятель держал веревку в руке. А второй конец был там, у охранников каравана. Чуть что — он выпустил веревку. Те поняли — тревога. Стали ее сматывать. Она застряла в колючках между камнями. Обрубили. И ушли. Тихо, очень тихо.

— Ну и хорошо, — сказал Орлов. — Ночные перестрелки — пустая трата патронов.

* * *

Придя в себя, пленник стал мычать, дергаться и сучить ногами, требуя, чтобы его избавили от кляпа и наручников. Однако Апач обратился к нему с проникновенной речью:

— Не надо шуметь, брат мой. Если тебе не нравится наша компания, пожалуйста, можешь остаться. Мы только прикопаем тебя немного песком, да завалим камнями. А то тут койоты такие наглые, да и стервятников полно. Может, и не опознаем тебя, когда вернемся сюда с шерифом. Как тебе такое предложение?

Пленный рейнджер сразу затих, и хранил молчание до самого Эль-Пасо. Сдав его капитану Джонсу и доложив о результатах патрулирования, Орлов ожидал услышать хотя бы сдержанные слова одобрения. Однако Джонс буркнул что-то невразумительное, отводя глаза. Когда за пленным захлопнулась дверь чулана, который заменял тюремную камеру, Орлов спросил прямо:

— Мы зря его привезли?

— Вы зря на него напали. Если он был в дозоре, надо было дожидаться каравана.

— С караваном мы бы не справились. А теперь у нас есть хотя бы один из банды.

— Этот? Он не из банды. Он ничего не знает. И ничего нам не расскажет. А вечером его заберет в свою роту капитан Льюис. И тебе с Апачем придется извиняться или хотя бы написать рапорт о случившемся.

— Тогда сначала придется научить Апача грамоте.

— Значит, тебе придется писать за двоих, — не улыбувшись, продолжил Джонс. — Можешь начинать прямо сейчас. Вот бумага, перо. Садись за стол и пиши. Форму ты знаешь.

— Ты шутишь? — спросил Орлов. — Джек, все ясно как дважды два! Он — соучастник! Он тянул сигнальную веревку! Мы нашли там новые следы мулов! У меня нет никаких сомнений, что...

— У меня тоже нет сомнений, — спокойно остановил его Джонс. — Но парня придется отпустить. А тебе придется написать рапорт.

— Можно хотя бы сначала умыться с дороги? — спросил Орлов и, не дожидаясь ответа, вышел.

Он не собирался ничего писать. Джек Джонс ясно дал понять, что они снова вляпались в историю. Такое иногда случается со слишком ретивыми рейнджерами.

Ведь на лбу у пьяного незнакомца, что задирается в баре, не написано, *чей* он племянник. Скрутишь его — а потом строчи рапорт за рапортом. Или, скажем, остановишь подозрительное стадо на пути в Мексику, а через пару дней появляется его владелец с безукоризненными бумагами — и ты еще сам будешь двое суток глотать пыль, сопровождая этот явно краденый скот до самой границы. Каждый такой случай надолго отбивал у Орлова желание приезжать в Эль-Пасо, хотя ему и нравилось помогать Джеку Джонсу.

Капитан Джонс хотел честно делать свое дело. Он не собирался искоренить мировое зло или сделать всех людей счастливыми. Сказать по правде, плевать ему было и на мировое зло, и на всеобщее счастье. Он просто хотел, чтобы люди вокруг него не нарушали законы, принятые ими самими. Установили границу? Так будьте любезны, соблюдайте таможенные и прочие правила. Договорились не воровать? Так не обижайтесь, если из-за украденной коровы вас запрут в неудобном помещении года на два. Согласились не убивать друг дружку? Значит, убийца будет пойман и повешен рейнджерами, если только он сам не сдастся на милость суда.

Законы, действующие на Западе, просты и понятны. Просты и понятны также причины, по которым люди, одобряющие закон, при удобном случае не преминут его нарушить. Эти причины — выгода и «жадность».

И точно таким же простым и понятным было средство, которым капитан Джек Джонс приучал людей соблюдать законность. Это средство называлось страх.

Рейнджеров боялись. Именно поэтому они справлялись с тем, перед чем отступали другие силы — полиция и армия. И именно поэтому капитан Орлов был среди рейнджеров.

Но время от времени обнаруживалось, что законы писаны не для всех. Кого-то могут застрелить при попытке угона теленка, а кого-то оправдывают после кражи сотен тысяч долларов. Кого-то можно схватить за шиворот, а на кого-то даже косо глянуть опасно.

И сейчас, поняв, что они с Апачем снова зацепили какую-то вонючую кучу, капитан Орлов решил, что ему пора домой, на зимовку.

Сдав на склад походную амуницию и оружие, он, согласно традиции, устроил для рейнджеров скромную пирушку в гостиничном ресторане. Наутро, приняв холодную ванну и опохмелившись, капитан Орлов сел в первый же поезд, идущий на восток, чтобы добраться до соседнего округа, в распоряжение маршала Паттерсона.

После станции Сьерра-Бланка поезд еще какое-то время шел вдоль реки, а потом круто заворачивал. Этот поворот Орлов никогда не пропускал, он ждал его, заранее прильнув к окну.

Вот что-то запело под тряским полом вагона, по-новому застучали колеса, и вагон едва заметно накренился. Орлов не сводил глаз с бегущей за окном гибкой линии холмов, то ныряющей вниз, то снова взлетающей. И вот она. Его часовня. Несколько секунд она виднелась над холмами, словно поворачиваясь, поблескивая куполом. Крыша пламенела ярким красным пятном в сером низком небе.

Капитан Орлов перекрестился. Но вдруг рука его замерла, не дойдя до плеча. В последнюю секунду, прежде чем холмы скрыли от него силуэт часовни, он отчетливо увидел рядом с ней двух лошадей...

2. Двое у часовни

Захар сидел на скамеечке под акацией, ожидая, пока Тихомиров закончит молиться. Из-за приоткрытой двери часовни доносилось гнусавое пение. «... И спаси, Блаже, ду-у-ши на-а-а-ши».

— Как только закончим эту канитель, не задержусь в Америке ни на минуту, — сказал Тихомиров, выходя из часовни. — Поезд, пароход, Париж. О, Париж... От одной мысли о нем у меня начинается дрожь во всем теле. Ты любишь Париж, Захар?

— Мне и в Лондоне хорошо было, — уклончиво ответил Захар Гурский.

— Ты говоришь так только потому, что не знаешь Париж, как знаю его я. Да ты, брат, пожалуй, и не бывал на берегах Сены!

Захар бывал. Но счел за лучшее промолчать.

Последний раз он был в Париже аккуратно три года назад. Руководитель зарубежной агентуры Петр Иванович Рачковский прекрасно говорил по-французски, обожал французскую кухню, был женат на француженке, дружил с французскими банкирами. Естественно, что он и жил в Париже, хотя считалось, что центр борьбы с эмигрантами должен находиться в Женеве или в Лондоне. Но Петр Иванович избрал Париж. А скоро и домишко приобрел в пригороде французской столицы. В промозглый ноябрьский вечер Захар чуть не простыл, несколько часов простояв на обочине дороги между Парижем и Сен-Клу. Он приехал сюда из Лондона, где погода тоже не сахар. Но почему-то на берегу Темзы его никогда не колотила такая дрожь, как сейчас. Наверно, не только холод был причиной такого озноба. Захар ждал от Рачковского ответа на свое прошение об отставке.

Его сделали агентом еще тогда, когда он заканчивал реальное училище. Смышленного парнишку *подвели* к группе студентов, которые сеяли смуту на рабочих окраинах. Его отчеты были полны важных подробностей. Захар обладал цепкой памятью и запоминал всё — клички, особые приметы, отношения между участниками кружка... Студенты поручили ему передать забастовщикам кипу газет — и он передал, предварительно встретившись со своим покровителем из жандармского управления. Это был первый подвиг юного революционера: газеты разошлись по цехам. Через неделю бунтовщиков стали хватать по

одному — кого дома, кого по дороге к заводу. И наличие антиправительственной прокламации в кармане оказывалось главным основанием для ареста и последующего сурового приговора.

Захар помнил каждый свой ход в этой игре. Его «подвиги» становились все опаснее. Он стал курьером, потом — боевиком. После первого убийства его перебросили сначала в Германию, потом в Англию. Он не боялся крови и спокойно шел на «острые акции». Захар всегда ощущал за спиной незримую поддержку Системы, и верил в свою неуязвимость. Только в последнее время его стало преследовать странное чувство — он уже не понимал, кому служит: Департаменту полиции или террору? Он стал слугой двух господ. Один господин был не лучше другого. И революционеры, и жандармы приказывали ему убивать. Захар знал — рано или поздно за кровь придется отвечать. Раньше-то он об этом не думал, но теперь, когда стукнуло тридцать, пора было перейти к мирной жизни...

Наконец у обочины остановился фиакр, из-за полога показалось раскрасневшееся лицо Петра Ивановича, и Захар забрался в карету, укрывшись воротником от взглядов извозчика. Петр Иванович похвалил его за расторопность, а потом сказал, что его письму не может быть дан ход. Больше того, вопреки установленному порядку, это донесение не было занесено в реестр тайной корреспонденции и по прочтении было немедленно уничтожено. «Надеюсь, ты не в обиде», — добавил Петр Иванович. Захар не обиделся. Бумагу можно сжечь, но, если бы потребовалось, он легко бы восстановил написанное, слово в слово. Даже теперь, спустя три года, он помнил каждую строчку того письма, выстраданного бессонными ночами.

«Дорогой друг!

Вам хорошо известно, что я всегда работал по чистой совести, старался выполнить все порученное по возможности лучше, и постоянно питал надежду, что в конце концов все-таки найдут меня достойным гражданином отечества и дадут мне моральную поддержку. Я играю довольно опасную роль, и сознание, что в случае несчастья не смогу иметь от Правительства нужную моральную поддержку, меня всегда угнетает. И вот, Дорогой друг, Вы могли бы все эти мои неприятности устранить и дать мне нужную моральную поддержку, если бы Вы мне выхлопотали откуда следует один настоящий заграничный паспорт на мою настоящую фамилию. Сердечно я Вас в этом умоляю, сделайте для меня эту милость. Я буду Вам на всю жизнь глубоко благодарен. Я тогда буду чувствовать себя настоящим человеком и морально успокоенным. И всегда останусь Вам и делу верен. Если же имеются на это материальные издержки, в следующий раз можете отсчитать затраченную сумму.

Подпись — Григорьев».

«Итак, письмо не получит официального хода по инстанциям. Но я могу все устроить и без инстанций, — сказал Петр Иванович. — Только объясни, зачем тебе паспорт? Уж не за океан ли ты собрался?»

Догадка оказалась верной. Захар, как и любой нормальный эмигрант, даже не думал о возвращении в Россию. Особенно после того, как партия террористов перевела его на нелегальное положение. Захар три года отработал слесарем в лондонских доках и неплохо насобачился по-английски. В Америке он не будет глухонемым, как большинство его товарищей. И работу найдет легко. Мечты о вольной и сытной американской жизни кружили ему голову. Но главное — там, за океаном, его не достанут ни враги, ни друзья.

Петр Иванович одобрил его планы. «Ты это заслужил, — сказал он. — Исполнишь последнее дельце — и гуляй на все четыре стороны. Дельце пустяковое».

Тенорок Петра Ивановича чуть дрогнул, выдавая волнение. Захар понял: всё, что сейчас будет рассказано о деле, следует выслушать с особым вниманием.

«Знаешь отель «Де Бад» на Итальянском бульваре? — начал, откашлявшись, Петр Иванович. — Впрочем, не важно. Тебя туда отвезут. Отвезут и привезут, впустят и выпустят, тебе и делать-то почти ничего не придется».

«Фигура мне знакомая?» — осведомился Захар.

«По счастью, нет. А вот ты ему известен, хотя и заочно. Ему многие агенты известны. Имел доступ к картотекам Департамента полиции. Снял копии. А ныне решил заработать капиталец на этих сведениях, вознамерился продать полякам. Есть у них такая организация, «Пролетариат». Головорезы отпетые. С десятков наших агентов числится на их счету — кого нашли с проломленным черепом, кого так и не отыскивали. Они, пролетарии эти, врагов забивают насмерть. Это у них вроде автографа. Ежели покойника ломами или молотками покромсало — значит, пролетарская работа».

«Меня страшать не требуется, — сказал Захар. — Вернемся к фигуре. Какая будет моя работа? Тоже — ломиком и молотком?».

«Боже упаси! — Петр Иванович перекрестился всей ладошкой, по-католически. — Работа будет чистая. Фигура сносится с поляками через своего агента. Поляк тот имеет к фигуре прямой доступ. Условный знак для швейцара — пригласительный билет на вечер Франко-Русского салона. Вот такой».

Петр Иванович передал Захару конверт.

«Тебе только швейцара пройти. Камердинер будет в отлучке. На этаже больше никого. Работай спокойно».

«Если не ломик и молоток, тогда что же?»

«Самоубийство. Вот тебе револьвер системы «веблей». Точь-в-точь такой, какой фигура всегда держит при себе, в халате».

Захар переложил револьвер к себе в карман, предварительно убедившись, что его барабан заполнен патронами.

«Их превосходительство давеча в казино изрядно поиздержались, — сообщил Петр Иванович. — Я так полагаю, что более подходящего момента и не найдешь. Долги, расстроенные чувства, тоска да похмелье — хоть стреляйся».

«Их превосходительство?» — Захар не удержался от вопроса.

«Разве я не сказал? Фигура наша — отставной генерал. Ты что же думал, всякая мелочь способна по картотекам шарить? Нет, братец, на генерала тебя выводим, гордись. Достойная фигура для последнего дела, как ты считаешь?»

«А мне все равно, хоть генерал, хоть министр, — равнодушно ответил Захар. — Я человек государственный. Кого отечество приговорило, того я без колебания...»

Он провел ладонью поперек горла.

«Только вы с паспортом не медлите, Петр Иванович. А то, чувствую, коситься на меня начали друзья-товарищи».

«Паспорт получишь вечером. Утром — генерал, паспорт — вечером», — сказал Рачковский.

Так и вышло.

Ранним утром Захар вошел в генеральский номер, держа перед собой конверт.

Седой румяный старик, позевывая, сидел за столом, разбирая бумаги. Рядом дымилась чашка горячего шоколада. Не поднимая головы, генерал пробурчал:

«Что так рано...»

Захар остановился на почтительном удалении от стола и вытянулся:

«Ваше высокопревосходительство! Пакет из салона!»

«А где... — увидев незнакомца, генерал удивленно вскинул седые брови. — Ну, не важно, пакет? Что за пакет?»

Подав конверт, Захар отступил в сторону и встал сбоку от стола. Генерал склонил голову, распечатывая пакет, так что Захару было очень удобно выстрелить ему в висок.

Старик обмяк в кресле, и его голова с глухим стуком упала на зеленое сукно стола. Захар положил свой револьвер на паркет возле безвольно повисшей руки покойника. А генеральский «веблей», лежавший в халате старика, перекочевал в карман к Захару.

Еще раз оглядел огромный кабинет и вышел так же спокойно, как и вошел.

Вечером он уже держал в руках свой паспорт. А на завтра был в Лондоне и собирал вещишки, готовясь к поездке за океан.

Все исполнилось гладко. Почти идеально. Правда, полиция не поверила в самоубийство жизнерадостного русского богача. Было установлено, что рано утром в номер заходил некий курьер. Упавший на пол конверт с приглашением привел полицейских во франко-русский салон. А там они узнали, кто должен был отнести приглашение генералу. Так стало известно имя несчастного поляка. Журналисты оповестили об этом всю Францию. Казалось, убийцу вот-вот схватят. Но поляк исчез бесследно.

Год спустя тело мнимого убийцы генерала было обнаружено на окраине Сан-Антонио. Но это уже совсем другая история, не имеющая отношения к Парижу.

— Нет, ты не видел Парижа! — пылко воскликнул Тихомиров. — Кто хотя бы раз видел рассвет на Елисейских полях, тот никогда не забудет эту дивную картину.

— А мне и тут хорошо, — равнодушно повторил Захар.

* * *

Когда Исполнительный Комитет вынес смертный приговор Александру Второму, Гаврюше Тихомирову шел семнадцатый год, и посему он воспринял новость с детской наивностью. «Значит, скоро революция?» — спросил он у сестры. Та в ответ лишь улыбнулась и потрепала братишку по щеке.

Исполнительный Комитет считался наиболее законспирированным подразделением «Народной Воли», и его решения доводились только до избранных. Однако Гаврюша знал о Комитете больше многих заслуженных революционеров, хотя сам в организации не состоял. Не состояла в организации и его сестра, Полливария, которая, тем не менее, во всех подробностях расписывала Гаврюше борьбу с царским режимом. А вот ее жених был в «НВ» не последним человеком. Он принадлежал к почетной касте нелегалов, и появлялся в доме Тихомировых то в мундире железнодорожника, то в косоворотке и сапогах со скрипом. Гаврюша долго не знал, как зовут жениха его сестры. О нем так и говорили в доме — «Полюшкин жених». Однажды он подслушал, как, прощаясь, сестра назвала своего возлюбленного польским именем Янек. Только в восемьдесят пятом году, когда в газетах появилась фотография террориста, погибшего при взрыве собственной бомбы — только тогда Полюшка обмолвилась, пряча газетную вырезку в шкатулку: «Прощайте, Замойский». Так Гаврюша узнал, что при более благоприятных обстоятельствах мог бы породниться с самим Иваном Замойским, знаменитым боевиком.

Впрочем, и несостоявшееся родство сослужило Гаврюше неплохую службу.

Году так в 83-м или 84-м к ним в дом заглянул незнакомец, прилично одетый господин, говоривший с сильным прибалтийским акцентом. Не представившись, он только сказал, что имеет небольшую посылку для господина Тихомирова. Отдавая увесистый чемодан ошеломленному Гаврюше, незнакомец шепнул: «Я от Янека. У вас последний надежный адрес. Не ходите никуда. Все связи оборвать. Когда наступит лучшее время, мы встретимся».

Первым стремлением Гаврюши было немедленно заявить в полицию. Но он живо представил себе дальнейший ход событий. Охранка, о которой он был наслышан, не упустит возможности сделать его своим агентом, а квартиру превратить в ловушку для уцелевших революционеров. («Народная Воля» к тому времени была истреблена почти полностью).

Мысль о том, что незнакомец мог быть банальным провокатором, пришла чуть позже, и Тихомиров снова засобирался было в участок. Однако, поразмыслив, он пришел к выводу, что ни его персону, ни личность сестры не представляют для охраны никакого интереса. Семья их считалась вполне благонадежной. Иначе Полюшку не взяли бы на работу в дом великого князя. Может быть, проверка? Но тогда проверили бы сестру. Вручили бы чемодан ей, а не брату-студенту, которого незачем проверять...

Много разных мыслей и чувств обуревали Гаврюшу Тихомирова, пока он стоял в коридоре, глядя на дорогой кожаный чемодан. Услышав, как в гостиной часы пробили четыре раза, он спохватился: «Скоро придет сестра!»

Чемодан был спрятан под кроватью. Где и лежал потом, тревожимый только тогда,

когда Гаврюша протирал пол в своей комнате.

После смерти «Янека» Тихомиров подумал, что теперь-то уже никто не вспомнит о «последнем надежном адресе». И, преодолевая непонятный страх, открыл загадочный чемодан.

Как он и предполагал по изрядной тяжести, там оказались, в основном, бумаги. Списки. Адреса. Письма. Записные книжки. Пачки газет, набранных почему-то только с одной стороны.

Он не стал их читать. Отвращение оказалось сильнее, чем любопытство. Он растопил голландскую печь и, развязывая пачку за пачкой, сжег все бумаги. Он бросал вслед за последним листком обрывки упаковки и обрезки шпагата, и брался за новую пачку. Так он дошел до самого дна чемодана, где лежало нечто, завернутое в холст. Сердце его дрогнуло, когда он увидел стопки денег. «Наверняка фальшивые», — решил Тихомиров, разглядывая банкноты. Правда, до сих пор он слышал только о поддельных пятидесятирублевых кредитных билетах. А в стопках были перевязаны нитками желтенькие рубли, красные десятки и белые четвертные. Имелись и сотенные билеты, и даже пачка двухсотенных, то есть банкноты, которых Гаврюша никогда прежде не видел. Если все эти купюры и подделали, то весьма скрупулезно — они были и потертыми, и порой надорванными. Некоторые выглядели как новенькие. Да они и были новенькими — на них красовался вензель Александра Третьего, а на старых бумажках был росчерк его предшественника...

Гаврюша так и не решился пустить деньги в печку. Через несколько дней он со всеми предосторожностями потратил первый рубль — просто для проверки. Сошло. И с десяткой сошло. Через месяц Тихомиров исчез из Петербурга, оставив сестре короткую записку: «Мне надо по-новому осмыслить жизнь. Не ищи меня и не осуждай. Вечно твой брат».

Он уехал в Англию, чтобы выучиться на инженера. Но вместо этого стал изучать философию и историю искусств. Изучение архитектуры и живописи требовало постоянных разъездов по Европе, и Тихомиров не отказывал себе в этом удовольствии. Денег хватило на год. Еще год он провел в Париже, прибившись к группе соотечественников, таких же неудачливых студентов. Они часто посещали русский анархический кружок. Не столько из любви к анархизму, сколько из-за того, что там можно было бесплатно выпить чаю с сахаром и поесть хлеба. Однажды среди них появился прилично одетый господин, говоривший по-русски с заметным прибалтийским акцентом. Тихомиров узнал его сразу. И понял, что это узнавание было обоюдным. Торопливо уходя, он замешкался в дверях, и прибалтиец нагнал его на улице. Он взял Тихомирова под локоть. Гаврюша похолодел: вот она, смертушка! Вот когда ему придется расплатиться за тот чемодан...

Но прилично одетый господин сказал:

«Итак, вы остались на легальном положении. У вас надежный паспорт?»

«Да», — отвечал Гаврюша, не понимая, как может паспорт быть ненадежным. Тогда он еще не знал, как много разных паспортов ему придется предъявлять в будущем.

«Вы готовы завтра же отправиться в Женеву?»

«Разве что пешком». Самообладание быстро вернулось к Тихомирову, и он шутливо похлопал себя по карманам.

«Зачем же пешком! Мы снабдим вас по высшему разряду! Где вы изволили остановиться?»

Последние несколько ночей Тихомиров изволил останавливаться под мостами, благо, ночи стояли исключительно теплые. Он задумался над ответом. Но отвечать и не потребовалось. Видимо, осознав бестактность вопроса, прибалтиец продолжил:

«Впрочем, едемте сейчас ко мне в отель. Вас придется переодеть и вообще приготовить к поездке. В Женеве проведёте три дня, оттуда вас отправят в Турин. Затем Рим, Неаполь, Генуя, а оттуда вернетесь в Париж. Как вам такое турне? Вам ведь знакомы эти места? Вы говорите по-итальянски?»

«Немного».

«Я не сомневался. Художник не может не говорить по-итальянски. Ведь вы —

художник-с?»

«Отчасти».

«Удобное прикрытие, не находите ли? Любые перемещения вы можете объяснить поисками натуры для картины. А неосторожные высказывания всегда можно списать на эксцентричность характера. Богема-с! Да-да, Тихомиров, отныне вы — свободный художник. Для курьера и не найти более надежного прикрытия!»

Так он стал курьером. Сначала перевозил письма. Затем — деньги. Иногда передавал распоряжения какого-то «центра». Примерно через полгода стал участвовать в заседаниях разнообразных групп и кружков — русских, итальянских, французских, а однажды даже побывал среди мрачных турок. Заседания эти он посещал на правах гостя «с совещательным голосом». Выступлений от него не требовалось, его мнения никто не спрашивал, надо было всего лишь поприсутствовать и унести с собой протокол заседания. Однажды, случайно заглянув в такой протокол, Гаврюша с изумлением узнал, что он не просто курьер, а представитель центра, и даже больше того — уполномоченный представитель.

Прибалтиец же, Август Иванович, оказался адвокатом из Риги. Чуть позже он объяснил, что является таким же «уполномоченным представителем», как и Тихомиров. Деньги и инструкции, которые он передавал Гаврюше, приходили к нему от другого уполномоченного представителя. По крайней мере, таким было его объяснение. Обмолвился он об этом только однажды, причем ведь Гаврюша ничего и не спрашивал. Они вообще ничего не спрашивали друг у друга. Тихомирову нравилась эта молчаливая солидарность заговорщиков. Вот только против кого был тот заговор, он не знал. И знать не хотел. Потому что неосторожный вопрос может все разрушить, как неосторожное движение ночью заставляет спящего проснуться. А Гаврюша так боялся, что все это окажется прекрасным сном! Приличная одежда, обеды в недорогих, но приличных ресторанах, поездки в приличных вагонах, встречи с приличными людьми. В перевозке денег не было ничего противозаконного, а инструкции были зашифрованы и выглядели как обычные письма. Когда же где-нибудь гремел очередной взрыв, Гаврюша не испытывал никаких угрызений совести — ведь он не снабжал всех этих чехов, сербов, турок и итальянцев динамитом. Они сами его производили. Или покупали. Или похищали со складов.

И бомбы бросал не он. А отпетые мерзавцы вроде Захара Гурского.

Конечно, разве этот хладнокровный убийца способен понять всю прелесть парижских закатов?

Тихомиров, отъезжая от часовни, еще раз оглянулся на нее и перекрестился:

— С Богом, Захарушка. Скорей бы покончить с этой канителью.

— До суда еще два дня, чего мы так рано едем-то? — проворчал Гурский.

— Пока посмотримся, пока всё приготовим. Ты же знаешь, важное дело нельзя исполнить впопыхах.

— Тоже мне, важное дело! — Гурский презрительно скривился. — Поручили бы мне, коли такое важное. Я бы исполнил без сучка, без задоринки. А к этим босякам у меня доверия нет. Были бы немцы, или англичане — я б не сомневался. А эти...

— Ну, батенька, уж какие есть, — невесело рассмеялся Тихомиров, и они поскакали вниз по холму, оставив часовню за спиной.

3. Курсистка

У Натаниэля Паттерсона были две главные страсти в жизни — шахматы и история кавалерии. Коренной техасец, Гражданскую войну он прошел под знаменами Джеба Стюарта, легендарного предводителя конницы Юга. Тогда Паттерсону было не до шахмат, как, впрочем, и не до истории. Прошло почти тридцать лет, и теперь маршал мог с гордостью заявить, что в историю кавалерии он внес свой скромный вклад, не только как исследователь, но и как участник исторических событий. Что с того, что ему тогда не было и семнадцати? Что с того, что он участвовал во всех рейдах, управляя лишь кухонным

фургоном? Герои тоже нуждаются в пище, и гораздо сильнее, чем простые смертные. Зато после еды и доброго виски герои могут такое рассказать... Юный повар слушал их, затаив дыхание, но не теряя рассудительности. Об одном и том же боевом эпизоде он слышал несколько рассказов. Каждый рассказчик видел бой по-своему, и вносил что-то свое, и оставалось только исключить противоречия, чтобы получить точную и яркую картину.

Позже, когда война стала достоянием историков и литераторов, Паттерсон удивлялся, как сильно можно исказить самые простые события. Рейды Стюарта, нацеленные на разрушение коммуникаций противника, именовались «бандитскими налетами» и «грабительскими вылазками». А каждому рейду предшествовали тщательная разведка, анализ агентурных донесений и изучение местности — об этом нигде и не упоминалось.

— Знаешь, Пол, что я на днях прочитал? — сказал Паттерсон, передвигая ладью. — Кавалеристами Стюарта двигала не воинская дисциплина, а «бессильное отчаяние обреченных».

— Чему удивляться? — ответил Орлов, безжалостно снимая с доски черного слона, которого прозевал маршал. — Победа в войне достигается полным уничтожением противника. Обезоружить — не значит усмирить. Убить и закопать — не значит уничтожить. Уцелевших надо заставить служить новой власти. А убитых — вычеркнуть из книги, что зовется памятью. Залить черной краской целые страницы, если их не удастся выдрать. Это — обычная практика победителей. Если бы в той войне выиграли вы, мир бы сейчас почти ничего не знал про генерала Гранта и его команду.

— Грант — пьянчуга. Шерман³ — мясник. И все это знают, несмотря ни на какие их титулы, — сердито заявил маршал, глядя на белого коня, который занял клетку, откуда черный слон, ныне покойный, собирался провести разящую атаку.

— Как хорошо быть побежденным, — усмехнулся Орлов. — Легенды и песни слагают только о павших героях. И никогда — о победителях.

— Песни? Их поют лишь пьяные ковбои. По ночам, чтобы успокоить спящее стадо. Война давно забыта. Ее вспоминают только перед выборами. Чтобы лишний раз плюнуть на могилы.

Паттерсон отправил свою ладью в атаку на дерзкого коня.

— Неожиданный ход, — сказал Орлов. — Ты у нас мастер неожиданных ходов...

— А что, Пол, у тебя в России — такое же дерьмо? — спросил маршал, явно пытаясь отвлечь противника.

— Приблизительно. Разница лишь в том, что у нас трудно понять, кто победил, а кто проиграл. Мы воевали с турками, разбили их. А когда я вернулся домой, оказалось, что о нашей победе никто ничего не знает. Все оплакивали потери, ругали армию, обвиняли командование. В общем, всё выглядело так, будто турки нас разгромили, а не наоборот. А болгары и румыны, которых мы освобождали, тут же переметнулись к нашим злейшим врагам, к англичанам. Вот и гадай теперь, победили мы или ... — Орлов не заметил, что коню угрожает опасность, и сделал невинный ход пешкой. — Или проиграли.

Паттерсон быстро снял коня с доски и громко поставил ладью на освободившееся поле. Орлов же спокойно подвинул вперед ферзя и сказал:

— Мат. Еще партию?

Маршал оглядел позицию, надеясь на чудо. Но его королю некуда было деваться с той диагонали, на которой стоял белый ферзь.

— Пожалуй, нам пора в суд, — сказал Паттерсон, укладывая шахматы в дорожную сумку. — Я попросил судью не торопиться, и наше дело рассматривается последним. Но лучше подождать, чем опоздать. Посидим в коридоре. И начнем матч-реванш, как только сядем в поезд. Не возражаешь?

³ Улисс Грант — главнокомандующий армией северян, позже — президент США; Уильям Текумсе Шерман — генерал, чья армия разорила тылы южан, предопределив поражение Конфедерации.

Орлов не возражал — ему давно уже не терпелось выйти на улицу. Все лето он провел в поле, да и осенью уходил в рейды каждую неделю. После походной жизни любые потолки становятся слишком низкими, стены давят, и даже самое чистое оконное стекло кажется мутным. Да и к гражданской одежде трудно привыкать. В светлом костюме и легких башмаках Орлов чувствовал себя чуть ли не голым. Особенно странным было отсутствие привычной тяжести оружия. Конечно, он держал в скрытой поясной кобуре короткоствольный «смит-вессон», но почти не ощущал его веса после того арсенала, который приходилось таскать на себе во время полевых выходов.

Они дошли до здания суда за пять минут. Погрузили сумки в пролетку, которая должна была доставить их вместе с подконвойным к вокзалу. Покурили на крыльце. Вошли в коридор. И здесь Орлова ждало первое малоприятное открытие.

На двери зала судебных заседаний висел список рассматриваемых дел. И последним значилось «дело миссис Роджерс».

Орлов нагнал маршала, который спешил к дивану, и схватил за локоть:

— Нэт! Что за черт! Почему ты не сказал мне, что придется везти женщину?

— Потому что тогда ты бы мог отказаться, — с простодушной улыбкой ответил Паттерсон. — Все отказались, кого я просил.

— Ну, спасибо! Что она натворила такого, что ее должны сопровождать двое мужчин?

— Ее обвиняют в подделке подписи на банковских билетах.

— Всего-то?

Маршал уселся на диван и, сняв шляпу, пригладил седые вьющиеся волосы.

— Помнишь майское ограбление почтового поезда в Калифорнии? Там ребяташки хапнули двадцать тысяч долларов из банка Монтаны. Но бумажки были в пронумерованных пачках, к тому же без подписи председателя банка. В сентябре прошло предупреждение, что эти банкноты могут всплыть у нас в Техасе. Все клерки были настороже. И когда девушка попыталась обменять сотку на мелкие деньги, ее арестовали.

— Она ограбила поезд? Не верю.

— Я тоже не верю. И никто не верит. Она говорит, что работала проституткой на пароходе «Серебряная Стрела», каталась по Миссисипи, обслуживала пассажиров. А пассажиры бывают разные, сам понимаешь. Кто-то вполне мог расплатиться с ней бумажкой из ограбленного вагона.

— Отдать сто баксов проститутке? — усомнился Орлов.

— Ну, почему бы и нет? Я ее видел, и она стоит таких денег. В общем, все это весьма правдоподобно, но ничем не подтверждается. Хотя и не опровергается. Все-таки она могла быть связана с грабителями. Вот ее и мариновали тут целый месяц. Сегодня узнаем приговор. Правда, это ничего не изменит. Чем бы дело ни кончилось, мы все равно повезем ее в Сан-Антонио. Нам с тобой по дороге, вот почему я тебя и пригласил. Ну, что ты сверлишь меня глазами? Всё в порядке, Пол. Проедемся в хорошем вагоне, сыграем матч-реванш. А потом ты спокойно двинешь к себе в Севастополь, а я сдам красотку и отправлюсь домой.

Маршал снова улыбнулся. Орлов не мог долго злиться на Паттерсона. «В конце концов, — подумал он, — на его месте я бы, наверно, тоже пошел на военную хитрость».

— Сдашь? — спросил он, продолжая хмуриться. — Куда сдашь? В камеру хранения? Или в местный бордель?

— Нет. Дипломатам. Дело в том, что наша миссис Роджерс вовсе не миссис Роджерс. Предполагают, что она иностранка. Если сведения подтвердятся, девушку выдадут. На нее пришел запрос, и очень серьезный запрос. У себя дома она натворила дел похуже, чем подделка подписи. Так что тебе нечего стыдиться, Пол. Вполне возможно, мы с тобой сопровождаем не кого-нибудь, а террористку. Русскую террористку. Вот и прикинь, кого еще я мог позвать на такое дело?

— Да, — только и мог сказать Орлов, садясь рядом. — Ты мастер неожиданных ходов. Но это был не последний сюрприз на сегодня.

Когда их, наконец, пригласили в зал заседаний, Орлов долго не мог разглядеть лицо женщины, сидевшей на скамье подсудимых. Рядом с ней стоял адвокат. А зал был заполнен до отказа. Все места были заняты, и толпа теснилась в проходах. Орлов, продвигаясь вслед за маршалом, слышал обрывки разговоров. Мужчины отзывались о «миссис Роджерс» весьма и весьма лестно. Она держалась достойно, она была очаровательна, она ни в чем не виновата, и ее следовало немедленно выпустить, да еще заплатить компенсацию за причиненные неудобства. Дамы же возмущались наглостью этой безнравственной особы, которая не гнушалась обслуживать грабителей поездов, а теперь, получается, ни в чем не виновата.

Решение присяжных вызвало бурный восторг мужской половины зала. Миссис Роджерс была признана невиновной в подделке подписей и подлежала освобождению в зале суда. Однако...

Голос судьи потонул в аплодисментах. Адвокат и подсудимая пылко обнялись, торжествуя победу. Сквозь шум пробился голос «миссис Роджерс»:

— Ваша честь! А как же мои сто долларов, которые были у меня отняты при аресте? Я их честно заработала! Я же не знала, что там поддельная подпись! Если меня признали невиновной, могу ли я получить свои деньги обратно?

— Погодите, мэм, я еще не закончил! — повысил голос судья. — Тишина! Тишина в зале!

Публика быстро уgomонилась, почувствовав, что развязка дела может оказаться весьма интересной.

— Итак, в связи с вышеизложенным, согласно Конвенции 1887 года между правительствами Соединенных Штатов и России о взаимной выдаче преступников, передать подозреваемую представителям консульской службы на предмет установления личности и дальнейшей экстрадиции. Дело закончено. Господин маршал! — Судья отыскал взглядом Паттерсона, усмехнулся и кивнул: — Ваш ход, сэр.

В наступившей тишине маршал, позванивая наручниками, подошел к скамье подсудимых. Орлов двинулся за ним. И только сейчас смог увидеть лицо той женщины, которую ему предстояло сопровождать.

Она тоже увидела его, и ее щеки вспыхнули, и тут же покрылись мертвенной бледностью. Она отшатнулась, схватившись за адвоката.

— Ваши руки, мэм, — сочувственно попросил маршал. — Мне жаль, но таков порядок.

— Это противозаконно, — возразил адвокат. — До установления личности никто не имеет права лишать мою подзащитную свободы. Сначала потрудитесь предъявить обвинение! Миссис Роджерс только что признана невиновной, и я...

— Да, — сказал Паттерсон, защелкивая наручники. — Миссис Роджерс признана невиновной. Но российский суд хочет задать несколько вопросов женщине, которую зовут Вера Муравьева.

Маршал четко и медленно выговорил это имя. И лицо женщины снова покрылось красными пятнами.

— Это еще надо доказать! — воскликнул адвокат.

— Не надо, Генри, — тихо произнесла женщина, не сводя глаз с Орлова. — Они уже всё знают. Спасибо вам. Вы сделали всё, что могли. Жаль, в России у меня не будет такого адвоката.

* * *

Эта черта осталась у нее с детства — способность моментально краснеть и тут же становиться бледной, как привидение...

Троицкое, имение Орловых, находилось в семи верстах от села Высокого, где жили Муравьевы. И каждый летний день начинался для Павлуши Орлова с конной прогулки. Если в городском доме за ним присматривал англичанин Бартл, то здесь, «на воле», мальчишка находился под опекой казака Нестеренко. Тот на рассвете седлал двух кобыл, и Павлуша,

едва позавтракав молоком с горбушкой, уже взлетал в седло и трусил следом за Нестеренко через влажные луга к Высокому. Так уж было заведено — все соседи сплавляли своих детишек к Муравьевым.

Усадьба Муравьевых не отличалась чистотой и порядком. Коровы, гуси и куры свободно разгуливали по двору, а за особняком много лет достраивалось огромное хранилище для редкостей, которые князь привозил из путешествий. Соответственно, повсюду можно было запачкаться известью или наткнуться босой ногой на осколок кирпича, а то и на гвоздь. Но дети любили эту усадьбу из-за ее огромного фруктового сада. Там, в глубине под деревьями, была старая заброшенная сторожка, которая служила ребятам то разбойничьей пещерой, то вигвамом индейцев, то неприступной крепостью. А еще сторожка была наилучшим местом для того, чтобы рассказывать страшные истории. Их обычно начинала старшая сестра, Катя Муравьева. Нагнав страху, она умолкала, передавая слово Саше Раевскому. А тот доводил атмосферу ужаса до предела, и в критический момент вдруг испуганно вскрикивал — и все малыши россыпью бросались вон из кошмарного места. В малышах числились Вера Муравьева, Лиза Оболенская, Николенька Ростовцев и еще кто-то...

Сейчас Орлов, естественно, не мог вспомнить всех, с кем прошли его милые детские годы. Но Вера... Ее он вспомнил сразу и узнал моментально, хотя они не виделись, наверно, лет пятнадцать. Или меньше? Их последняя встреча была мимолетной. На каком-то балу в Москве. Их свела мазурка, и Вера спросила, еле слышно, глядя в сторону: «Правду ли говорят, что вы помолвлены с Башкирцевой?»

Да, это было за год до его свадьбы. Потом он не раз встречался — и в свете, и по службе — с ее отцом, генералом Муравьевым. Тот преподавал топографию в академии Генерального штаба, где учился Орлов, затем их пути не раз пересекались. Орлов знал, что, едва Вере исполнилось шестнадцать, отец стал брать ее с собой во все экспедиции. Знал он и то, что Сергей Муравьев, старший брат Веры и Кати, был замешан в каком-то политическом деле. Однако подробности до него не дошли, да он ими и не интересовался.

И вот она стоит перед ним. И с ненавистью смотрит ему в глаза. Проститутка с парохода. Государственная преступница. Террористка. Она вернется в Россию в кандалах, словно убийца.

Орлов поднес ее вещи к пролетке — объемистый саквояж, тяжелый кожаный баул и шляпную коробку — и погрузил в багажный ящик. Когда маршал подвел Веру, Орлов подал ей руку. Но она ее не заметила. И, неловко схватившись скованными руками за поручень, взошла в коляску сама.

До самой станции пролетку сопровождала толпа зевак. Вспыхивал магний фотографических камер. Вера обворожительно улыбалась и, позванивая наручниками, посылала публике воздушные поцелуи, словно оперная дива.

Войдя в свое купе, она устало опустилась на диван и обратилась к маршалу:

— Опустите штору на окне. Я устала от людей. Не хочу никого видеть.

— Вам придется потерпеть наше общество, — сказал Паттерсон, снимая с нее «браслеты». — Пока вы не ляжете спать, один из нас будет постоянно находиться рядом. А на ночь, вы уж извините, я вас пристегну к месту, таков порядок.

— Я знаю порядок, сэр. Не стану мешать вам исполнять свой долг. Кроме того, вы так похожи на моего отца, что рядом с вами я чувствую себя как дома. Всё чудесно, сэр. У вас, наверно, замечательная семья. Много детей, любящая жена. У вас такие добрые глаза. Вы похожи на человека, которого постоянно окружают любящие люди. И это несмотря на все трудности вашей работы!

Она улыбалась маршалу и словно не замечала Орлова. Паттерсон немного смутился и сказал:

— Мне не положено с вами разговаривать.

— А вы и не разговаривайте. Говорить буду я. Для нас, женщин, самая страшная пытка — это молчание. А в камере я могла поговорить только со следователями или с адвокатом.

Меня держали в одиночной камере, представляете?

— Пойду, узнаю, когда отправляется поезд, — сказал Паттерсон.

Но Орлов его опередил и первым вышел из купе:

— Я сам узнаю.

Чтобы улизнуть хотя бы на время, пришлось воспользоваться столь глупым предлогом. Оба они знали, что до отправления поезда оставалось еще двенадцать минут. Но оба вдруг почувствовали себя презренными тюремщиками, едва ли не палачами. И чувство это было настолько острым, что оба готовы были всё бросить и бежать отсюда.

* * *

Их вагон был первым в составе. С виду обычный пульман, внутри он разделялся на несколько купе и зарешеченных секций. В таких вагонах возили особо ценные грузы и особо опасных преступников.

В одном из купе уже расположились почтальоны, сопровождавшие несколько тяжелых мешков, сложенных рядом в секции. Их соседями были двое молчаливых курьеров. Орлов прошел по вагону, перебрался парой слов с проводником и узнал, что отправление задерживается. Что-то случилось с машинистом, и сейчас ищут сменщика, который, как назло, куда-то запропастился.

Орлов вернулся к себе. Через открытую дверь доносился голос Веры, которая продолжала свой монолог за стенкой. У нее было отлично поставленное южное произношение, как у какой-нибудь молодой аристократки из Луизианы. Она и выглядела, как истинная южанка — темноволосая, кареглазая, с тонким чуть вздернутым носиком и высокими скулами. «Неудивительно, что ей так легко удалось выдать себя за пароходную проститутку, — подумал Орлов. — За дорогую проститутку. По Миссисипи только такие и катаются, наследницы плантаторов. Интересно, откуда все-таки у нее эти деньги?»

История с банковским билетом действительно была ему гораздо более интересна, чем ответ на вопрос — а как вообще оказалась на юге Техаса русская княжна? Князь Муравьев объездил весь свет, а Америку исходил вдоль и поперек, и Вера всегда была с отцом. Так почему же ей тут снова не оказаться? Это не удивительно. Удивительного вообще не так много в жизни. Даже то, что поначалу кажется странным, на поверку оказывается чем-то таким, что уже встречалось не раз. И не оставляет после себя ничего, кроме разочарования.

В купе заглянул Паттерсон:

— Ты здесь? Смени меня. Мне надо переговорить с начальником поезда.

— Ага, не вытерпел, — усмехнулся Орлов.

— Посмотрим, долго ли ты продержишься.

— За меня не волнуйся. Я знаю секретное слово. Как только его скажу, любая болтушка теряет дар речи.

— Посмотрим, посмотрим.

Маршал Паттерсон заторопился к выходу, однако остановился на полпути и изумленно оглянулся: в купе, где только что щебетала без умолку их разговорчивая попутчица, вдруг установилась гробовая тишина.

Орлов сидел рядом с Верой, уставившись в стенку перед собой. На стенке было небольшое зеркало, и, если скосить глаза, в нем можно было увидеть лицо соседки. Ему стоило больших трудов не глядеть в это зеркало, и не поворачиваться к ней. Он даже отвернулся для того, чтобы не вдыхать запах ее духов.

Он услышал голос Паттерсона за окном. Маршал, выйдя из вагона, разговаривал с кем-то на перроне.

— Судя по всему, мы еще не скоро тронемся, — негромко произнес Орлов.

Обычная фраза. Из тех, какими принято обмениваться с попутчиками. Но Вера выпрямилась, гордо вскинув голову. В зеркале было видно, что ее глаза пылают гневом.

— Но это не страшно, — продолжал он. — Главное, перевалить через горы, а дальше

будет ровное пространство, поезда там разгоняются, так что наверстаем.

Он говорил по-русски. Она же перебила его по-французски:

— Не тратьте время попусту, сударь. Я не разговариваю с жандармами.

— Я не жандарм.

— С филерами и провокаторами я тоже не разговариваю.

— Но...

— И будьте любезны соблюдать установленный порядок, сударь. Вам запрещены разговоры с преступниками, не так ли?

Скрестив руки на груди, она откинулась на спинку дивана и закрыла глаза.

— Я хотел спросить, как здоровье вашего батюшки.

Ее лицо осталось каменным. Орлов разозлился и вышел из купе. «Ничего, ничего, — подумал он. — До Сан-Антонио путь неблизкий, еще наговоримся».

4. Пульман. Проверка на прочность

Поезд покинул станцию на закате, с опозданием на два часа, и тащился еле-еле, кренясь на многочисленных извивах пути. Темнота сгустилась быстро. Едва в вагоне зажглись лампы, Паттерсон пожелал даме спокойной ночи и запер дверь.

Увидев на его поясе наручники, Орлов спросил:

— Ты не боишься нарушать установленный порядок?

— Хочешь знать, почему я не пристегнул ее? Она не убийца. На окнах решетка, дверь на замке. Не убежит. — Паттерсон расставил фигуры на доске. — Что скажешь? Я не прав?

— Тебе виднее.

— Я читал запрос на нее. Ей вменяют покушение на государственных чиновников. И много чего еще. Но убийства в этом списке не было. Она не убийца.

Орлов сдвинул свою пешку, маршал — свою, Орлов вывел вперед коня, маршал — слона.

— Как насчет пива? — спросил Паттерсон.

— Я пас. Не пью в дороге.

— Я тоже. Тем более, когда сопровождаю государственного преступника. Ты поговорил с ней?

— Нет, — сказал Орлов.

— Неужели даже словечком не перекинулся? Если бы я где-нибудь в России встретил девчонку из Техаса...

— Ты теряешь ладью, — Орлов поводит пальцем над доской, указывая маршалу на оплошность.

— Черт с ней. Нет, ты скажи мне, как же так? Она, наверно, была бы рада узнать, что с ней едет земляк.

— Скоро она увидит много земляков, — сказал Орлов. — И проведет среди них остаток своих дней. Государственные преступники обычно не возвращаются с каторги.

— В России женщину могут отправить на каторгу?

— Почему нет? — Орлов крутил в пальцах пешку, задумчиво глядя на доску. — Я вот только одного не понимаю — как ее нашли? Ладно бы в Нью-Йорке, там среди эмигрантов хватает полицейских осведомителей. Но у нас, в Техасе? Не понимаю.

— Да очень просто. Уж больно приметная дамочка. Все газеты печатали ее портреты. Судья говорит, что уже через неделю после ареста заявили к нему двое из сыскаго агентства, показали карточку. Не газетный снимок, а судебный. Девушка уже побывала в русской тюрьме. Ее выпустили. Она бежала за границу.

— Что за агентство?

— Не знаю. Судья с ними раньше не сталкивался. Они разыскивают беглых преступников по заказам иностранных дипломатов. На девушку поступил заказ, они только-только начали раскидывать свою сеть, как вдруг она попала на банкнотах. Эх, глупышка...

Думала, что здесь сможет затеряться. Не вышло. И почему она не спряталась в Аргентине или хотя бы в Колумбии?

— Потому что испанского не знает. А Техас для нее как дом родной.

Паттерсон вздохнул.

— Вот тебе и дом. Значит, каторга? Несладко ей придется. Наша тюрьма покажется раем.

— Почему ее не выдали сразу?

— Как же можно выдать из-под следствия? Если бы присяжные ее не оправдали, она бы мотала срок у нас. И выдали бы ее только после освобождения. Черт! Если б адвокат знал, чем все кончится, он бы так не старался...

Они снова замолчали, постепенно втягиваясь в бой между черными и белыми деревянными фигурами, и стараясь не думать о женщине, что осталась за стеной.

Ночью поезд остановился у водокачки. Орлов не спал. Он глянул в окно, пытаясь определить, как далеко они отъехали. По черноте, окружавшей поезд, он понял, что вокруг теснятся горы. Значит, локомотив еще долго не сможет разогнаться. «Опоздаем, — подумал он. — Хотя — куда нам спешить?»

Стоянка затягивалась, и он задремал, убаюканный тишиной. Его разбудило смутное ощущение тревоги. Поезд уже снова двигался, но как-то необычно. Колеса стучали чаще, скорость заметно выросла. Вагон трясло и болтало так, что шахматы в деревянной коробке выбивали мелкую дробь.

Орлов встал и выглянул в коридор. Там он увидел одного из курьеров. Тот стоял, прижавшись лицом к стеклу, и пытался что-то разглядеть за окном. Второй курьер показался из тамбура.

— Нас... Нас отцепили, — дрогнувшим голосом сообщил он. — На площадке кто-то стоит. Пытается войти. Я подпер дверь, но...

— Вот подонки, — сказал его пожилой напарник, оторвавшись от окна. — Значит, паровоз захвачен. Сейчас отгонят подальше и начнут трясти. Обычное дело.

— Что будем делать?

— Запремся и будем ждать рассвета. В пульман им не войти. Ну, стекла побьют, и что? — Он глянул на Орлова. — Хорошо, что с нами едет маршал. Если он с ними поговорит, они могут и отступить. Бандиты не любят связываться с властью.

Курьер, седой крепыш с обветренным лицом, говорил спокойно, с ленцой, как о чем-то вполне заурядном. Однако руку держал на поясе, и пальцы нервно барабанили по кобуре.

— Я знаю эту линию, — сказал Орлов. — Здесь много заброшенных веток. Могут оттащить нас к какому-нибудь старому прииску или разрушенному форту. Тогда у них будет много времени, чтобы вскрыть вагон.

— Чего гадать? — Курьер пожал плечами. — Что будет, то и будет. Запасемся водой и разложим патроны под руку. Нас скоро начнут искать. И найдут. У этих подонков — никаких шансов. Я знаю, что говорю. Не первый год на службе. В Вайоминге, в Монтане, в Колорадо, где меня только ни пытались ограбить. И никому это не удалось. А местная шваль — она способна только воровать коз у мексиканцев. Пульман им не по зубам.

Из купе выглянул Паттерсон.

— Вагон отцепили от поезда, — сказал он.

— Это уже не новость, — сказал ему Орлов.

— Да? — Маршал зевнул. — Тогда я, пожалуй, еще посплю. Пока нет других новостей.

Откатилась дверь купе, в котором ехали почтальоны. Без лишних слов они отомкнули замок решетчатой секции и принялись перебрасывать мешки к себе.

— Чтоб не загорелось, — сказал один из них.

Орлов оглянулся:

— Все на месте. Но где проводник?

— Смылся, — сказал пожилой курьер. — Видать, сошел на водокачке, и не вернулся. Плохо, что у него ключи. Он мог их отдать. Так что двери надо укрепить.

Вагон болтало все сильнее, дорога шла под уклон, и всем стало ясно, что паровоз перевели на какой-то старый путь. Где он остановится? Когда? Это не имело значения. Они действовали быстро и слаженно, будто всю жизнь только тем и занимались, что готовили пульмановский вагон к осаде. Откидными диванами заслонили оконные проемы, чтобы укрыться от пуль. Сняв двери свободных купе, перегородили ими оба входных тамбура. Воду, что была в вагонном баке, разлили во всю имеющуюся посуду. Для этого пришлось вылить из бутылок пиво. Виски не тронули — может пригодиться для обработки ран. Для этой же потребности разодрали на бинты пару чистых простыней. И каждый мысленно помолился, чтобы они не понадобились.

Орлов, постучав, заглянул к Вере. Она гневно сверкнула глазами из-под одеяла:

— Извольте выйти вон!

«Ага, уже по-русски! — отметил он. — Добрый знак».

Не отвечая, он присел на соседний диван, откручивая его спинку от стены. Приставил ее к окну и прихватил ремнем к оконной решетке.

— Если услышите выстрелы, сядьте на пол, — сказал он. — И оставайтесь на месте, не суетитесь.

— Выстрелы? — Вера откинула одеяло и села, торопливо натягивая туфли. Она была одета, и все пуговицы на ее платье были застегнуты. — С чего бы вдруг мне могут послышаться выстрелы?

— Могут и не послышаться. Но лучше быть готовым к худшему.

— Выстрелы — это не самое худшее, — сказала она.

Он еще раз оглядел купе и снял с багажной полки сложенные одеяла и шляпную коробку, потому что они могли загореться.

— Вы уже не считаете меня провокатором? — спросил он.

— Почему вы так решили?

— Разговариваете со мной.

— Провокаторы — тоже люди. Они совершили ошибку, встав на сторону врага. Но ошибку можно исправить.

— Вера Николаевна, за что вы меня так? Вы же ничего обо мне не знаете.

— Может быть, я чего-то и не знаю. Но мне достаточно того, что я вижу. Однако оставим дискуссию. Лучше извольте объяснить, что происходит.

— Происходит ограбление поезда.

— Понятно, — сказала она и посмотрелась в зеркало. — Выйдите, Павел Григорьевич. Мне надо причесаться.

* * *

Паровоз остановился так резко, что Орлов едва удержался на ногах. По крыше вагона загрохотали шаги, и молодой курьер вскинул револьвер к потолку. Паттерсон схватил его за руку:

— И не думай!

— Я бы засадил ему между ног!

— Железную крышу ты не пробьешь, а новых патронов нам никто не подвезет. Терпение, мой юный друг, терпение!

На крыше возились несколько человек. Громыхало железо, прогибаясь под ногами, что-то скрежетало...

— Вентиляция, — догадался Орлов. — Они срезают вытяжные колпаки. Неужели хотят залезть через них?

— Встретим, — сказал пожилой курьер и тоже достал револьвер.

Снаружи послышались голоса и конский топот.

— Большая компания, — почему-то шепотом произнес маршал. — С ними придется долго возиться. Когда их много, они смелые.

Камень со звоном ударился об окно и отскочил. Орлов только успел порадоваться тому, какие крепкие стекла стали делать на заводах Пульмана, как загревели выстрелы. Стекло раскололось. Спинка дивана, прикрывающая окно, затряслась под ударами, ошетибилась щепками, но ни одна пуля не залетела в проход. Из разбитого окна потянуло холодным воздухом, в вагоне запахло пороховым дымом, смешанным с паровозной гарью.

— Эй, пассажиры! — раздался насмешливый молодой голос. — Поезд дальше не пойдет. Вылезайте! Приехали!

Паттерсон приблизился к окну:

— Эй, парни! Меня зовут Натаниэль Паттерсон. Я федеральный маршал. Вы знаете, что дают в суде за покушение на жизнь маршала? Виселица, и без разговоров!

— Не станем доводить дело до суда, — ответил ему другой голос, более солидный. — Маршал, добрый вечер! Меня зовут Мэтью Стиллер. Ты, должно быть, слышал о взорванных вагонах в Вайоминге и Калифорнии. Это — моя работа. Сегодня я сделаю то же самое в Техасе. Понимаешь, к чему я клоню?

— Понимаю, — с досадой ответил маршал. — Только ничего у тебя в этот раз не выйдет.

— Посмотрим.

Орлов подкрался к задней двери, прислушиваясь к тому, как за ней, на площадке, кто-то лязгает отмычкой, пытаясь вскрыть замок. Ему очень хотелось выстрелить в бандита через тонкую жёсть двери. Но время для стрельбы еще не настало.

Он услышал, что на площадку забрался еще кто-то, и уже двое принялись поддевать и раскачивать дверь.

«Откройте, откройте ее скорее, — думал он, наведя ствол револьвера на все расширяющуюся щель. — Откройте, вас ждет сюрприз тридцать второго калибра».

Но дверь так и не поддавалась. Бандиты негромко переругивались.

— Заложить бы сюда! — сказал один.

— Здесь без толку. Лучше бы еще добавить на крышу, — ответил второй.

Вдруг дверь перестала дергаться, и Орлов услышал, как эти двое спрыгнули на гальку насыпи.

— Эй, маршал! — снова раздался голос главаря. — Я мог бы и не болтать с тобой. Ты мне не нужен, и ключи мне не нужны. Я просто предлагаю тебе жизнь, а ты отказываешься. Вылезай и уходи!

— С чего бы мне вылезать? У меня билет до Сан-Антонио!

— Тебе весело? Скоро станет еще веселей. В Вайоминге у меня было только шесть зарядов динамита, и я вынес из поезда только один сейф. В Калифорнии у меня был ящик динамита, и я смог обчистить весь почтовый вагон. Сегодня у меня два ящика. Как думаешь, сколько добычи я унесу сегодня?

— Тебе повезет, если ты унесешь ноги, — крикнул в ответ Паттерсон.

«Заложить бы сюда? Добавить на крышу? — мысленно повторил Орлов то, что удалось подслушать. — Они говорили о динамите? Если заложить заряд в вентиляцию, взрыв может сорвать крышу. А если заряд мощный, то и весь вагон разойдется по швам, как консервная банка. Но даже если там всего один патрон, нам все равно не поздоровится».

Убедившись, что атаки со стороны тамбура не будет, Орлов отступил к маршалу.

— Нэт, есть одна идея. Постарайся потянуть время. Торгуйся с ними. Задержи их. Обещай все, что угодно. Мне нужно время.

Паттерсон кивнул и снова придвинулся к окну:

— Эй, Мэтью! Не знаю, кто тебе дал наводку, но больше не имей с ним дела! Вагон-то пустой! Я везу арестанта, в почте — одни бумажки, вагон пустой, тебе говорю!

— Вот открою, тогда и посмотрим!

— Не трать время! Скоро тут будут наши ребята, и тебе не уйти!

— Не волнуйся, маршал! Твои ребята крепко спят! А что насчет почтовых бумажек, так они мне и не нужны. Вы можете даже забрать их с собой, когда уйдете. Я последний раз

предлагаю! Уходите! Мне нужен только сейф!

— Сейф? Какой сейф? — Паттерсон оглянулся на курьеров, те отрицательно помотали головами: сейф был пуст. Но Орлов подмигнул ему, и маршал продолжил: — Тот, что стоит в бронированном отсеке? Так тебе до него не добраться!

Стиллер ответил ему, но Орлов уже не вслушивался в их спор. Найдя в хозяйственном закутке стремянку, он поднялся по ней к вентиляционной решетке. Ножом отодрал ее и осторожно просунул руку вверх. Почти сразу его пальцы наткнулись на липкие картонные цилиндры. Два динамитных патрона свисали сверху.

— ... Зачем тебе брать на себя лишние статьи? — продолжал свои переговоры маршал. — Мы можем договориться! Если ты дашь гарантии, мы уйдем и оставим тебе ключи от сейфа. Но ведь мы можем и сломать эти ключи!

— Обойдусь без ключей! Можешь забрать их с собой! Давай, маршал, открывай двери и уходи! Путь свободен!

— Э, нет, я должен убедиться!

«Стиллер так уверен в успехе, потому что у него и в самом деле много динамита? — думал Орлов, закатывая рукава сорочки. — Или он блефует? В любом случае сейчас его запас взрывчатки станет меньше».

Он снова запустил обе руки в отверстие в потолке и закрыл глаза, чтобы сосредоточиться. Крики, пыхтение паровоза — все эти звуки постепенно отступили, угасли, и только гулкие удары сердца продолжали отдаваться в голове и в кончиках пальцев. Он успокоил дыхание и нащупал место соединения шнура, патрона и детонатора. Это были патроны нового образца, с гнездом для взрывателя. Очень удобно. Раньше детонатор надо было привязывать, а сейчас можно просто воткнуть. Да вот беда — можно ли его так же просто вынуть из гнезда? Капсюль — штука капризная. А если сработает? Орлов замер на стремянке, и только его рука с ножом медленно пробиралась все выше. Сейчас он мог рассчитывать только на остроту своего ножа. Лезвие должно перерезать бикфордов шнур без нажима, без рывков, нежно и ласково...

Патроны мягко легли ему в ладонь, как срезанный плод. Он отдышался и спустился по шаткой стремянке. Закатанным рукавом вытер взмокший лоб.

— Это не всё, — сказал курьер, принимая у него динамит. — Они возились еще вон там.

— Знаю. Снимем все, что они приготовили. — Орлов переставил стремянку и тщательно протер лезвие ножа. — Не держите их в руках. Говорят, у нас есть сейф?

Маршал охрип, препираясь с несговорчивым бандитом, однако так ни о чем и не договорился. Он облегченно вздохнул, когда Орлов показал ему скрещенные руки: «конец».

— Эй, Мэтью, слушай мое последнее слово! — закричал Паттерсон. — Ты оставляешь у вагона десять оседланных лошадей! И отводишь своих ребят подальше! Мы уходим! Ключи найдешь возле сейфа! И у тебя будет несколько часов, чтобы добраться до реки! Уходи в Мексику, потому что в Техасе тебе теперь жизни не будет!

— Заманчивое предложение, — ответил главарь. — Но я не могу принять столь щедрый подарок. Мой тебе совет, маршал: прикрой уши, потому что мой ответ будет очень громким. Очень, очень громким! Поджигай!

«Они разбегаются, — понял Орлов, услышав торопливые шаги вокруг вагона. — На крыше никого нет, значит, шнур спущен до земли. Будет гореть долго».

В наступившей тишине тяжело дышал паровоз, стравливая пар. Орлов жестом поманил за собой маршала:

— Нэт, прикрой!

Он освободил проход к переднему тамбуру и, выждав немного, открыл дверь. Никого. С ножом в зубах перебрался в тендер и спрыгнул на угольную гору. И здесь чисто. Прокрался к будке машиниста. Никого не было и здесь. Все разбежались в ожидании мощного взрыва. «Слава Богу», — подумал он, пряча клинок в ножны.

Кинул взгляд на манометр. «Давления пара хватит, чтобы тронуться. А потом кого-

нибудь приставим к топке. Молоденького курьера, вот кого. Судя по всему, стрелок из него никудышный, вот и пусть лопатой поработает». Он перевел рычаг на задний ход и отпустил тормоза. Паровоз вздрогнул и со скрежетом подался назад.

Снаружи раздались крики и свист. Орлов выстрелил по двум теням, которые метнулись к паровозу. Через мгновение темноту рассекли вспышки выстрелов, по будке забарабанили пули. Но паровоз уже катился назад, еле заметно набирая ход. Что-то скрежетало по рельсам, и вдруг замолкло — наверно, колеса справились с какой-то преградой.

— Всё, — сказал Орлов, — поехали.

Он уловил какое-то движение рядом с паровозом и выстрелил через окно. Бил наугад, но попал — раздался вопль.

Пуля влетела в будку и звонко ударила по стене. Орлов присел и выставил руку над собой, направив револьвер в окно. Выстрелил пару раз и принялся перезаряжаться.

— Это я, не стреляй! — крикнул Паттерсон, скатываясь к нему по куче угля. — Привел кочегара!

Орлов увидел за ним молодого курьера и, бесцеремонно отобрав у парня кольт, подтолкнул к топке:

— Не высовывайся, они будут стрелять по будке! Но мы ихотрежем! Ну-ка, дай жару!

В облаках пара мелькнул еще один силуэт, и маршал выстрелил первым.

— Я одного боюсь! — крикнул он. — Если у него два ящика! Рельсы снесет!

— Не подпускай их к рельсам! Иди в вагон, я тут справлюсь!

Паттерсон, пригнувшись, отправился в обратный путь. Орлов двинулся следом. Забравшись повыше, он стал стрелять через борт тендера по тем, кто приближался к паровозу. Сектор обстрела здесь был просто идеальный — почти круговой. Стальные стены надежно защищали его от пуль, к тому же противник вел огонь не по тендеру, а по будке.

Локомотив пыхтел все чаще и чаще, и заметно разгонялся. Из вагона тоже началась пальба по бандитам, которые метались вокруг, среди вспышек выстрелов и дыма. Но вот они все разом куда-то пропали, и до Орлова донесся перестук копыт. «Уходят? Будут взрывать путь где-то впереди!»

— Давай, давай, больше жару! — крикнул он парню у топки, а сам заторопился в вагон.

В проходе слоями висел пороховой дым. Почтальоны стояли у разбитых окон с винчестерами, в дальнем конце, у тамбура сквозь дым виднелся синий сюртук Паттерсона. Орлов схватил почтальона за плечо:

— Давай вперед! Бейте вдоль рельсов! Под пулями они побоятся закладывать динамит!

— Все равно не успеть.

— Успеем!

Маршал уступил место почтальону и присел на откидной табурет в проходе, загоня патроны в барабан кольта.

— Слушай, Пол, ты ведь знаешь эти места, так?

— Немного.

— Забирай дамочку. И дуй с ней в Сан-Антонио своим ходом.

— Пешком? Мы так не договаривались. Ты же обещал мне первый класс. Кормежку. Матч-реванш.

— Шутки в сторону. Забирай дамочку. Нечего ей тут делать. Пока они будут с нами возиться, ты выйдешь на дорогу. Если я приеду в Сан-Антонио раньше тебя, буду ждать в суде. Если ты первый — меня не жди, сдай ее по ордеру. — Маршал встал, с треском прокрутив барабан. Затем достал из-за пазухи сложенную бумажку и снял с пояса наручники. — Вот ордер. И возьми «браслеты», они иногда заменяют напарника. Всё, не трать время, а то разгонимся так, что она побоится спрыгнуть. Двигай, Пол.

Вера сидела на полу в своем купе, обхватив голову руками.

— Уходим, — Орлов подал ей руку и рывком поднял на ноги.

— Куда?

— Быстрее!

— Мои вещи!

Он выдернул ее за собой и чуть ли не поволок по проходу.

— Пол! Воду не забудь! — крикнул вдогонку Паттерсон.

Орлов вывалил все из своей сумки и сложил в нее две фляги с водой, несколько пачек патронов и сверток с лепешками, которые он купил перед отправлением. Он еще успел сдернуть с верхних полок два сложенных одеяла и бросил их Вере:

— Не потеряй! За мной!

Открыв вагонную дверь, он встал на подножке, вглядываясь вперед. За спиной пыхтел паровоз, выбрасывая снопы искр в ночное небо. Ветер бил в лицо, и Орлов подумал, что Вера может испугаться и не спрыгнуть. Он повернулся к ней.

— Иди сюда.

— Куда?

— Ко мне!

Она осторожно шагнула к нему, и он обхватил ее за талию. Крепко прижал к себе и приподнял, словно борец, пытающийся бросить противника через бедро. Вера возмущенно ахнула и замахнулась, чтобы ударить его. Но он уже оттолкнулся от подножки и полетел спиной вперед.

Щебенка заскрежетала под ногами. Он бежал с Верой на руках, ожидая, что вот-вот упадет. Он перебирал ногами так быстро, как только мог, но не мог угнаться за собственным телом, которое тянулось вперед и вниз. Струя пара нагнала его и ударила по ногам, и черная туша локомотива пронеслась в опасной близости. Орлов, теряя равновесие, смог развернуться. Упал на спину, и заскользил вниз по насыпи, и Вера обнимала его, и вскрикивала, а они все скользили куда-то, перевернулись пару раз, и вдруг какая-то сила разорвала их объятие, и они остались лежать в нескольких шагах друг от друга.

5. Изменения в маршруте

Наконец-то у него появилось время подумать. Несколько секунд он лежал, стараясь отдышаться. Потом сел и ощупал ноги. Брюки порвались на коленях, и пальцы нащупали кровь, но это были всего лишь ссадины. Он осторожно встал и огляделся. Шум паровоза доносился глухо, и его огней не было видно. «Значит, он завернул куда-то между скалами», — подумал Орлов.

Маршал все решил быстро, но быстрые решения не всегда самые лучшие. Может быть, стоило все же остаться в вагоне? Ведь во время боя каждый человек на вес золота. Может быть, вшестером им было бы легче отбиваться, чем впятером?

Может быть, может быть. Хотя... Слишком многое зависит от противника. Если в банде человек двадцать, то между пятеркой и шестеркой нет разницы. А в банде, возможно, и больше, чем два десятка. И это была не простая банда. Организовать перехват поезда, захватить локомотив — рядовая шайка не пойдет на такое дело. И то, как они уверенно обращаются с динамитом, выдавало в них опытных людей. А опытные люди постараются избежать лишнего риска. Значит, они создадут численный перевес. Может, костяк банды состоит из трех-четырех преступников. А на крупное дело они набирают друзей с разных концов штата. Потом все рассыпаются в разные стороны. Полиция будет искать крупную банду, и никого не найдет. Да, так они обычно и поступают. Значит, маршал был прав. И если бы Вера осталась в вагоне...

Вера застонала, и он присел рядом с ней.

— Ты как?

— Это безумие... Если ты хотел меня убить, нашел бы более гуманный способ.

— Идти сможешь?

— А если нет?

— Понесу на руках.

— До самого консульства? Или сразу до Шлиссельбурга⁴?

В темноте он не мог разглядеть выражения ее лица, но по голосу понял, что Вера едва удерживается, чтобы снова не застонать от боли.

— Ушиблась? Ногу подвернула?

— Оставьте меня в покое, Павел Григорьевич. И отвернитесь, мне надо оправить платье.

— Тут темно, — сказал он, однако все же встал и повернулся к ней спиной, чувствуя себя последним идиотом.

Вера шуршала платьем, и он отошел дальше, чтобы не смущать ее. Поднявшись по насыпи, он замер — где-то рядом цокали копыта.

«Кто-то отстал от шайки? Почему же не торопится догнать?»

Едва не прижимаясь к рельсам, он перебрался на другую сторону насыпи и затаился там. Лошадь приближалась. Ход ее был неровным, словно кто-то то и дело придерживал ее, а затем снова отпускал.

«Он осматривает насыпь? Неужели они додумались, что кто-то мог спрыгнуть с поезда? Могли заметить?»

Орлов терялся в догадках. Он крался наперерез лошади скорее из любопытства, чем по необходимости. Впрочем, и охотничий азарт им двигал, и злость, да и лошадкой обзавестись было бы неплохо. Он не любил стрелять в темноте, но сейчас не было выбора. Следовало максимально сократить дистанцию, чтобы бить наверняка. Всадника можно будет разглядеть на фоне светлеющего неба...

И только он это подумал, как отчетливо разглядел лошадь. Лошадь без всадника. Ему понадобилось еще мгновение, чтобы понять — хозяин лошади волочится за ней по земле, застряв ногой в стремени.

Уже не таясь, он побежал за испугавшейся лошастью и схватил ее под уздцы. Когда он попытался высвободить стремя, человек жалобно вскрикнул.

«Живой, — подумал Орлов. — Плохо».

Осторожно, чтобы не вызвать новых криков, он вывернул застрявшую ступню и бегло осмотрел раненого. Вывихнутая нога и простреленное бедро — от этого не умирают. Во всяком случае, не так быстро, как требовала обстановка.

Он уже вынул нож, но заметил, что на бандите хороший меховой жилет. Ночью в горах холодно. Жилет пригодится Вере, поэтому не надо пачкать его кровью. Орлов перевернул раненого, вытряхнув его из жилета, и только потом перерезал ему горло.

Лошадь захрипела и задергала головой, почуяв запах крови. Орлов быстро повел ее прочь, к насыпи, на ходу ощупывая седло. Пара увесистых сумок, винчестер в седельной кобуре, тяжелая плоская фляга — таким трофеям можно было порадоваться. И он бы радовался, если б не покойник, оставшийся за спиной.

Наверно, его можно было и не убивать. Но капитан Орлов не оставлял подранков. После боя можно проявить милосердие и перевязать раненых врагов. Но это — после боя. А бой капитана Орлова еще только начинался.

Громовой раскат прокатился в ночи, отражаясь от скал. «Взорвали, — подумал Орлов. — Неужели пустили под откос? Держись, Нэт, держись».

Как бы он хотел сейчас оказаться рядом с маршалом! Паттерсон был единственным человеком в Техасе, кого Орлов мог бы назвать другом. Они виделись не слишком часто, и только по делу. При встречах почти не разговаривали. Потому что им все было ясно без лишних слов. Каждый знал, что если понадобится, он не останется без поддержки. И вот сейчас им пришлось пробиваться в одиночку.

Орлов и забыл, что рядом с маршалом есть хотя бы четверо, а он тут — совсем один. Те четверо — не в счет. Не с ними Паттерсон ходил на аресты, не с ними выбивал из каньона

⁴ Шлиссельбург — в царской России политическая тюрьма с крайне суровым режимом

залетную банду, не с ними хоронил друзей... «Держись, Нэт», — повторил Орлов, услышав еще один раскат взрыва.

— У меня растяжение, — сказала Вера. — Я не могу идти.

Он помог ей привстать и подхватил на руки.

— Что вы себе позволяете!

Орлов поднялся с ней по насыпи, перешагнул рельсы и поднес Веру к лошади:

— Извините, сударыня, дамского седла не нашел.

Подсадив ее, он увидел, что одна ступня Веры туго обмотана платком.

— Болит?

— Это не имеет значения. Что это там гремит все время?

— Наверно, бандитам удалось остановить вагон. Там еще долго будет греметь.

Он повел лошадь вдоль рельсов, туда, где в темноте смутно белели какие-то низкие строения. Выстрелы за спиной продолжали гулко отдаваться среди скал.

— Куда ты меня везешь?

— Переночуем здесь. Это старый прииск. А утром сориентируемся.

— Что за прииск? Что здесь добывали?

Он понятия не имел об этом прииске. Больше того, он вообще не знал, прииск это или просто тупик. Но ответил уверенно и спокойно:

— Сначала свинец, потом серебро. Потом глину. А сейчас мы откроем здесь гостиницу.

— Здесь нет серебра. И не может быть. — Она зашевелилась в седле и ойкнула от боли. — Серебряный пояс заканчивается в южном Колорадо. А здесь предполагались залежи нефти.

— Да здесь повсюду предполагаются залежи нефти. И здесь, и в Мексике. — Он замолчал, встревоженный тем, что перестрелка утихла. Но вот опять затрещали далекие выстрелы, и Орлов заговорил снова: — Если не секрет, чем ты занималась в Техасе? Тоже искала нефть?

— Вам не терпится начать допрос?

Орлов снова разозлился на нее. И больше не проронил ни слова, пока они, наконец, не добрались до места.

Это были развалины саманных хижин. Ни на одной не осталось крыши, но стены давали хоть какое-то укрытие от холодного ветра. Орлов завел в пролом лошадь и снял Веру с седла. Ногой разгреб сор в углу, освободив достаточно места, чтобы расстелить одеяло.

— Ложись.

— Ты думаешь, я способна спать рядом с кобылой?

— Можешь не спать. Ложись. Надень вот это, к утру будет холодно.

Он протянул ей жилет. Но Вера не надела его, а свернула и уложила вместо подушки.

— Вы, сударь, будете охранять мой сон, маршируя вокруг? — по-французски спросила она, укладываясь.

— Вот еще! — Орлов раскатал на полу одеяло, обнаруженное им за седлом. Лег и перекатился с боку на бок, завернувшись, будто в кокон. — Постарайся заснуть. У нас есть часа два. Потом начнет светать. К рассвету мы должны убраться отсюда подальше.

Кобыла вдруг принялась мочиться. Струя, окутываясь паром, била в землю и гнала волны пыли.

Вера засмеялась:

— В такой гостинице я еще не останавливалась. Много чего повидала. Но душ из лошадиной мочи принимаю впервые.

— Она расслабилась, — сказал Орлов. — Она нас не боится. Теперь она с нами. Лошади понимают гораздо больше людей. Она нас боялась. Может быть, думала, что я хочу ее зарезать.

— Ты способен зарезать лошадь?

— Не знаю. Но и она этого не знала. И дрожала от страха. А теперь увидела, что мы спокойно легли, спокойно разговариваем. Увидела это и расслабилась. Она увидела, что мы

пришли домой. Значит, и она дома. Значит, можно никого не бояться.

— Мочеиспускание есть процесс рефлекторный, и происходит по мере наполнения мочевого пузыря. Я вам это сообщаю как медик. И лошади не умеют дрожать от страха. Они дрожат от холода.

— Откуда ты знаешь? Расспрашивала лошадей?

— Наука использует другие методы познания. Настоящий ученый не берет показания у тех, кого изучает. Потому что показания никогда не содержат всей правды. Вам, Павел Григорьевич, это хорошо известно. Вы ведь в охране служите.

— Не служу я в охране.

— Ну, не служите, так подрабатываете. Это еще хуже.

Орлов повернулся к ней спиной. Он понимал, что Вере сейчас хочется поговорить — чтобы заглушить боль, чтобы не слышать далеких выстрелов, да и просто потому что женщина не может долго молчать. Но у него было слишком мало времени. Надо спать. Вера обидится. Но два часа сна для него сейчас важнее, чем ее обиды. Ему предстоит тяжелый день.

Он спал чутко, готовый вскочить при малейшей опасности. Когда Вера зашевелилась в своем углу, он на секунду насторожился. Но тут же уснул снова. И никак не отреагировал на то, что она легла рядом, и прижалась грудью к его спине, и укрыла его и себя меховым жилетом, а сверху еще и своим одеялом. Вдвоем им было теплее, но ему все труднее было изображать крепкий сон, потому что от запаха ее духов кружилась голова. Он все же заставил себя хотя бы подремать еще немного. Когда небо в прогалине между стенами стало серым, Орлов осторожно выбрался из-под одеяла.

— Нам пора, — сказал он, услышав, что Вера перестала посапывать во сне.

Она не ответила, притворяясь, что спит.

«Оставлю ее здесь, — подумал Орлов. — Куда она денется? Я обернусь за пару часов. Пусть поспит еще. Жалко ее. Натерпелась. А сколько еще ей предстоит вытерпеть. Ничего с ней не случится, пока меня не будет».

Орлов прихватил с собой трофейный винчестер и флягу с водой. Прикинул расстояние, на которое мог уйти поезд до взрыва. Можно было бы отправиться верхом. Но если он захочет срезать угол, перевалив через скалы, то лошадь будет только обузой.

Светало быстро, и скоро он уже мог разглядеть склоны, между которыми пряталась блестящая дуга рельсов. «Да, их вполне можно будет пересечь», — решил капитан Орлов и отправился на разведку пешком.

Он отошел шагов на сто, и вдруг круто развернулся и зашагал обратно.

Во всем, без сомнения, были виноваты ее духи. Недаром у него так голова кружилась, недаром. Вера умышленно прижималась к нему ночью. Уже ей-то хорошо известны все приемы и уловки, от которых мужчины теряют последние капли рассудка.

Как он мог довериться ей? Как мог бросить одну без присмотра? Несомненно, и растяжение — сплошная выдумка!

Еще и лошадь ей оставил! Верхом, с запасом воды и пищи, она может уйти далеко. Места эти, по всей видимости, ей знакомы.

Оружие? Возможно, в бандитских сумках заваялся револьвер. Но она обойдется и без него. Она вооружена женской хитростью, изворотливостью и коварством, а эти штучки бьют посильнее любой пули.

Войдя в хижину, он увидел, что Вера сидит на земле и растирает обнаженную до колена ногу.

— Проснулась? Вот и хорошо, — сказал он, немного смутившись. — Нам пора.

— Я понимаю, что с арестанткой можно не церемониться, — ответила Вера, продолжая разминать лодыжку. — Можете понаблюдать. Вам будет полезно. При растяжении голеностопного сустава следует сначала, по возможности, приложить холод. Затем — тугая повязка. Через несколько часов повязку снять, восстановить кровообращение. И снова перевязать сустав. И повторять процедуру двое-трое суток. Наблюдайте, наблюдайте.

- Думаешь, я никогда не видел женских коленок?
— Думаю, что ты редко получаешь такое зрелище бесплатно.
— Поторопись, — буркнул он, выводя лошадь.

Вера вышла, прихрамывая и хватаясь за стенку. Орлов посадил ее на круп лошади, а сам сел в седло.

Он неспешно скакал вдоль рельсов, пока ветер не принес запах гари. Оставив кобылу под скалой, Орлов живо стал взбираться по крутому склону.

Когда он поднялся на самый верх, взошло солнце. Серые макушки скал, согретые первыми лучами, становились желтыми, бурыми, рыжими. Но внизу, в ложбинах и распадках, еще стоял густой ночной мрак. Впрочем, тени на скалах опускались все ниже, и вместе с тенью спускался Орлов. Он спешил побыстрее убраться с голого склона. Солнце — первейший враг разведчика. За исключением тех случаев, когда оно бьет в глаза противнику.

Он успел добраться до удобной скальной площадки и залег там между двух валунов. Еще минута, и солнце согрело его плечи. Орлов замер, разглядывая вагон, стоящий на рельсах. Вокруг него темнели воронки. «Наверно, наши отбивались, бросали из окон динамит, — подумал он. — Вот почему было столько взрывов».

Свет, наконец, залил и узкую извилистую долину среди горных отрогов, где пролегла железнодорожная ветка. Теперь стало видно, что паровоз сошел с рельсов. Он остался на насыпи, но все его колеса увязли в гальке. Возле него Орлов насчитал семь тел. В стороне, над двумя конскими тушами, уже копошились вороны.

Он разглядел, что крыша вагона вздута, а стена выгнута наружу. Из двух окон торчали прутья решетки. «Внутренний взрыв, — определил капитан. — Возможно, бандитам удалось повторить свой трюк с динамитом в вентиляции. Тогда вряд ли кто-то остался в живых».

Выждав еще, он убедился, что банда ушла. Теперь можно было продолжить спуск, не заботясь о скрытности.

Он подошел к путям и остановился, сняв шляпу. На насыпи лежали все те, с кем вчера вечером он выехал из Ван Хорна. Они лежали раздетые до исподнего, и Орлов не сразу нашел Паттерсона. А когда нашел, с трудом смог узнать. Закопченное лицо было залито кровью, один глаз вытек, вместо седины — обугленная щетина. Остальные выглядели не лучше. Молодой курьер был раздет по пояс, и весь покрыт сажей. Как кочегар.

Над двумя незнакомцами Орлов задержался. Сначала он решил, что это тела бандитов. Но, разглядев раны, понял, что, скорее всего, перед ним кто-то из паровозной бригады — они были убиты двумя выстрелами в спину. Возможно, банда удерживала их у себя, пока не покончила с делом. И бросила, уходя. Своих же убитых бандиты увезли. Орлов не сомневался, что банда понесла потери. На песке вокруг вагона темнели пятна впитавшейся крови, и пятна эти были большие, какие остаются после долго лежавшего тела.

«Да, Нэт, ты был прав, — подумал он. — Это серьезные ребята. И командует ими серьезный человек. Как он назвал себя? Мэтью Стиллер? Если он сказал свое настоящее имя, значит, с самого начала решил не оставлять свидетелей. И не оставил».

Он прошелся по вагону, собирая все, что еще могло гореть. Из диванных обломков разжег большой костер и бросил в огонь пару одеял и резиновые оконные прокладки, чтобы дым был погуще. Высокий столб дыма подскажет направление поисковой группе, которая наверняка уже вышла из Ван Хорна.

Кочегарской лопатой он присыпал тела песком, чтобы хотя бы немного укрыть их от стервятников.

— Извини, Нэт, — сказал капитан Орлов, когда работа была окончена. — Больше я ничего не могу для тебя сделать.

«Можешь, — ответил ему Нэт Паттерсон. — Доставь дамочку по назначению. И рассчитайся за меня со Стиллером и его подонками».

6. Попутчики

Вера ничего не спросила, когда он вернулся. И это снова заставило Орлова злиться на нее.

— Наши все убиты, — сказал он ей.

— Плохо, — отозвалась она.

— Нэт Паттерсон был моим другом. Это тот маршал, что сопровождал тебя. Ему нужен был напарник. Но все отказывались, когда узнавали, что придется конвоировать женщину. И мне он не стал сообщать лишних подробностей. Сказал просто, что повезем опасного преступника. И я попался на его хитрость. Да это и хитростью назвать нельзя. Так, небольшая уловка. Нэт не знал, что такое хитрость. Даже в шахматах. Он был простодушный. Прямой. Он не тратил время на хитрость, поэтому соображал быстро. С ним было хорошо работать. Мы работали вместе несколько лет, и они пролетели, как один день.

Произнося эту эпитафию, Орлов смотрел на дым, что поднимался над скалами.

— Ты работал с ним несколько лет? — спросила Вера. — Позволь, что это значит? Ты здесь живешь?

— Да.

— Ты здесь живешь! — повторила она с отчаянием в голосе. — Ты не приехал специально из-за меня?

— Если бы не маршал, не приехал бы.

— Позволь, позволь... Ты — помощник маршала?

— Нет. Я частное лицо. Работаю по найму. Иногда.

— Значит, ты тоже поселился в Америке! — Она покачала головой. — Какая же я дура... Итак, ты нынче американец. Ну, и чем занимаешься?

— Когда чем. Летом — проводником у рейнджеров.

— А зимой?

Он снова усадил ее на круп лошади, позади себя. Вера обхватила его пояс и прижалась к спине. Как ночью. Но теперь запах ее духов уносился с ветром.

— Зимой? По-разному, — уклончиво ответил капитан Орлов.

Всю прошлую зиму он занимался спасением своего завода, и ему меньше всего хотелось об этом вспоминать.

— Ты хочешь сказать, что все эти годы провел здесь? Мне говорили, что ты командирован в весьма отдаленные края. Я и представить не могла, что мы встретимся здесь! Но какая же я дура... О, господи... — По ее возгласу он понял, что Вера увидела вагон и паровоз. — Зачем ты меня сюда везешь?

— Мы просто едем вдоль рельсов. Других дорог тут нет.

— И куда же мы едем, позволь спросить?

— В Сан-Антонио, — сказал он и поглядел на солнце.

Солнце вставало слева от него. Значит, он двигался на юг. Выходит, заброшенная ветка вела на север. За ночь он значительно отклонился от маршрута. Придется наверстывать. Либо продолжать движение до той самой стрелки, где бандиты завернули паровоз на заброшенную ветку, и там поджидать тех, кто отправится вслед за угнанным составом. Либо прямо сейчас свернуть на восток и добираться до ближайшей станции. Скорее всего, это будет Сан-Мартин. «Да, станцию Левинсон мы миновали еще до водокачки. А до Сан-Мартина не доехали. Или все же проскочили? Жаль, у меня нет карты железнодорожной сети, — подумал капитан Орлов. — Возмутительная непредусмотрительность. Ни карты, ни бинокля. Зря мы с Нэтом сели в тот поезд. Лучше бы отправились верхом. Всего-то три дня ходу. Ну, четыре, с учетом остановок. Зато ни от кого не зависели бы. Ах да, с нами была бы дама. Ну и что? Вере не привыкать к конным переходам. Да, не надо было нам садиться в тот поезд...»

— Ты их видишь? — спросила Вера.

— Уже давно, — ответил капитан Орлов, хотя только сейчас заметил вдалеке небольшую кучку всадников.

Он направил кобылу к скалам, увидев открывшееся справа узкое ущелье. Забираться в

каньон означало новую потерю времени. Но еще больше его могла задержать любая встреча с незнакомцами. Если они направляются к месту крушения, то пусть себе едут. Может быть, этот отряд отправлен в погоню за бандой. Но поднимающийся дым мог привлечь и каких-нибудь бродяг. «Пусть себе едут», — повторил Орлов, углубляясь в проход между скалами. Пара поворотов — и они оказались в русле пересохшей реки. Орлов двинулся вверх, и как только под копытами появилась твердая почва, снова свернул. Оглянулся, не остаются ли следы. Не остаются. Он спешился и повел кобылу вверх по склону, туда, где клубились бурые заросли кустарника.

— Почему ты свернул? Боишься их?

— Да. Ужас до чего боюсь. Поджилки трясутся. — Орлов помог Вере спуститься и вытянул из-за седла винчестер. — Сядь, завернись в одеяло. С головой завернись.

— Зачем? Мне не холодно.

— Запах. От тебя пахнет городом.

— А от тебя табаком. Это лучше?

— Если они — курильщики, то моего запаха им не учуять. А вот твой они заметят за пару миль. Любой нормальный мужчина обязательно свернет в ущелье, откуда пахнет женщиной. То есть духами.

Он завел кобылу еще дальше, и она принялась щипать траву, зеленеющую между камнями.

— А говорили, ты сделал блестящую карьеру в Генеральном Штабе, — сказала Вера, закутываясь в одеяло. — Говорили, курсируешь между Парижем и Веной.

— Чего не было, того не было.

— Я так и знала. Наверно, все, что ты слышал обо мне, тоже неправда.

— Я о тебе ничего не слышал, — сказал Орлов.

— Вот и первая неправда. Ты ведь служил вместе с отцом, а он непременно рассказал бы тебе обо мне.

— Никогда я с ним вместе не служил, — буркнул он. — И ничего о тебе не слышал.

Незадолго до самой первой своей командировки, в Гибралтар, капитан Орлов имел короткую беседу с генералом Муравьевым, который тоже собирался в дорогу. Князь посетовал на нигилистическую атмосферу, которая царила на женских курсах, где учились его дочери. Потому он и брал с собой Веру, стремясь изолировать ее от зловредного влияния.

Немного позже до Орлова дошли слухи о том, что старший брат Веры, Сергей, состоял в антиправительственном заговоре. Но роль его там была незначительной, и наказание последовало не слишком жестокое. Впрочем, каким именно было наказание, и кто еще из семьи Муравьевых был замешан в деле — этого Орлов не знал. И не желал знать.

— Не слышал? И не хочешь слышать, по всей видимости. В противном случае ты бы меня засыпал вопросами. Все-таки мы не виделись так долго... А ты молчишь и ничего не спрашиваешь. Это по меньшей мере невежливо по отношению к даме, Павел Григорьевич.

— Я бы спросил, — сказал он, выщипывая листья с веток, чтобы можно было сквозь куст наблюдать за подходами к укрытию. — Я бы спросил. Но ты бы заявила, что это допрос.

— Да пойми же ты, наконец, Паша! — с отчаянием произнесла она. — Я не за того тебя принимала! Представь себя на моем месте! Мне объявляют, что за мной прибыли жандармы! И появляешься ты! Вообрази, что я должна была подумать?

— Ну, например, ты могла бы вспомнить, что я не жандарм, — сухо ответил он.

— Столько лет прошло! Знаешь, как много вполне порядочных офицеров перешли в Корпус жандармов в восьмидесятых годах?

— При всем желании не смог бы последовать их примеру.

— По какой причине?

— По причине отсутствия.

Он глянул на нее. В лице Веры уже не было того отчуждения, которое злило его с самых первых минут встречи. Она снова стала похожа на ту девушку, какой он знал ее в

юности. И капитан Орлов смягчился.

— Я ведь сразу после турецкой кампании был отправлен за границу. И с семьдесят девятого года не был дома. В восемьдесят седьмом вернулся. Ненадолго. Вышел в отставку, раздал отцовские долги, и — снова сюда. Так что ты была права, когда обозвала меня американцем.

Она хотела что-то сказать, но он поднес палец к губам и снова прильнул к своей амбразуре, проделанной среди веток. От стен ущелья отражались чьи-то голоса.

Они звучали негромко, эхо смешивалось со скрипом камней под копытами, и Орлов не смог разобрать ни единого слова. Однако ему было ясно, что всадников не меньше трех и они о чем-то спорят. Наконец, отчетливо послышалось:

— Я сказал, останешься здесь!

После чего голоса понемногу затихли, удаляясь.

«Они увидели нас, — подумал капитан Орлов. — Они свернули в ущелье за нами. Они ищут нас. Ищут грамотно. Оставили наблюдателя у поворота. Собираются обследовать всё ущелье? Нет. Они вернутся к той точке, где пропали следы кобылы. И неизбежно придут сюда».

Он наклонился к Вере, отогнул край одеяла и прошептал ей в ухо:

— Ты сможешь идти в гору?

— А если нет? — так же шепотом спросила она. — Ты уйдешь один?

— Сможешь?

— Не знаю. А как же лошадь?

Не отвечая, он быстро скатал оба одеяла вместе и отдал Вере. Она сноровисто продела руку в скатку и надела ее на плечо, как бывалый пехотинец. Орлов обследовал седельные сумки и переложил к себе только самое необходимое — револьвер, две пачки патронов, спички, консервы ... С винчестером и сумкой за спиной он пару раз присел, проверяя, не будет ли груз мешать движениям. Поправил ремень сумки. Передвинул кобур с бедра назад. В последний момент вспомнил о веревке, висевшей на передней луке седла. Вера молча следила за его приготовлениями.

— С богом, — шепнул он и, подав ей руку, шагнул вверх по крутому склону.

Шагах в ста выше них начинался лес. Орлов знал, что еще выше этот лес перейдет в луга, за которыми высятся только голые скалы. Если подняться еще примерно на милю, то дойдешь и до снегов, но залезать так высоко он не собирался. Пройти через лес и двигаться на восток по его верхней опушке — вот и все, на что он мог рассчитывать.

Им повезло. Они добрались до леса, и уже шагали по рыжему хвойному настилу, когда внизу заржала оставленная ими кобыла. Сразу же ей отозвалась другая лошадь — непонятно откуда, определить место Орлов не мог из-за эха. Но это уже было не важно. Гораздо важнее для него было то, что он не ошибся в расчетах. Лошадь заржала, почуяв своих. И люди, которые так настойчиво обыскивали ущелье, наверняка знают эту кобылу. Знают они и ее бывшего владельца. Возможно, они вернулись за ним. Если так, значит, в банде Стиллера ценят людей.

Что они сделают, обнаружив кобылу?

Пойдут по ее следам, чтобы узнать, как она здесь оказалась. Да, они отправятся вдоль рельсов и в конце концов найдут тело своего товарища. Может быть, они его там же и заруют. И заровняют могильный холмик, проехавшись по нему взад-вперед на лошадях.

«Да, так и будет», — уверял себя капитан Орлов, однако старался не задерживаться, и тянул Веру за собой. Скоро им пришлось подниматься, хватаясь руками за ветви и корни. Подъем становился всё тяжелее, всё круче, и вот они остановились перед отвесной гранитной стеной.

— Дай дух перевести, — попросила Вера, вытирая блестящий лоб.

Она произнесла это жалобно, почти с мольбой. Однако дыхание ее было ровным, и выглядела она отнюдь не замученной насмерть.

— Как нога? — спросил Орлов.

— Я и забыла о ней. Такого ты страху нагнал... Павел Григорьевич, может быть, сообразоволяете объяснить, от кого мы в такой панике скрываемся?

— А ты не поняла? Ну, рассуди сама. Место безлюдное, здесь никто не живет. И никто по своей воле сюда и носа не покажет. Откуда взялись эти люди? Ясно, что они из той же банды, что напала на поезд.

— Ясно? Ты рассуждаешь абсолютно нелогично. Эти люди вполне могли куда-нибудь ехать по своим делам. Но увидели, что мы прячемся от них. И это заставило их свернуть. Потому что, если кто-то убегает, значит, его следует непременно догнать. Таков человеческий инстинкт.

— Благодарю за лекцию. — Орлов протянул ей флягу. — Много не пей, дыхание собьешь.

Они двинулись вдоль стены, но прошли не слишком далеко. Лес неожиданно оборвался, и перед ними открылся длинный участок открытого склона, усеянный камнями, среди которых поднималась бурая трава. Орлов бросил взгляд вниз — и шагнул назад, прячась за деревья.

Отсюда эти три фигурки казались крохотными, как муравьи. Но они двигались наискосок по склону, забираясь вверх, к той самой стене, возле которой остановился Орлов. Они двигались медленно, однако при этом смотрели вверх — и значит, обязательно заметят любое движение вдоль стены.

— Как они могли нас обогнать? — спросила Вера у него за спиной.

— Пока мы поднимались, они шли поперек склона. Мы продирались сквозь лес, а они вышли на ровное место. Они поднимутся быстро. Быстрее, чем мы. Они знают эти места, — сказал Орлов.

— Ну вот, а ты говоришь, что здесь никто не живет.

Она явно старалась, чтобы голос звучал бодро.

— Я ошибся, — сказал он, снимая поклажу с плеч. — Отойди чуть подальше и посиди. Отдохни. У нас есть минут десять.

— Думаешь, они пройдут мимо нас?

— Посмотрим.

Он снял светлый сюртук и, аккуратно свернув, уложил поверх сумок. Рубашка на нем была темно-коричневая. Он всегда надевал ее в дорогу, и сейчас порадовался, что не изменил привычке. А ведь собирался надеть новую, красную. Хорош бы он был сейчас, в красной рубашке на фоне голых сосновых стволов.

Винчестер, доставшийся ему от зарезанного подранка, был в приличном состоянии. Орлов поглядел ствол на свет, капнул из масленки на шарнир затвора, выбросил все патроны из магазина и снова их туда загнал, тщательного осмотраев каждый. «Надеюсь, винтовка пристреляна», подумал он, поудобнее устраиваясь возле поваленного дерева.

«Конечно, пристреляна. Хозяин заботился о ней. Нигде ни следа ржавчины. И ремень кожаный. На винчестере вообще мало кто оставляет ремень. Его ведь носят в руке или держат за седлом. За спиной винчестер таскают только горные стрелки. Те, кто привык обходиться без лошади. Да, эта винтовка наверняка одна из самых лучших, какие мне только доводилось держать в руках».

Возможно, капитан Орлов был слишком суеверен. Но он предпочитал относиться к вещам, как к живым существам. И нахваливал чужую винтовку, будто стараясь задобрить ее, чтоб не капризничала. Он подбадривал винчестер, как нового бойца перед стычкой, чтобы тот не подвел. Очень многое сейчас зависело от первого выстрела. Поэтому он терпеливо ждал, когда эти трое подойдут поближе.

Он уже мог разглядеть их лица. Значит, им не уйти. На такой дистанции они обречены.

Можно было уложить их без лишних слов.

Но капитану Орлову еще надо было кое-то выяснить.

Они остановились. Тот, что шел первым, оперся на винтовку, тяжело дыша.

Орлов тщательно прицелился. Выстрел оказался отменным. Винтовка переломилась, и

человек, опиравшийся на нее, упал. Двое, стоявшие за ним, мгновенно нырнули на землю и откатились в сторону, прячась за невысокие валуны.

— Вы у нас на мушке! — крикнул им капитан Орлов. — Не дергайтесь понапрасну!

Один из них пошевелился и выставил вперед ствол винтовки. Пуля Орлова ударила в камень рядом с ним, и ствол испуганно втянулся обратно.

— Выбирайте! — крикнул Орлов. — Можете вернуться вниз, только оставьте свое оружие! Или, если хотите, я прикончу вас тут, и вам не придется тратить силы на спуск!

— Ты не уйдешь далеко! — ответили ему. Голос звучал глухо, потому что говоривший лежал лицом к земле и не решался поднять голову. — Наши идут по твоим следам! Тебе не уйти! Оставь нам девчонку — и уходи! Ты нам не нужен, только девчонка!

«Ишь, какие глазастые, — подумал Орлов. — И когда они успели ее разглядеть? Наверно, у них был бинокль».

— Даю вам минуту на размышление! Кто встанет без оружия, тот может уйти! Кто попытается стрелять, получит пулю в лоб!

— Минуту? Ты же не даешь нам шевельнуться, чтобы посмотреть на часы! Эй, парень, остынь! Мы местные, такие же, как ты! Разве мы не можем договориться по-хорошему?

Орлов взял на мушку не самого разговорчивого, а того, кто ни разу ему не ответил — его рука с револьвером незаметно вытягивалась вперед. Орлов хотел попасть ему в плечо. Но если выстрел прозвучит через минуту, то и попадание в голову не будет считаться промахом.

— Договориться? Если вы местные, то должны знать — нельзя договориться с тем, кого называют Дьяволом!

— Ты — рейнджер? Дьявол из Эль-Пасо? Чем докажешь?

— Доказательство получишь через тридцать секунд.

— Послушай, если ты рейнджер, ты должен знать о Мэтью Стиллере! Так?

— Двадцать секунд.

— И ты должен знать, что Мэтью Стиллер мстит за каждого своего человека!

— Так вы — ребята Стиллера? — уточнил капитан Орлов.

— Да! И тебе лучше бы не связываться с нами. Отдай девчонку и уходи...

— Ваше время вышло, — ответил Орлов и нажал на спуск.

— Нет! — одновременно выкрикнули двое, а третий заорал от боли.

В следующую секунду все они уже стояли на ногах, с поднятыми руками — кроме одного, который держался за плечо. «Промазал», — с досадой подумал Орлов, потому что целил подонку в лоб.

— Ты их отпустишь? — спросила Вера. — Отпустишь, как обещал?

Тройка неловко пятилась, отступая по склону. Оружейные пояса с бряцаньем упали на камни.

— Когда они отойдут на пятьдесят шагов, сходи за их оружием, — сказал Орлов. — А я пригляжу за ними.

— Дай мне ружье. И сходи сам. У меня нога...

Он не мог оглянуться на нее, продолжая целиться в отступающих.

— Здесь недалеко, Вера, ты потихонечку, как-нибудь...

— Не могу!

Она подползла к нему, и он увидел, что ее лицо блестит от слез.

— Дай ружье!

— Осторожнее, курок очень чуткий, — предупредил Орлов, отдавая ей винчестер.

С револьвером в руке он подбежал к камням, за которыми поблескивало брошенное оружие. Бандиты, увидев его, на мгновение остановились, но тут же развернулись и побежали вниз. Один трусил медленно, и все оглядывался через плечо. Двое других неслись зигзагами, и скоро исчезли за кромкой кустарника далеко внизу.

Орлов разломал одну винтовку, ударив прикладом о камень. Второй винчестер, поновее с виду, взял с собой. Перевесил патронташи через плечо. Осмотрев револьверы, разрядил их и отбросил подальше. Ему были нужны только патроны. Теперь у него было два

винчестера на двоих и два револьвера. Ничего лишнего. В горах не стоит обременять себя поклажей. А им предстоял долгий путь через горы. На перевал они поднимутся засветло. Там переночуют. На рассвете сориентируются и начнут спуск. А на той стороне их уже никто не найдет. На той стороне им надо будет выйти к любому ручью, и спускаться вдоль него. Ручьи впадают в реку, а река ведет к жилью. Там, на той стороне, стоит форт Мэйсон. Что там еще? Поселки старателей, они тоже располагаются на реке. Да, там, на той стороне, им будет легче...

— Зря ты их отпустил, — сказала Вера.

— Что? — Он повернулся к ней, продолжая мысленно прокладывать маршрут.

— Теперь они знают, где мы. Они придут сюда всей бандой. Тебе лучше уйти, Паша. Оставь меня. И уходи.

Капитан Орлов помолчал, подбирая слова. Трудно общаться с дамой на высоте трех тысяч футов, особенно, когда предстоит подняться еще на две тысячи.

— Завтра твоя нога перестанет болеть, и ты забудешь о ней. И тебе будет стыдно за свои слова, — сказал он как можно мягче. — Я понесу тебя на закорках. Ты легкая. Я и не такие грузы таскал.

— Ты не понимаешь, Паша...

— Это ты не понимаешь, — невежливо перебил капитан Орлов. — Они не вернутся. Если они местные, то им не захочется лишний раз встретиться со мной. Потому что меня тут многие знают. И никто не захочет рисковать головой. Да и ради чего? Ради юбки? Извини, но...

— Нет, ты не понимаешь, — горько повторила она, качая головой. — Какая юбка? Им нужны деньги.

— Деньги?

— Да, им нужны деньги. Двадцать тысяч в билетах банка Монтаны. Те самые двадцать тысяч, что я украла у Мэтью Стиллера.

7. В отрыв

Ей было шестнадцать, когда она впервые попала в Америку. Международная экспедиция Адамса, изучавшая геологию Техаса, имела в своем составе картографическое подразделение, которое возглавлял ее отец. «Возглавлял» — громко сказано. Под началом профессора Муравьева было двое казаков да собственная супруга с младшей дочкой — вот и всё войско. От залива до Оклахомы они прошли за два полевых сезона, перезимовав в Эль-Пасо, в гостеприимном доме профессора Адамса.

Следующая поездка за океан была для Веры уже не столь романтической. По заданию Бюро она выехала из Женевы в Лондон, а затем отправилась в Нью-Йорк, чтобы участвовать в создании новой типографии. Тогда, в середине восьмидесятых, настроения у людей менялись быстро и радикально. Те, кто еще вчера настаивал на необходимости сугубо мирных средств борьбы, на пропаганде и просвещении, на завтра могли выйти на улицу с динамитом, чтобы бросить самодельную бомбу в первого попавшегося городского. Разочаровавшись в либеральных идеях, вчерашние народники объявляли себя анархистами. Пока Вера осваивалась на новом месте, настроения в руководстве организации в очередной раз поменялись. И вместо типографии было решено устроить в Нью-Йорке динамитную лабораторию.

Об этом Вере сообщил связной, которого она встречала в порту. Первым ее желанием было тут же, в портовой кассе, купить билет, сесть на пароход и покинуть Америку. Потому что новое задание было абсолютно бессмысленным. Ее познания в технологии изготовления динамита были крайне скудными. Однако она точно знала, что такие работы производятся зимой, при отрицательных температурах. Следовательно, лаборатория в Нью-Йорке, где морозы крайне редки, будет простаивать почти весь год, даже если ее и создадут. Кроме того, что прикажете делать с произведенным материалом? Кто изобретет безопасный способ

перевозки динамита через океан? И как пронести его мимо придирчивых таможенников? Абсурд, да и только! Нет, она не собиралась заниматься динамитом, несмотря ни на какие решения партии.

Она не имела права отказаться. И не могла согласиться. Как поступает женщина в таких случаях? Тянет время.

Вера рассудила, что настроения в Бюро могут снова измениться. Партия направляла огромные средства на то, чтобы вернуть из ссылок наиболее ценных товарищей. Из Иркутска в Николаевск, оттуда, через Японию и Америку, в Европу — по такому маршруту прошли многие члены Бюро, и состав руководства обновлялся чуть ли не ежемесячно. В Нью-Йорк Вери отправили люди, о которых она прежде никогда не слышала. Но это еще ничего — их заслуги могли быть известны только узкому кругу своих, да еще охранке. Гораздо больше беспокоило ее то обстоятельство, что стали появляться листовки от имени какого-то нового Исполнительного Комитета. Видимо, фальшивого, созданного жандармами для проведения провокаций. Но как отличить подлинных наследников Народной Воли от самозванцев? Только время могло расставить всё по своим местам. Только время.

Следовательно, и сейчас, в столь двусмысленной ситуации самым разумным выходом было ожидание. Итак, Вера принялась за рутинную работу — подыскивала помещение, составляла списки магазинов, где можно приобрести реактивы, знакомилась с товарищами, коих можно будет, после тщательного изучения, допустить к участию в особо секретных мероприятиях... Она не торопилась. Когда же связник передавал ей, что в Бюро выражают нетерпение, Вера отвечала, что она делает все, что в ее силах. И это было чистой правдой.

Почему-то она с первых минут почувствовала, что с этим связником, Шустером, лучше не быть слишком откровенной. Позже, когда его сменил другой товарищ, Моисей Бобруйский, Вера узнала, что имела дело с одним из опытейших боевиков. Шустер скрывался в Америке после нескольких громких акций. О таких вещах не принято говорить, но Моисей дал понять Вере, какими были эти акции. На счету Шустера был взрыв в ресторане и казнь двоих провокаторов. Пожалуй, такой товарищ был способен воспринять ее отказ как предательство. И тогда Вери могла ожидать незавидная судьба.

А вот Моисей оказался совсем другим. Как и Вера, он склонялся к пропаганде, к работе в среде пролетариата. Он целыми сутками пропадал на заводах, где работали русские. Их, кстати, можно было найти везде, где адские условия труда и низкая заработная плата отпугивали представителей всех других иммигрантских сообществ. Моисей организовал несколько кружков, где учил рабочих английскому языку и читал им сочинения Лассалля. Кроме того, эти кружки поначалу исполняли и роль своеобразных касс взаимопомощи. А впоследствии Моисей открыл и небольшой банк, который помогал рабочим переправлять часть заработка на родину, да и просто поднакопить денег.

Вера тоже увлеклась пропагандой среди рабочих. Она сновала между Нью-Йорком, Бостоном и Чикаго, встречаясь с земляками. Ведь все эти литейщики и землекопы через несколько лет вернутся в Россию. Они вольются в пролетарскую среду и станут внедрять в нее революционные идеи, таким образом повышая самосознание рабочего класса как политической силы. Просветительская работа настолько захватила Вери, что она и думать забыла о динамитной лаборатории.

Так прошло несколько лет. Рабочие изучали язык, вступали в профсоюзы, условия их жизни постепенно улучшались. Однако на родину почти никто не возвращался. Многие обзаводились семьями. Женились на галичанках, польках, чешках, поскольку русских невест не находили. И прочно оседали на американской земле. Состав кружков постоянно обновлялся, но число вкладчиков «Русского Рабочего Банка» только росло из года в год.

А потом произошла катастрофа. Моисей Бобруйский исчез вместе с содержимым банковского сейфа.

Вера не успела оправиться от удара, как в Нью-Йорке снова появился Шустер, да не один, а с представителями обновленного Бюро. Она была подавлена обилием новых лиц. Ни

одного старого товарища. Кроме Шустера, Вера знала только Клару Швейцер, но и с той познакомилась уже в Нью-Йорке. Все же остальные были для нее чужими. И говорили они уже не о том, о чем шла речь в прежние времена. Говорили не о подъеме революционного духа, не о борьбе и подвигах, не о будущем обустройстве России — нет, говорили исключительно об изыскании финансовых средств.

Но для начала ей был учинен долгий и мучительный допрос по делу о «Русском Рабочем Банке». Постановили — Бобруйского изыскать и предать суду партии. Веру же простили. Возможно, только потому, что новые руководители приехали для встречи с важным лицом, которое проживало в далеком Техасе, и им требовался надежный проводник, а также переводчик.

Делегация Бюро прибыла в Эль-Пасо, и Вера справилась со своими новыми обязанностями. «Важные лица» желали помочь делу русской революции, и переговоры на эту тему продолжались несколько недель. Этого времени было достаточно, чтобы Вера поняла: Майер и Зак, уполномоченные представители Бюро, не имеют никакого отношения к прежней организации. Поняла она и то, что ей не доверяют.

Ее использовали как прикрытия. Дочь профессора Муравьева была желанной гостьей в доме профессора Адамса. Она поселилась там вместе с двумя своими спутниками, которые выдавали себя за ученых. Но в клуб, где происходили встречи с «важным лицом», ее не брали, и она сидела взаперти. Однажды Зак принес с такой встречи тяжелую сумку и приказал надежно спрятать ее среди дамского гардероба.

В сумке были деньги. Двадцать тысяч долларов. Вера взяла себе немного на расходы. А сумку упаковала и отправила почтой в Нью-Йорк. В «Русский Рабочий Банк». После чего исчезла из Эль-Пасо, навсегда распрощавшись с партией.

* * *

— Оказалось, что не навсегда, — печально добавила она.

— Недалеко же ты убежала, — сказал капитан Орлов. — Попалась в соседнем округе.

— Но я и не собиралась бежать в Нью-Йорк! Меня бы там начали искать в первую очередь. Хотела переждать в Техасе. Знаешь, под свечкой всегда темно...

— Темно-то темно. Но причем тут Стиллер?

— Не знаю. Это имя часто мелькало в их разговорах.

— Ну и что? Мало ли кого еще могут так звать... — Он перехватил ее безнадежный взгляд и махнул рукой. — Ладно. Примем такое объяснение. Оно звучит нелепо. Но других я не нахожу. Итак, то самое Важное Лицо, с кем встречались твои приятели...

— Они мне не приятели.

— ... это Важное Лицо связано с бандой грабителей. Деньги тебе достались ворованные...

— Не мне! Я же хотела отдать долги рабочим!

— ... и теперь вся эта шайка станет охотиться за тобой, чтобы вернуть себе добычу.

Он говорил спокойно, даже снисходительно. И заставил себя остановиться, не договорив. Потому что из-за несчастных двадцати тысяч Важное Лицо не стало бы устраивать столь масштабные мероприятия. Дело было не в деньгах. А в том, что Вера могла проговориться. Пока ее судили как проститутку с парохода, она была безопасна. Она не стала бы рассказывать о подлинном источнике тех банкнот, на которых попала, иначе дело не кончилось бы так быстро. Но, едва оказавшись на свободе, Вера стала источником угрозы. Она могла исчезнуть из Техаса и, находясь в недосыгаемости, рассказать правду. Кому рассказать? Да любой подружке, или любовнику, или газетчику... И тогда у Важного Лица возникнут тысячи новых проблем. Зачем же ждать такого развития событий, когда можно все решить одним ударом?

Человек, финансирующий революцию в далекой стране, должен иметь для этого серьезные причины. Никто не станет вкладывать деньги в заведомо убыточное предприятие.

Значит, Важное Лицо связано с деловыми кругами высшего уровня. С теми, кто вершит мировую политику. Эти люди способны вызвать восстание мирных племен, способны развязать войну, способны стравливать народы между собой.

Эти люди способны раздавить любого, кто только попытается создать для них малейшее неудобство — не говоря уже об угрозе.

Но Вере об этом лучше не знать. Пусть думает, что ее противник — ничтожество по имени Стиллер. А не один из хозяев жизни.

Орлов поддел веткой котелок, стоявший на углях, и переставил его на камень рядом с Верой.

— Ешь первая, мне оставишь половину.

— Как я люблю консервированные бобы, — улыбнулась она, запуская в котелок ложку. — Не поверишь, нахожу их вкуснее всяких деликатесов.

— А я люблю компот из персиков, — сказал он, глядя на лес, темнеющий внизу, под ногами.

Им не удалось до темноты выйти к перевалу. На ночевку остановились среди скал, в небольшой пещере. Глядя вниз, Орлов видел отсвет далекого костра, горящего под деревьями. Там пережидали ночь их преследователи. Они не прячутся. И они не отстанут. У них преимущество в скорости, к тому же их просто больше. Будь они порасторопнее и посмелее, давно бы настигли парочку беглецов. Впрочем, куда им спешить? Наступит утро — и все будет кончено.

Капитан Орлов вышел из пещеры, чтобы раскурить трубку. Луна порой показывалась из облаков, освещая мрачный пейзаж. Орлов отошел в сторону, чтобы дым не залетал в пещеру, и оглядел горы. Если бы не Вера, он бы не остановился на ночь. Склон тут был чистый и пологий, можно было бы подниматься и в темноте. «Да, если бы не Вера, — подумал он и усмехнулся. — Если бы не Вера, меня бы сейчас тут не было».

Он поглядел вниз, и сердце его забило сильнее. Он едва не выронил трубку от волнения. Там, далеко внизу, в темноте мерцала едва заметная золотая точка. Еще один костер? Кто же мог его разжечь? Только тот, кому доверили охранять лошадей...

— Поешь, а то остынет, — послышался голос Веры.

Он выбил недокурную трубку.

— Я не хочу. Доедай.

Она что-то спросила, но он уже не слышал ничего. Чуть ниже по склону росли две тонкие березки, их белые стволы будто светились в темноте. Он спустился к ним, на ходу доставая нож. Он спешил, ругая себя за потраченное время.

На то, чтобы изготовить из тонких стволов каркас для волокуши, ушел, наверно, час. Работая, он поглядывал вниз, боясь, что далекий огонек растворится в темноте. Но звездочка всё мерцала, Орлов мысленно прокладывал к ней путь, и скоро он уже не потерял бы дорогу к этому костру, даже если тот погаснет.

— Что ты там делал? — спросила Вера, когда он вернулся. — И поешь, я тебе оставила. Поешь, поешь, ты затратил много сил.

— Не страшно, дальше будет легче, — ответил он, торопливо выскребая из котелка остатки холодных бобов.

Он разгрёб угли и вывалил в золе свой сюртук, а затем измазал сажей и брюки. Вера посоветовала:

— Надо было смочить одежду, тогда бы она легче замаралась. Мы пойдем сейчас, в темноте?

— Да.

— Разумно. Я сама хотела тебе это предложить.

Он подвязал одеяло к гибким стволам и взялся за передние концы волокуши.

— Карета подана, сударыня.

Вера ползком, охая, перебралась на волокушу.

— Угли надо бы загасить.

— Пусть тлеют. Если за нами следят, пусть видят, что в пещере есть свет. Ну, Вера, а теперь я прошу тебя только об одном — молчи. Что бы ни случилось — ни звука.

Она кивнула. Он шагнул вперед, и сразу же услышал ее голос:

— Куда мы? Почему вниз? Ой, молчу, молчу...

Капитан Орлов ступал осторожно, чуть развернувшись боком, и скрепление березовых стволов упиралось ему в пояс. Волокуша легко скользила по траве, и только редкие камушки порой выскакивали из-под нее и катились вниз. «Дойти бы за ночь, — думал он, — только бы дойти, только бы не встретить на пути обрыв или чащобу, или осыпь. А если все-таки преграда? Что ж, коли не дойдем, то спрячемся внизу. Да нет, не спрячемся — найдут по борозде. Нет, никаких отговорок, надо дойти всенепременно».

Он сначала положил себе за правило — отдыхать через каждую тысячу шагов. Но смиростивился над самим собой, и остановился после пятисотого шага. Огонек впереди уже не казался золотой точкой. Теперь можно было различить колыхание пламени и его отсветы на дымных струях.

Орлов оглянулся, переводя дух, и увидел белеющее в темноте лицо Веры. Глаза казались черными и огромными, а губ не было видно. Но вот она улыбнулась, и влажно блеснула полоска зубов.

— Все хорошо, — шепнул он ей. — Все просто великолепно.

— Я молчу, видишь? — едва слышно прошептала она в ответ.

— Скоро всё кончится. Уже скоро.

* * *

В темноте у человека обостряется не только слух, но и обоняние. Капитан Орлов почуял запах лошадей задолго до того, как их стало слышно. Да, сначала пришел именно приторный запах конской пены, что засыхает на боках после тяжелой скачки. И только потом — запах подгорелого хлеба, тянущийся от костра. Звуков же он еще долго не мог различить.

«Значит, ветер тянет на меня, — думал Орлов, вжимаясь в траву и понемногу сползая к костру. — Хорошо. Лошади ничего не почувствуют. Если бы у них была собака, пришлось бы плохо. Но у них нет собаки. А вдруг есть? Нет, никто не берет собак на ограбление поезда. А ведь они вчера думали, что предстоит всего лишь захватить почтовый вагон. Захватить-то захватили, но не получили того, что хотели. И теперь кому-то приходится шнырять по горам, а кому-то... Интересно, кого они оставили караулить лошадей? Я бы оставил раненых. Или самых слабых. Или самых ненадежных. Лучших бойцов я бы непременно взял с собой. Минуточку! А откуда мне известно, что Мэтью Стиллер отправился в горы? Может быть, он такой важный барин, что сам остался внизу, при лошадях? Может, ему не пристало рисковать своей драгоценной шкурой, подставляя ее под пули сумасшедшего рейнджера? Эх, вот бы его встретить сейчас!»

Он уже слышал, как трещат сучья в костре. Продвинувшись вперед еще немного, он осторожно приподнял голову и раздвинул траву, чтобы глянуть вперед.

Тщедушная фигурка скрючилась возле костра. Тот, кому доверили охранять лошадей, спал сидя, опустив голову на колени.

«Оставили одного?»

У огня стоял закопченный чайник, рядом с ним Орлов заметил две кружки.

«Их двое! Где же второй?»

Он приподнялся на локтях, разглядывая пятно света, расстилающееся вокруг низкого пламени. Никого. Поблескивали стволы двух винтовок, лежавших на земле. Чуть дальше в темноте можно было разглядеть седла, наваленные одно поверх другого. «Лошади расседланы. Плохо, — подумал Орлов. — Придется с ними возиться».

Послышался шорох, и рядом с седлами неожиданно ожил большой валун, превращаясь в человеческую фигуру. Человек встал, шагнул в темноту, и оттуда послышались звуки

струи, бьющей в землю.

«Как он некстати проснулся», — подумал капитан Орлов.

Человек вернулся к костру, застегивая штаны. Он был высокий и худой, одежда болталась на нем, как на бельевой веревке. Седые усы подковой опускались до подбородка. Над провалившимися щеками посверкивали близко посаженные глаза. И в глазах этих горел гнев.

— Он спит! — прошипел усач.

Сняв ремень, он взмахнул им. Пряжка сверкнула над костром и глухо ударила по спине того, кто дремал у огня.

«Тоже некстати! — возмутился капитан Орлов. — Оpozдал я, опоздал. Придти бы на пять минут раньше, когда оба спали! Насколько бы все было проще...»

Ремень посвистывал в воздухе, обрушивая новые удары пряжки на беднягу, который, взвизгивая от боли, ползал в ногах у высокого усача.

— Сколько тебе говорено было! Не спать! Не спать! Будешь еще спать, ублюдок? Вот тебе!

Улучив момент, Орлов вскинулся из травы. Он схватил усача сзади за ворот и дернул на себя. Тот потерял равновесие и прогнулся. Нож вошел под ребра по самую рукоять. Пока тело падало на землю, Орлов успел еще провернуть нож в ране. Теперь на усача можно было не обращать внимания. Орлов пинком отшвырнул второго, и тот упал на спину, раскинув руки.

— Если хочешь жить, молчи! — приказал ему Орлов, наступив на грудь. — Молчи и не дергайся!

В неверном свете он разглядел юношеское, почти детское лицо. На чумазой коже белели полосы, оставленные слезами.

— Сколько людей у Стиллера?

— Не знаю...

«Что за идиотский вопрос! — упрекнул себя капитан Орлов. Сколько людей? Какая разница? Да я это и сам сейчас узнаю, по числу лошадей и седел».

— Куда он направился?

Тоже лишний вопрос. Орлов и так знал, что Стиллер сейчас на горе, преследует девчонку.

Ему было досадно, но он ничего не мог с собой поделать. С того момента, когда он решил бить именно по почкам, а не в шею, он больше не раздумывал. Все дальнейшие его поступки совершались помимо воли, бессознательно. Как в бою. А в бою некогда думать. И у пленного, прежде чем его убить, следовало выяснить именно это — численный состав и направление действий противника, его вооружение, его настроение и тому подобное...

— Они там, там! — Парень робко пошевелил рукой, пытаясь указать направление. — Ушли в лес!

Судя по голосу, ему не было и шестнадцати. Капитан Орлов понимал, что и в таком возрасте человек способен выстрелить в спину. По правилам парня следовало прикончить. Кто ж виноват, что он связался с нехорошей компанией?

Но он просто связал пацану руки и ноги. Затем оттащил труп усача подальше, чтобы не попался на глаза Вере. И отправился за ней.

Оседлав двух лошадей, он забрал с собой еще пару запасных, и не поленился перерезать подпруги у всех оставшихся.

Вера молчала все время, пока они не отъехали от костра. В небе уже пролегли серые предрассветные полосы.

— Вот и всё, — сказал Орлов. — Я же говорил, дальше будет легче.

Она хотела что-то ответить, но тут у них за спиной послышались рыдания, а потом парень закричал:

— Папа! Папочка! А-а-а! Па-апа!

— Они его не услышат? — спросила Вера.

— Нет.

«Тот, кого он зовет, его не услышит, — подумал Орлов. — Вот и еще одним сиротой стало больше».

8. Русская охота

Настоящее имя Мэтью Стиллера было таким — Мэрион Гауптенбау. Мало того, что нескладное, так еще и женское. Мамочка хотела дочку, причем настолько сильно, что первые пять лет жизни Мэтью, то есть Мэрион, носил длинные локоны и девчачьи тряпки. К счастью для него, мать сошлась, наконец, с мужиком, который тут же навел в доме порядок. Отчим, правда, прожил с ними недолго. Но, когда его повесили, Мэтью уже было семь лет и он сам мог дать в глаз любому, кто обзовет его девчонкой.

Он всегда старался стричься как можно короче. А после первой отсидки вообще стал брить голову наголо. Мылся он только тогда, когда все тело начинало чесаться. Одежду менял часто, но никогда не стирал. Презирал мужчин, которые слишком заботились о своей внешности. А с теми, кто носил длинные волосы, старался не иметь никаких дел. Потому что дела делаются только мужчинами. А с бабы какой спрос?

Но сейчас ему пришлось работать как раз с таким женоподобным субъектом, и от этой работы он не смог отвертеться, как ни старался. Гарольд Майер, богатый иностранец, наверно, очень гордился своими пышными черными волосами, которые, как два вороньих крыла, опускались ему на плечи. На каждую встречу он являлся в новом наряде, и Стиллер диву давался — сколько же у него тряпок! И куда они только умещаются? Майер приехал издалека, и не лень ему таскать за собой кофры с костюмами, панталонами, галстуками и прочей дребеденью, без чего так легко обходится любой нормальный мужик?

Вместе с Майером обычно появлялся молчаливый тип, похожий на переодетого полицейского. Всегда гладко выбритый, с тяжелым взглядом. Любая одежда сидела на нем, как мешок. Наверно, потому, что он носил в каждом кармане сюртука по револьверу. Поначалу Стиллер мысленно над ним посмеивался — у них там, за границей, наверно, и не знали о такой удобной штуке, как поясная кобура. Но потом вспомнил одного из своих первых наставников на бандитской тропе, Курта Мэллигана. Тот был наемным убийцей и тоже носил ствол в кармане. В случае чего можно было, отстрелявшись, просто выкинуть пушку и спокойно уходить, и не бояться, что тебя обыщут. Пожалуйста, обыскивайте, вот он я, чистый, как ангел. Вспомнив о Курте, Стиллер стал повнимательнее с этим вторым иностранцем, которого звали Зак. И скоро убедился, что тому было бы о чем потолковать с Мэллиганом, если б они встретились. Да, они бы нашли общую тему для беседы, потому что, видать, одним и тем же способом зарабатывали на жизнь — отнимая ее у других. Да, интересно было бы свести их. Жаль, Курта зарезали в пьяной драке, где-то за Рио-Гранде, где он намеревался переждать зиму...

Зак и Майер сидели в дальнем углу ресторана, отгороженном от зала несколькими цветочными вазами. Пробираясь к ним, Мэтью Стиллер недовольно морщил нос.

— Воняет, как на похоронах, — сказал он, плюхнувшись в кресло. — Ненавижу цветы.

— Что будете пить? — осведомился Майер, подзывая официанта.

— Ничего.

Мэтью охотно бы выпил сейчас, да только не в такой компании. Он надеялся поскорее смыться отсюда в салун — уж там-то он развернется.

— Как насчет эскалопа?

— К черту, Майер, я сюда не жрать пришел, — сказал Мэтью Стиллер, опираясь локтями на стол. — Полковник решил, что я должен вам все рассказать. Вот и слушайте, если вам так интересно. Мы сделали все, как договаривались. Водокачка, стрелка, тупик. Стали обкладывать вагон динамитом...

— Не так громко, Мэтью, не так громко, — улыбнувшись, попросил Майер. — Некоторые слова разносятся слишком далеко.

— Вы правы. Потому что я сказал неправильное слово. Это был не динамит, а говно. Он не взорвался. Пока шнур горел, те ублюдки в вагоне смогли снова разогнать паровоз, и попытались удрать задним ходом. Но мы их остановили. Потом все-таки снова обложили той самой дрянью, о которой вы не хотите слышать. И на этот раз все получилось. Вскрыли, как консервную банку. Всех, кто был в вагоне, мы положили на насыпи. Рядком, как кроликов на прилавке. Всех пятерых. И парочку машинистов рядом. Но бабы там не было.

— Вы хорошо осмотрели вагон? Она не могла спрятаться под диваном?

— Осмотрели. Не могла.

Майер и Зак переглянулись.

— Я не первый раз в деле. — Стиллер раздраженно откинулся в кресле. — Что вы думаете? Думаете, я не обшарил там каждый уголок? Не было ее там.

— А вещи были? — спросил Майер. — Дамские вещи? У нее же имелся какой-то багаж, не так ли?

Мэтью Стиллер наморщил лоб. Дальше врать надо было очень осторожно. Неизвестно, что будет напечатано в газетах. Вдруг репортеры увидят ее шмотки? А он скажет, что их не было?

— Откуда мне знать, чьи там были чемоданы? Может, ее. Может, не ее. Я по чемоданам не шарю. Мое дело — сейфы. И мешки с бумажками.

— Все видели, как она села в вагон, — сказал Майер. — Поезд шел без остановок. На водокачке она сойти не могла. Ее охраняли. Значит...

Он сделал паузу, многозначительно глядя на Мэтью и ожидая, что тот сам закончит фразу.

— Ничего не значит, — грубо сказал тот. — Не было ее.

— Хорошо, — неожиданно произнес Зак. — У нас больше нет вопросов.

«Нет, он все-таки полицейский, — подумал Мэтью Стиллер. — Извини, Курт, что я сравнивал тебя с этим ублюдком».

* * *

Когда Стиллер ушел, они принялись доедать остывшее мясо, запивая его пивом.

— Не умеют американцы готовить, — сокрушенно вздохнул Тихомиров. — Только мясо портят. Ни отбить толком не могут, ни кусочек хороший выбрать. И за что эту подметку назвали славным именем эскалопа? За какие такие заслуги перед кулинарией? Не понимаю. Нам вообще не понять американцев. Ты не находишь?

— Мясо как мясо, — ковыряя в зубах, лениво отвечал Захар Гурский. — Где она могла удрать? До водокачки? Олухи уснули, она перешла в соседний вагон... Нет, ее же должны были пристегнуть.

— О! — Тихомиров назидательно воздел палец над головой. — Именно, батенька ты мой, что *должны* были! И, были бы они немцами или англичанами, так непременно пристегнули бы. Но они же американцы! Техасцы! Не удивлюсь, если она заморочила им обоим голову.

— Хочешь сказать, предложила им развлечься? И что? Ну, и развлекались бы с ней до утра, по очереди. Из вагона-то куда она делась?

— Она могла увлечь в вагон-ресторан одного из них, того, что помоложе, — продолжал фантазировать Тихомиров. — Дескать, угостите даму шампанским. Согласись, что она могла это сделать — со ее-то шармом, против коего ни один техасец не устоял бы.

— Если она осталась в вагоне-ресторане, об этом будет в газетах, — сказал Зак. — Я с самого начала говорил, надобно ее встречать в Сан-Антонио.

— Скажи на милость! В Сан-Антонио! — Тихомиров отхлебнул пива и вытер губы салфеткой. — Имелись бы у нас достоверные сведения, куда ее, голубушку, доставят! Так ведь не имеется же таких сведений. Где будет производиться опознание? Что, если в каком-нибудь привокзальном участке? Или это у них делается исключительно в здании суда, в

присутствии поверенных? Нет у нас таких сведений, а следовательно, надо поступать на основании тех сведений, каковые имеются.

— Сведения раздобыть можно, — отвечал Гурский, продолжая ковырять в зубах. — Поговори с Гочкисом. Скажи ему, так и так, твои люди опростоволосились, дело не кончено. Припугни его, мол, шуму много будет, ежели она начнет с ходу показания давать.

— Она не станет.

— А вдруг? Нет, ты нажми на Гочкиса. Его интерес тут прямой. Муравьева для него сейчас опаснее, чем для нас. Нажмешь?

Тихомиров с укоризной глянул на товарища:

— По-твоему, я сам бы до таких мер не додумался? Вечно ты меня поучаешь. Да я об заклад бьюсь, Гочкис уже себе места не находит! Он и без наших нажимов все силы употребит, чтоб ее найти. Вот помани мое слово, сегодня придем в клуб, а он уже там нас поджидать будет. И нажимать на него не придется, сам и сведения добудет, и людей необходимых предоставит в полное наше распоряжение.

— Шли бы его люди куда подальше. Не послушал ты меня, Гаврила Петрович. А я дело говорил. Надо было ее прямо на месте, в зале суда... — Захар оскалился в хищной улыбке. — Уж для своих-то товарищей можно было выделить пару фунтов динамита! Рванули бы за милую душу, а ты бы записку соответствующую накропал. Мол, анархисты Техаса шлют горячий привет несправедливой судебной системе. И всё!

— Ну, и кто бы это исполнил, по-твоему? — с усталой улыбкой спросил Тихомиров. — Кто из нас должен был сложить голову на чужбине ради победы анархии?

— Я бы исполнил, и ушел бы живой-невредимый, — заверил его Гурский, закуривая папиросу. — Поверь, Гаврила Петрович, здесь и не такое можно исполнить. Если одет прилично и держишься важно, ни одна тварь к тебе не приблизится. Уж я бы исполнил, а потом бы еще и свидетелем мог бы сойти, и показал бы, мол, горячий юнец итальянской наружности сразу мне показался подозрительным, хе-хе...

Он закашлялся сквозь смех.

— Велика честь, — сказал Тихомиров. — Муравьеву пусть местные ловят. Она им сейчас как заноза. Пусть ищут, пусть ловят. У нас с тобой есть дела и поважнее.

— Дела, дела... — передразнил его Гурский. — Да разве это дела, чем мы с тобой тут занимаемся? Я шел в террор ради совсем других дел. Ради таких дел, от которых кровь кипит. А тут? Не по мне ваши кабинетные битвы. Мне надобно настоящее дело.

— Будет тебе настоящее дело, будет.

Они высидели в ресторане еще час, затем отправились в библиотеку, где их ожидали разложенные на столах в отдельном кабинете карты и отчеты разных экспедиций. Еще пару часов они, борясь с послеобеденной сонливостью, провели над этими бумагами, в которых оба ровным счетом ничего не понимали. Наконец, часы пробили семь, и господ ученых пригласили в клуб, который располагался на втором этаже библиотеки.

К ученым-геологам в Эль-Пасо относились с особым почтением. Люди, способные в юности не гнаться за сиюминутными удовольствиями, а тратить драгоценное время и немалые деньги на получение образования, достойны уважения. Но кроме отблеска высокой науки, звание геолога было украшено еще и ощутимыми результатами практики. Только геолог мог превратить бесплодные земли в источник богатства. Там, где не росли даже колючки, вдруг появлялись города, вырастали миллионные состояния — потому что геологи нашли там серебро, или медь, или нефть. А что еще они могут найти! Сколько еще неожиданных взлетов к процветанию сулят эти скромные нескладные белоручки, способные часами просиживать в душном читальном зале среди пыльных фолиантов и рулонов старых карт!

Большей частью эти ученые были иностранцами. Получив солидную подготовку в университетах Старого Света, они находили применение своим знаниям и навыкам на просторах Техаса — и население штата было им весьма признательно.

Во всяком случае, в клубе, где собирались самые крупные городские дельцы,

иностранным ученым подавали не местный бурбон, и не мескаль из-за реки, а настоящий французский коньяк.

Тихомиров довольно прилично играл в бридж, и его надолго приковал к себе стол под зеленым сукном. Гурский же откровенно скучал, листая альбомы с забавными фотографиями.

Члены клуба уже начинали расходиться по домам, когда в зале появился поверенный Гочкис. Тихомиров и Гурский одновременно его заметили, хотя находились в разных углах. И одновременно подошли к нему.

Гочкис уселся на диван возле камина, где никто не мог помешать доверительной беседе.

— Джентльмены, я буду краток. Интересующая нас особа в настоящее время, скорее всего, направляется в Сан-Антонио по не известной нам дороге. Нам представляется целесообразным временно приостановить отгрузку материалов. Временно, то есть до того момента, когда вопрос с этой особой будет решен окончательно.

— Но почему? — Тихомиров не смог сдержать недовольного возгласа. — Почему этот вопрос не мешал отгрузке до сих пор?

— Потому что до сих пор эта особа находилась под контролем. Пусть не под нашим, но все же под контролем. Сейчас же ситуация становится весьма неопределенной. Наша компания не может рисковать ни своей репутацией, ни товаром, который может быть утрачен в результате непредсказуемых действий этой дамочки. Если она развяжет язык... — Гочкис развел руками. — Но смею вас заверить, что все наши договоренности остаются в силе. Надо просто подождать немного. В самое ближайшее время этот вопрос будет решен.

— Вы уверены? — спросил Тихомиров.

— Более чем уверен. Потому что мы предоставим вам все необходимые сведения. Вы легко найдете свою компаньонку.

— Почему — мы? — спросил Гурский. — Уговор был другой. Уговор был, что ей займутся ваши люди.

— Кроме того, вы только что сказали, что не знаете, каким путем она добирается, — напомнил Тихомиров.

— Пока не знаем, — согласился Гочкис. — Но у нее нет выбора, и она, добравшись до какой-нибудь станции, неизбежно сядет на поезд. Как только она войдет в вагон любого поезда, мы будем об этом знать. Все железные дороги Техаса контролируются нашими людьми. И вы сможете встретить эту особу в Сан-Антонио, прямо на перроне.

— Но почему мы? — обиженно повторил свой вопрос Гурский. — А как же ваши люди?

— *Наши* люди оказались неспособны справиться с *вашими* людьми, — сказал Гочкис. — Когда мы получили список погибших в результате нападения на пульмановский вагон, выяснилось одно любопытное обстоятельство: вместе с мадам Муравьевой в этом списке отсутствует некто Орлов, иммигрант из России. Он сопровождал ее вместе с маршалом. И именно он, как мы полагаем, сумел каким-то образом ускользнуть от людей Стиллера во время нападения. И не только ускользнуть, но и нанести немалый урон его отряду. Так что, мы полагаем, будет вполне справедливо, если по следу русских беглецов будут идти русские охотники. Не сомневаюсь, вы справитесь с этой задачей. Если, конечно, отправитесь в Сан-Антонио прямо сейчас. Ваш экспресс — через двадцать минут.

9. Новости из прошлого

Осматривая сумки, навьюченные на бандитских лошадей, капитан Орлов ловил на себе взгляды Веры — поначалу удивленные, потом презрительные. Она, конечно, была выше того, чтобы рыться в чужих вещах. Однако когда он передал ей пакет с одеждой, Вера не стала отворачиваться с гордым видом, а с любопытством приложила к себе клетчатую куртку.

— Жаль, нет зеркала.

— Тут еще брюки, — сказал Орлов. — Переодевайся, я не смотрю. Раз уж мы едем верхом, тебе в мужском платье будет удобнее. И безопаснее.

Он ожидал возражений и капризов, но Вера послушно принялась переодеваться, укрывшись за своей кобылой.

— Знаешь, мне не привыкать ходить в мужском, — говорила она, шурша своими юбками. — Мы с Леной Оболенской часто переодевались, когда гуляли. Жили в Лесной. Ходили гулять в парк, а там место глухое, просто лес дремучий. Солдатики шастают, да и свой брат студент в такой обстановке может повести себя неподобающе. Вот мы и устраивали маскарад. Так спокойнее.

— Почему в Лесной? — спросил Орлов, не оборачиваясь, продолжая сортировать трофеи. — У вас ведь дом на Гороховой улице.

— Дом — это дом. А мы жили коммуной. Семь курсисток в одной квартире. Так удобнее. Вскладчину.

— И полная свобода.

— Да, свобода.

— Прежде всего, от родителей, — добавил он.

— Да, и от родителей, — с вызовом повторила она. — Прежде всего, от их доходов. Мы не строили теорий социализма, а сами становились социалистами. То есть жили своим трудом.

— И на какой же фабрике изволили трудиться?

Вера ответила не сразу, и он решил, что обидел ее насмешкой. Но вот там, за кобылой, протрещала разрываема ткань, и голос Веры зазвучал снова:

— Ненавижу эти платья на парижский манер. Нет, Павел Григорьевич, на фабриках мы бывали совсем с иными целями. А трудились так же, как все. Переводы, уроки, госпитальные дежурства. Знаешь... — Она помедлила. — Как-то на Рождество привезли раненых из-за Дуная, а я в ту ночь убирала в приемном покое, и в одном из офицеров узнала тебя. То есть обозналась, конечно. Но те несколько мгновений были для меня довольно болезненными.

— Извини, пожалуйста, — сказал он. — За «фабрику». Хотел пошутить, а вышла грубость.

— Ничего, я не обидчива.

— Не припомнишь, когда это случилось? Я про того раненого офицера.

— Я же говорю, на Рождество.

— Забавно, — сказал он. — Я как раз в сочельник пулю схлопотал. В спину, от снайпера. Тоже испытал несколько болезненных мгновений.

— Серьезное ранение?

Он небрежно отмахнулся.

— Пуля на излете, через месяц уже вернулся в строй. Значит, ты жила с Леной? Как она сейчас?

— Оболенская? Ее уж нет, — спокойно ответила Вера. — В восемьдесят восьмом году умерла по дороге в Сибирь, в Александровском центре. Темная история. Говорили, что от тифа. Впрочем, ничего удивительного. В центральных тюрьмах условия страшнее, чем на рудниках. Лена была осуждена на девять лет за то, что дала листовку рабочему. А оказалось, что ее негласно приговорили к смертной казни. Вот так. Ну, как я выгляжу?

Орлов обернулся. Вера одергивала куртку.

— Издалека никто не отличит тебя от мужчины. Особенно если не смотреть на дамские туфли. Но что делать с волосами?

— Резать, — категорически заявила она, наматывая прядь на руку. — Сейчас я соберу пучок, и ты отпилишь.

— К чему такие жестокости? Спрячь под шляпу. Нам только до поезда добраться.

— Это тебе только до поезда. А мне еще долго ехать. Волосы успеют отрасти. Режь, не бойся. У тебя острый нож?

— Мой нож не для этого, — сказал Орлов, вставая с сумкой, набитой консервами. — Подвесь эту сумку. Пусть еда будет на твоей лошади. А на моей — патроны и вода. И оружие. Передай, пожалуйста, винчестер.

— Вот еще! — Вера фыркнула и, подволакивая ногу, направилась к своей лошади. Она перекинула сумку и закрепила ее. А винчестер поглубже загнала в чехол за седлом. — Зачем тебе две винтовки? У тебя вон сколько оружия, а у меня что? Одни консервы? Поехали скорее, Паша, солнце уже высоко.

Она охнула и поморщилась от боли, но все же сама, без его помощи, забралась в седло.

Он раскидал песок и сухие ветки, скрывая следы их кратковременной остановки, и они снова тронулись в путь. «Да, солнце уже высоко, — с тревогой подумал капитан Орлов, оглядывая каменистые склоны ущелья. — Скоро выйдем на ровное место. Будем как на ладони».

— Ты уверен, что мы скоро сядем на поезд? — спросила Вера. — Я не вижу поблизости признаков железной дороги. Или ты хочешь вернуться туда, где нас чуть не убили?

— Нам придется попетлять, чтобы оторваться от Стиллера, — сказал Орлов.

— А я подумала, что мы заблудились.

— Не волнуйся. Лучше расскажи, как там все наши. Катя, Ростовцевы, Лебедевы...

Капитан Орлов всегда предпочитал принимать решение самостоятельно, а не после долгих обсуждений и споров. А Вера, похоже, привыкла давать советы и поучать. «Пусть уж лучше болтает, чем командует», — решил он.

— Я давно никого не видела. Как уехала после ареста, так и не видела больше никого из наших. Но, если тебе так интересно... Катя? Она стала барыней. Как вышла замуж, так мы ее и потеряли из виду. Сидит в деревне. Муж у нее — энтузиаст современных технологий. Вот они с Катериной и внедряют достижения аграрной мысли в русский чернозем. Что же до Ростовцевых, то Николай погиб при аресте, в Харькове. Жандармы ночью ввалились в типографию, а у Коли был с собой револьвер. Не его. Он должен был его передать. Коля не был боевиком, он отвечал за газету, прокламации, связи с адвокатами. Боевиком он никогда не хотел быть. Но стал отстреливаться. Он очень аккуратно отстреливался. Даже не ранил никого. А они его просто изрешетили. Я предполагаю, он осознанно выбрал такой способ самоубийства. Хотел избежать допросов и всего, что следует за арестом. Ведь это самый простой выход — погибнуть. Без документов. В чужом городе, где тебя никто не опознает. Добавить хлопот господам из охраны. А арест... Многие ведь ломаются при первом же допросе. А тот, кто не сломался, может быть оклеветан. И обязательно будет оклеветан. Поползут слухи о предательстве, и отмыться будет очень трудно. Это раньше, до Первого марта, еще можно было питать иллюзии. Можно было надеяться на открытый суд, на то, что твои речи будут опубликованы, и прочая, и прочая... Нашему поколению не досталось иллюзий. Нас убивают. И мы убиваем в ответ.

— А Лебедевы? — спросил Орлов. — Надя, Илюша, Семен? Они тоже ввязались в политику?

— О них у меня нет решительно никаких сведений, — ответила Вера.

«Значит, ввязались, — подумал он. — И значит, они еще живы и, возможно, на свободе. Вера будет рассказывать мне только о тех, кому эти рассказы уже не могут повредить».

Ему вспомнилась их последняя встреча с Николаем Ростовцевым. Тот незадолго до начала турецкой кампании вышел в отставку, поручиком, хотя мог бы сделать блестящую военную карьеру, опережая многих — и связи родителей, и личное благоволение великого князя были тому порукой. Орлов не мог понять причин, по которым Николай покинул строй. Он спросил об этом напрямую, надеясь получить такой же прямой ответ. Но старинный приятель лишь сослался на загадочные семейные обстоятельства.

— Я удовлетворила ваше любопытство, Павел Григорьевич?

— Печально все это, — ответил он. — Леночка, Коля... Что же, буду молиться теперь и

за них.

— Не стоит. Они были атеисты.

— Откуда такая уверенность?

— С Леной мы были ближе, чем сестры. А Коля — ведь он был моим мужем.

— Прости, не знал, — непонятно за что извинился Орлов.

— Гражданским мужем. Венчаться мы оба не хотели. К тому же в организации заключались только браки, необходимые для дела. Скажем, чтобы оформить наследство. Или получить доступ к ссыльному. Или... — Вера замолчала на полуслове, задумавшись о чем-то. И закончила невпопад: — И другие технические задачи.

— И все же, никто не умирает атеистом, — сказал Орлов. — Что бы человек ни говорил, что бы ни вытворял, а в последний миг обращается к Богу.

— Это утверждение так же трудно оспорить, как и согласиться с ним, — насмешливо произнесла Вера.

— Вот и не надо спорить. Я же с тобой не спорю. Потому что не знаю, не могу знать причин, по которым ты выбрала себе такую жизнь. Наверно, на то были веские причины. Может быть, ты уже жалеешь о своем выборе. Может быть, раскаяние еще впереди. Но это твой выбор, и я не могу с этим спорить.

— О каком раскаянии может идти речь? — Вера от возмущения натянула поводья, и ее кобыла остановилась. — Осуждайте меня сколько вам угодно, и я приму все ваши кары. Но раскаяние? Этого не дождетесь.

Капитан Орлов пожал плечами и ничего не ответил. Вера тоже замолчала. И теперь плелась сзади. Она даже отстала на корпус, чтобы у Орлова не появилось соблазна снова заговорить с ней.

Ущелье вывело их в долину, голую, покрытую редкими кактусами и валунами, изъеденными ветром. Орлов остановился, пытаясь определиться на местности. Его мерин тут же опустил голову, обнюхал жухлую траву под копытами и брезгливо фыркнул. «Да, брат, — усмехнулся Орлов, — тут тебе не прерия. Теперь жди, пока мы не спустимся к реке. Только там ты найдешь что-нибудь более съедобное, чем этот ковер из колючек».

— Куда нам теперь? — спросила Вера, подъехав к нему.

— Вон туда, — Орлов махнул рукой наугад. — А как выйдем к рельсам, двинемся вдоль них на восток. Здесь не заплутаешь. Чай, не в лесу.

Мягкий топот копыт и поскрипывание сбруи действовали усыпляюще. Орлов закурил трубку, чтобы взбодриться.

— Говоришь, ты не знаешь причин, — вдруг заговорила Вера. — А что ты вообще знаешь о российской жизни? Ты уехал из страны, в которую никогда не сможешь вернуться, даже если захочешь. Потому что ее больше нет. После Первого марта Россия изменилась.

— Меня не было дома ни первого марта, ни второго, — равнодушно ответил капитан Орлов. — И я не собираюсь возвращаться. Однако не следует думать, что я так-таки ничего не знаю. К счастью, у меня есть возможность читать газеты. Разные газеты. Русские в том числе.

— Из русских газет ты не узнаешь правды.

— Что ж, американским и европейским я тоже не больно-то доверяю. Но когда сопоставляешь сведения из разных источников, можно получить определенную картину.

— Любопытно, что же за картину ты нарисовал в своем воображении? Поделись, не сочти за труд.

— Это еще не картина, а так, наброски. Черновики, если угодно.

— Ну, хотя бы общее направление можешь выразить? — не отставала от него Вера.

— Общее направление? С какой точки зрения?

— Да с любой! — нетерпеливо сказала она.

— С любой? Ну, скажем, с военной точки зрения, государство российское подвергается диверсиям скрытого противника. На виду только исполнители, а штабы — недостижимы, да и не установлены с нужной точностью.

— Это мы уже слышали, и не раз! — заявила Вера. — В верхах уже даже собрали тайную дружину. Чтобы изыскать эти «штабы», как ты изволил выразиться. И чтобы перебить всех эмигрантов, от коих и распространяется революционная зараза. Неужели ты сам не понимаешь, что это плод больного воображения? Проще всего свалить свою беспомощность на тайных врагов!

— Ты просила рассказать про общее направление, так изволь дослушать, — остановил ее Орлов. — Я человек военный, и сужу о политике по-военному. Теперь скажу о другой точке зрения. Можешь назвать ее моралистической. Так вот, с точки зрения морали, люди, которые стремятся к власти путем кровопролития, не заслуживают ни поддержки, ни одобрения, ни сочувствия.

— Разве я требую сочувствия?

— А разве мы говорим о тебе? — парировал Орлов. — Ты спросила о картине происходящего там, в далекой стране, которой больше не существует. Наша беседа — чистая абстракция, мы говорим о том, чего нет в природе. А ты — вот она, вполне материальный субъект, а не абстракция.

— Да, речь не обо мне. Речь о тебе. Я хотела знать, на чьей ты стороне, вот и все.

— Сейчас мы с тобой на одной стороне, — сказал капитан Орлов. — Если появятся хозяева лошадей, на которых мы едем, ты это очень хорошо почувствуешь.

Он искренне желал, чтобы помянутые им ублюдки действительно показались на горизонте. Уже легче отстреливаться и удирать, чем вести такие разговоры.

Но горизонт был чист. Никаких признаков погони. Впрочем, и признаков железной дороги тоже пока не наблюдалось.

— Хорошо! — снова начала Вера. — Но кто тебе сказал, что мы стремимся к власти?

— У заговорщиков не может быть иной цели.

— В таком случае мы никогда не были заговорщиками. Нашей целью было пробуждение народа. Власть? Пусть страной правят те, кто умеет это делать. А таких людей надо искать не только в царских чертогах. Рано или поздно все поймут, что правителей надо избирать. И мы добивались не власти, а перемен. Если бы нам не затыкали рот, если бы нас не размазывали в грязь только за то, что мы думаем иначе, чем предписано! Если бы власть соблюдала хотя бы те законы, которые сама же и установила! Если бы... Хочешь знать, что было написано в предписании, когда меня впервые взяли? Не поверишь! «Арестовать впредь до выяснения причин ареста». Надеялись, что я сама на себя дам обличительные показания! И такое творилось ежедневно. В полицейскую мясорубку мог угодить любой. По малейшему подозрению. По самому нелепому доносу. Что можно противопоставить такому произволу? Только ответное насилие. Но то было насилие на самом низовом уровне. Да, убивали не только агентов, провокаторов и жандармов. Казнили и высших чиновников. Знаешь, сколько казней совершила «Народная Воля»? Шестерых казнили. Шестерых. По крайней мере, до 84-го года. Пока еще существовал Исполнительный Комитет...

Она замолчала, покраснев и задыхаясь. Но быстро взяла себя в руки.

— Вот ты говоришь, с семьдесят девятого года ничего не знаешь о России. Так знай, что только в том году Александр приказал повесить шестнадцать наших товарищей. За умысел на цареубийство. За листовки. За то, что передали деньги на нужды партии. Причем военно-полевой суд приговаривал их к расстрелу, но государь настоял именно на повешении. Поверь, даже в Исполнительном Комитете никто не помышлял о цареубийстве, пока Александр сам до этого не довел. Освободитель? Да! Но и тиран! И потом, ведь мы не рассчитываем устранить монархию взрывами динамита. Мы только хотели показать, что в стране есть оппозиция. А нам не позволено даже собираться! Просто собираться, чтобы поговорить о своем! У Кати в деревне... Там на весь уезд две сельские школы. Она созвала учителей, стали обсуждать что-то свое, педагогическое, и вдруг является исправник. И всех разогнал, чуть ли не нагайкой. Потому как запрещено учителям собираться. Запрещено!

— И они сразу пошли делать бомбы, — заключил Орлов.

— Не сразу, — глухо отозвалась Вера. — Но пойдут. Иного пути нет. Террор ужасен?

Да, ужасен. Ужаснее его только одно — подчиняться террору со стороны государства. Если ты хочешь отстоять свое человеческое достоинство, то живи как человек. И умри как человек. А не как червяк под солдатским каблуком.

— Не мне тебя учить, — сказал Орлов. — Но ты ведь сейчас говоришь о гордости. Гордые вы больно. Оппозиция, достоинство. Заявить свое мнение... А нужно оно, это ваше мнение, кому-нибудь, кроме вас?

— Что же ты предлагаешь?

— Ничего. Кто я такой, чтобы тебе что-то предлагать? Ты ведь барышня образованная, натура утонченная, не чета мне, вахлаку. А только даже самый распоследний босяк тоже считает себя человеком и никем иным. И живет по-человечески. А то, что человеческая жизнь порой выглядит страшновато, так чья в том вина? Да и что с того, что живешь в грязи и муках? Это ненадолго. Жизнь — так, один короткий вздох, один взгляд. Промелькнет — и нет ее. Стоит ли ради одного вздоха устраивать такие потрясения?

— Да ты прямо философ, — проговорила Вера. — Мыслитель. Что же ты не остался в русской грязи, если жизнь — только один вздох?

— В русской грязи и без меня мыслителей много. Тесновато мне там. А тут — простор, покой.

— Нет, Паша, я серьезно. Что мы все обо мне да обо мне? Мы же не на допросе. Теперь твоя очередь о себе рассказывать. Почему ты здесь, а не дома?

— Потому что мой дом — здесь, — просто ответил он.

Капитану Орлову казалось, что это вполне исчерпывающий ответ.

Но после всего, что рассказала Вера, ему вдруг захотелось сказать что-то еще. И он заговорил, неожиданно для себя:

— Но если хочешь знать, то изволь. Здесь я нужен. Здесь мне есть чем заняться, к чему себя приложить. Я ведь почти ничего не умею. Кто там сейчас потребен, в России? Толковые инженеры, умные учителя, добрые врачи. Нужны купцы, нужны проповедники. Да много кто нужен, только не наше сословие. У нас, дворян, врожденная неспособность к умственному труду, и такая же врожденная ненависть в труду физическому. А главная беда — полное наше отвращение к хозяйству. Ко всему, что требует затрат и дает презренную прибыль. Скажешь, дело дворян — в армии служить? Да только армии-то не осталось. После турецкой кампании я просился к генералу Скобелеву, в туркестанский поход. Не взяли. Сослали сюда. Что ж, служить можно и здесь, и я служил, как мог. Вернулся — и опять никому не нужен. Скобелева больше нет, Туркестан взяли без меня, с англичанами замирились. Паркет полировать я не обучался, к ручке с поклоном подходить — разучился. Что еще офицеру остается? Ждать войны? А чего ее ждать, ее везде можно найти. Вот я и нашел свою войну. Нашел в Техасе, и ладно. Мог бы и в Трансваале⁵ найти, там сейчас разгорается, и хорошо разгорится. А мог бы еще где-нибудь. Да хоть и на Кубе. В газетах пишут, дни испанского владычества там сочтены, но это будут кровавые дни. Если б меня туда позвали, собрался бы в пять минут. Но вот не зовут пока... Я человек военный, Вера. Мое дело — воевать, а не мудрствовать. Ты уж прости, но больше я об этом говорить не намерен.

— Но скажи хотя бы, с кем ты воюешь?

— А ты разве не видела? С твоими друзьями, вроде Мэтью Стиллера.

Вера вспыхнула и отвернулась.

«Все, разговор окончен», — понял Орлов. А жаль. Ему нравилось, после долгого перерыва, снова говорить по-русски.

* * *

⁵ Трансвааль — независимая республика на юге Африки, созданная выходцами из Голландии, и аннексированная Великобританией. В 90-е годы 19 века местные жители вели ожесточенную борьбу против англичан.

Сначала он увидел на фоне закатного неба цепочку телеграфных столбов. Потом смог различить светлый прямоугольник станции. Здесь, в этих краях, все нежилые здания строили из саманных блоков. Но этот дом был еще и выбелен известкой, поэтому виднелся издалека. Как раз по белым стенам Орлов и узнал станцию. Она называлась Мэйсон-Сити, хотя никакого «Сити» здесь и в помине не было. Была лишь длинная наклонная платформа, по которой в вагоны загоняли скот. Да ранчо в паре миль отсюда, со скотопригонным двором, весами для бычков, с конторой и несколькими бараками для ковбоев, которые пригоняли сюда стадо для отправки на восток. А в десяти милях был Форт Мэйсон, в честь которого и назвали станцию.

Капитан Орлов предпочел бы проделать лишние десять миль, но заночевать в форте. Однако он заметил, что у здания станции стоит одинокая лошадь, и свернул к железной дороге.

— Нам повезло, — сказал он, подгоняя своего мерина. — Кажется, сегодня на этой станции дежурит железнодорожный агент. Наверно, ждет проходящего поезда. Большая редкость на этой линии. Давай прибавим ходу, а то он соберется и уедет. Будет трудно заставить его вернуться в контору и продать нам билеты.

— Мне билет не нужен, — сказала Вера. — Ты забыл? Меня теперь возят за государственный счет.

Орлов осекся, и его немного наигранная радость сразу померкла. Он и забыл, что сопровождает государственную преступницу, а не подругу своего детства.

Приближаясь к станции, он увидел, как открылась дверь конторы, и на платформу вышел человек в зеленом мундире железнодорожника. Был он низенький и толстый, китель не сходил на его отвисшем животе.

— Ну что? — крикнул он издалека, смешно взмахнув короткими руками, будто пытался взлететь. — Нашли кого-нибудь?

Орлов, не отвечая, подскакал к платформе. Спешился, накинул поводья на перила лестницы, шляпой отряхнул себя от пыли и только после этого подошел к конторе.

— Вы из какой группы? Кто старший? — спросил железнодорожник.

— Нам нужно попасть в Сан-Антонио, — сказал Орлов и развернул перед ним ордер, доставшийся от маршала Паттерсона.

Толстяк пробежал взглядом по бумаге и изумленно уставился на Орлова.

— Ну и ну! Все ищут ваши тела, а вы сами явились! Так вы — живы?

— Не все.

— Про взорванный пульман я знаю! Мы всё уже знаем! Не знали только, куда подевались два тела... То есть два человека! Черт, надо срочно сообщить шерифу...

— Шериф подождет. Прежде всего сообщи в Сан-Антонио, судье Томсону. Пусть приготовит встречу. Когда поезд?

— Поезд? На Сан-Антонио? Сейчас будет денверский, потом пройдет «Океанский Бриз» до Амарильо... На Сан-Антонио через нас идет «Тусонский Экспресс», завтра в час двадцать. Ну, примерно в час двадцать... Надо дать телеграмму, чтоб экспресс сделал у нас остановку, а то ведь он тут проносится, как ураган... Но кто бы мог подумать! Вы живы! Эти подонки никого не оставляют в живых! Это наверняка те самые, что взорвали почтовый вагон в Калифорнии! Там тоже никто не выжил! Кто бы мог подумать! Ну и переполох поднялся у нас! С каждого ранчо ребята отправились на поиски! Шериф обещал премию, если найдут хотя бы тела, а вы тут сами являетесь!

— Значит, премия — твоя, — Орлов похлопал толстяка по плечу и подтолкнул его к конторе. — Свяжись с Сан-Антонио. И не забудь, что нам надо сесть на поезд.

— Свяжусь, свяжусь! Мое начальство даже приказ разослало по всем линиям. Чтобы сообщить в центральный офис, на какой поезд вы сядете. Так что, приятель, ты уж извини, я сначала отпрапую по своему ведомству, а уж потом по твоему, по судейскому. — Он уселся к телеграфному аппарату и провел пальцем по расписанию, лежавшему на столе. — Так-так, отпраплю-ка я вас не аризонским, а почтовым из Санта-Фе. Он у нас пройдет ночью.

Чего вам ждать до полудня, верно? Ночью посажу на почтовый, и спокойно отправлюсь спать. А то я тут уже, считай, сутки торчу. Значит, почтовый из Санта-Фе. Вам ведь все равно теперь спешить некуда? Потихоньку, потихоньку, с остановками, на следующее утро будете в Сан-Антонио.

Продолжая приговаривать, толстяк непрерывно стучал телеграфным ключом. Подивившись его ловкости, Орлов глянул в окно. Вера понуро ссутулилась в седле. «Да, нам спешить некуда», — подумал он. Ночью они сядут в поезд, который будет тащиться целые сутки, кланяясь каждому столбу. Хорошо, если сутки. А с учетом неизбежных задержек, скорее всего, они прибудут на место только на следующий день. Веру заберут, а он отправится домой. Нет, не домой. Придется возвращаться в Эль-Пасо, чтобы написать гору отчетов. А потом забыть обо всем. И заняться поисками Мэтью Стиллера. Пока убийцы Паттерсона живы, капитан Орлов не сможет спать спокойно.

Он подошел к Вере и подал ей руку:

— Подождем здесь. Скоро будет наш поезд.

— Наш поезд... — Она словно не замечала его руки, глядя куда-то за горизонт. — Послушай, Паша, а будут ли у тебя неприятности по службе, если я все-таки не доеду до Сан-Антонио?

10. Последняя остановка

Станция Ла Коста была последней, где должен был сделать остановку почтовый поезд, прежде чем прибыть в Сан-Антонио. Мэтью Стиллер примчался туда под вечер, и жутко разозлился, увидев, что на перроне уже прогуливаются Майер с Заком. Он тут же развернулся, пока они его не заметили, и зашагал обратно к конюшне, где стояли его парни.

— Уходим, — бросил он, взлетая в седло. — Нам тут нечего делать.

Он хотел плюнуть на все и засесть в ближайшем кабаке. Полковник ему не доверяет. Полковник поставил над ним этих иностранцев. Полковник думает, что Мэтью Стиллер станет подчиняться какому-то переодетому полицейскому и длинноволосому щеголю!

— Правильно, — сказал один из его парней, Гек Миллс. — Перехватим поезд в Пирсоне, он там будет стоять целый час.

«В Пирсоне? — подумал Мэтью. — Почему бы и нет? А выпить можно будет и после дела».

— Сколько отсюда до Пирсона?

— По прямой миль десять, — ответил Гек.

— Знаешь дорогу?

— Я тут гонял дилижансы лет пять назад. Если старую дорогу завалили оползни, объедем по тропам. Всё равно потратим не больше часа. Еще и ждать придется.

Они поскакали по пыльной дороге. Мэтью нахлобучил шляпу чуть не на нос, прикрывая глаза от лучей садящегося солнца. Дорога змеилась по кособокому, забираясь все выше, а потом таким же зигзагом повела их вниз.

— И это ты называешь «по прямой»? — сердито крикнул он Геку. — Петляем уже час, а еще и рельсов не видно!

— Да вот же, вот! — Приятель вытянул руку. — Видишь мост? А за мостом холм. Вот за тем холмом и будет станция. Там поезда подолгу стоят. Особенно если почтовый, обязательно застрянет.

— А не застрянет, так мы ему поможем застрять, — сказал Мэтью.

Он обернулся на скаку, оглядывая парней. Из них он хорошо знал только Гека. Остальных троих прислал Полковник. Судя по ревизорским значкам в виде щита, они служили в охране какой-то железной дороги. Пару таких же значков нацепили себе и Мэтью с Геком. Теперь они могли спокойно войти в любой вагон, могли остановить поезд, могли даже ссадить и задержать любого пассажира. Как раз это они и собирались сейчас проверить.

Полковник сказал ему, на каком поезде прибудет та девица, что хапнула сумку с деньгами. Но не предупредил, что ее будут встречать еще и иностранцы. Вспомнив об этом, Мэтью снова разозлился. Он понимал, что иностранцы успокоятся только тогда, когда девки не будет в живых. Им было плевать, что у Стиллера могут быть какие-то свои интересы в этом дельце. И больше всего злило Мэтью то, что Полковник ему так и сказал — мол, помоги моим европейским друзьям избавиться от этой проблемы. Избавиться! Конечно, что такое для Полковника двадцать тысяч? Он привык считать миллионами. А вот Мэтью не пристало разбрасываться долларами, да еще такими, трудовыми, из-за которых пришлось немало попотеть. И он не позволит какой-то шлюхе отнять у него эти денежки. Ее надо убить? Конечно, надо. Но пусть она сначала расскажет, куда спрятала деньги! Двадцать тысяч — это не двадцать центов! Да он бы убил и за двадцать долларов, а тут двадцать тысяч...

— Поезд! — крикнул один из присланных парней.

— Не наш, — уверенно ответил Гек Миллс. — Вагоны красные. Наши будут зеленые с желтым. Все, кроме пассажирского вагона. Тот будет синий. Не перепутаем.

— Хотел бы я знать, как ты ночью отличишь зеленый от синего.

— Так он же в самом начале будет, — важно пояснил Гек. — Его самым первым ставят, потому что он идет до конечной станции, а почтовые вагоны тасуют. Как колоду карт. Иной вагон, бывает, пробежит лишь один перегон, как его отцепляют. А иногда отцепят, откатят куда-то, потом снова подгоняют к тому же составу.

— Хватит болтать, — оборвал его Стиллер и пришпорил коня.

Ему не понравилось, что Гек распустил язык. Его дело — помалкивать и выполнять приказы. Нечего тут выставлять себя знатоком.

Обиднее всего было то, что Гек и вправду знал про железные дороги побольше, чем Мэтью. Он грамотный, и мордашка у него смазливая, и повадки городские. Вот он и околачивался на станциях, когда надо было подготовить очередное ограбление. Кроме Гека Миллса, в банде было еще несколько парней из городских. Да и те, кто ничего не видел, кроме своей фермы или ранчо, те тоже могли иногда распустить язык и поразглагольствовать о том, как растить скот, или сеять люцерну, или сплавлять лес по реке, или о прочей дребедени. Все они были кем-то еще до того, как стали бандитами. Один только Мэтью Стиллер был вне закона с самого детства. Он был вором, пока не набрался силенок. Потом стал грабителем. В тюрьме сдружился с угонщиками скота и, отсидев, подался с ними в Вайоминг. Там он провел, наверно, самые веселые годы своей жизни. Дело было поставлено с размахом. Банды Вайоминга, Юты и Колорадо сговорились между собой, и на стыке этих штатов устроили нечто вроде огромного ранчо. Там было полно укромных местечек, самым богом предназначенных для того, чтобы прятать угнанный скот. Оставалось только рассортировать да переклеймить бычков, телят и коров, а потом появлялись ребята с бумагами и, как законные владельцы, гнали стадо к железной дороге.

А потом он попал в команду Зебулона Мэнсфилда. «Люди всегда хотят мяса. И мы даем то, чего им хочется», — говорил Зеб. Однако сам он хотел не только мяса, но и денег. А деньги не пасутся в степи, их возят в особых вагонах. И захватить такой вагончик намного сложнее, чем отбить стадо у ковбоев, изможденных долгим перегонном. Но Мэнсфилд потому и стал миллионером, что голова у него работает лучше, чем у всех остальных. Владельцы железных дорог объединялись, чтобы организовать охрану перевозок. Значит, и бандитам следовало объединиться, чтобы справиться с этой охраной. Все очень просто. Только где вы найдете такого бандита, который согласился бы работать с чужаком? Это дело строится на доверии. Ты должен быть на сто процентов уверен в парне, который идет с тобой на дело. А в больших командах нельзя досконально знать каждого...

— Остановимся здесь, — решил Мэтью Стиллер, сворачивая к тополиной роще неподалеку от насыпи. — Увидим поезд — успеем добраться до станции. А сейчас нечего там крутиться.

Они расположились под деревьями, и трое «ревизоров» тут же стали прихорашиваться

— отряхивались от пыли, чистили сапоги, натирали до блеска свои бляхи.

— Договоримся так, — сказал Стиллер. — Вы трое заходите в вагон. Проверяете билеты. Дойдете до нашей парочки. Прикажете им выйти из вагона. Мужик станет упираться. Скажете ему, что в пассажирском вагоне нельзя перевозить преступников. Ваше дело — ссадить их. Как только они выйдут, мы с Гekom ими займемся.

— А если они не выйдут?

— У вас три ствола. У вас значки. А он — законопослушный гражданин, рейнджер. И не дурак. Он выйдет. Будет вам грозить, но выйдет.

— Может быть, тебе лучше бы пойти с нами?

— Нет, не лучше, — сказал Стиллер.

А Гек добавил, покрутив пальцем у виска:

— Они же нас видели! Баба сразу все поймет!

— Хорошо, мы их высадим, — сказал один из «ревизоров». — А что дальше? Что с ними делать? Где ты собираешься с ними разбираться? На станции — люди. Была бы у нас телега, мы бы их увезли. А так... У нас даже лошадей запасных нет. Что, будем ждать, когда подадут арестантский вагон?

— Хватит умничать! — рявкнул Стиллер. — Я знаю, что с ними делать. Ваше дело маленькое. Высадите их — и можете убираться.

Он готов был застрелить этого умника. Потому что тот был прав. Стиллеру до сих пор не приходило в голову, что допросить девицу будет не так-то просто. Где он с ней сможет уединиться? И куда девать сопровождающего? Ясно, что его надо будет сразу прихлопнуть, но как это сделать на станции?

Его опять охватило чувство злобного бессилия, как в прошлый раз, когда они заложили динамит, а тот не взорвался. Если бы он тогда не думал о том, чтобы заполучить девицу живой, все получилось бы гораздо проще. Незачем было устраивать переговоры. Только время потеряли. А девка все равно ускользнула. И сейчас будет то же самое. Те, кто послал его сюда, заранее все просчитали. Мэтью должен делать то, что должен делать, и ничего кроме этого. Он должен убить девку, если ее не смогут убить Майер с Заком. И всё. Никаких разговоров.

Значит, прощайте, двадцать тысяч?

Значит, так.

Мэтью заскрипел зубами от ярости.

— Ты что? — испуганно глянул на него Гек.

— Ничего. Старую рану прихватило, — ответил он и потер плечо, когда-то порезанное в пьяной драке.

* * *

Ожидалось, что поезд прибудет к полуночи, а пришел он только под утро. Мэтью всю ночь был на ногах, боялся проспать. При свете костра резался в карты. Было холодно, но он не позволил ни себе, ни своим людям хотя бы разок приложиться к фляге с бурбоном. Едва ночное небо разрезал луч прожектора, они кинулись к лошадям. Торопливо затянули подпруги и помчались к станции.

Стиллера трясло от холода и усталости. Злость прошла. Он перестал думать об утраченных тысячах, и мечтал только об одном — поскорее оказаться в теплом и светлом салуне, поставить перед собой бутылку и медленно напиться, напиться так, чтобы придти в себя только через несколько дней...

Он занял свое место — у выхода из вагона, у самой подножки. Тот, кто спустится, окажется к нему спиной. Первым, конечно, спустится сопровождающий. За ним шагнет девица. Надо будет сначала стрелять в мужика — тот вооружен. Потом в бабу. Потом взять револьвер покойника, сделать пару выстрелов, чтобы не было лишних разговоров. Четверо свидетелей подтвердят, что сопровождающий стрелял первым, а Стиллер только защищался.

Девка же погибла при попытке к бегству.

Парни заскочили в вагон. В окнах зажегся свет, и на темном перроне расстелились желтые прямоугольники.

— Что-то долго возятся, — пробормотал Гек, стоявший рядом.

— Иди к другому выходу, — спохватился Мэтью. — Могут оттуда сойти.

— Да нет, не могут. Тамбур заперт. Там же дальше почтовые вагоны, двери опломбированы...

— Иди! Умник.

Гек пожал плечами и отправился к другому концу вагона.

Придется стрелять в спину, чтобы наверняка. Целить надо в самую середину, в хребет. Если взять чуть правее или левее, пуля может скользнуть по лопатке. Такой выстрел сбивает с ног, и вырубает человека надолго. Но порой даже с пулей в башке люди могут еще долго жить. И не просто жить, а стрелять.

Бывает, что пуля проходит под лопаткой. Хорошо, если попадет в сердце. Но если только прошьет легкие, то у раненого опять остается несколько секунд, чтобы сделать ответный выстрел. Потом-то он захлебнется собственной кровью, но от этого мало радости тому, кто схлопочет пулю от умирающего.

Нет. Целить надо четко в середину, в позвоночник. Такой выстрел тоже иногда не сразу убивает. Но раненый падает, как срубленное дерево, и лежит, как бревно. Хлопает глазами, рот разевает, как рыба на берегу, а сделать ничего не может.

Этой науке Стиллера обучал сам Курт Мэллиган, а уж тот знал свое дело. Он мог убить человека одним выстрелом из дамского пистолетика, а мог засадить пятнадцать пуль из винчестера, и только шестнадцатой — прикончить. Не для развлечения. Просто у Курта был такой метод допроса. Сначала он отстреливал пальцы на ногах, потом на руках...

Стиллер услышал шаги в коридоре вагона и положил ладонь на рукоятку кольца.

Была у Стиллера тайна. Страшная тайна, которую он не мог бы доверить даже ближайшему другу, если б таковой у него был. Мэтью часто стрелял в людей, но до сих пор никого не застрелил. Пьяные стычки, неизбежные при его образе жизни, иногда заканчивались поножовщиной. Угоняя скот, он стрелял по охранникам, и те, бывало, падали на землю, но он не видел, как они умирают. А вот сейчас... Сейчас он впервые в жизни застрелит человека.

Завыла, отворяясь, железная дверь. Пыхтя и чертыхаясь, по ступенькам спустился кондуктор. Следом за ним на землю прыгнули трое «ревизоров».

— Ну, и где ваш старший? — спросил кондуктор, оглядываясь.

— Здесь я, — сказал Стиллер у него за спиной, и железнодорожник вздрогнул.

— Я уже объяснил всё вашим ребятам. Что тут непонятного? У меня пассажирский вагон, арестантов здесь возить не положено. Поэтому они перешли в почтовый.

— Что? Кто? Как? — Стиллер почти ничего не понял из его слов, будто тот говорил по-испански.

— Да я про тех, кто садился в Мэйсон-Сити. Дама, переодетая в парня. И рейнджер из Эль-Пасо. Арестантка и конвоир. Она даже в вагон не зашла. А он поднялся, осмотрелся, да и говорит, мол, вагон не соответствует условиям перевозки. Будто я сам того не знаю! У нас не тюрьма на колесах, а вагон третьего класса.

— Где они? — спокойно спросил Мэтью.

— Сели в почтовый вагон. У него ордер. Он рейнджер. Имеет право, наверно. Да такой парень может сесть хоть в президентский люкс. Лично я не стал бы с ним спорить. Если б не знал, что он рейнджер, сразу бы поднял руки вверх и отдал бы ему всю наличность без разговоров, уж настолько бандитская рожа.

— Где они! — ледяным тоном повторил Стиллер.

— Я же говорю, в почтовом...

— В каком почтовом?

— Откуда мне знать?

Паровоз засвистел и обдал перрон клубами пара. Проводник ухватился за поручень и встал на подножку:

— Стоять не будем! И так опаздываем! А сзади уже подпирает «Техас-Канзас»! Так что будьте спокойны, никаких нарушений! Я семнадцать лет на железной дороге, у меня муха без билета в вагон не залетит!

Вагоны с лязгом дернулись. Стиллер вскочил на подножку следом за кондуктором.

— Мэт, куда? — крикнул Гек.

— Прокачусь до Сан-Антонио, — бросил он в ответ. — Встречаемся на вокзале!

* * *

Он остался стоять в тамбуре, незаметно поглядывая внутрь вагона. Пассажиров было немного. Кое-кто сидел, привалившись головой к стенке, остальные растянулись на свободных лавках.

У Мэтью еще теплилась надежда, что девица с рейнджером прячутся где-то рядом. Может быть, им надоест торчать в почтовом вагоне, среди стеллажей и ящиков? Там же и присесть толком негде, а спальные места заняты курьерами. Может быть, они захотят хотя бы немного отдохнуть на просторных, хоть и жестких, скамейках пассажирского вагона?

Но он и сам понимал, что это бредовая идея. Рейнджер, видать, крепко испугался там, в горах, когда Мэтью захватил паровоз. Так крепко испугался, что теперь до конца дней своих будет ездить только в бронированных вагонах.

Усталость брала свое, и Стиллер присел на корточки. Можно было и в вагон зайти, и вытянуть затекшие ноги, и развалиться где-нибудь в уголке — но он упрямо оставался в тамбуре, надеясь на чудо.

Задремав, он и не заметил, как пролетело время. Проснулся оттого, что поезд остановился. Мэтью привстал и глянул в окно. Станция Ла Коста. Темень непроглядная. Кто-то прошелся по платформе, раскачивая фонарем. «А где же наши уважаемые ученые, Майер с Заком? — вспомнил Стиллер. — Проспали? Что ж они не ломаются в вагон? Они ведь так стремились встретить тут свою подружку, ну, и где же они? Неужели им кто-то успел отбить телеграмму, что в вагоне пусто? Интересно, станут ли они прочесывать почтовые вагоны? Или будут, как и я, встречать девку на перроне в Сан-Антонио? Но тогда им придется ехать вместе со мной, потому что в почтовый их не пустят».

Кондуктор вошел в тамбур, позевывая:

— Ну и ночка. То одно, то другое. Какой-то бродяга по крышам бегают. Видать, спутал нас с другим поездом. Нам один перегон остался, ради такой поездки не стоит рисковать шкурой. А вот на дальних маршрутах, считай, десяток таких подонков с крыш снимать приходится. Машинисты связываться не хотят, а мне тоже за это не платят. У каждого своя работа, верно?

«Наверно, ждет, что я сейчас кинусь арестовывать этого бродягу, — подумал Стиллер, вспомнив о своем ревизорском значке. — Как бы не так».

Он все же приоткрыл дверь и выглянул наружу, словно мог отсюда увидеть того, кто устроился на крыше.

— Нет там никого, — сказал он, захлопывая дверь. — Показалось тебе.

Кондуктор не стал спорить.

— Наверно, перебрался в конец, там спокойнее, — сказал он и ушел в свой закуток.

А Стиллер снова прикрыл глаза, прислонившись к стенке. Сон подкашивал ноги, наливал голову свинцом, но Мэтью оставался стоять, держа руки на поясе. Он ждал, что вот-вот в вагон войдут эти иностранцы, Майер с Заком. Он хотел сказать им что-нибудь эдакое, обидное и насмешливое, но с дружелюбной улыбкой. Курт Мэллиган умел так поддеть человека, что тот аж зеленел от злости, а придаться-то было не к чему. Слова — они и есть слова. Вот только произнести их можно по-разному. Это как пули — с виду все одинаковые, но одни летят мимо, другие бьют наповал...

Он встряхнулся всем телом и понял, что поезд уже давно движется. Да, станция осталась далеко позади, колеса стучали ровно и часто — но в тамбуре никого не было, кроме Стиллера. Он глянул на свое отражение в черном окне. Затем посмотрел внутрь вагона — там тоже всё оставалось без перемен. «Опять обдурили, — разозлился Мэтью. — Опять что-то делается за моей спиной. Скорей бы они убрались! И чего Полковник носит с ними? Какая ему выгода от этих иностранцев? Чем они его так обворожили?»

Теперь-то можно было войти в вагон и разлечься на лавке. Но это означало признать себя побежденным. И Стиллер остался сидеть на корточках в тамбуре. Пусть кондуктор думает, что так и надо...

Ему приснилось, что он попал под рухнувший дом. Торнадо. Где это? Кажется, Канзас. Ну да, рынок в Коффивилле, где продают краденый скот. Торнадо. Черная воронка, извиваясь, движется вдоль дороги, и во все стороны разлетаются коровы, мулы, негры. Вот самый острый кончик прошелся по крыше сарая — и сарай обратился в ливень летящих досок, и доски эти вдруг всей кучей обрушились на Мэтью вместе со стеной соседнего дома, и он задышался под грудой кирпичей, и не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой...

— Смотрите-ка, этот живой! — сказал кто-то в темноте. — Шевелится!

Он почувствовал, как его тело оторвалось от земли и поплыло в воздухе. Самого тела он не ощущал. Словно не было у него ни рук, ни ног. Было только это плавное движение, словно по волнам невидимой реки. Почему-то он боялся открыть глаза. Но вот появилась боль. Остро саднило в ушах. Что-то булькало в носу и горле при каждом вздохе.

Мэтью Стиллер открыл глаза и увидел над собой хмурые облака. «Странно, — подумал он. — Дождя нет, а у меня вся морда мокрая». Он облизал губы и ощутил вкус крови.

— Повезло тебе, ревизор, — сказал ему кто-то, и Мэтью вдруг понял, что над ним склонилось множество людей. — Всех поубивало, один ты остался живой.

— Что это было? — пролепетал он непослушными губами.

— Рвануло в вагоне. На ходу рвануло. Кто-то вез с собой динамит. Вот и рвануло. Повезло тебе.

— Что? Динамит?

— Динамит, динамит.

11. Дважды убитые

Орлов и Вера ехали в последнем вагоне, расположившись среди ящиков с каким-то оборудованием. Уютный запах строганных досок наводил на мысли о скором возвращении домой. Дома ждали дела и заботы, и заботы эти были весьма тягостными. Орлов и раньше с большой неохотой совершал этот переход из рейнджеров в бизнесмены. А тут еще и Вера...

Он заставил себя думать о чем-то другом. Скажем, о том, как спасти свой керосиновый завод. Уже второй год он отбивался от настойчивых предложений о продаже бизнеса. Все подобные производства в штате за несколько последних лет стали принадлежать одной компании — «Стандард Ойл», и только орловский заводик пока еще разливал керосин в бочки с собственной маркой. Стадия уговоров длилась целый год, потом начался период угроз, и скоро эти угрозы начнут воплощаться в жизнь.

Но тут он глянул на Веру, вспомнил о Паттерсоне, и ему стало стыдно. О чем он думает? Какие угрозы могут сравниться с тем, что предстоит пережить Вере? И с тем, что пережил Нэт Паттерсон перед смертью?

До Сан-Антонио оставался последний перегон, когда прогремел взрыв. Поезд на ходу дернулся и стал резко сбавлять ход. За окном в темноте проплывали какие-то горящие ошметки. Когда поезд, наконец, остановился, Орлов вместе с проводником выскочил на насыпь.

Впереди, у самого паровоза, ярко горел пассажирский вагон. Пламя вырывалось из окон, завивалось над сгорбившейся крышей. Смердный дым сочился из всех щелей.

Проводники и почтальоны сгрудились у насыпи, молча глядя на пожар. Орлов же

вернулся в свой вагон, к Вере.

— Ты была права, — сказал он, торопливо собирая сумку. — Они не дадут тебе добраться до Сан-Антонио. Ну и не надо. Уходим.

— Что там случилось?

— Они взорвали вагон, где мы должны были ехать. Не знаю, как, но взорвали. Они знали, что мы должны быть там. И взорвали. Ну и хорошо. Теперь все ясно.

— Что тебе ясно?

— Теперь я знаю, что делать. Ты готова?

— Куда мы?

— Подальше отсюда, вот куда.

Он спрыгнул и подал ей руки, и Вера оказалась в них, легкая и хрупкая. «Ее могли убить», — подумал Орлов. Будто и сам не погиб бы рядом с ней, если б они не перебрались в почтовый вагон.

Они уходили всё дальше в темноту, а за спиной раздавались крики, заглушавшие треск огня. «Деревянные лавки и обшивка вагона сгорят быстро, — думал Орлов. — Они вспыхнули от взрыва, разгорелись на ветру, пока поезд еще не остановился. Живых там не осталось. И с опозданием тел тоже будут проблемы. Отличная возможность начать новую жизнь. Жаль, что мне это не нужно».

— Как нога? — спросил он, обернувшись.

— Если не бежать, то все в порядке, — чуть задышавшись, ответила Вера. — Сколько отсюда до города, не знаешь?

— Нам не нужен город. Нам нужна какая-нибудь ферма. Или ранчо.

— Понимаю. Ты хочешь нанять повозку, чтобы отвезти меня в Сан-Антонио.

— Забудь про Сан-Антонио, — сказал он. — Забудь. Тебя взорвали динамитом. Тебя сожгли на костре. Тебе придется многое забыть, чтобы начать новую жизнь.

— Это невозможно.

— Забудь это слово, «невозможно».

Впереди мелькнул огонек, потом еще один. Орлов свернул к ним, и скоро смог различить на фоне предраассветного неба прямоугольники нескольких домов. В одном из них светилось окно. Огоньки, мелькавшие у дома, оказались светом керосиновых фонарей, с которыми кто-то сновал. Слышались возгласы, скрип колес.

— Запрягают, — сказал капитан Орлов и оглянулся.

Свет пожара заметно потускнел, и слабел с каждой секундой.

«Гасят, — подумал он. — Наверно, машинисты что-то придумали. У них же полный котел воды, наверно, как-то использовали. Надо будет потом узнать, как у них тут гасят подорванные динамитом вагоны. Пригодится».

Он потянул Веру за руку и присел на землю.

— Отдохнем, — шепнул он ей. — Сейчас мимо нас проедут люди. Они на пожар торопятся. Пусть. Нам с ними не по пути. Нам — в другую сторону.

— Что ты задумал, Паша?

— Некогда думать. Потом разберемся, а сейчас надо уносить ноги.

Они затаились, и повозка, скрипя колесами, прокатилась шагах в десяти от них. Было слышно, как люди в ней переговариваются по-испански. Орлов выждал, пока она исчезнет, и уверенно зашагал к домам.

На крыльце под лампой стояла пожилая женщина в ночной рубаше, с накинутой на плечи шалью. Она прикрутила фитиль, убавляя яркость. Для тех, кто будет возвращаться в ночи, хватит и едва заметного огонька, чтоб не заплутать.

Орлов похлопал в ладоши. У мексиканцев это принято вместо стука в калитку. Собственно, калитки здесь и не было. Была только покосившаяся изгородь из кривых жердей.

— Сеньора! — Он приветствовал ее на испанском. — Не подскажете, далеко ли до Сан-Антонио?

Женщина запахнула шаль на груди и отступила к двери.

— Эй, Мигель! — окликнула она кого-то.

Орлов вышел на свет и остановился, не приближаясь к крыльцу. Если в доме есть Мигель, то, конечно, говорить надо с ним, а не с женщиной.

Из окна вытянулся длинный ствол винтовки, и мальчишеский голос грозно приказал:

— Стой там, где стоишь! Оружие есть?

— Оружие у моего друга, — сказал Орлов, показывая в темноту у себя за спиной.

— Много вас?

— Нас двое, и мы очень устали. — Орлов заговорил быстро и дружелюбно. — Смертельно устали. Два дня мы бредем на своих двоих, после того как у нас украли лошадей.

— Украли лошадей? Где это случилось?

— Мы ночевали в Гринфилде. Встал на рассвете, а конюшня пустая.

— Что-то вы больно долго шли сюда от Гринфилда, — недоверчиво протянул паренек.

— Мой друг подвернул ногу и не может идти быстро. Если бы нас кто-нибудь подвез до Сан-Антонио, мы бы хорошо заплатили.

— У вас много денег?

— С собой немного, но я бы рассчитался дома. Мы там живем.

Женщина шагнула с крыльца, подняв лампу над головой, и подошла ближе к Орлову, разглядывая его.

— Ты одет по-городскому, но почему такой грязный? Похоже, ты скитался не два дня, а две недели. Ты гринго, но говоришь по-нашему так чисто, как говорят только священники. Твой друг подвернул ногу? Я не удивлюсь, если его нога перевязана, а повязка пропиталась кровью. Потому что ты сам пахнешь кровью. Кровью и смертью, вот чем ты пахнешь.

— Не хотите нас отвезти, так хотя бы скажите, далеко ли до города, — смиренно произнес Орлов.

— Подожди, когда вернутся мои сыновья, — сказала она. — У нас есть коляска, и лошади хорошо знают дорогу до Сан-Антонио. Только никто не повезет тебя, пока не увидит денег.

— Никто? А ваши соседи?

— Старый Санчес не глупее нас. Были бы у тебя деньги, ты мог бы купить у него какую-нибудь клячу. Но в город он тебя не повезет. А больше ни у кого нет лошадей.

— Что ж, тогда подскажите, кто бы мог пустить нас на ночлег?

— Иди в таверну. Ты легко ее найдешь — там собака на привязи. Как услышишь лай, значит, скоро таверна.

Он попятился, продолжая улыбаться, и краем глаза следя за винтовкой в окне. Ему не нравилось, что ствол поворачивается, сопровождая его.

Он отступил еще дальше, пока не услышал, как где-то рядом дышит Вера.

— О чем вы говорили? — спросила она шепотом.

— О разных пустяках. Но теперь я знаю, где мы возьмем лошадей. И знаю, что нам не стоит тут задерживаться.

То ли его глаза привыкли к темноте, то ли начинало светать, но Орлов уже отчетливо видел дорогу между приземистыми домиками и каменными заборами. Он шел, пригнувшись, пока не почуял запах конского навоза.

— Здесь. Подожди меня, я быстро.

Он уже шагнул было к дому, но тут ему пришло в голову, что вернувшиеся сыновья пожилой сеньоры могут отправиться на их поиски.

— Ты должна пройти немного вперед по улице, — сказал он Вере. — Иди, пока не залает собака. Как только услышишь ее, поворачивай назад, и жди меня здесь.

Вера ушла, ничего не спросив. А Орлов подошел к дому и постучал в закрытые ставни, за которыми теплилась полоска света:

— Сеньор Санчес!

— Кто там? — тут же послышался голос из комнаты.

— Мне сказали, что вы можете продать пару лошадок.

Ставни распахнулись, и наружу высунулась усатая физиономия.

— В чем дело, амиго? Что это там у вас горит, на железной дороге? С чего бы тебе с утра пораньше потребовалась пара лошадок?

— Двести долларов за двух оседланных лошадей, — сказал Орлов.

Обычная цена составляла в этих местах пятьдесят-семьдесят долларов. Но то была дневная цена.

— Двести пятьдесят! — быстро ответил мексиканец.

— Двести двадцать, — сказал Орлов, хотя был готов выложить и триста. Но покупка без торга могла бы обидеть продавца.

— Черт с тобой! Двести сорок, и вода в придачу!

— Вода?

— Две фляги чистой ключевой воды!

— По рукам.

Над поселком разнесся яростный лай.

— Что за нашествие с утра пораньше? — потирая руки, засмеялся Санчес. — У меня покупатель, у Карлито в таверне тоже гости. Неужели крушение? Раньше поезда часто сходили с рельсов, и мы всем помогали. Давно такого не было, давно, лет десять как ничего такого не было. Пошли в загон, амиго, тебе понравятся мои лошадки.

Капитану Орлову не понравились ни лошади, ни седла. Один мерин прихрамывал. (Санчес божился, что еще вчера ничего такого не было, наверно, камешек за подкову попал). А седла даже в темноте выглядели такими старыми, будто их выбросил на помойку еще прадед Санчеса. Но выбирать не приходилось. Приходилось, наоборот, радоваться тому, что все уладилось так быстро. И, когда над холмами поднялось солнце, Орлов с Верой были уже далеко от поселка.

— Зачем ты посылал меня дразнить собаку? — спросила она.

— Сам не знаю. Наверно, чтобы подумали, будто мы с тобой направились в таверну.

— Кто должен был так подумать?

— Ну, не знаю. Ну, скажем, братья того мальчишки, который чуть меня не застрелил. Может быть, они стали бы нас искать.

— Зачем?

— Может быть, им бы захотелось узнать, сколько денег в моих карманах. Может быть, им бы захотелось попользоваться городской дамочкой, которая шатается по ночам в голой степи. Все может быть.

— Фу, «попользоваться»! Вы, граф, выражаетесь, как денщик.

— А вы, княжна, пристааете, как банный лист.

— Не сердись, Паша. Я всего лишь хочу знать смысл того, что делаю.

— Да? Всего-то?

— «Каждый солдат знай свой маневр». Разве не так?

— Так-то оно так. Ты хороший солдат. Сначала выполняешь приказ, и только потом пытаешься понять его смысл.

— Не смейся надо мной.

— Я не смеюсь, что ты! — Он заглянул в ее глаза, насколько это было возможно на скаку. — Я ведь сам такой. Сначала делаю, потом начинаю осознавать, зачем я это сделал. И если честно, далеко не всегда нахожу ответ.

— Скажи еще, что ты по ночам думаешь о смысле жизни, — съязвила Вера.

— Чего нет, того нет. Но иногда, знаешь, накатывает. Едешь так вдоль каньона, волочишь за собой для опознания труп какого-то подонка, вдруг встанешь, оглянешься... Мать честная! Куда я попал? Где березки, где трава-мурава, где нива золотая? Где все эти милые мелочи, к которым привык с малолетства? Одни скалы, да пески, да кровь, да гарь. И задумаешься: а зачем я здесь? Чего ищу?

— Что я слышу? — Вера снисходительно похлопала в ладоши. — Декламация в духе

раннего Некрасова.

— Тебе смешно? Да я и сам над собой смеюсь. Хохочу до слез. Поэтому о смысле поступков лучше не задумываться. В конце концов, сами ли мы решаем, что нам делать? Может быть, нас кто-то ведет по жизни и подталкивает в нужную сторону?

— Чаше — в ненужную, — сказала Вера. — Кстати, в какую сторону мы сейчас едем? Мы ведь опять удаляемся от рельсов.

— Забудь о рельсах, — сказал капитан Орлов.

* * *

Поезд линии «Техас-Канзас» подошел к месту крушения примерно через час после взрыва, когда уже светало. Приехавшие на нем Тихомиров и Захар смешались с толпой пассажиров и побежали вместе со всеми полюбоваться редким зрелищем.

Захару было интересно посмотреть на результат действия новой для него взрывчатки. Ночью он завел под крышу вагона три пакета мелинита. Производители уверяли, что эта штука намного сильнее, чем динамит. И Гурский убедился в их правоте, увидев то, что осталось от вагона. Он был полностью удовлетворен результатом. Кроме того, он удостоверился, что новый взрыватель с часовым механизмом сработал безупречно.

Стоя в толпе, он несколько раз оглянулся на Тихомирова, ожидая от того высокой оценки. Но «главный террорист» был слишком потрясен увиденным. Белый, как полотно, он поминутно вытирал взмокший лоб, следя за тем, как на насыпь выносят скрюченные обгоревшие трупы.

— Ну, как тебе? — не выдержал Захар. — Видишь, как дела делаются?

— Слишком сильный пожар, — ответил Тихомиров.

— Так уж получилось. Ну да ничего. Так даже лучше. Надежнее.

— Да я не о том, — Тихомиров бросил под ноги промокший платок и достал из кармана новый. — Я о листовках. Не сгорели бы.

Гурский озадаченно почесал затылок. Пачку листовок с предсмертной речью казненного анархиста он привязал к одной из вытяжных труб. Он совсем упустил из виду, что взрыв произойдет на ходу. Следовательно, листовки разлетелись довольно далеко от того места, где поезд встал после взрыва.

— Не сгорят, — сказал он.

Работами в подорванном вагоне командовал один из пассажиров канзасского поезда. У себя в захолустье он был помощником маршала, а сейчас, наверно, чувствовал себя важной птицей. Когда все трупы были найдены и уложены, а единственного выжившего перенесли в почтовый вагон, самозванный маршал приказал машинистам трогаться.

— Это происшествие не должно парализовать всю железную дорогу, — заявил он. — Слава Богу, вагон остался на рельсах, полотно не повреждено, следовательно, нет причин для остановки. Я останусь на месте и дождусь полицию. Мне нужно еще несколько человек, которые способны отказаться от личных планов ради торжества законности.

— Я останусь! — шагнул вперед Гурский. — Ради законности.

Добровольцев набралось довольно много. Возможно, они не так уж и спешили по своим делам. А возможно, желали дождаться здесь не столько полиции, сколько репортеров, чтобы потом увидеть свою фамилию, а то и фотографию на газетных страницах.

«Как сказал очевидец происшедшего доктор Альфред Миллер из Коламбуса (лечение мигреней и хронического насморка с помощью новейших препаратов из Европы), взрыв был такой силы, что...».

Крутились тут и предприимчивые жители поселков, расположенных неподалеку. С неказистых повозок под выцветшими тентами они продавали воду, лепешки и вареную кукурузу, а также предлагали подвезти до ближайшего телеграфа. Что же до Тихомирова с Гурским, то у них был свой интерес. Они дожидались официальных результатов опознания.

Ждать пришлось долго. Лепешки и кукуруза были съедены, и новая повозка, с большим котлом тушеной фасоли, была как нельзя кстати. Между двумя фургонами натянули веревки, перекинули кусок брезента — получился неплохой навес. Откуда-то взялись доски и ящики, превратившиеся в лавки и табуреты. Фасоль была настолько острой, что к ней настоятельно потребовалось пиво, хотя многим пришлось по вкусу и местный самогон.

Насытившись, Тихомиров закурил сигару и перенес свой ящик подальше от лошадей, потому что они дурно пахли. Он с наслаждением вдыхал ароматный дым и старался не смотреть в ту сторону, где лежали тела, прикрытые обгоревшими одеялами. Однако время от времени его взгляд как бы сам собой натывался на трупы. И тогда он пытался угадать, который из них принадлежит Муравьевой.

Судя по остаткам одежды, среди погибших было три женщины. «Куда они ехали ночью? — думал Тихомиров. — Честные женщины по ночам спят. А эти, скорее всего, увязались за своими дружками. Кто ездит по ночам? Те, кто боится ездить днем. Всякая шваль. Отбросы общества. Бесполезный балласт. Твари дрожащие. Вот и перестали дрожать».

Колонна повозок и всадников, вздымая пыль, приближалась со стороны города. Маршал, дожидаясь на ходу, пошел было навстречу представителям власти, но передумал и вернулся. Он встал между трупами, скрестив руки на груди и скорбно оглядывая их. Так его и запечатали фотографии, подбравшие самыми первыми.

Тихомиров остался сидеть на ящике, дымя сигарой. На вопросительный взгляд Гурского он ответил небрежным взмахом руки. Мол, без меня разберутся. На самом деле он просто не решался встать. У него дрожали руки и подкашивались ноги. И еще этот пот, холодный пот, который время от времени проступал на лице и тяжелыми каплями выкатывался из-под шляпы... Нет, уж лучше сидеть в сторонке с независимым видом и покуривать сигару.

А Захар снова затесался в толпу и был уже в первых ее рядах. Он деловито прохаживался от тела к телу вслед за фотографами, отдергивал одеяла, а после снова накрывал. Дольше всего он задержался над трупом крупного мужчины с револьвером за поясом. Он даже наклонился и поскреб обугленный лацкан сюртука.

— Здесь, наверно, был какой-то значок. Возможно, рейнджерский, — сказал он полицейскому, который тоже осматривал труп. — Наверно, потерялся.

— Почему ты так думаешь?

— Ну, вот дырка на лацкане.

— Да, похоже на то. Нас предупредили, что в этом поезде едет рейнджер из Эль-Пасо. — Полицейский осторожно вытянул из-за сморщенного ремня револьвер. — Ну и древний же «ремингтон» у него. Что? Ну и ну, смотри! Барабан пустой! Нет, он не рейнджер. Сам посуди, стал бы ты таскать бесполезную железку на себе? Бросил бы в сумку. Когда сутки напролет ходишь обвешанный оружием, будешь рад любому поводу, чтобы отдохнуть от него. А вот когда какой-нибудь фермер едет в ночном поезде, он сунет пушку за ремень, чтобы всем было видно.

— Зачем же носить разряженный револьвер?

— Так легче, чем с патронами. А со стороны не видать, что пустой. К тому же эти стволы вообще имеют дурную славу. Никогда не носи его за поясом, дружище. А если сунешь, то хотя бы вынь патрон из барабана и оставь под бойком пустую камору. Сколько было случаев, когда «ремингтон» отстреливал яйца своему хозяину!

— Не слыхал о таких случаях.

— Честно сказать, я тоже. Но все равно, этот парень — не рейнджер.

По толпе, стоявшей поодаль, вдруг прокатился ропот. Там явно произошло что-то такое, что заставило всех ненадолго отвернуться от трупов.

Захар с сожалением накинул одеяло на оскаленное черное лицо и прислушался к голосам.

— Прокламации!

- Их там полно, вдоль пути!
- Наверно, их разбрасывали через окно.
- Да нет, их взрывом разметало!
- Что там? Читайте громче, не слышно.

«...Я скажу вам прямо и откровенно: я за насилие. Если вы используете против нас пушки, мы будем использовать динамит. Позвольте вас заверить — я умру на виселице, счастливый от того, что тысячи услышавших меня не забудут моих слов. И когда вы повесите нас — попомните мои слова — они будут кидать бомбы! И с этой надеждой я говорю вам — я презираю вас! Я презираю ваш порядок, ваш закон, вашу власть, подпертую насилием. Вешайте меня за это!

Ганс Линге, рабочий».

- Да это же чикагские анархисты!

Захар, услышав это, сплюнул от досады. Он проспорил сигару. Когда они сочиняли прокламации, Тихомиров предложил этот текст из старой газеты. А Захар утверждал, что сейчас, спустя шесть лет, да еще тут, в Техасе, никто и не вспомнит о несчастных анархистах, которые забросали бомбами полицию в Чикаго. Поспорили на сигару. И Тихомиров, получается, выиграл.

- От руки написано! Мерзавцы не боятся, что их найдут по почерку!

- Это всё немцы. Немцы народ мстительный.

- Надо было тогда повесить не шестерых, а в десять раз больше!

Приехавший шериф распорядился:

- Соберите эти бумажки, все до единой. Может быть, они имеют отношение к взрыву.

- Да уж, может быть! — насмешливо отозвались ему сразу несколько голосов.

— А может быть, и нет! — возвысил голос шериф. — Они могли тут валяться и раньше. Разберемся!

Захар подошел к группе полицейских, что возились над женскими трупами. Заглядывая через их спины, он пытался рассмотреть лица погибших. Копоть и корка запекшейся крови могут исказить лицо до неузнаваемости, поэтому Захар больше надеялся на осмотр тела. Он помнил, что у Муравьевой на шее поблескивала цепочка. Возможно, она носила на груди медальон, а то и крестик с образком. «Все они кричат, что атеисты, а крестик-то носят, — думал он, следя за тем, как полицейский сдирает обгоревшие куски платья, словно луковую шелуху. — Вон Гаврила-то Петрович не может спокойно пройти мимо церкви, хоть самой простецкой. И неважно ему, протестанты там, не протестанты. Крест есть — и ладно. Зайдет, помолится, и вроде легче ему становится. Мне бы так...»

- Что там у нее на груди?

- Сейчас доберусь. Ага, кошелек. Я так и знал.

- Ну и несет от них, — отворачиваясь, пробормотал полисмен. — Что за вонь такая?

— Больно ты нежный. После взрыва всегда так воняет. Тебя бы на шахту... Так, что там у соседки?

- За пазухой пять баксов, других бумаг не обнаружено.

- Бумаг и не будет. Не тот народ, чтоб с бумагами ездить.

- Как же их опознать? — спросил Захар.

— Родня опознает. Кто знает, что родственник ехал в этом несчастном поезде, тот к нам явится на опознание.

- А правду говорят, тут ехал рейнджер с каким-то арестантом? — спросил Захар.

— С арестанткой, — поправил его полисмен. — Но сейчас не разобрать, кто тут вольный, кто арестованный.

— Все они сейчас вольные, — добавил тот, который больше всех страдал от вони. — Навеки освобожденные.

Захар вернулся к Тихомирову, открыл свой саквояж и достал сигару.

- Держи, Гаврила Петрович. Ты выиграл. Про анархистов еще помнят.

— Будешь знать, как со мной спорить.

— Да уж буду знать. А вот Муравьевой там не видно, — как бы невзначай добавил Захар.

— Что-что?

— Я вот думаю, — продолжал Гурский, — что-то здесь не то. Вроде, она там, я по комплекции вроде бы узнал. Потом гляжу — а руки-то у нее свободные. Понимаешь? Я вот чего думаю-то. После всяких этих дел тот мужик непременно наручники на нее надел бы. Потому как одному за ней не уследить. Вдвоем еще куда ни шло, а одному... Ни поспать нельзя, ни по нужде отойти. Тогда что? Прицепить ее наручниками хоть к чему, верно?

— Верно-то верно, — задумчиво протянул Тихомиров. — Но не забывай, что мужик-то русский.

— Полагаешь, могли сговориться?

— Могли. Ой, могли! Чует мое сердце, Захарушка, впустую все наши старания пропали! — Тихомиров вскочил на ноги, опрокинув ящик, и топнул каблуком. — Сговорились! Сговорились они!

— А как же телеграмма? Сказано же было, что сели в поезд...

— Сели? Ты видел, как они садились? И я не видел. И никто не видел! Потому что не было их в поезде, не было!

— Куда ж они делись?

— Сели в поезд, да в другой! Мало ли поездов? Ищи теперь ветра в поле!

— Неужто она смогла его распропагандировать?

— Ох, Муравьева! Ох и баба! — с ненавистью простонал Тихомиров. — Ох и сука! Сговорились они, Захарушка, сговорились! Ну да ничего. Мы тоже не лыком шиты. И не такие загадки разгадывали.

С руками за спиной он принялся расхаживать перед Захаром, туда-сюда, как заведенный, ссутулившись и глядя под ноги. Наконец, остановился, отвел длинные волосы с лица и с усталой улыбкой сказал:

— Мне все ясно. Надо допросить агента, который сажал их на поезд. Пусть скажет точно, на какой поезд он их посадил. Станция задрипанная, не Николаевский вокзал, два-три состава там проходят за день, не больше.

— Я тебе и без агента скажу. Через Мэйсон-Сити идут либо на Сан-Антонио, либо на Денвер. Ну, или из Денвера, но опять же — на Сан-Антонио.

— Я так и думал! — воскликнул Тихомиров. — Помнишь, в библиотеке сборник карт? Чье издание, не обратил внимание? Не Денверский ли университет?

— Вроде, так, — ответил Захар, хотя и в глаза не видал никакого сборника карт.

— Университет, картография — всё сходится! Она будет прятаться у дружков своего папаши. Больше нигде. Там ее и найдем.

— Голова! — уважительно протянул Гурский.

— Но это еще не всё, — продолжал Тихомиров вдохновенно. — Если она заморочила голову тому рейнджеру, то тем хуже для них обоих. Он-то на виду, ему нигде прятаться. А парой на нелегальное переходить — на то у них денег не хватит. Нет, Захарушка, вдвоем им далеко не уйти.

12. Изменения в контракте

В первом же городке Орлов избавился от старых кляч Санчеса — они ушли за полсотни долларов, вместе с седлами и «камушком за подковой». Вырученные деньги сразу были потрачены на то, чтобы поселиться в самом приличном отеле (из двух, имевшихся в городе), купить новую одежду и пообедать. В отеле записались как супружеская пара. К счастью, там был номер «люкс», и Орлову удалось выспаться на диване в кабинете.

Хотя у него и была с собой чековая книжка, он все же решил, что в его положении безопаснее расплачиваться наличными, и вспорол свой пояс, где были зашиты золотые

доллары. Пока они с Верой добирались до Севастополя, этот поясок заметно полегчал.

До соседнего города они доехали на дилижансе и, переночевав в привокзальной гостинице, сели на поезд, купив билеты до Остина. Однако на первой же остановке сошли, чтобы позавтракать в станционном буфете, да и не вернулись. Снова дилижанс, и снова гостиница в маленьком городке. Еще день они провели в Брайане, в отеле, который находился как раз напротив местного офиса его заклятых конкурентов, компании «Стандард Ойл». Стоя вечером на балконе, Орлов покуривал трубку и, чтобы развлечься, рассчитывал, сколько понадобится динамита, чтобы стереть с лица земли подобные офисы по всему штату, а лучше бы по всему свету.

Он старался лишний раз не думать о том, что теперь будет с Верой. Надеяться на уничтожающую силу огня не стоило. Трупы рано или поздно опознают, и те, кто охотится за Верой, снова бросятся в погоню и снова начнут раскидывать сети. А охотятся за ней серьезные люди, очень серьезные, к тому же нанятые кем-то из тузов. Картина вырисовывалась безрадостная. Туз, который сотрудничает с террористами и бандитами, должен быть весьма уверенным в своей неуязвимости со стороны Закона. Такая уверенность — признак очень больших денег. А очень большие деньги позволяют совершать невозможное. Например, можно снабдить фотографиями Веры не только частных сыщиков, но и всех полисменов штата, а также всех железнодорожных кассиров, кондукторов и ревизоров.

Он вспомнил, как засуетился агент на станции Мэйсон-Сити, спеша отбить телеграмму своему начальству. Есть связь между той телеграммой и взрывом вагона? Думать, что такой связи нет — значит, обманывать самого себя. Но если такая связь есть — значит, Вера обречена.

Он на миг представил, какая машина начала раскручиваться, когда Вера сбежала из Эль-Пасо. Как они могли ее поймать? Заявить в полицию, что некая дамочка сбежала с сумкой, полной ворованных денег? Нет, они поступили хитрее. Откуда в банках Техаса стало известно, что в обороте могут появиться банкноты из Монтаны? Этот сигнал мог исходить только от бывших владельцев исчезнувшей сумки. Они точно рассчитали, что Вера может попасться именно при обмене купюр.

А если бы не попалась?

А на этот случай они могли заявить в то самое агентство, которое разыскивает беглых иностранных преступников. Или для начала — в русское посольство. А уж оттуда ушел заказ в агентство.

Все это только на первый взгляд кажется слишком сложным. Для Важных Лиц нет ничего сложного.

Значит, Вера обречена.

Они найдут ее рано или поздно.

Чем он может ей помочь? Спрятать у себя в подвале? Она не станет прятаться. Не для того приехала.

Так чем же ей помочь? Просто быть рядом и ждать, когда могучая и безжалостная машина раздавит их обоих?

Нет, лучше ни о чем таком не думать. Лучше любоваться офисом «Стандард Ойл» и представлять, как красиво он вспыхнет, если его поджечь с четырех сторон...

— Какой приятный вечер, — сказала Вера, выходя на балкон из своего номера. — За что я люблю юг, так это за вечера. Когда воздух становится прозрачным и душистым, как вино. Особенно сейчас, поздней осенью.

— Осень лучше проводить в Новой Англии, — ответил Орлов. — Ты бывала в Вермонте?

— Нет. Но я знаю, о чем ты. Я была в Бостоне, и видела эти леса, сады и парки. Это безумие красок... Правда, тогда у меня было не то настроение, чтобы любоваться природой.

— А сейчас?

— Сейчас... — Она облокотилась о перила рядом с ним, и он снова почувствовал запах

ее духов. — В Бостоне я ходила по фабрикам, встречалась с рабочими, и восьмичасовой рабочий день был для меня важнее, чем красота мира. Да и о какой красоте можно думать, когда тебя окружают людские страдания? А сейчас... Сейчас я свободна от всего. Я живу, и понимаю, что это чудо. А чудо не может длиться долго. Наверно, поэтому я и стала замечать, как хорошо вокруг.

— Да, это чудо, что мы еще живы, — согласился Орлов.

— Не знаешь, много ли там было людей, в том вагоне?

— С десяток.

— Как можно было взорвать вагон на ходу?

— Не знаю. Тебе виднее, как это делается.

Она выпрямилась, гневно глянув на него, и развернулась, чтобы уйти к себе в номер. Но он сказал:

— Постой. Я не хотел тебя обидеть.

— Тем не менее, тебе это почти удалось.

— Не уходи. Надо поговорить, пока нам никто не мешает.

— Кто же может помешать супружескому разговору, Павел Григорьевич? — насмешливо сказала Вера, снова прислонившись к перилам. — Тем более, ночью. Должна заметить, конспиратор из вас весьма посредственный. Записали меня в жены, а ночуем врозь. Подозрительно как-то.

— В наши годы супругам позволительно спать в разных комнатах. Но я не об этом. — Орлов принялся раскуривать угасшую трубку, скрывая смущение. — Я хочу сказать...

— В наши годы? — повторила Вера. — Давно мне не говорили столь изысканных комплиментов.

— Я хочу сказать, что не повезу тебя в Сан-Антонио.

— А куда?

— Никуда.

— Никуда? — упавшим голосом повторила она. — Как прикажете вас понимать?

— Понимай, как хочешь. Я долго думал об этом. Сначала хотел предложить тебе нечто вроде сделки. Знаешь, я так привык. Сделка, соглашение сторон, договор. Здесь такие отношения. Чтобы получить, надо отдать. За все надо платить. Деньгами или трудом. Но ты — особый случай, и если бы я сказал одно только слово «сделка», ты бы обиделась.

— Я не обидчива. Но ты прав, это слово звучит гадко. Однако что же ты хотел предложить?

— Свободу. Я дам тебе денег и помогу выбраться отсюда. И ты — свободный человек. Можешь все начать сначала. Хоть здесь, хоть дома. Или в любом другом месте. Мир — большой.

— Мир — маленький, — сказала Вера. — И тесный. Но погоди, а как же твоя служба? Ты же должен... У тебя, наверно, контракт? Ну я не знаю, как это у вас называется.

— Да, я подписал контракт. Должен обеспечить охрану федерального маршала. Не обеспечил. Но кое-что еще можно исправить. Вот этим я и займусь. А сдавать тебя властям иностранного государства — слуга покорный. Тем более что этого нет в контракте.

Вера покачала головой:

— Ты иезуит похлеще моего адвоката. Но пусть так и будет. Итак, ты предлагаешь мне свободу. И что же я должна дать взамен, если это сделка?

— Это не сделка! — твердо сказал он. — Но ты можешь мне помочь.

— Как?

— Мне нужен Стиллер.

— Зачем?

— Убью его. Иначе он убьет еще многих. Ты знаешь о нем больше, чем я. Его связи. Места, где он может быть. Возможно, вспомнишь еще что-нибудь. Ты могла бы мне помочь. Но даже если не поможешь, ты все равно свободна. Я тебе не конвоир. Потому что теперь у меня есть дела поважнее.

— Вот как! — В ее голосе звучало разочарование. — Совсем вы, граф, разучились деликатному обращению. Мало того, что старухой меня обозвали, так еще и старуха-то оказалась неважная.

— Ты своя, с тобой можно не деликатничать.

— Ну да, понятно. Спали под одним одеялом, из одного котелка ели. Я для тебя не дама, а боевой товарищ, так получается?

Она фыркнула и решительно направилась в свой номер.

— Ты не ответила!

— Спокойной ночи, старый товарищ! — бросила она и хлопнула дверью так, что стекла зазвенели.

* * *

Из Брайана они отбыли на дилижансе, продолжая играть роль супругов. Сошли в Винстоне и сели на парходик, спускавшийся по реке к заливу. «Здесь и оборвутся следы, — думал Орлов. — Даже если кто-то сумеет проследить весь ее путь от здания суда в Ван Хорне до причала в Винстоне, здесь он остановится. Потому что очевидно — следующий пункт маршрута — Галвестон. То есть порт. А порт — это порог, за которым начинается иной мир. И где ее искать, в том мире? Умный поисковик остановится здесь, в Винстоне. А дураки пусть рыщут по пирсам Галвестона».

Однако на самом деле он вовсе не собирался тащиться на пароходе так далеко. Рано утром, затемно, они с Верой сошли на севастопольской пристани.

— Вот мы и дома, — проговорил Орлов, оглядывая пустынную набережную.

— Дома?

— Я тут живу. И ты поживешь какое-то время. В моем доме есть свободные комнаты. Выберешь любую.

— У тебя большой дом?

— Да, большой. Слишком большой для меня. Там раньше жила большая семья, а я поселился один. Дом в два этажа. Еще флигель во дворе, для прислуги. Конюшня большая, в восемь денников. А у меня всего-то пара лошадей там стоит. Прислуги тоже невелика команда — хозяйка да ее внучка. Вот так мы вдвоем занимаем целый дворец.

— Как долго я смогу там жить?

— Посмотрим. Я и сам ведь ненадолго сюда. Но ты не волнуйся. Можешь оставаться, сколько захочешь.

— А ты?

— А меня ждет Мэтью Стиллер. Ты ведь скажешь, где его найти?

— Если б я знала!

— Давай поговорим об этом после завтрака. Знаешь, моя хозяйка, тетя Анита, печет такие олады...

Газовые фонари горели перед зданием мэрии и вдоль парадного спуска к набережной, но дальше вдоль реки стоял густой утренний мрак. В орловском особняке светилося одно угловое окошко.

— Странно. Обычно у нас так рано не встают, — сказал Орлов, поднимаясь по песчаной дорожке, ведущей через газон к дому. — Наверно, тетя Анита чувствовала, что я сегодня вернусь.

— Паша, стой. — Вера придержала его за локоть. — Не беги. Объясни, как мне держаться. Кто я теперь?

— Ты? Не знаю. Надо подумать. Но не волнуйся. Здесь тебя никто ни о чем не спросит. Вот только... — Он остановился. — Тетя Анита все ждет, что я приведу в дом хозяйку. То есть жену. Я считаю, что она сама прекрасно управляет со всеми домашними делами. И другая хозяйка мне не нужна. Но эти разговоры не прекращаются. Боюсь, что она неправильно истолкует твое появление.

— Скажи, что я твоя кузина.

— Что ж, если копнуть, наверняка у нас найдется пара общих родственников, — согласился Орлов и снова зашагал по красному влажному песку.

Из кухонной пристройки к флигелю сочился запах кофе. Там слышались приглушенные мужские голоса. Орлов застыл, не поднимаясь на крыльцо дома.

Иногда к тетушке Аните приезжал племянник. Других мужчин здесь быть не могло. Он прислушался — голоса были незнакомые. Орлов поднял руку, останавливая Веру, и крадучись направился к кухне.

Осторожно заглянув в просвет между занавесками, он увидел двоих парней, сидящих за кухонным столом. Они играли в карты.

Орлов обошел вокруг флигеля, рассматривая следы. Их было особенно много перед входом. На песке отпечатались подкованные каблуки. Читать человеческие следы гораздо легче, чем звериные. И капитану Орлову не понадобилось много времени, чтобы выяснить: в кухне уже несколько дней сидит засада. Их двое. Сидят безвылазно, и только к нужнику натоптали тропинку.

Орлов пинком открыл дверь.

Они как раз только что сдали карты, и каждый держал их перед носом. Оба не успели и шелохнуться, как Орлов размашистой оплеухой сбил одного на пол, а второго схватил за горло и прижал к стене.

— Не дергаться, если жить охота! — зарычал он, заметив, что второй шевельнулся на полу. — Нашпигую свинцом!

Все свое оружие он опрометчиво оставил в сумке, брошенной у крыльца особняка. Но на столе, между пустых пивных бутылок, лежал кольт, и Орлов приставил его ко лбу противника:

— Кто вас сюда послал?

— Ше-ше-ше... шериф...

— Шериф? Том Бакстер?

— Да, ми-ми-мистер Бакстер.

— Зачем?

— Чтобы задержать...

— Кого?

— Кто здесь живет.

— Я здесь живу! — Орлов чуть не выдавил бедняге глаз стволом. — Здесь живу я! Какого черта Бакстеру нужно? Кто вы такие?

— Мы из «Стальной Звезды».

— Что еще за звезда такая?

— Служба охраны...

Орлов швырнул парня на пол, и тот повалился поперек своего напарника.

— Служба охраны! Вот и охраняйте друг друга! Мордой вниз! Руки за спину!

Он снял наручники с пояса и пристегнул правую руку одного к левой руке другого, так, что теперь оба лежали с заломленными за спину руками.

Уловив движение сбоку, он вскинул револьвер.

На пороге стояла Вера, с винчестером у плеча.

— Справился? Я хотела помочь.

— Последи за ними. Я осмотрюсь. Если что, стреляй не раздумывая. Они вторглись в частное владение.

Он еще раз обошел свой дом, осматривая следы и заглядывая в окна. «Похоже, что никого. Но тогда почему горит свет в угловой комнате?» — подумал Орлов.

Во флигеле с легким стуком открылось окно, и Орлов, припав на одно колено, навел кольт. Из-за занавесок показалось лицо тетушки Аниты.

— Ты вернулся, Пол! Гостей видел?

— Да.

— Я уже две ночи жгу керосин впустую. Держу свет в окне, чтоб тебя предупредить. Думаю, увидишь огонь, и почувешь неладное, будешь настороже.

— Так и получилось. Спасибо. А если б я вернулся днем?

Лицо пожилой негритянки сморщилось от широкой улыбки:

— А днем я сушила на веревке твои штаны. Ты бы сообразил, что дело нечисто.

Она вышла и направилась к особняку, держа в руках узелок.

— Ты не задерживайся. Я собрала тебе кое-чего в дорогу, поешь на ходу.

— Вот еще! — Он поднялся на крыльцо и отпер дверь. — Я у себя дома. И у меня есть, по крайней мере, час, чтобы разобраться. Что тут у вас стряслось?

Тетушка Анита только сейчас заметила, что на пороге кухни стоит Вера с винчестером у плеча, и вопросительно глянула на Орлова.

— Это моя кузина, — сказал он. — Троюродная сестра.

— Троюродная? А похожа, как родная.

— Доброе утро, — учтиво произнесла Вера, не сводя взгляда с тех, кто валялся за порогом.

— Так что тут делается? — спросил Орлов, входя в дом. — С чего это Бакстер вздумал на меня засады устраивать? Может быть, я забыл заплатить налоги?

— Люди разное говорят, — вздохнула тетушка Анита. — В газетах, говорят, тебя пропечатали так, что волосы дыбом встают. Говорят даже, что ты устраиваешь побегі преступникам и пускаешь поезда под откос.

13. Некуда бежать

Он выписывал несколько газет и любил, вернувшись после полевого сезона, рыться в накопившейся куче. Обычно Орлов начинал с самых давних. Но сегодня первым делом развернул те, что лежали не в общей куче, а на столе.

Ему бросились в глаза фотографии Веры. Рядом с теми, что были сделаны в зале техасского суда, размещались и другие, присланные из России. И трудно было поверить, что «миссис Роджерс» и «террористка Муравьева» — одна и та же девушка.

Он не стал вчитываться в судебный отчет, бегло скользнул взглядом по строчкам в поисках упоминания о себе. Ни в «Дейли мейл», ни в «Геральде» ничего не было, и только местная «Трибьюн» посвятила Полу Орлову целый абзац.

«Мы думали, что всё знаем об этом человеке. Но оказалось, мы не знали самого главного. Возможно, потому что многие вопросы, витающие в воздухе, так и остаются невысказанными? Но теперь, если мы когда-нибудь снова увидим мистера Орлова, мы обязательно спросим его. Например, мы спросим о судьбе его бывшего партнера по бизнесу, чей пакет акций Орлов выкупил у безутешной вдовы и стал единоличным владельцем завода. Мы также спросим, как ему удалось одновременно числиться в рейнджерах и управляться с производством. И, наконец, мы спросим, почему ему пришлось покинуть свою родину — не потому ли, что там он был не в ладах с законом? Согласитесь, что такие вопросы были бы неуместны в приличном обществе. Но мы рассчитываем задать их в зале суда...»

По случайному совпадению, или таким был замысел редактора, но эта статейка о беглой террористке и ее сообщнике соседствовала с заметкой о недавней трагедии в Барселоне, Испания. Преступники бросили две бомбы в зал театра. Взрывы унесли жизни почти тридцати человек, и более полусотни получили тяжелые ранения и ожоги.

Со странным чувством Орлов перечитал репортаж о взрыве вагона, в котором должен был погибнуть сам. В списке жертв было одиннадцать имен. «Могло быть тринадцать», — подумал он. Это злодеяние уже отнесли на счет неких анархистов. Подробности он читать не стал, рассудив, что у него еще будет время для более тщательного изучения всех материалов.

К свежим газетам он добавил охапку старых: когда надоест их перечитывать, сгодятся

для растопки.

Тетя Анита с внучкой оседлали лошадей, пока Орлов и Вера завтракали и собирались в дорогу. Он настоял, чтобы Вера снова переделалась в мужское платье. Но на этот раз у нее, по крайней мере, был выбор. Покопавшись в гардеробе, Вера нашла даже сапоги достаточно маленького размера. Они оказались ей по ноге, и выглядели довольно изящно. Постояв перед зеркалом, Вера спросила:

— Откуда в твоём доме женская обувь? Только не убеждай меня, что это твои сапоги, что ты их купил по ошибке и прочее. Здесь жила женщина?

— Здесь порой жили разные женщины, — ответил он, укладывая в сумку патроны. — Некоторые из них забывали тут свои вещи.

— Забывали? Как бы не так! Они их оставляли с умыслом. Метили освоенный участок. — Вера потопала каблуками, прошла по комнате и развела руками: — Ну, что сказать? Они мои. И не хотела бы, а придется носить.

Как ни торопились, а выезжать со двора пришлось уже засветло. Сначала поскакали по дороге, чтобы смешать свои следы с множеством чужих. После развилки Орлов свернул к лесу. Проезжая мимо березовой рощи, он услышал стук топора. «Лесоруб вряд ли станет отвлекаться от работы и разглядывать, кто это там скачет по лугу», — подумал он. И ошибся.

Топор умолк. А потом раздался свист.

— Подожди меня, — сказал Орлов Вере, сворачивая к роще. — Поздороваться надо. Вот же глазастый черт.

— Тебя прикрыть?

— Это свой.

Человек с топором на плече уже шел навстречу. Подскакав к нему, Орлов не стал спешиваться.

— Том, что творится? — спросил он. — Ко мне в дом вломились какие-то парни. Говорят, что их послал ты.

— Вранье. Я только сказал им, где ты живешь. И предупредил, что ты рейнджер.

— Я их связал и бросил в чулан. Разберись с ними.

— Разберусь, — улыбнулся шериф Том Бакстер. — Сегодня я занят. Завтра тоже. Если Анита не заморит их голодом, дня через два-три я с ними разберусь.

— Ну, слишком-то не затягивай.

— Сами виноваты, я их предупреждал. Не послушались. Но имей в виду, Пол, они от тебя не отвяжутся.

— Чего им надо?

— Хотят допросить тебя как свидетеля, только и всего. Ты же ехал в том поезде, который взорвали анархисты.

— На свидетелей не устраивают засаду.

— У «Стальной Звезды» свои методы. — Бакстер провел пальцем по лезвию топора, сбивая прилипшие щепки. — А я вот с утра решил дровишками заняться. Сам знаешь, ноябрь — месяц топора. Ты-то будешь заготавливать? Или надеешься топить мазутом? Он же у тебя бесплатный. Пока.

— Пока?

— Ну, пока у тебя свой завод.

— Я не собираюсь его продавать.

— А его у тебя никто и не покупает. — Шериф перестал улыбаться. — Пол, все очень серьезно. Ты же знаешь, у меня есть осведомители. Все в один голос твердят, что тебя приговорили. Ты три раза отказался продавать. Четвертого предложения не будет. Будет пуля из-за угла.

— В наши дни конкурентов не убивают. Их разоряют, в потом скупают фирму за бесценок.

— Иногда действуют и старыми способами. Подумай над этим.

— Мне сейчас некогда думать, Том. Но спасибо за предупреждение.

— Что я могу для тебя сделать? — спросил шериф.
— Договорись с почтальоном. Пусть носит к дому только газеты и конверты с биржи.
А частные письма, если будут, пусть отдает тебе.
— И долго я буду их хранить?
— Как получится.
— Куда ты сейчас?
— Туда, где все знают, что я не взрываю вагоны. И не устраиваю побеги преступникам.
— Удачи.
Шериф зашагал обратно к роще, не оглядываясь. Орлов оценил деликатность Бакстера — во время разговора тот ни разу даже не глянул в сторону Веры.

* * *

— Куда мы теперь? — спросила Вера.
— Еще не решил. Нам нужно найти место, чтобы отсидеться, пока идет облава. У тебя есть такое место?

— И не одно, — сказала она.
— У меня тоже есть выбор. В том-то и беда.

Когда нет выбора, решения принимаются быстрее. А теперь ломай голову, куда сворачивать — к Арканзасу, на восток или в Новый Орлеан...

В Арканзасе Орлов провел несколько лет, работая на хлеботорговую компанию. Он не сомневался, что его там и в самом деле помнят. Компания процветала, Орлов был членом элитарного клуба, дружил с мэром, и часто устраивал вечеринки по разным поводам, реальным и вымышленным. Застолье — такой же инструмент разведчика, как работа с агентурой, чтение чужих писем, подслушивание и подглядывание. А в доме Орлова собирались и офицеры местного гарнизона, и инженеры из артиллерийских мастерских, и много других интересных собеседников. Нельзя сказать, что все они были его друзьями. Но помнить помнили. И наверняка очень удивлялись, что преуспевающий делец покинул их город так внезапно.

Компания прекратила свое существование, когда погиб ее глава, барон Семен Семенович Лансдорф. Барон погиб случайно, в результате бандитского налета. И если б он был просто владельцем компании, то она могла бы сохраниться. Однако барон Лансдорф был еще и резидентом русской разведки, а таким людям трудно найти замену. В результате компания свернула свою работу, и Орлова, наконец, отозвали из командировки. Кстати, уезжая, он устроил особо пышную вечеринку. Помнят ли ее старые приятели?

Даже если и забыли, он не станет им напоминать о себе. Орлов не собирался возвращаться в Арканзас, потому что такой его ход можно было бы предугадать. Он имел дело с сильными игроками, таких можно победить только неожиданными решениями.

Но, с другой стороны, противник может счесть такой его выбор слишком очевидным. «Этот Орлов не такой дурак, чтобы прятаться в Арканзасе», подумает противник.

Но если у противника не одна голова, а две? «Этот Орлов слишком хитер, — скажет вторая голова. — Он решит, что мы не примем его за дурака, который станет прятаться в собственном доме. И спрячется именно там. Потому что он слишком, слишком хитер».

Вот и гадай теперь, сколько голов придется срубить ...

Впрочем, можно было бы забраться и подальше Арканзаса. Воспользоваться народным способом странствий — на крыше товарного вагона, идущего на восток — и через неделю, после нескольких пересадок, оказаться в Норфолке. Там у капитана Орлова когда-то был надежный агент, часовых дел мастер, обслуживающий офицеров военно-морской базы.

А еще можно было бы спуститься по Миссисипи к Новому Орлеану, а там явиться в русскую морскую миссию. Единственная проблема, которая при этом неизбежно возникнет, будет связана с Верой — моряки не возьмут ее на корабль.

— Нет, Новый Орлеан нам не подходит, — сказал Орлов.

— У меня есть тайная квартира в Нью-Йорке, — отозвалась Вера. — Южный Манхэттен. Я ее сняла на три года вперед.

— Чудесно. Прекрасно. Ты ее сняла на деньги партии? Адресок начальству не забыла сообщить? — с серьезным видом осведомился Орлов.

Она с досадой махнула рукой:

— Не язви, сама вижу, что глупость сморозила.

О Нью-Йорке придется забыть навсегда. К тому же он был слишком далеко. Чикаго, кажется, ближе. Но и в Чикаго Вере появляться нельзя.

Узнав о листовках, найденных на месте крушения, она живо вспомнила события 86-го года, ее первого года в Америке. Тогда рабочее движение было сосредоточено на лозунге восьмичасового рабочего дня. Анархисты, плотно работавшие с пролетариатом, примешивали к экономическим требованиям политические и призывали к свержению режима. Наиболее горячими были настроения в Чикаго, где собралась внушительная немецкая община. Немцы, еще не утратившие европейской революционности, были готовы бунтовать. У многих имелось оружие, кто-то доставал динамит и мастерил бомбы. Первого мая, в субботу, была объявлена забастовка, и по улицам Чикаго прошла впечатляющая демонстрация. Тысяч сто, а то и двести промаршировали перед напуганными обывателями, потрясая ружьями и красными флагами. Всем казалось, что уже наутро капиталисты выполняют требования работников. А получилось наоборот. В понедельник, третьего числа, на заводе Маккормика уволили забастовщиков. Вечером возле проходных начались драки уволенных со штрейкбрехерами. Полиция вмешалась, применила оружие, убив около десятка рабочих.

И тут в дело снова вступили анархисты. Еще не смыли кровь с брусчатки возле проходных Маккормика, как была напечатана листовка, призывающая рабочих к оружию. Назавтра, четвертого мая, вечером на площади Сенного рынка собралась огромная толпа. Правда, чем дольше шел митинг, тем спокойнее становился тон речей. Кто-то кричал о том, что армия готова скосить бунтовщиков картечью, но после тяжелого рабочего дня пролетария трудно разозлить. Народ постепенно расходился по домам, чтобы в шесть утра снова потянуться к заводам. А на площади продолжали скапливаться полицейские подразделения.

Когда митинг уже собирались объявить закрытым, полиция неожиданно окружила трибуну. Люди в мундирах, с винчестерами и револьверами, стояли в несколько рядов и словно ждали какого-то сигнала. И вдруг возле трибуны раздался сильнейший взрыв. В соседних домах зазвенели выбитые стекла. Полицейские принялись палить во все стороны. Кого они могли видеть в полной темноте? В кого стреляли?

Через пять минут все стихло. Толпа разбежалась, но десятки людей остались лежать на земле, взывая о помощи. Раненых насчитали около двух сотен. Примерно по сотне с каждой стороны — полицейских и рабочих. Все ранения были пулевыми, только нескольких еще заделали осколки бомбы. Непосредственно от взрыва погиб один человек — его разрозненные останки нашли возле трибуны.

Вера была убеждена, что кровь пролилась по вине полиции, ведь у рабочих не было револьверов. Ей также было ясно, что взрыв был нужен властям, а не забастовщикам. После этих событий рабочее движение в Чикаго было обезглавлено. Вожаков схватили и повесили, хотя ни один из них в момент взрыва не находился на площади.

Само слово «анархист» с тех пор стало запретным. Все, кто имел связи с чикагскими рабочими организациями, попали в черный список. И несколько активистов уже поплатились жизнью за свою неосторожность, наведя Чикаго.

— Нет, Чикаго тоже далеко, — сказала Вера. — Хорошо, есть место и поближе. Как тебе Денвер?

— Уже лучше, — задумался Орлов. — Кто там у тебя?
— Университетские преподаватели. Друзья отца. Дочь профессора Фарбера — моя лучшая подруга.
— Подруга? Это хорошо. Тебе можно позавидовать. У меня вот нет такой подруги, да еще профессорской дочери.
— Она замужем, — насупившись, заявила Вера. — И оставьте ваш гусарский тон, граф. Иначе в доме Фарберов вас могут неверно понять.
— Это было бы весьма огорчительно. Я очень хочу, чтобы меня все понимали правильно, — сказал капитан Орлов, согнутым пальцем расправляя усы. — Говоришь, Денвер? Что ж, пусть будет Денвер.

* * *

Город Денвер стоит на границе двух миров. К востоку от него начинаются необозримые пространства Великих равнин. С запада высятся неприступные отроги Скалистых гор. В общем, с какой стороны ни глянь — окраина, захолустье, медвежий угол. Город основали в расчете на то, что через него пройдет строящаяся в те годы трансконтинентальная магистраль. Но трасса прошла севернее, по равнинам Вайоминга, и многие горожане подались на поиски более перспективного места жительства. А тут еще страшный пожар, уничтоживший половину города. А на следующий год — наводнение, которое смыло уцелевшую половину. Было от чего опустить руки. Но оставшиеся денверцы не стали впадать в отчаяние. Они провели собственную узкоколейку, соединившую их город с магистралью. А вскоре была проложена и вторая трасса от океана до океана, «Канзасская Тихоокеанская железная дорога», и город снова расцвел. Ведь его окрестности изобиловали месторождениями серебра, свинца, олова. Любой старатель мог добыть миллион, напади он на богатую жилу. И толпы таких охотников за удачей стали прибывать в Денвер со всех концов Америки.

Далеко не все они пользовались спальным вагоном. Выйдя на перрон в Денвере, Тихомиров и Гурский стали свидетелями того, как с крыш вагонов посыпались люди в лохмотьях, с мешками и кирками. Упав на платформу, они подхватывали свои пожитки и пускались наутек от охранников, которые встречали прибывающий поезд.

— Вот так и они могли приехать, — заметил Захар. — Надо спрашивать местную охрану. Может, Муравьева сейчас у них в кутузке прохлаждается.

— Поспрашиваем. Да только не верится мне, что наша княжна способна на такое.

— По крышам скакать? Ничего сложного в том нет, — заявил Гурский. — Я сам так целую неделю ехал однажды, и ничего со мной не случилось. А как, по-твоему, работяги мотаются по штатам? Билеты брать — никаких денег не напасешься. Да и если б у них были деньги, какой резон переезжать? А они так и колесят. Поработал, скажем, в Чикаго. Надоело — махнул в Сиэтл. Там прижало — пожалуйста, можно в Сан-Франциско, а оттуда на аризонские шахты. И всё бесплатно. А помнишь, был рабочий съезд? Так их туда съехалось пятьдесят тысяч. И все — вот так же, на крышах или товарняками добирались.

— Ну нет, не верится мне насчет Муравьевой, — рассмеявшись, повторил Тихомиров. — Ее же сдует ветром с крыши, в ее-то юбках и пелеринах!

— Если лечь плашмя, ветра не замечаешь. Да ведь она не всю дорогу там будет. На «палубе», это они так крышу зовут, проезжаешь только большие станции, где тебя констебль может заметить. А чуть отъехали — и спускаешься по лесенке на тормозную площадку, а там и тихо, и тепло, и выспаться можно.

— Ты, я смотрю, поднаторел в таких делах.

— Нужда, сударь мой, всему научит.

На соседний путь подкатил еще один состав, и толпа на перроне стала гуще. Медленно продвигаясь к зданию вокзала, Захар продолжал делиться своими богатыми познаниями по части безбилетного проезда.

— А как же дорожная полиция? Она-то куда смотрит? — притворно возмущался Тихомиров.

— Куда надо, туда и смотрит. Полисмену и горя мало, если кто бесплатно прокатится. Его забота другая: чтоб под колеса никто не свалился. Так что если ты пришел на станцию, сидишь спокойно в сторонке, никто тебя не тронет. Не суетись, не шагай из угла в угол. А пуще всего — не пей. Если путейцы заметят пьяненького, сразу зовут полицию. И то дело. Кому же понравится кишки со шпал соскребать?

Ему и вправду пришлось поездить без билетов, и не только на крышах. Пришлось ему в свое время познать удобства и угольных ящиков, и открытых платформ, и нефтяных бочек. Весь первый год в Америке он провел в разъездах, мыкался в поисках спокойного уголка, да только нигде его не нашел. Всюду ему казалось, что он торчит на виду, никак не мог Захар смешаться с толпой. Только в Нью-Йорке ему это удавалось. Но в Нью-Йорке оставаться было нельзя. Не верил он, что прошлое отпустит его просто так.

Может быть, если б он смог прижиться среди немцев, или итальянцев, или хотя бы среди каких-нибудь полячишек, всё сложилось бф иначе. Но иммигранты не терпят чужаков, и Захар в конце концов всё равно прибил к русским. Жил в их квартале, перебиваясь случайными заработками. Там его и узнал старый товарищ по смоленской пересылке. А узнав, затащил в свой круг. И пришлось Захару Гурскому снова слушать бесконечные речи об эксплуатации и о беспощадной борьбе. Заправляли кружком анархистов несколько виленских евреев, а главными были Марк и Эмма. Говорили складно и много, и больше всего о том, что хватит уже говорить, пора делом заниматься. Смешно было Захару от их «дел». Газетенка на немецком и английском да листовки. Те же разговоры, только напечатанные на бумаге и оплаченные из рабочих взносов.

На сборищах он солидно помалкивал, чувствуя, что жожаки относятся к нему не так, как к другим. Однажды Эмма попросила проводить ее на вокзал и подстраховать во время встречи «чрезвычайно важного человека». Человек тот все время оглядывался и вздрагивал, и не выпускал из рук потертый чемоданчик. Даже присев на него в ожидании трамвая, он изловчился зажать чемодан коленями, а руку держал на замке, чтоб тот невзначай не раскрылся.

Привезли они гостя на тайную квартиру, и Эмма сказала, что «товарищ Зак» теперь отвечает за безопасность «товарища Франека». Жили они на той квартире три дня. Франек по-английски ни в зуб ногой. Пытался заговорить по-французски, но Захар из «парле франсе» помнил только неправильные глаголы, вы зубренные в реальном училище. По счастью, таинственный гость оказался поляком, и они смогли общаться на русском. Тайком от «товарища Эммы» бегали в кабачок, и там, за рюмкой анисовой водочки, поляк поведал Захару жуткую историю. Жил он себе в Париже и горя не знал. По заданию организации втерся в доверие к русской зарубежной охранке, сам генерал Селиверстов считал его своим лучшим агентом. Франек запросто входил к нему в гостиничный номер. Генерал жил на одной стороне Итальянского бульвара, а Франек — на другой, снимал комнатуху в компании полудюжины земляков. Однако со временем организация заподозрила Франека в измене, и тогда он решил убить генерала. Сказано — сделано.

«Что, так таки и убил?» — восхитился Захар.

«Пан думал, поляки только языком трепать умеют?» — гордо вскинул голову Франек.

Утром генерала нашли мертвым. Но уже вечером в газетах пишут, что полиция взяла след убийцы — и черным по белому печатают его, поляка, фамилию!

Организация не оценила подвига Франека. Больше того, его чуть не казнили свои же товарищи за самовольство. Он с большим трудом смог убедить их, что генерал слишком много знал об организации и готовил ее уничтожение. В общем, партийный трибунал не то что бы оправдал Франека, а счел его проступок не слишком серьезным. В конце концов, одним русским генералом стало меньше, и совершенно незачем по этому поводу убивать еще одного поляка. Но в Париже для Франека места уже не было. С тех пор он мечется по всему миру. Французские анархисты перебросили его через Швейцарию в Италию, оттуда он

добрался до Алжира, а теперь вот отказался в Америке. Но чувствует, что русские жандармы гонятся за ним.

«Нужен ты больно русским жандармам!» — попытался утешить его Захар. «Не я им нужен, пане, а то, что у меня вот здесь» — и Франек осторожно постучал себя пальцем по лбу.

А там у него были сведения о банковских махинациях Петра Ивановича Рачковского, за которым, оказывается, следил генерал Селиверстов. Были фамилии польских магнатов, которые финансировали динамитчиков во Франции. Взрыв, произведенный в нужное время, влияет на банковские котировки — чьи-то акции падают в цене, а чьи-то растут. Люди, которые только тем и живут, что скупают и перепродают акции, должны уметь заглядывать в будущее. А еще лучше, если они умеют это будущее заказывать. Вот такие-то люди и натравили на бедного Франека самых лучших сыщиков и самых свирепых жандармов, чтобы он замолчал навсегда и никому не успел поведать свои тайны...

Впрочем, тайны эти прятались не только под довольно хрупкой защитой лобной кости Франека. Он как-то исхитрился сохранить несколько листов, исписанных убогим почерком. Что там было — об этом он новому товарищу рассказывать не стал. Но намекнул, что эти бумаги страшнее динамита.

На четвертый день к ним явились все главные анархисты: Марк, Эмма и еще какие-то бородачи. По решению организации Франека следовало отправить в более безопасное место, на юг, где жили могущественные покровители международного анархизма. Сопровождать прославленного убийцу должен был товарищ Зак.

Что он и сделал. Сопроводил. Явился вместе с ним к роскошному дому в Сан-Антонио. И тут Франек говорит, мол, спасибо, товарищ, но дело такое... Мясся, мясся. У меня инструкция, говорит. Должен я теперь тебя застрелить, чтобы никто не прознал, куда я приехал.

«Должен, так стреляй», — спокойно ответил Захар.

«Не могу. Ты же друг. Лучше я дам тебе немножечко денег, и ты уедешь в Мексику, это тут недалеко. А всем скажу, что убил. Только ты меня потом не выдай».

«Не выдам», — пообещал Захар, и друзья направились в ближайший кабачок, чтобы отметить расставание. Из одного кабачка в другой, потом в третий. И чем больше они пили, тем откровеннее становился бедный Франек. Для начала он сознался, что не убивал русского генерала, что тот просто застрелился, и Захар с трудом изобразил удивление, посмеиваясь про себя над придурком. Но затем Франек сказал такое, что Гурскому стало не до смеха.

«Знаешь, зачем я здесь? Здесь живет важный пан. Он хочет сделать меня своим цепным псом. Чтобы я присматривал за тем, как анархисты тратят его деньги. Он думает, анархисты будут меня бояться. А они никого не боятся. Они придушат меня раньше, чем я успею только спросить насчет денег. Потому что деньги — это деньги. Деньги — это все».

«Если боишься, давай вместе махнем в Мексику», — предложил Захар.

«Нет, я уже решил. Буду крутиться между двумя огнями. Как-нибудь выкручусь. Пусть все думают, что я страшный убийца».

«А если прикажут кого-то убить?»

«Уже приказали. Но мы же с тобой договорились, так? И с другими договорюсь, — заплетаящимся языком вещал Франек. — Главное — сейчас не погореть! Сейчас приду к важному пану, он спросит, кого еще я убил, кроме генерала? Что мне, сказки ему рассказывать? Он знает про наши дела. Он столько лет дает деньги на революцию. Все наши вожди ему известны, многие ему ручку целовали. Что я скажу?»

«Скажи правду», — посоветовал Захар.

«Я похож на сумасшедшего? Правду способны говорить только дураки, потому что у них нет мозгов! Давай выпьем еще, чтобы мои мозги лучше работали!»

Глубокой ночью извозчик высадил их где-то на окраине. Захар нашел в кармане мертвеца пьяного Франека револьвер. И засадил в приятеля три пули. Потом собрал все его бумаги и вернулся к тому самому дому, роскошному и неприступному.

Его встретили. Он сказал то, что должен был сказать Франек. Захара отвели прямо к Полковнику. Тот задал ему вопрос, которого так страшился Франек. Но Захару было о чем рассказать. И рассказывая об исполненных приговорах, он видел, что Полковнику знакомы многие имена.

Так восторжествовала справедливость. Захар Гурский занял то место, которое именно ему и предназначалось. И не подпустил туда самозванца.

— Ну и вокзал отгрохали, — проговорил Тихомиров, устало опуская чемодан. — Побольше Николаевского.

— Да уж знамо побольше, — усмехнулся Захар. — Я тоже в первое-то время всё сравнивал. Какие тут вокзалы, да какие дороги, да жратва. Всё не так, как у нас.

— Ничего, и у нас такое появится. Выдержим всё, и широкую, ясную к счастью дорогу проложим себе. — Тихомиров хохотнул и тут же скорчил серьезную мину. — А вот и нас встречают. Внимание, Захар, ушки на макушке держи, с таковскими рот не разевай...

— Мистер Майер? Мистер Зак? Добро пожаловать в Колорадо, джентльмены!

Их встречали представители охранной компании «Стальная Звезда» — два молчаливых джентльмена в одинаковых серых сюртуках. В закрытом экипаже они долго возили гостей по шумному городу. Тихомирову показалось, что их возят по кругу. «И тут конспирация», — подумал он с закипающим раздражением. Ему сейчас была дорога каждая минута.

Потом им еще долго пришлось ждать в кабинете. За дверью кто-то говорил по телефону, убеждая невидимого собеседника немедленно продавать акции какой-то трубопроводной компании. Наконец, в кабинет вошел человек в сером сюртуке.

— Меня зовут Билл Смит. Мы собрали интересовавшие вас сведения, — с ходу начал он, передавая Тихомирову папку с бумагами. — Здесь данные на университетских преподавателей. Адреса, связи за границей, поездки за последние пятнадцать лет. Можете изучить. Я не хочу навязывать свое мнение, но на всякий случай мы уже установили наблюдение за профессором Фарбером. Если у вас будут иные пожелания, мы их учтем. Однако я бы просил вас все же начать именно с Фарбера.

— Он геолог? — спросил Захар. — Был в экспедиции Адамса?

— Да. И снова — да. И больше того — только он и был. Больше никто из местных с Адамсом не сотрудничал.

Тихомиров, морща лоб, перевернул несколько страниц.

— Насколько мне известно, экспедиция формировалась в Денвере, так?

— Да, здесь был сбор.

— Но кроме ученых в ее состав входили и фигуры более мелкого калибра. Всякие там топографы, проводники. Ну, я не знаю, повара, в конце концов. Кто-то должен был отвечать за транспорт. За безопасность. И так далее. Вы понимаете? Дама, которую мы разыскиваем — нигилистка. Она отвергает все, что может связывать ее с обществом так называемых эксплуататоров. Профессор университета — не тот человек, к которому она обратилась бы за помощью. А вот какой-нибудь рабочий, который таскал ящики с образцами — другое дело. Понимаете? — Он вернул папку Смицу. — Ваши люди проделали большую работу. Но не довели ее до конца. Нам нужны другие адреса. Адреса простолюдинов, работяг, нижних чинов. Муравьева скрывается у них, а не под крышей профессорского особняка. У Фарбера ведь особняк, верно?

— Да.

— Причем в весьма респектабельном районе, — скептически улыбнулся Тихомиров. — Где на каждом шагу стоит полицейский, а на улицах всю ночь горят фонари. Самое подходящее место для беглой преступницы.

— Я вас понимаю, — сухо сказал Билл Смит, вставая с папкой под мышкой. — Новые сведения передадут вам завтра утром. Сейчас вас отвезут в отель «Тропикана».

— Прикажете отвезти туда наш багаж, — сказал Тихомиров. — Мне бы хотелось немного погулять по городу. Знаете, привычка — попадая в новое место, я должен облазить его вдоль и поперек, без гидов, без путеводителей, полагаясь лишь на интуицию. Это

обостряет восприятие.

Когда они вышли на улицу и остановили извозчика, Захар недовольно пробурчал:

— Я бы лучше ванну принял, чем по улицам раскатывать.

— Сейчас ты забудешь о ванне, — ответил Тихомиров и назвал адрес.

Покружив по городу, пролетка остановилась возле пышного сада, заваленного золотой листвой. За витиеватой решеткой белели колонны особняка.

— Дом Фарбера, — тихо сказал Тихомиров. — Она здесь. Следить придется нам самим, на местных — никакой надежды. Надо вызывать сюда Гочкиса.

— Ты же говорил... — Захар хлопнул себя по лбу. — Ну, Гаврила Петрович, уважаю. Голова! Если с профессором приключится неприятность, на нас никто и не подумает.

— На этот раз надо будет ювелирно действовать, слышишь меня, Захар? Ювелирно! И лучше бы — чужими руками.

14. Провокация

С прибытием поверенного Гочкиса агенты компании «Стальная Звезда» перестали свысока поглядывать на приезжих и забегали как белки в колесе. Они установили семь адресов в Денвере, где могла скрываться Муравьева. Для наблюдения за ними были привлечены люди со всех линий, которые обслуживались компанией. Трое суток непрерывной работы не дали никаких результатов.

На четвертый день Билл Смит сообщил, что профессор Фарбер собирается в поездку.

— Полагаю, мы сможем, пользуясь его отсутствием, проверить, кто живет в его доме, — сказал он. — У нас есть возможности сделать это в рамках закона.

— Если у вас есть такие возможности, зачем было ждать, пока он уедет? — спросил Захар.

— Фарбер дружен с губернатором. Его нельзя трогать. Но! — Смит важно поднял палец. — Но мы провели с ним работу. Вечером в клубе его вовлекли в интересную беседу. Речь шла о беглой политической преступнице. О нигилистке, которая может повлиять на репутацию страны. И о недальновидных гражданах нашей страны, которые покрывают террористов.

— И что? — спросил Тихомиров. — Сразу после этой беседы он засобирался в дорогу?

— На какой поезд он взял билеты? — одновременно с ним спросил Захар. — Сколько билетов?

— Нет, он не брал билеты. Он только объявил на кафедре, что собирается навестить колледж в Колорадо Спрингс, позаниматься там в библиотеке.

— Что же он, пешком туда отправится?

— Там ходят дилижансы. Но у профессора есть и своя коляска, свой кучер. Он, я думаю, поедет на своих лошадях.

— Зря вы напугали старика, — махнул рукой Тихомиров. — Лучше давайте устроим облаву на окраине, где живут работяги. Вытащим мадам Муравьеву из погреба и предъявим ее европейским газетам.

— Предъявим ее тело, — добавил Захар. — Пусть в Европах знают, что здесь с террористами разговор короткий.

— Мы не устраиваем облав, — отрезал Смит. — Но вам следует подумать о Фарбере. Мне кажется, вы недооцениваете эту фигуру.

Едва Билл Смит вышел из номера, Тихомиров вскочил с кресла и принялся расхаживать по комнате, возбужденно потирая руки.

— В дорогу, в дорогу, мистер Фарбер, счастливый путь!

— Если в дилижансе поедет, мне нужно будет три фунта и ударный взрыватель, — сказал Захар.

— Даже и не думай! — Тихомиров остановился и всплеснул руками. — Ни фунта, ни золотника! После того вагона нас близко к динамиту не подпустят! Ты разве не понял? Они

хотят ее арестовать! У них закон! Она в бегах, ее схватят, и только потом отдадут нам. Только потом! Никаких острых акций до ареста!

Захар закурил папиросу.

— Ты, Гаврила Петрович, помнится, в Париж торопился? — Он смотрел на него, шурясь от дыма. — Так можешь более не торопиться. Потому как застрянем мы тут надолго. Думаешь, они ее возьмут? Им за ней бегать и бегать. Да мне-то что? Мне — трава не расти. Мне и тут хорошо. Я в Париж не рвусь. Только ты сам же давеча говорил, что местным доверия нет, а теперь им и карты в руки...

— Что предлагаешь? — перебил его Тихомиров.

Захар сбил пепел ногтем на ковер.

— Исполним, как в Белостоке, в восемьдесят восьмом году. Там мы ходили на почтмейстера. Карету догоняем, бросаем в окно. Я тогда запасным стоял на другом повороте, всё видел. Думал, метальщика в ключья порвет. Ан нет. Карета крепкая, всю силу внутри удержала. Нашего только наземь толкнуло воздухом, он подскочил и — ноги в руки, только его и видели. А ведь в трех шагах стоял, не далее.

— Сказки.

— Не сказки, а точный расчет. Первое — заряд был всего фунт. Второе — да, бросал-то он с трех шагов, так ведь карета катилась. Пока взорвалось, она уж отъехать успела. И третье — карета в щепки, кто в ней сидел — в лепешку. Вот вся сила-то на это и ушла. А по сторонам удара, считай, и не было. Главное, чтобы карета была крепкая, закрытая, тяжелая. Если они на дилижансе поедут — фунта два хватит. Только бы в окно попасть.

— Не думай об этом! И не говори мне больше о взрывах! — воскликнул Тихомиров, хватаясь за голову.

— Пожалуйста, если ты настаиваешь, изволь, не буду говорить. Но ты ведь и сам внутренне со мной согласен.

— Что у меня внутреннее, то только меня одного и касается. А ты можешь все дело погубить своими выходками! Хочешь, чтоб от нас отвернулись? Хочешь с пустыми руками вернуться?

— Пожалуйста, я молчу, более ни слова от меня не услышишь, — рассмеялся Гурский. — Только я-то никуда возвращаться не собираюсь. Посажу тебя на пароход и — гуд бай.

— Это мы еще посмотрим, гуд бай или не гуд бай, — остывая, пробормотал Тихомиров. — Как организация решит. Понадобись для дела в Европе, значит, вместе и отбудем. А в Европе дел много будет, я чувствую. И больших дел, очень больших. Как раз по тебе.

Захар сразу стал угрюмым. Похоронив папиросу в цветочном горшке, он откашлялся и спросил:

— До Европы далеко, а Муравьева рядом. С ней-то как быть?

— Пойду потолкую о ней с Гочкисом. Если он и в этот раз ее прозевает, не сносить ему головы. Смит — тюфяк, рохля, его близко нельзя подпускать к таким делам. Пусть Гочкис сам займется. Найдет нужных людей. Хотят ее арестовать? Хотят, чтобы все было по закону? Пусть по закону решают. А там поглядим.

* * *

Гек Миллс без особой охоты приехал в Денвер. Подзаработать, конечно, никогда не мешает, но зачем для этого тащиться в Колорадо? Еще и года не прошло, как они с Мэтью Стиллером наделали шуму на местной линии, подорвав почтовый вагон. Работали без масок, пассажиры видели их лица, а у Гека осталось много знакомых в Колорадо, они тоже могли быть на том поезде. Один сболтнет, другой разнесет, так, глядишь, на каждом углу и будет висеть твой портрет с обещанием премии.

Не хотелось ему ехать в Колорадо, душа не лежала. Но пришлось. Утешало лишь то,

что на этот раз его назначили старшим. Пока Стиллер отлеживается в больнице, ребятами будет командовать Гек. А уж он-то постарается не упустить свой шанс. Покажет, на что способен. Стиллер, конечно, крут, ничего не скажешь. По крайней мере, был крутым, пока не побывал одной ногой на том свете. А вот каким он вернется с больничной койки, это мы еще посмотрим. Еще посмотрим, кому будет больше доверять Полковник.

Ночью они сидели в салуне напротив профессорского особняка. Парни по очереди караулили у садовой решетки. Дежурили парами. Как что-нибудь заметят, один оставался на месте, а второй бежал в салун докладывать.

Профессорскую коляску стали запрягать на рассвете. Гек растолкал приятелей, заснувших на лавках, и сам отправился к особняку. Спрятавшись за кустами, он видел, как пролетка подкатила от конюшни к крыльцу. Судя по звукам, в нее погрузились несколько человек. Потом раздался тихий стариковский голос:

— Да-да, не стоит обо мне беспокоиться. До свидания!

Лошади тронулись, под колесами захрустел песок, и коляска выехала из ворот. Кожаный верх был поднят и застегнут, и нельзя было разглядеть, кто сидит внутри. Но Гек знал, кто там.

Подождав, пока коляска отъедет подальше, он вернулся в салун.

— Они двинулись на Инглвуд. Обгоним их и подождем за мостом. Посмотрим, куда свернут.

— А если не свернут? — спросил один из местных. — Так и будем пасти их до самого Колорадо Спрингс?

— Так и будем, — кивнул Гек, дружелюбно улыбаясь, а сам подумал: «Вот тебя-то я первым отправлю под пули».

С местными всегда так. Выделяются. Думают, что они тут умнее всех. А ведь наверняка Гочкис говорил им то же самое, что и Геку перед отправкой. Мол, забудьте, кто местный, кто пришлый, все работаем в одной команде, все мы ребята с одного двора, а наш двор — от океана до океана. На словах-то все складно выходит, а на деле по-другому. Чужаки пришли, отработали и ушли. А местным тут жить. И если пострадает кто-то из их знакомых или даже родственников, жить им тут будет несладко. Придется убираться отсюда. Как и Геку пришлось уматывать из Колорадо когда-то. Да, если считать, что твой двор от океана до океана, тогда совсем другое дело. Тогда незачем привязываться к какому-то жалкому уголку. Кочуй себе и кочуй, и всюду ты дома. Или, наоборот, всюду ты бездомный.

Поселок Инглвуд расположен южнее Денвера. Его дощатые бараки и россыпь брезентовых палаток занимают все русло пересохшей речки. Речка, надо полагать, и пересохла оттого, что на ее берегах поселилось слишком много народа. И какого народа! То были старатели, прошедшие суровую школу Калифорнии и Невады. Для своих лотков они отводили от реки целые каналы и перемывали горы породы в поисках золота. Вот речка и пересохла. Остался старый мост, за которым начинались три дороги. Одна, пошире, вела вдоль железнодорожной линии на юг, в Колорадо Спрингс. Вторая заворачивала на восток и уходила в степи, к Туманным холмам, к индейским резервациям и обширным пастбищам, во владения «мясных баронов». Третья же дорога, которая сразу после моста превращалась в широкую извилистую тропу, поднималась в горы и уводила на запад, к скалам. Гек знал, что профессор собирался ехать в Колорадо Спрингс. Но у него было предчувствие, что старик водит всех за нос. К чему эти ночные сборы? Почему вообще надо было гонять лошадей, а не сесть в чистый вагончик да и доехать за пару часов? Нет, старик свернет. Но куда?

В рассветный час дорога была пустынна, и они издали слышали приближение профессорской коляски. Вот ее колеса дробно прогремели по доскам моста, и лошади сбились с шага, затоптались, сворачивая на каменистую тропу.

— Я же говорил, он свернет, — напомнил Гек вполголоса и подмигнул местному умнику. — Давай за ним. Держись поближе, чтоб не потерять из виду. Мы за тобой.

Теперь он был уверен, что в коляске, кроме профессора, едут и те, кто был им нужен: рейнджер из Эль-Пасо и русская девка динамитчица. Профессор пытается вывезти их в

безопасное место. Он и не подозревает, что единственное место, где беглая парочка могла бы чувствовать себя в безопасности — это тюрьма. Хорошая тюрьма с каменными стенами и надежной стражей. «Да и там их достанут», — подумал Гек, вспомнив нескольких своих знакомых, которые «повесились» или были застрелены «при попытке к бегству».

Ни рейнджер, ни девка не должны были сегодня дожить до заката. А в ноябре солнце садится рано...

— За белыми скалами будет подходящий участок дороги, — сказал один из местных. — Там можно будет разобраться без посторонних.

— Это близко?

— Я же говорю, вон за теми белыми скалами.

Пролетка отсюда казалась букашкой, ползущей по серой ленте дороги. А всадник, следующий за ней, был как муравей.

— Бен, Роки, Пауэрс, — Гек показал пальцем на ребят, которые прибыли в Колорадо вместе с ним, — обгоните телегу и перекроете дорогу. Чтобы с той стороны не подъехали. Вы двое — со мной. Все догоняем, останавливаем. Окружаем. Один сзади, двое по бокам, стволы наготове. Всем молчать. Говорить буду я.

— Да ясно, не в первый раз...

Первая тройка припустила во всю прыть, так, что искры из-под копыт брызнули.

«Как бы наши клиенты не перепугались, — подумал Гек озабоченно. — Завидев такую погоню, любой мужик схватится за пушку. Ему ж издалека не видно, что у них значки. Да и мало ли кто может нацепить жестянку на грудь. Если он начнет пальбу, все пойдет наперекосяк. И зачем я их отправил? Всё равно никто сюда не сунется в такое время».

Гек Миллс отправил первую группу не потому что был такой умный и предусмотрительный, а потому что действовал строго по инструкции. Если что-то сорвется, он сможет всё валить на плохую инструкцию. И на того умника, который ее придумал. На Гочкиса, будь он неладен.

Но ничего не случилось. Тройка обогнала коляску и скрылась за скалами, которые были не белыми, а, скорее, рыжеватыми.

— Так говоришь, это место называется Белые скалы? — спросил Гек, разглядывая ноздреватые отвесные стены. — У нас в Техасе белый цвет другой.

— Скоро увидишь их белыми. На них снег держится. Со всех слетает, а на них держится. Они до марта стоят белыми, под снегом.

— Что ты ему объясняешь? — вступил другой колорадец. — Будто он видел, что такое снег.

— Да у нас, знаешь, какие метели! — возмутился Гек, краем глаза следя за приближающейся пролеткой. — Коров заносит по самые ноздри. Знаешь, почему у техасских коров такие длинные рога? Чтобы можно было отыскать под снегом ...

Так, на скаку беседуя о странностях климата, они поравнялись с коляской. Гек поднял руку, прерывая разговор. И обратился к кучеру:

— Придержи лошадей, друг. Дорожная полиция. Хотим задать пару вопросов твоим пассажирам.

Но коляска не остановилась. Кучер щелкнул вожжами, и лошади зашагали резвее.

— Эй, друг, ты глухой? — разозлился Гек. — Сказано тебе, стой!

Кучер развернулся, придерживая шляпу, и сказал, обращаясь к застегнутому пологу коляски:

— Мистер Фарбер! Тут какие-то непонятные люди приказывают остановиться! Что?

Ответа из коляски не последовало, и кучер сказал Геку:

— Спит хозяин. Не велено будить. Никакой дорожной полиции я не знаю.

— Ну, давай познакомимся, — сказал Гек Миллс и вытянул кольт.

Продолжая скакать наравне с повозкой, он навел ствол на одну из лошадей упряжки и посмотрел на кучера. Тот невозмутимо поигрывал вожжами.

— Я ведь выстрелю, — предупредил Миллс, взводя курок.

— Ну, тогда придется остановиться. Никуда не денешься.

Гек уже был готов выстрелить, как вдруг кучер натянул поводья и остановил лошадей. Он не испугался, нет. Он просто увидел, что впереди на дороге стоят еще три всадника.

— Вот оно что, дорогу перекрыли, — пробормотал он, вставая на козлах. — Я-то думал, куда они несутся, красавчики. А они вот куда.

Он снова позвал, обернувшись:

— Мистер Фарбер! Доктор!

— Хватит орать, — сказал Гек и развернул коня, немного отступая от коляски.

Все его ребята сделали то же самое, и окружили пролетку. Каждый достал револьвер. Щелкнули курки.

— Эй, профессор! — громко сказал Гек Миллс, наведя кольт на полог коляски. — Нам надо только проверить, кто с вами едет. У нас есть ордер на арест одной особы. Есть ее фотография. Не хотите взглянуть?

Наступал решительный момент, и все это понимали. Парни заметно побледнели. У одного ствол ходил ходуном, как будто он что-то рисовал им в воздухе.

— Я извиняюсь, — сказал кучер, — можно спросить? Насчет дорожной полиции. Я извиняюсь, ты тут старший?

— Ну, я, — кивнул Миллс.

— Тебя, я извиняюсь, не Мэтью Стиллер зовут?

— Нет, Мэтью в больнице лежит, сегодня я за него, — машинально ответил Гек. И, разозлившись на свою оговорку, закричал: — Профессор, хватит играть в прятки!

— Да, в больнице? — не отставал кучер. — А что случилось?

— Гек, осторожней! — закричал кто-то. — Они могут стрелять через стенки!

— Спокойно, парни! — задыхаясь от напряжения, прокричал Гек. — Спокойно! Пусть профессор выйдет! Мистер Фарбер!

Кучер расправил полы длинного брезентового плаща и наклонился, протянув руку к полу.

— Доктор, выходите, а то они рассердятся.

Он потянул за шнур, и полог, скручиваясь в трубку, поднялся кверху.

Гек, прячась за шею коня, подъехал ближе и заглянул в пролетку, держа кольт перед собой.

Внутри никого не было.

Выстрелы загрохотали со всех сторон — сбоку, сзади, снизу, и даже с неба, казалось, сыпались гремящие удары. Что-то твердое и горячее прошло Геку грудь, и он выронил кольт. Тело стало тяжелым, налилось свинцом, и он цеплялся за гриву, чтобы не рухнуть с размаху, и все же свесился головой вниз и вывалился из седла, и каменистая дорога горячо ударила его в лицо, а потом он увидел над собой небо и одно-единственное маленькое облачко в самой его середине. «Не надо было мне ехать в Колорадо», — подумал Гек Миллс.

Он не мог, да и не хотел шевелить головой. Однако почему-то отчетливо видел, как кучер приплясывает на дороге, странно взмахивая руками. А в руках у него были револьверы, и из них вылетали болезненно яркие вспышки, и звук выстрелов разрывал Геку голову изнутри, такими они были громкими.

Наконец все стихло, и Гек слышал только чей-то непрерывный стон.

— Что, больно? — спросил кучер, наклонившись над ним.

В его руках был обрез дробовика. Широкие стволы приблизились к лицу Гека, и он зажмурился. Стон сразу прекратился.

— Сейчас пройдет, — сказал кучер. — Кто вас послал?

— Гочкис, — прохрипел Гек.

— На кого работает Гочкис?

— На Полковника.

— Как зовут Полковника?

— Полковник...

— Тыфу ты, заладил одно и то же. Имя! Имя Полковника!
— Не знаю.
— Ладно. Где Стиллер?
— В Сан-Антонио... Остался... В больнице...
— Ты был с ним, когда взрывали пульман?
— Да.
— Тогда всё в порядке, — сказал кучер.
И Гек Миллс умер.

* * *

Капитан Орлов, как и обещал, успел вернуться в Денвер к обеду.
В доме профессора Фарбера придерживались вегетарианской диеты. Поглощая тыквенную запеканку, Орлов подумал, что сейчас ему не помешал бы какой-нибудь вегетарианский напиток, изготовленный из злаков путем перегонки. После *дела* ему всегда хотелось напиться. Опамятование помогало переждать самые тяжелые часы. Оно тонкой пленкой прикрывало пустоту в душе, пустоту, которую выжигала смерть. Ему было бы легче сто раз умереть, чем один раз убить. Но он оставался жив, убивая. Тут уж ничего не поделаешь. Сегодня он убил семерых. Кажется, они стреляли в его сторону. По крайней мере, он надеялся на то, что пару пробоев в кожаном тенте проделали их пули, а не его карточка.

— Попробуйте пудинг из цветной капусты, — предложил ему Фарбер. — Уверяю вас, такого лакомства вы больше не отведаете нигде и никогда.

— Почему же никогда? Мы обязательно заглянем к вам, когда всё уладится.

— Надеюсь на это. Но в следующий раз у нас будет абсолютно другое меню. — Профессор настойчиво подвинул к нему вазочку с пудингом. — Как-то в Аризоне нас принимал мэр одного небольшого городка, и знаете, чем он поразил меня, старого кулинара? Своими карточками. Каждый раз, принимая нового гостя, он составлял карточку с перечислением всех подаваемых блюд. Для того, чтобы при следующем визите угостить этого человека чем-нибудь другим. Чтобы не повторяться! Гениально, не находите?

— Соглашусь, прекрасная идея, — сказал Орлов, подумав, что профессору не мешало бы побывать в России или хотя бы во Франции, где подобные записи велись во многих приличных домах. — Но пудинг... М-м-м! Он прекраснее любых идей.

— Я оставлю вам рецепт, — с польщенной улыбкой пообещал Фарбер. — Ничего сложного. Капуста плюс черствый хлеб, молоко, яйца, сливочное масло. Ваша супруга будет рада. Женщины любят новинки.

Профессор обильно посыпал свой пудинг сахарной пудрой.

— Вера, Вера... Я не могу представить ее взрослой дамой. Она была сущим сорванцом. Сорванцом с косичками.

— Она мало изменилась, — заметил Орлов.

— Как вы полагаете, сколько времени займет улаживание всех ее проблем?

— Благодаря вам одной проблемой уже стало меньше, — сказал Орлов. — Так, понемногу, с помощью друзей все и решится.

— Мои связи тоже могут сыграть роль, прошу не забывать.

— Спасибо, док.

Переодеваясь в дорожный костюм, Орлов гляделся в зеркало, чтобы вернуть лицу подвижность. Вот еще чем помогала выпивка — она расслабляла мышцы лица. А теперь, после запеканки и пудинга, лицо его оставалось окаменевшим, глаза смотрели холодно, словно через прорезь прицела, и губы оставались плотно сжатыми.

Он повязал галстук чуть свободнее, чем обычно. Шляпа, трость, саквояж — вот и готов respectable джентльмен. И кто скажет, что он только что отправил на тот свет семерых? Их тела остывают на заброшенной тропе, а он, насвистывая, направляется к

вокзалу. Что ж, такова жизнь.

15. Среди команчей

Во всех цивилизованных странах многоженство считается преступлением. И, наверно, справедливо. С точки зрения законодательства Техаса, Джошуа Кливленд, он же «Бегающий быстрее лошади», был закоренелым преступником: только по подсчетам соседей у него было не менее пяти жен. Капитан Орлов знал, что на самом деле старый команч содержит шесть постоянных жен и нескольких приходящих. Поэтому он с легким сердцем оставил у него Веру — в такой коммуне ее никто не заметит, даже если вздумает там искать.

Большая семья Джошуа жила в горном лесу милях в тридцати от Севастополя. Это место так понравилось побывавшей там жене губернатора, что обширную территорию объявили заповедником. Кливленда назначили старшим егерем, а простыми егерями, соответственно, стали числиться его сыновья и зятья. Им платили жалованье, их снабжали продуктами, им даже собирались построить дом — но команчи не живут в домах.

До того, как стать егерем, Джошуа Кливленд сменил много иных должностей. Был скаутом в федеральной армии и за воинские заслуги получил несколько медалей. Затем его избрали советником «по индейским вопросам». Он помогал властям улаживать, в основном, земельные споры с апачами и команчами, которые сдавали в аренду пастбища, расположенные на территории резерваций. Его даже стали называть «судьей Кливлендом» и прочили в верховные вожди. Власти обещали ему блестящую политическую карьеру. Надо было только стать законопослушным гражданином и официально зарегистрировать брак с одной-единственной женщиной. Джошуа, сколько мог, затягивал решение этой щекотливой проблемы. Наконец, сам губернатор, будучи у него в гостях, прямо сказал, что должна остаться только одна «миссис Кливленд». Этого требуют политические интересы. И тогда Джошуа вызвал всех своих жен (в то время их было четыре), построил их перед губернатором и вручил ему свой револьвер. «Если того требуют политические интересы, пусть останется одна. Убей трех лишних, — сказал он. — Я не могу этого сделать, потому что всех четырех люблю одинаково сильно».

Губернатор сдался. Чтобы скрыть свое поражение, ему надо было убрать Джошуа подальше от брызжащей общественности. И на следующий день было объявлено, что в красивой местности восточного Техаса будет создан заповедник.

Местность тут была и в самом деле роскошная. Невысокие горы, покрытые соснами, перемежались цветущими долинами, которые местами превращались в море дюн и зыбучих песков. Были здесь и болота, и заводы с аллигаторами, и альпийские луга, где паслись горные антилопы, были и непроходимые чащобы, и зияющие пропасти. В общем, по мнению капитана Орлова, самое подходящее место для партизанской базы.

Он знал «Бегающего» еще с тех пор, когда тот жил в резервации на границе Техаса и Арканзаса. Орловская компания поставляла муку и зерно агентству по делам индейцев. Агентство платило минимальную цену, ниже рыночной, и Орлов торговал себе в убыток. Однако он надеялся, что следующим этапом сотрудничества станут поставки в армейский форт рядом с резервацией, а военное ведомство было самым завидным покупателем. Кроме того, часто бывая в гостях у команчей, Орлов изучал их методы обучения лошадей и отводил душу в совместной джигитовке. С «Бегающим» он хаживал на волков. То была охота, какую Орлов прежде знал только по калмыцким степям. Без собак, без загонщиков, на специально обученных жеребцах выследить и загнать волка — и пустить в ход копыте или револьвер только в самый последний, в самый опасный момент, когда зверь крутится *волчком* под копытами — и бывало, что Джошуа оставлял жизнь волчицам.

От железной дороги до стойбища было миль сорок, не меньше. Но Орлов, уезжая в Денвер, оставил в станционной конюшне не своего жеребца, а лошадь из табуна Кливленда. Кобыла была пятнистая, низкорослая и большеголовая. Одним словом, невзрачная была лошадка, однако эти сорок миль она покрыла за полдня, а лучший жеребец из орловской

конюшни потратил бы весь день, да еще с парой остановок. Солнце еще не зашло за макушки леса, когда Орлов уже входил в палатку Кливленда.

То была именно палатка, а не *типи*⁶. Добротная армейская палатка, с окошками и карманами, с дополнительным навесом от дождя, с печкой и дымоходом.

— Устроился по-генеральски, — оценил Орлов, садясь на складной брезентовый табурет.

— А разве я не генерал?

Джошуа улыбнулся, и его глаза исчезли в лабиринте морщин. Был он совершенно седой, две косы ниспадали по плечам на грудь, а к украшенной бисером налобной повязке был пришит ярлык какой-то бостонской фабрики готового платья.

— Ты ходил на охоту, — нараспев произнес команч. — С чем вернулся, брат? Готовить ли мне ножи, чтобы разделять тушу? Или просто размочим сухари?

— Я ходил на одинокого волка, а встретил стаю, — ответил Орлов, пытаясь перенять фольклорный стиль Кливленда. Тот часто, слишком часто встречался с «белыми братьями», которые разинув рот глядели на его косы, на церемониальные скальпы у пояса, и приходили почти в экстаз, слушая его рокочущий баритон, декламирующий нечто в духе книжек о краснокожих.

— Ну, и как? — уже без всяких выкрутасов спросил Джошуа.

— Встретил не того, кого хотел. Но его тоже надо было встретить. Так что можно считать, что поездка была удачной.

— Из неудачных поездок не возвращаются, — философски заметил команч. — Почему ты не спрашиваешь, как вела себя твоя женщина?

— Сам расскажешь после ужина.

— Не испытывай мое терпение. Я хочу рассказать сейчас. Таких гостей у меня еще не было. Помнишь, у меня гостил Висельник Сандерс? Ну, тот, которого два раза собирались повесить, и оба раза он удирал из камеры смертников? Так вот. Бедняга Сандерс — это кролик по сравнению с твоей женщиной.

— Ее зовут Вера, — напомнил Орлов, собираясь добавить, что она не его женщина.

Но Кливленд не дал ему договорить:

— Ее зовут «Мать всех женщин, мачеха всех мужчин». Ты когда-нибудь видел, чтобы генерал носил воду? Тебе надо было приехать сегодня утром, и ты бы это увидел. Я, старший сын и муж дочери — мы втроем носили воду из родника на кухню. Такого не было уже давно.

— Как же вы обходились без воды? — притворно удивился Орлов.

— Ее приносили женщины, и ни одна из них не умерла от такой работы. Но твоя женщина сказала, что им вредно таскать тяжести. — Джошуа поднял ладонь, не давая Орлову заговорить. — Я знаю, о чем ты думаешь. Да, во все времена мужчина должен был беречь женщину. И когда мы жили на свободе, то таскали воду без напоминаний. Но времена изменились. Мы живем под охраной государства. Нам больше не нужно бояться, что кто-то ночью угонит табун. Нам больше не нужно нападать на соседей, чтобы обзавестись одеялами или рисом. О нас заботится государство. Мои сыновья выросли, не узнав запаха вражеского трупа. Они не ходят на охоту. И лишь рассказывают друг другу о битвах прежних времен. Старший сын только в двадцать пять лет убил первого медведя! Да, мы теперь живем не так, как раньше. Поэтому мы перестали носить воду и заботиться о своих женщинах. «Мать всех женщин, мачеха мужчин» открыла нам глаза. А теперь скажи мне, брат, как ты с ней управляешься?

— Знаю волшебное слово, — серьезно ответил Орлов. — Но давай обсудим наших женщин после ужина.

Он выложил на ящик, покрытый циновками, привезенные им городские подарки —

⁶ Типи — сборно-разборное жилище индейцев Великих равнин, конусообразный шатер из бизоньих шкур.

трубку и табак для Джошуа, папиросы для его сыновей, шелковые платки женщинам, стопку комиксов для малышей.

— Твоя землянка свободна и убрана, — сказал Кливленд. — В ней никто не жил с тех пор, как ты ночевал у нас в прошлый раз. А твоя женщина отказалась там спать. Она устроилась в женской палатке. Ты привез ей подарки? А то будешь спать один.

* * *

Он не сразу узнал ее — в длинной индейской рубахе и меховой жилетке, с косами на груди, Вера, вместе с парой молодых женщин, шла от реки с корзиной, полной выстиранного белья.

Орлов пошел ей навстречу и забрал у нее корзину.

— Ты быстро вернулся, — сказала она.

Прошла неделя с того дня, как он оставил ее здесь. Для него эти семь дней показались бесконечно длинными. А она говорит «быстро вернулся»... Он вдруг понял, что спешил сюда только ради того, чтобы снова увидеть ее. Его никто не гнал из Денвера. Можно было там же, на месте, заняться поисками новых следов, ведущих к Стиллеру и его хозяевам. Можно было навести справки о Гочкисе, да много чего можно было сделать. Почему он все бросил и помчался к ней? Орлову стало стыдно из-за проявленной слабости.

— Я ненадолго, — сказал он.

— Как тебя приняли у Фарберов?

Он остановился у бревна, лежащего возле тропы. Судя по его отполированному боку, бревно тут было вроде лавочки. Вера присела рядом. Тербя косу, она смотрела на макушки сосен, согретыые закатным солнцем. Из леса уже накатывались волны ночного холода.

— У Фарберов? Не много их осталось, Фарберов-то. Профессор живет один. Дочь с мужем давно уехали. В доме только прислуга. Старик был рад появлению нового человека.

— Он меня вспомнил?

— Он и не забывал. Газеты заставили его изрядно поволноваться. Но я объяснил, что тебе ничего не грозит, что все это выдумки журналистов, и что тебе оказывают помощь серьезные люди. Фарбер в душе социалист, оказывается. Почти анархист. Читал Бакунина. А с Реклю⁷ даже в переписке состоит. Убежден в скором упразднении государства. Мы каждый вечер проводили за философскими беседами.

— Паша, не томи, — попросила она. — Мы можем перебраться в Денвер?

— Нет.

— Что ж, хорошо хотя бы, что ты вернулся оттуда целый и невредимый. Значит, они все-таки догадались, где меня искать.

— Надеюсь, теперь они от тебя отвяжутся.

— Ты там встретил кого-то?

— Да.

— И, конечно, не упустил случая подраться...

В ее голосе слышались теплые нотки, но Вера по-прежнему не смотрела на него. Казалось, ее больше всего на свете сейчас занимали розовые облака, протянувшиеся над лесом.

Орлов принялся докладывать:

— Слежку я заметил в тот же вечер, когда приехал. Возможно, за домом и раньше следили. Но как-то вяло и неаккуратно. Просто сидел человек в кафе напротив входа и смотрел на ворота. По нечетным часам наблюдатели меняли друг друга, причем садились за один и тот же столик. Полнейший дилетантизм. Но самое забавное впереди. Ровно в девять

⁷ Реклю Жан Элизе (1830–1905) — французский географ, социолог. Теоретик анархизма. Бакунин Михаил Александрович (1814–1876) — русский революционер, анархист.

вечера кафе закрылось. И наблюдатель ушел домой. А утром, в одиннадцать, стоял перед кафе, ожидая, пока оно откроется.

— Да, грубая работа, — кивнула Вера.

— Я не выходил из дома, наблюдал за ними изнутри. Надо было подумать, как покинуть Фарбера, не повредив его репутации. Разработал хитрый план. Можно сказать, провокацию. Док сказал в университете, что собирается отлучиться, и слежка тут же усилилась. Появились новые лица. Чуть ли не в открытую караулили возле забора. Под утро я выехал. Признаться, поначалу настроение мое упало. Еду, еду, а позади — никого. Я уж грешным делом подумывал вернуться. Думаю — а вдруг они решат, пока профессор в отъезде, заглянуть в дом? Это был бы логичный ход, если они ждали тебя там застать. — Он достал трубку, но не стал ее раскуривать. Ему просто хотелось занять задрожавшие пальцы. — В общем, решил так. Если до моста никого не встречу — возвращаюсь. Съезжаю с моста — никого. Я уж начинаю разворачиваться. И тут вижу: целый эскадрон стоит за кустами. Сворачиваю в сторону гор. Слышу, за спиной: «цок-цок». Ключнули, голубчики. Ну, а дальше уже было легче.

— То есть, ты хочешь сказать, они напали на тебя?

— Можно и так выразиться. Напали.

— Значит, Стиллер... — Она вопросительно подняла брови.

— Увы, — неохотно произнес Орлов. — Стиллера среди них не было. С ним что-то случилось, он в больнице. Но зато я знаю, на кого они работали. Тебе знакома фамилия Гочкис?

— Нет, — помедлив, ответила Вера. — Все, что я слышала — «Стиллер прикроет конвой», «Стиллер исполнит в лучшем виде», «Это деньги Стиллера, тут они лежат мертвым грузом, а нам пригодятся». Никакой Гочкис не упоминался.

— Постой, постой, — Орлов чуть не выронил трубку. — Какой еще конвой? Ты сказала, он прикроет конвой? Точно? Тебе не послышалось?

— Не понимаю, что тебя так удивляет.

— «Конвоем» называют контрабандную перевозку грузов через границу, — пояснил он. — Значит, твои... Значит, эти ребята занимаются еще и контрабандой! Как хорошо, что Стиллер мне не попался в этот раз! Нет, теперь придется молиться о его здоровье. Нужно с ним встретиться, очень нужно...

— Загорелся, загорелся, — насмешливо протянула она. — Как мальчик на новую игрушку.

— Жаль, ты раньше про конвой не говорила. Ну, ладно, об этом довольно. Как тебе здесь?

— Хорошо.

— В первое время, когда я гостил у команчей, мне больше всего нравилось то, что я не понимал их языка, — сказал Орлов. — Так хорошо. Они себе щебечут, а ты ничего не понимаешь. Чужие голоса как шум леса. Просто шум. Здесь я отдыхал от людей. От слов. От чужих забот.

— Нет, при мне они все говорят по-английски. А ты давно их знаешь?

— Давно. Лет десять уже.

Вера кивнула с таким видом, словно и не ожидала услышать ничего иного:

— Тогда понятно, почему здесь есть девочка по имени Таня.

— Что же непонятного? — удивился Орлов. — Родилась в январе, крестили по имени мученицы Татьяны. Тут все крещеные. А Таня — моя крестница.

— Как у тебя все складно выходит... Когда ты уезжаешь? — спросила Вера.

— Дай хоть чаю попить, — немного обиженно сказал он, вставая с бревна и поднимая корзину.

* * *

Чай у Кливленда не пили. Пили кофе или свои ягодные морсы. Спиртного здесь не держали, и капитан Орлов терпеливо ждал окончания ужина. Наконец, они с Джошуа вышли из палатки, чтобы покурить, любуясь звездами, и Орлов попросил:

— Пусть оседлают моего жеребца. Поеду домой.

— Почему ночью?

Он быстро придумал ответ:

— Так спокойнее. Не хочу, чтобы кто-то видел, как я возвращаюсь.

— В твои годы я тоже мог не слезать с коня от рассвета до рассвета. Где теперь тот отчаянный воин? — Джошуа посмотрел в небо, выпуская струю дыма. — Куда уходят наши счастливые дни?

— Туда же, куда и несчастливые.

— Не знаю. Наверно, они все-таки растекаются в разные стороны, как две реки на разных склонах одного хребта. Счастливая река и несчастная река.

— Реки впадают в море, — сказал Орлов. — Ты хочешь доплыть до моря счастья?

— Все мы туда приплывем однажды.

— Смотря в какую реку войдешь.

Покидая лагерь, Орлов проехал мимо женских палаток. Там слышался смех. «Ей весело, — подумал он. — Ей тут хорошо. Вот и ладно».

Кремнистая дорога была хорошо видна под луной. Жеребец плелся шагом, не мешая хозяину наслаждаться содержимым небольшой фляжки, таившейся до поры в седельной сумке.

Едва Орлов выехал из леса, стал задувать холодный ветер. Он развернул брезентовый плащ с капюшоном и укрылся под ним. Защитившись от холода снаружи, он продолжал греться изнутри и, пока доехал до Севастополя, фляжка опустела.

Он думал о Вере. Злился на себя, старался обдумать планы охоты на Стиллера, заставлял всплывать в памяти самые тяжелые картины недавней схватки — но перед глазами стояло ее лицо, и в ушах звучал ее голос. «Тогда понятно, почему одну девочку зовут Таней...». Что она хотела этим сказать? Что Таня — его дочка? Конечно, Вере трудно разобраться в переплетениях родственных связей клана Джошуа. Но как она могла подумать такое! Чтобы капитан Орлов мог иметь связь с женой своего друга! Неужели ревность лишает разума не только мужчин, но и женщин?

Ревность? Разве она способна ревновать? Ведь они совершенно чужие друг другу. Ничего общего. Кроме врагов.

Надо думать о врагах. О том, как вытащить их на пространство, пригодное для спокойного истребления. Надо было думать о чем угодно, только не о Вере, потому что мысли о ней лишали его сил. Он обмяк в седле, и прикладывался к фляжке, словно целуя её. Её? Кого — «её»? Верку Муравьеву? Граф, очнитесь!

Так, смеясь над самим собой и вспоминая запах ее духов, он провел почти всю ночь, то плетясь шагом, то посылая жеребца в галоп. И только речной холод немного остудил его романтический пыл.

С реки ползли туманы, и капитан Орлов насторожился. Чем меньше видишь, тем ближе надо держать оружие...

Понаблюдав за своим домом, Орлов не заметил никаких сигналов тревоги. Но на всякий случай привязал коня под деревом, а сам подкрался к дому со стороны реки, и еще с полчаса прислушивался, приглядывался, принюхивался.

Постучал в окошко тети Аниты. Она отозвалась не сразу, и ее ворчание успокоило его окончательно. Если бы в доме была засада, старушка не спала бы так крепко.

— В доме никого? — спросил он.

— Чисто, — она зевнула, выходя из флигеля со связкой ключей.

— А в чулане?

— Шериф их увел на третий день. Не думаю, чтоб они были тому рады. Я их кормила. А в камере, небось, одни сухари грызут.

— Почему в камере?

— Шериф их засадил за вторжение в частный дом и еще за то, что у них были ненастоящие значки. Они же сказали, что их прислала какая-то компания. А из компании пришел ответ, мол, таких не знаем. Вот они и сидят у него под замком.

Она открыла перед ним двери дома и остановилась на пороге.

— Есть будешь? Могу разогреть что-нибудь. Или омлет?

— Не знаю. Для ужина поздно, для завтрака рано. Ты разбуди меня через пару часов, вместе и позавтракаем.

После суточного перехода верхом он едва переставлял ноги. С трудом стянул сапоги и, не раздеваясь, повалился на кровать. Он думал, что провалится в сон, едва коснувшись подушки. Но тревожные мысли не давали заснуть.

Ему нельзя долго прятаться. Чем дольше длится его отсутствие, тем сильнее подозрения в его виновности. Виновен, но в чем? Это неважно. Как там Вера говорила? «Арестовать впредь до выяснения причин ареста».

Надо возвращаться в Эль-Пасо. Прийти к капитану Джонсу. Всё рассказать начистоту. Вместе с ним отправиться к городскому маршалу. Рассказать тому про Стиллера, про Гочкиса, про «Стальную Звезду», которая раздает свои значки разным бродягам. Может быть, маршал поможет им выйти на Полковника или на Важное Лицо, которое так упорно гоняется за Верой. «Да, маршал поможет. Если сам не служит этому Важному Лицу», — засыпая, подумал Орлов.

16. Собака — друг человека

— Маршалу сейчас не до тебя, — мрачно ответил капитан Джонс, выслушав Орлова. — Пол, где тебя носило? Если бы ты приехал хотя бы два дня назад...

Они сидели в отдельном кабинете привокзального ресторана. Сойдя с поезда, Орлов решил пока не выходить в город. На всякий случай. Отправил посыльного в штаб-квартиру рейнджеров, и всего через три часа Джонс явился на встречу.

— Что случилось с маршалом? — полюбопытствовал Орлов.

— Убили его родственника. Троюродного племянника, что ли. В общем, парня и родственником назвать трудно. Но это пятно на всю семью. Ты же не читаешь газет, а зря. Мог бы узнать о себе много интересного.

— О себе я все и так знаю, а что с маршалом-то?

— «Трагедия в Колорадо», — Джонс попытался передразнить уличного торговца газетами. — «Драма на горной тропе». Стычка между дорожной полицией и тремя грабителями. Перестреляли друг друга. Причем у грабителей были такие же значки, как у констеблей.

— Забавно, — сказал Орлов. — Как же их смогли различить, хороших парней и плохих парней?

— Плохие парни числились в розыске, вот и вся хитрость. В их числе оказался Гек Миллс. На нем висели старые дела в Колорадо. Конокрадство. Плюс подозрения в ограблении поездов. В общем, обычный набор. Говорят, парнишку видели у нас в Эль-Пасо. Здесь вел себя пристойно. Какого черта понесло его обратно в Колорадо?

— Не знал, что ты способен жалеть конокрадов.

Капитан Джонс усмехнулся:

— Я жалею, что не прищучил его сам. Вот и все. А маршалу придется уйти в отставку. Начнутся разговоры. Ясное дело, племянничек неспроста ошивался поблизости от дяди.

«Как хорошо, что я задержался дома», — подумал Орлов. Тогда, решив прилечь на пару часов, он провалялся в постели почти весь день. И еще день потратил на всякие запущенные дела — переписка, домашнее хозяйство, да и лошадей надо было осмотреть, не застоялись ли. Только через два дня, после тщательных сборов, он сел на поезд, идущий в Эль-Пасо. Удачно получилось. Теперь он знал, что к маршалу ни в коем случае нельзя

обращаться.

— Вот что, — сказал капитан Джонс. — История запутанная. И если ее распутывать, то еще неизвестно, куда мы придем. И в какое дерьмо уткнемся носом.

— Да мы уже в дерьме, — не удержался Орлов. — Не хотелось лишний раз портить тебе настроение, но тот караван, который шел под охраной рейнджера...

— Это не наша забота, — отрезал Джонс. — Я связался с соседями. Они присмотрят за тем парнем. Он в отряде недавно, мог оступиться. Сам знаешь, ребятам часто предлагают подработать на стороне. Законный ствол может принести прибавку к жалованью, даже не сделав ни одного выстрела.

— Хорошо, он — не наша забота. Ну, а Стиллер?

— Ты говоришь, он напал на пульман и убил Паттерсона. Других свидетелей, кроме тебя, нет. Тебе никто не поверит, даже если ты скажешь это в суде под присягой. В присяжные выбирают обычных людей. А обычный человек не может поверить, чтобы преступник называл свое имя, прежде чем убьет жертву.

— Но ты-то веришь?

— Конечно, верю. Потому что я и сам так делаю. Если приходится убивать незнакомца. Пусть знает, кому проиграл. Это его право. Ну да, я защищаю закон, а бандит его нарушает. Но мы играем в одну игру, и должны соблюдать правила. Иначе мир превратится в ад. Но присяжные... — Капитан Джонс покачал головой. — Присяжные ни черта не знают о жизни. Они видят только свою кормушку. И если ты им расскажешь чистую правду, они не поверят.

— Знаю, — сказал Орлов. — Потому что они верят газетам.

— В том-то и дело, брат... — Джонс задумчиво глядел в окно, за которым сновал вокзальный люд. — Мэтью Стиллер — скользкий тип, его так просто не зацепишь. У нас он ни в чем не был замечен. В городе бывает редко. Я его запомнил по суду, он был свидетелем в паре дел. Пьяные драки со стрельбой. Знаю, что он живет на каком-то ранчо. На простого ковбоя не похож. Держится уверенно. Видел его еще в ресторане, когда был прием у мэра. Стиллер туда явился в сапогах со шпорами, в меховой куртке. Кто его пригласил? Наверно, у парня есть связи.

— Может, он тоже чей-то племянник?

— Все мы чьи-то племянники, — философски заключил капитан Джонс.

Орлов уже жалел, что затеял этот разговор. Теперь он не мог просто найти Стиллера и прикончить его. Это означало бы, что он не верит в силу закона и, следовательно, в силы Джека Джонса. Если бы рейнджерами командовал, скажем, Апач, разговор получился бы совсем другим. «Что? Этот подонок завалил Нэта Паттерсона? — переспросил бы Апач. — Почему ты сразу мне не сказал?». И уже через пару дней интерьер штаб-квартиры украсился бы свежим скальпом, возможно, даже с ушами.

Но капитан Джонс был слишком глубоко затронут цивилизацией.

— Сделаем так, Пол, — сказал он. — Не дергайся. Я узнаю, в какой больнице валяется Стиллер. Попрошу, чтобы за ним присматривали по всему Техасу. Куда бы он ни сунулся, я буду это знать. А ты пока посиди дома. Жди, что еще напишут в газетах. Если бы ты был нужен в суде, тебе прислали бы повестку. Но тебя никто не ищет. Пока. Иначе меня бы спросили в первую очередь.

— Тебя могли и не спросить. Разве газетчики тебя спрашивали?

— Нет.

— Однако они знают обо мне больше, чем я сам о себе знаю. Откуда? Но черт с ними, с газетами. А вот откуда «Стальная Звезда» узнала, где я живу? Все твои рейнджеры и скауты живут здесь, поблизости от Эль-Пасо. Один я со стороны. Как же они меня нашли?

— Ну, как?

— Заглянули в твои записи, вот как.

Джонс побледнел и хлопнул ладонью по столу так, что зазвенела посуда.

— Этого никто не мог сделать!

— Разве ты возишь все бумаги с собой? Поспрашивай у писарей. Наверняка они

вспомнят, что приходил кто-нибудь от шерифа. Или от маршала, или из мэрии какой-нибудь хлыщ забегал.

— Чушь!

— Может быть, и чушь. Ты все-таки спроси, ладно? — спокойно улыбнулся Орлов. — Джек, ты командир рейнджеров, а я мелкий делец. Но поверь мне, в бизнесе разведка работает гораздо изощреннее, чем на войне. Когда мне надо раздобыть какие-нибудь сведения, скажем, о скидках на железнодорожные тарифы, я и не такие номера проделываю. Ты согласишься?

— Спрошу. И если это чушь, с тебя бутылка виски. — Джонс встал, шумно отодвинув кресло. — Жди меня здесь. Я смотаюсь в контору, пока все писари на месте.

— Да ладно тебе. Это не так срочно, — попытался удержать его Орлов.

— Тебе не срочно. А у меня внутри всё кипит. Как ты мог подумать такое!

Капитану Джонсу не было еще и тридцати, но он считался самым опытным среди командиров рейнджерских рот. С семнадцати лет носил он серебряную звездочку на своем кожаном жилете, и успел побывать во всех уголках Техаса. На границе с Оклахомой Джонс ловил контрабандистов с таким же успехом, как на побережье залива, и на мексиканскую территорию углублялся в пылу погони так же легко, как и в пустыни Нью-Мексико. У него было много врагов. И много недостатков. Его называли жестоким, отчаянным и нерасчетливым. Но даже самый заклятый враг не мог бы назвать его продажным. Потому что деньги ничего не значили для Джека Джонса. Удачу, победу, дружбу — эти вещи нельзя купить. А на все остальное ему было наплевать.

Орлов был уверен, что Джонс не мог его подставить под удар. И ничуть не удивился, когда Джек вернулся через час с бутылкой виски.

— Ты выиграл, — мрачно сказал капитан рейнджеров, ставя квадратную бутылку на стол.

— Разве мы заключили пари?

— Будем считать, что заключили. Наливай.

— Настоящий скотч. Я таких и не видел никогда, — сказал Орлов, разглядывая простенькую этикетку с витиеватой подписью. — Ты разоришься, если будешь часто со мной спорить.

— Не волнуйся, я не потратил на эту дрянь ни цента. Конфискат. Держал в сейфе несколько лет. Сейчас полез за бумагами — и наткнулся. Вот и пригодилось.

Джонс залпом выпил свою стопку. Он не разбирался в дорогой выпивке. И явно не замечал разницы между самогонном и той бесценной жидкостью темно-соломенного цвета, что плескалась в хрустальной бутылке.

— Так вот, ты был прав, — сказал он. — В моих бумагах ковырялись. Причем дважды. Сначала списки личного состава затребовала налоговая комиссия из мэрии. Потом в них рылся один адвокат.

— Адвокат? Это интересно.

— Он ведет одно старое дело, связанное с ковбоями, которых застрелили по ошибке. Только я-то знаю, что никакой ошибки не было. Подонки убегали, отстреливались, мои ребята их прикончили.

— Это приключилось, кажется, прошлой зимой?

— Ну да. Тебя не было здесь. Один скотовод из Сокорро хорошо заработал на рождественской ярмарке, нанял пару моих ребят для охраны, когда возвращался к себе. Ну и не прогадал. К поселку подъезжали уже затемно. Нападение, мои вступили в дело и завалили подонков. Оказалось, что те работали на ранчо. Днем. А по ночам промышляли на большой дороге. Обычная история. Но теперь хозяин ранчо требует с нас возмещения убытков. Вроде мы ему стекла побили, сарай сожгли, лошадей поранили. В общем, бред какой-то. Старый забытый бред. Но адвокат настырный, сволочь, все копает под нас. Его зовут Гочкис. Поверенный Гочкис, юридическое бюро Розенталя.

— Ты с ним сталкивался раньше?

— Да, и не раз. Выгораживает всяких подонков. Вот столкнешься с таким, и понимаешь, почему мои ребята стараются не брать пленных.

— Я бы хотел с ним поговорить, — как можно равнодушнее произнес Орлов.

— Подожди, я еще не всё сказал. — Капитан Джонс сам налил себе и Орлову, после чего закупорил бутылку и подвинул ее к собеседнику. — Забирай свой выигрыш. И уезжай как можно скорее. У меня в конторе гости. Маршал привел каких-то уродов из Сан-Антонио. Сидят в канцелярии и по одному допрашивают всех моих ребят. Спрашивают о тебе. Как я понял, в основном их интересуют твои связи. Парни отвечают, что ты ангел, только без крыльев. Отвечают, что ты к нам приезжаешь на сезонные работы откуда-то с Востока.

— Про мой номер в гостинице никто не знает, — спокойно ответил Орлов. — Пока меня будут искать на Востоке, я лучше поживу здесь. Не возражаешь?

— Живи. Постараюсь тебя прикрыть. — Джонс встал. — Ну, пойду и я, расскажу про твои ангельские делишки.

* * *

Капитан Орлов, несколько лет верой и правдой служа гражданам Эль-Пасо, довольно плохо знал город. Ему была знакома только одна дорога — от вокзала до отеля. Отель «Амбассадор», в котором он жил, находился в двух шагах от казармы рейнджеров, а на третьем шагу уже была мексиканская граница. Были у этой гостиницы и другие преимущества. Например, она не страдала от избытка постояльцев. Кроме того, здесь работал замечательный повар, армянин из Греции, женатый на француженке. Но самое главное — в отеле Орлов занимал номер с отдельным входом. Он снял его на девяносто девять лет и заплатил вперед, получив неплохую скидку.

По магазинам он не ходил, в клубах не состоял, театры и библиотеки не посещал, а уж о том, чтобы заглядывать в банки или юридические конторы и речи быть не могло. Он знал назубок все притоны на окраинах города, где могли прятаться преступники. Он мог бы с закрытыми глазами пройти по горной тропе, ведущей к вершинам Сьерра-Дьяблос. Если бы среди ночи неведомая сила забросила Орлова в мертвые солончаки в сорока милях от Эль-Пасо — он и тогда нашел бы дорогу обратно, к городу.

Но адвокат Гочкис не скрывался в притонах, не бродил по горным тропам и не блуждал по солончакам. Придется искать его в городе, а это чертовски трудно — ведь на тротуарах и на паркетe не остается почти никаких следов.

Впрочем, капитан Орлов и не рассчитывал на легкую добычу. И к новой охоте он подготовился весьма основательно.

Шататься по городу, когда твои фотографии напечатаны во всех газетах? Это, мягко говоря, неразумно. Но, запершись в номере, много не высидишь. Следовательно, прежде всего капитан Орлов должен был превратиться в невидимку.

В прежние годы ему довольно часто приходилось проделывать этот номер. Хлеботорговец Пол Орлофф не мог рисковать репутацией, появляясь в местах конспиративных встреч капитана Генерального Штаба П.Г.Орлова. Поэтому, отправляясь в индейскую резервацию или в низкопробный бордель, он не мог обойтись без грима, парика, накладных усов и бороды.

Сейчас же ему пришлось использовать только те средства маскировки, какие нашлись в местной торговой сети — белила, охру, киноварь и умбру.

Для начала он разрезал два апельсина пополам и аккуратно выскреб мякоть. Ему были нужны четыре полусферы, и он их получил.

Затем Орлов принялся растирать краски в фарфоровой ступке. На почти невидимом пламени спиртовки растопил смесь вазелина, воска и оливкового масла. Всыпал готовый и просеянный порошок желтой охры и варил, помешивая, пока не получилась масса, по густоте близкая к сметане. Пропустил готовую краску через марлю, растер на плоской тарелке и сгреб в емкость из апельсиновой кожуры. Поступив так же с остальными красками,

Орлов получил четыре тона, нужные для того, чтобы загримироваться.

Он начал с глаз. Затемнил глазные впадины. Верхнее веко подвел белым, чтобы ресницы казались седыми. Провел белилами по бровям, против роста волос, и они сразу поседели и стали нависать над глазами. Нижние веки очертил красным, придав глазам старческую воспаленность. Высветлил мешки под глазами и морщинки в уголках глаз.

Орлов отвернулся от зеркала на пару минут, а потом глянул в него снова. Нет, старика он там не увидел. Он увидел глаза, подведенные красками. Грим сам по себе ничего не значит. Старика не нарисуешь, его надо будет сыграть. Что ж, сейчас это будет легче, чем двадцать лет назад, на сцене юнкерского любительского театра. Там ему особенно хорошо удавались старики. И старухи. Княгиня Тугоуховская из «Горя от ума».

Он затемнил тщательно выбритую верхнюю губу, чтобы она выглядела ввалившейся. Тщательно, насухо вытер зубы и стал закрашивать их черным лаком. «Лишив» себя нескольких зубов, он затушевал уголки рта, «опустив» нижнюю губу.

Завершил раскраску общим землистым тоном и сединой в волосах. И решительно отодвинул краски, чтобы не соблазняться желанием доводить грим до совершенства. Чай, не Рембрандт, портреты писать.

Он встал из-за стола и подошел к большому зеркалу в прихожей. Надо было вспомнить какого-нибудь хорошо знакомого старика. Но кого? Генерала Обручева? Отца? Барона Лансдорфа? В них не было ничего старческого, если не считать седины.

К счастью, память быстро воскресила образ одного банкира из Мемфиса. Орлов ссутулился, втянув грудь. Выпятил живот, подогнул колени и косо склонил голову.

— Вы ставите меня в затруднительное положение, мистер Гочкис, — прошамкал он «беззубым» ртом.

Капитан Орлов прошелся по номеру, тяжело волоча ноги. Походка и осанка — вот над чем еще придется работать и работать.

И он работал. Целый час непрерывно бродил из угла в угол, бормоча под нос и опираясь на трость.

Довершил маскировку старомодный сюртук с длинными полами и засаленными лацканами.

Для вящей достоверности не мешало бы вооружить столь древнего персонажа каким-нибудь допотопным пистолетом, но таковых в арсенале Орлова не имелось. Поэтому он надел под сюртук поясную кобуру с короткоствольным «смит-вессоном». С другого бока приладил ножны, а патроны рассыпал по карманам. Сюртук сразу обвис. А патроны начинали брнчать, как только Орлов двигался чуть резче, чем дозволено двигаться старикам.

Прежде чем покинуть номер, он еще раз оглядел себя в зеркале, затем обвел комнату медленным взглядом. «А если они узнают про этот номер? — вдруг подумалось ему. — Если нагрянут с обыском? Или надумают устроить засаду?». Он вернулся в спальную и, достав из чемодана бутылку, подаренную Джонсом, отлил виски в карманную фляжку.

— Хоть что-то останется, — с усмешкой сказал он своему отражению в зеркале.

Медленно и чинно, шаркающей походкой и глядя себе под ноги, вышел он из «Амбассадора» и направился к стоянке пролеток. Однако вовремя спохватился. Остановился под навесом у входа в отель и взмахом трости подозвал себе извозчика.

— Юридическое бюро Розенталя.

— Это в нижнем городе, — предупредил извозчик. — Два доллара, сэр.

— Я заплачу больше, когда найду того, кто мне нужен.

Контора Розенталя располагалась в отеле «Камино Реал» на площади Сан-Хасинто. Ее скромная вывеска терялась среди красочных щитов, опоясавших гостиничный дворец. В другое время Орлов непременно заглянул бы и в бильярдный зал, и во французскую парикмахерскую, и в турецкие бани, и во многие другие заведения, нашедшие приют под крышей отеля и сулившие океаны разнообразных удовольствий. Но сейчас, к сожалению, ему нужно было посетить учреждение, куда обращаются не от хорошей жизни.

Приемная адвокатской конторы была просторной, но уютной. Отделанная мореным дубом, украшенная зеленью и живыми цветами, она так и манила опуститься в широкие кресла и позабыть обо всех своих заботах — потому что теперь эти заботы лягут на плечи чутких помощников. Однако самих помощников не было видно. Вместо них в приемной сидел секретарь, беседующий с роскошно одетой дамой. Заметив нового посетителя, он привстал и учтиво улыбнулся. Но Орлов величественным жестом усадил его обратно, дав понять, что он не намерен перебивать разговор и может подождать.

В коридоре, который начинался за приемной, несколько дверей были украшены сияющими табличками. Орлов догадывался, что на них указаны фамилии адвокатов. Пройти туда, ворваться в кабинет Гочкиса и взять подлеца за глотку? Было бы недурно. Так ведь не дадут поговорить.

Он достал из-за пазухи заранее приготовленный конверт и, ни слова не говоря, положил его на стол секретаря. Тот снова отвлекся от беседы с дамой и глянул на него, но Орлов, приподняв шляпу, откланялся и вышел из приемной.

Вернувшись к пролетке, он сказал извозчику:

- Нам придется подождать. Здесь достаточно удобное место для стоянки?
- Смотря сколько ждать.
- Может, пять минут. А может быть, несколько часов.
- Тогда я, пожалуй, встану вон туда, к фонтану.
- К фонтану? Превосходно.

Орлов не сводил глаз с дверей отеля. Они то и дело раскрывались, впуская и выпуская разнообразнейшую публику. Но вот из «Реала» вышел человек в твидовом пиджаке, с конвертом в руке, и направился к аптеке, что находилась на другой стороне улицы. Пробыв там несколько минут, он вышел и, оглядываясь, направился обратно к отелю.

В письме, которое Орлов сочинил для Гочкиса, было всего несколько строк. *«Некая дама из России желает сообщить вам нечто очень важное. Если хотите ее видеть, зайдите в аптеку с этим конвертом. Только без посторонних. Она очень напугана. И если увидит с вами кого-то еще, то исчезнет бесследно»*. Он полагал, что Гочкис выйдет сам, а не пошлет какого-нибудь помощника. И теперь, разглядев объект наблюдения, мысленно составлял его словесный портрет.

На вид Гочкису было лет тридцать, или чуть больше. Рост ниже среднего, телосложение плотное, даже со склонностью к полноте. Лицо продолговатое, нос длинный, крючковатый. Волосы черные, гладко зачесанные на прямой пробор. Походка стремительная, подпрыгивающая. Движения резкие и порывистые...

Гочкис остановился перед входом в отель и круто развернулся. Его взгляд был направлен, казалось, прямо в глаза Орлову, и капитан невольно отодвинулся вглубь пролетки. Но Гочкис просто обвел взглядом площадь, словно выискивал кого-то. Не нашел. И скрылся за стеклянными дверями.

— Скажите мне, любезный, если не секрет, какова ваша дневная выручка? — обратился он к извозчику.

- Разная, — коротко ответил тот.
- Могу ли я нанять вас на весь день?
- Если с авансом, то почему бы и нет?
- Устроит ли вас пять долларов в качестве аванса?

Извозчик неопределенно хмыкнул и подставил ладонь под звонкие монеты.

— Куда прикажете ехать?

— Пока никуда. Постоим здесь. Мне надо кое-что обдумать.

Почему-то он был уверен, что Гочкис не усидит на месте. Послание должно было заставить его что-то предпринять. «Он и предпримет, — подумал Орлов. — Начнет звонить по телефону. Цивилизация! Сейчас можно развязывать войны и заключать миллионные сделки, не покидая кабинета. Но если мистер Гочкис заинтересован в том, чтобы найти Муравьеву, то ему придется оторвать задницу от кресла».

В конце концов, Гочкис должен будет под вечер направиться домой. Если...

Если только он не живет в том же отеле, где находится его контора!

Подумав о такой возможности, Орлов приуныл. Он собирался устроить слежку, и, наметив удобное место, в точно рассчитанный момент захватить Гочкиса для последующего допроса. В зависимости от обстоятельств, допрос можно было бы превратить либо в первую стадию вербовки, либо в обвинительный процесс с зачитыванием приговора и немедленным его исполнением. Но если эта адвокатская крыса никуда не высовывается из своей норы, то придется разрабатывать совершенно новый план.

Вернуться в контору и под видом выжившего из ума старика затеять нудную и бессмысленную беседу? А потом придти туда снова, уже ночью, и порыться в бумагах Гочкиса?

Или узнать, в каком номере он живет? (Если он живет там.) Подкараулить его в ресторане — должен же он хотя бы раз в день есть...

Он перебирал в уме вариант за вариантом, продолжая следить за выходом из «Реала». Самое тяжелое занятие разведчика — это наблюдать за местом, где ничего не происходит, с единственной целью — убедиться, что там и не может ничего произойти.

Однажды в горах, в турецком тылу, Орлов с казаками трое суток наблюдал за мостом, по которому никто не ходил. Тропа выглядела нахоженной, но почему-то на ней не было ни души. Наконец, ночью Орлов подобрался к мосту поближе, и увидел, что на нем просто нет настила, так что пройти по нему мог только акробат. Впрочем, спустя неделю его драгунский полк успешно пересек ущелье именно по этому мосту. Достаточно было снабдить передовой эскадрон хорошими досками.

Может быть, и сейчас решение окажется таким же простым?

Гочкис появился снова через три часа, когда на площади уже горели фонари. Он вышел из отеля и остановился под фонарем, оглядываясь. Минут через пять к нему подкатила двуколка, запряженная беспокойным жеребцом. Он мотал головой и нетерпеливо переступал, пока Гочкис устраивался на узком сиденье. Кучер в меховой куртке едва шевельнул кнутом, как жеребец рванул с места.

— Давайте прокатимся, любезный, — проскрипел Орлов старческим голосом, похлопав своего извозчика по плечу. — Вот за тем экипажем.

Они покружили по узким улицам, примыкавшим к площади, и выбрались на дорогу, ведущую к Верхней долине. Это предместье в последние годы облюбовали для себя местные тузы. Там, где когда-то зеленели фермерские огороды, сейчас возвышались белокаменные дворцы с колоннами и чугунными оградами. Возле одного из таких особняков Гочкис и соскочил со своей двуколки, чуть ли не на ходу.

— Не останавливайтесь, любезный, — приказал Орлов, уже не следя за интонациями. — Проедем дальше. Чей это дворец, не подскажете?

— Кто же в Эль-Пасо не знает берлоги Мэнсфилда, — буркнул извозчик. — Вы, сэр, видать, издалека прибыли? Я думал, про нашего Зебулона Мэнсфилда знают во всем Техасе.

— Я из Иллинойса, любезный. А кто таков этот ваш Мэн... Смэн... Как его?

— Мэнсфилд, Зебулон Ричард Мэнсфилд. Кто он? Да никто. Просто денег у него слишком много.

— Остановите, — сказал Орлов, едва пролетка поравнялась с двумя высокими тополями, где было достаточно темно, чтобы не мозолить глаза жителям предместья. — Подождите меня, я скоро вернусь.

— Да уж постарайтесь. Мне в девять надо возвращаться в конюшню.

— Постараюсь вас не задержать, любезный.

Он прошелся вдоль улицы и, дойдя до конца ограды, свернул на узкую тропку между высокими кустами. С этой стороны вместо ограды стоял деревянный частокол. Еще дальше, за новым поворотом, двор особняка был прикрыт высоким саманным забором. Орлов привстал на носках и осторожно провел пальцами по верху забора. Он опасался обнаружить там осколки стекла. И обнаружил их. Однако горевал недолго. Как правило, наиболее

защищенная сторона укрепления охраняется наименее бдительно.

Он приставил свою трость под углом к забору, плотно уперев конец в землю. Получилась не ахти какая, но все же ступенька. Она и помогла ему забраться на забор, предварительно покрытый сложенным сюртуком. Спрыгнув на землю, густо усеянную листвой, Орлов замер, прислушиваясь.

За стволами приземистых деревьев ярко светились широкие арочные окна особняка. По кружевным занавесам скользили тени. Танцы? Но музыки не слышно.

Он подобрался ближе, стараясь двигаться плавно и медленно. В доме открылось окно, и он услышал характерные щелчки бильярдных шаров.

Неужели Гочкис так спешил сюда только ради того, чтобы сыграть партию-другую?

Орлов был уже в нескольких шагах от дома, прячась за деревом. Оставалось пересечь узкую полоску газона и слиться со стеной. И тогда можно будет подслушать. А то и подглядеть...

За спиной что-то прошуршало по листьям. Он успел отпрянуть от дерева в глубину сада, разворачиваясь лицом к опасности. Стремительная тень рывками приближалась к нему. Сиплое короткое рычание — и вот она летит прямо на него, собака с огромной разинутой пастью.

Орлов припал на колени и, увернувшись, хлестнул ее шляпой по морде. Мощные клыки щелкнули, как кузнечный пресс. Невероятная сила выдернула шляпу из руки. Разогнавшись, пес не смог остановиться, и его лапы заскользили, взрывая листву. Кинжал Орлова пробил собаку сверху. Из распоротого бока хлынула кровь. Пес рычал, продолжая терзать зубами шляпу. Вторым ударом Орлов рассек шею, и рычание слилось с клекотом бурлящей крови.

Собака взвизгнула, когда он вонзил клинок ниже затылка, и вдруг, оцепенев, повалилась ему под ноги.

— Что там за шум? — спросил кто-то в доме, подходя к окну.

— Да это Серый гоняет крыс, — раздался ленивый голос со стороны ворот. — Кормишь его, кормишь, а он все равно кого-нибудь придушит. Придушит и сожрет. То крысу, то кролика. Ненасытная тварь.

— Не в этом дело, — быстро заговорил кто-то еще, также встав у окна и дымя сигарой. — Дело не в том, что он голодный. Ему нужно не мясо. Ему нужна кровь. Свежая горячая кровь, чтобы она дымилась у него на зубах.

— Значит, мы с Серым — одной породы, — произнес его собеседник. — Я любил попить крови, когда забивал телят. Что вы на меня так смотрите, Гочкис? Не верите, что я мог пить кровь?

— Не могу представить, что вы что-то делали своими руками. Не могу представить, чтобы Зеб Мэнсфилд резал телят.

— Еще как резал! Думаете, я родился миллионером?

— Нет, но...

— Мужчина — это руки. Прежде всего руки. Сильные, надежные руки. Я всё умел делать вот этими руками. Держать оружие и ласкать женскую грудь. Всё надо уметь, и я умел. И умею до сих пор, не сомневайтесь. Если бы вы поймали ту девицу и доставили ее сюда, я бы сумел с ней договориться. И она бы осталась довольна.

— Не сомневаюсь. Мы уже вышли на ее след.

— Мне не нужен след. Мне нужна девка.

— Мы стараемся.

— Пока я вижу, как вы стараетесь обыграть меня. Ну что же, шары гонять — тоже дело, — важно провозгласил Зеб Мэнсфилд, и окно закрылось.

Орлов застыл за деревьями, склонившись с клинком над затихающей собакой. Она, наконец, замолкла. Только струйка крови продолжала журчать, вытекая из рассеченного бока.

Журчание было едва слышным. Гораздо более громкими казались Орлову другие звуки — шаги охранника перед воротами, скрип фонаря, что раскачивался на высоком столбе,

легкий перестук голых веток при едва заметном дыхании ветра... Все его чувства были обострены до предела. Почти не поворачивая головы, он видел всё вокруг. Возникни за спиной опасность — и он почувствовал бы ее мгновенно. Если бы обитатели особняка подняли тревогу, он не стал бы убегать. Он был готов расстрелять всех, кто окажется на свету.

Но они пока ничего не заметили, и ему надо было незаметно отступить. Он уже услышал все, что хотел. И сейчас надеялся только на то, что во дворе не бегают еще один пес.

Дерево, росшее рядом с забором, помогло ему выбраться из сада. Он нашел свою трость и отряхнулся от листвы. Шляпу пришлось похоронить в сточной канаве. Сюртук был порезан в нескольких местах, но Орлов понадеялся, что этого никто не заметит.

— Я вас не слишком сильно задержал, любезный? — спросил он у извозчика, забираясь в пролетку.

— Задержал, не задержал, какая разница? Все равно я бы вас дождался, сэр. Нельзя бросать человека одного в таком месте, как Верхняя долина. Уж больно народ тут шустрый. Ну, куда теперь?

— Сначала куда-нибудь, где можно купить приличную шляпу. Мою сдуло ветром. А потом — обратно, к «Амбассадору». Шустрый народ, вы говорите?

— Известное дело. Шустрые люди. Своей выгоды не упустят. Они целые города разоряют. А уж одинокого старика раздеть — это для них самое милое дело. Шустрый тут народ, шустрый.

Подъехав к парадному входу в отель, Орлов щедро рассчитался с извозчиком и подождал, пока тот отъедет. Затем медленно и важно прошествовал по ярко освещенной улице, где под каждым фонарем стояли девушки с корзинками цветов. По тому, как они отворачивались, Орлов понял, что роль старика удастся ему на славу. Он остановился на углу, раскуривая трубку, и незаметно глянул в сторону входа в свой номер.

Спичка обожгла ему пальцы, и он, чертыхнувшись, зажег новую. У входа стояли двое рослых молодцов, заложив руки за спину и широко расставив ноги. В окнах номера горел свет.

Орлов попыхтел трубкой и побрел обратно по тротуару, постукивая тростью и игриво поглядывая на «цветочниц».

Через час он был на вокзале. А еще через полчаса поезд умчал его из Эль-Пасо.

17. Встреча в тумане

— Давай поделимся, — предложил Захар Гурский. — Ты будешь искать по-своему, а я по-своему. А от наших споров мы только оба проигрываем.

— Ты слишком увлекся поисками, — ответил Тихомиров. — Не забывай, мы здесь не для того, чтобы в прятки играть. Муравьеву и без нашего участия поймают рано или поздно...

— Рано или поздно! — перебил его Захар. — В том-то и дело, что будет поздно! Нам груз вывозить надо! Продавец может отказаться от сделки, тебе это непонятно? Ему гарантии нужны, что все будет шито-крыто. А пока она живая, таких гарантий нет. И даже напротив, есть полнейшая гарантия, что его с грязью смешают, как только она рот раскроет. А она раскроет, это уж будьте покойны, Гаврила Петрович.

— С продавцом я договорюсь. Он человек разумный, и должен понять, что обратного хода нет. Половина товара уже отгружена, надо довести начатое дело до завершения. Я с ним договорюсь.

— Ну, договаривайся, — махнул рукой Захар. — А я пока в Севастополь наведуясь. Чует мое сердце, там они затаились. Не могут они вдвоем незамеченными по Техасу раскатывать, не могут! Парочка приметная, давно бы опознали и сцапали. Тем более, что награда за них обещана, а за награду тут мать родную сдадут.

— Почему в Севастополь? Почему не в Денвер? — язвительно переспросил

Тихомиров. — Почему не в Сан-Антонио? Почему не в Нью-Йорк, раз уж на то пошло? Думаешь, что он будет отсиживаться дома? Ты бы стал?

— А что? И стал бы! — с вызовом ответил Гурский. — Один раз проверили — и угадали. Ведь он там был, так? Теперь он думает, что второй раз ему засаду не поставят. И снова домой заглянет, непременно заглянет. Да я нутром чую, что он уже там! Вот если б у тебя был керосиновый завод, и вдруг бы на нем пожар — ты бы кинулся туда? Кинулся бы. А у него сейчас там хуже, чем пожар. Железная дорога не принимает к перевозке его продукцию, нет платформ под бочки. А цистерны ему не дают. Это хуже пожара, потому что он поставки срывает. Нашему Орлову сейчас самое время в заводской конторе объявиться да все улаживать как-нибудь. Или по телефону, или через посыльных, но он там где-то поблизости! Там он, там. А где он, там и она.

— Вот что, надоели мне наши дискуссии, — заявил Тихомиров. — Неволить не стану. Считаешь нужным, поезжай. Гочкис даст тебе людей. Я же остаюсь на переговоры. А ты там не задерживайся. Потому что не сегодня так завтра снова начнем возить. Нам всего-то две ходки и осталось! Нет, Мэнсфилд должен понять, что отступить некуда...

«Ничего он тебе не должен», — хотел ответить ему Захар, но, как всегда, промолчал.

Тихомирова он относил к числу «студентов», а Мэнсфилда — к делягам. Студенты верят в силу разума. Им кажется, что любого можно убедить, если правильно построить цепь доказательств. А деляги верят только в то, что могут пощупать. И все доказательства отскакивают от их медных лбов, не оставляя ни малейшего следа.

Да, у Мэнсфилда была своя выгода в сделке, он освобождал склады от залежалого товара, который, к тому же, опасно хранить у себя. Но выгода лежит на одной чашке весов, а на другой — риск. И настоящий делец постоянно следит за стрелкой своих весов, куда она показывает. Как только риск начнет перевешивать — стоп машина, обратный ход. Ну и что с того, что сорвется поставка? Ему и горя мало. Пусть выставляют неустойку, он, так и быть, рассчитается. А вот если в газетах начнут склонять его имя в связи с русской террористкой — это уже не шуточки. Захар знал, что Мэнсфилд собирается участвовать в каких-то выборах. Знал он и то, как местные деляги относятся к политике. Да они готовы были без штанов остаться, лишь бы пролезть в нее! Так что от Верки Муравьевой, может быть, зависело, чья задница займет кресло в сенате, Мэнсфилда или еще чья-нибудь...

— Строишь наполеоновские планы? Ну, и каковы же они, могу я узнать? — осведомился Тихомиров, по-своему истолковав затянувшееся молчание Гурского.

— Мои планы всегда одинаковые. Затаиться и следить. И — кто кого пересилит. Главное — выдержку иметь, вот и все мои планы.

Он не кривил душой. Чтобы убить человека, надо просто выдержать, не поддаваться порыву, перетерпеть. Надо пересилить себя.

Сколько раз ни посылали его на ликвидацию, он всегда действовал одинаково. Сначала расспрашивал, долго и въедливо, пытался все разузнать, до мельчайших подробностей. Потом проверял то, что удалось вывести — и оказывалось, что почти все сведения неверные. Проще было бы с самого начала разведывать самому. Но Захару хотелось вовлечь в дело тех, кто его на это дело посылал. Рассказывая о приговоренном, они все сильнее ощущали свое соучастие, и понемногу тяжесть будущего убийства начинала на них давить сильнее, чем на Захара. А ему только это и требовалось. Он становился просто инструментом в их руках. А инструменту ни размышлять, ни переживать не полагается.

Сейчас же он сам себя отправлял на дело. Никто не поручал ему убить этих двоих беглецов. Он сам решил, что им не жить. Муравьеву, положим, приговорил не он. А вот Орлов... Своей изворотливостью, неуловимостью, одним своим существованием он причинял Захару душевную боль. Дважды вышел живым из-под динамитных взрывов. А что в Колорадо учинил? Это ж кому рассказать — не поверят! Нет, такой молодчик не имел права на существование.

Захар знал, что Орлову некуда деться. Его портреты уже были отпечатаны и розданы всем агентам и полисменам. В Эль-Пасо уже допрашивали всех рейнджеров из его роты. На

его керосиновом заводе постоянно дежурили констебли из «Стальной Звезды». И только к дому Орлова почему-то все проявляли удивительное равнодушие. А Захар Гурский хорошо знал, как много значит дом для человека, которому негде укрыться.

Своего *первого* — провокатора Чугунова — он убил как раз на пороге дома. Никто не знал, где скрывается Чугунов после того, как его разоблачили на заседании центрального комитета. Он попросил три дня на то, чтобы собрать доказательства своей невиновности. И Комитет его отпустил. Само собой, ни через три дня, ни через неделю Чугунов не появился. Вот тогда-то и был призван Захар Гурский.

Узнав, что ему поручено столь ответственное дело, он связался со своим «дорогим другом» из жандармского управления. «Друг» через какое-то время разрешил ликвидацию. Захар так и не узнал — был ли Чугунов провокатором. Может, и был. Может, жандармы решили, что Гурский ценнее Чугунова. А может, партийный суд вынес ошибочный приговор. Бывает. Все эти соображения возникли у Захара гораздо позже. А тогда он азартно принялся за охоту.

Долго выслеживал, караулил в разных местах — всё срывалось. Наконец, руководство партии дало ему последний срок. И он пошел в открытую. Узнал, где живут родители Чугунова. Приехал к ним в поселок, постучал в дверь. Хотел поговорить со стариками. Он был уверен, что они знают, где прячется сынок. Но ему и в голову не приходило, что дверь откроет сам Чугунов. Захар приставил револьвер к его животу и выстрелил. Чугунов даже не шелохнулся, только побелел и стал отступать. Захар стрелял в него еще и еще. На шум выбежала старуха, и тут же свалилась — пуля прошла мимо Чугунова и убила мать. Расстреляв весь барабан, Захар схватил топор, стоявший в сенях, и рубанул Чугунова по шее. Тот так и сел на пол, с топором в ключице. И все мычал что-то. Захар не мог уйти, оставив его в живых. Он наклонился над Чугуновым и стал бить его своим ножом. Кровь хлестала во все стороны, а Чугунов стонал, хрипел, иногда визжал — но не умирал. На Захара нашло какое-то помутнение, он уже хотел бежать прочь отсюда и повеситься. Но вдруг его рука наткнулась на липкое от крови топорщице. Он выдернул топор из раны и что было сил обрушил его на висок Чугунова. И только тогда тот замолк...

С тех пор Захар никогда не пользовался маленькими револьверами. Только сорок четвертый или сорок пятый калибр.

На Орлова он приготовил армейский кольт с длинным стволом. Таскать его приходилось в кобуре под мышкой. Захар из этого револьвера попадал в бутылку с пятидесяти шагов. И надеялся, что завалит противника, не дав тому подойти ближе.

* * *

Орловский дом был белый и стоял отдельно, на высоком берегу реки. Его, наверно, издалека замечали с пароходов. Все подходы к нему были открытыми, незаметно не подкрадешься. И слежку устроить было трудно — наблюдателей негде спрятать.

Захар придумал вот что. По реке подогнали баркас, прибили на нем к берегу как раз напротив дома. На баркасе находились двое, они следили за подходами со стороны вокзала и пристани. Еще двоих разместили в фургоне на верхней дороге, которая шла к товарной станции, ведь хитрец Орлов мог приехать и не на пассажирском поезде. Фургон этот стоял без лошадей, с задранными оглоблями и отвалившимся колесом. Любой, проезжая мимо, подумал бы — вот бедолаги, сломались, ждут помощи. В лесу, что начинался шагах в ста за домом, расположились основные силы — четверо вместе с Захаром. Они ждали сигнала.

Сигнал же был им выбран самый что ни на есть простой. Выстрел. Тот, кто первый увидит Орлова, должен был стрелять в него. Желательно попасть в ногу или в руку. Чем легче ранение, тем больше он успеет рассказать.

Захар не стал объяснять своим молодцам, что одним выстрелом не обойдется. Пусть пребывают в благом неведении. Человек, уложивший семерых на горной дороге в Колорадо, вряд ли позволит остановить себя одной пулей. Дело будет тяжелым. Но на стороне Захара

внезапность. У Захара восемь стрелков. А Орлов — один. Чудес не бывает. Пусть он успеет уложить двоих, троих, но в конце концов Захар вцепит ему пулю в лоб. Потому что чудес не бывает.

Они прождали в засаде весь день и всю ночь. Под утро Захару принесли телеграмму: «Он был в Эль-Пасо. Будьте готовы к встрече».

— Я-то готов! — Он скомкал бланк и сунул в карман. — Я-то готов, а вы куда смотрели? Бараны! Идиоты!

Помощники тупо хлопали глазами. Им, наверно, не нравилось подчиняться какому-то иностранцу, которого Полковник поставил над ними. А он еще и ругается!

— Я не про вас, парни, — сказал он, смягчившись. — Эти ублюдки в Эль-Пасо его прозевали. Но мы-то не упустим, верно?

— Не сомневайся, Зак.

— Всем быть на ногах. Он появится, как только стемнеет, но всем быть на ногах. Ясно?

Он спустился к реке, чтобы предупредить постовых в баркасе. И застал их спящими. То были два брата-близнеца, Сэм и Билли. Сэм был рохля и молчун, а Билли — живчик и трепач. Но оба дрыхли одинаково крепко. Ему хотелось тут же на месте пристрелить обоих. Но он их даже не пнул.

— Еще раз замечу что-нибудь подобное, доложу Полковнику, — спокойно сказал Зак. — На первый раз прощаю. Будьте внимательны, парни. Он может появиться в любую минуту.

— Да ну, — позевывая, ответил Билли. — Раньше ночи не сунется. Да и то, здесь дорога освещается. Нет, он зайдет с вашей стороны, это точно.

— Смотреть в оба, — жестко сказал Захар, разворачиваясь, чтобы уйти.

Билли за его спиной пробурчал:

— Куда смотреть-то? В туман? Кому надо, пусть встанут на дороге в цепочку, да и ловят.

Туман и в самом деле сгустился на глазах, поднимаясь от воды к берегу.

Захар обернулся и позвал Билли за собой.

— Ты прав. Туман. Встанешь на дороге и будешь ловить.

— Что?

— Живо! — ледяным тоном приказал Захар и зашагал вверх.

Торопливые шаги за спиной заставили его немного успокоиться.

Ему всегда было трудно работать с местными, особенно с техасцами. На всех свысока поглядывают. Никакого начальства не признают. Даже с Полковником держатся на равных. Тот миллионами ворочает, а этот хвосты коровам крутит — а со стороны посмотришь на их разговор, и видишь двух одинаковых ковбоев, только одетых по-разному. «Да они все и есть ковбои, все из пастухов вышли, — подумал Захар. — Только одни пошли дальше, а другие застряли в навозе».

Проще всего было работать с немцами. Те дисциплину понимают. Поляки тоже легко подчиняются, и вообще приятные ребята, да только верить им нельзя. Ни одно дело до конца не доведут, а разговоров-то, разговоров! Все герои, все готовы сердце из груди вырвать и бросить в огонь революции — а домой-то никто не спешит. Революция — такая штука, которую лучше готовить за границей, в сытой благополучной стране с добрыми полицейскими и чистыми тюрьмами, куда, если и загремишь, то ненадолго и без ущерба для здоровья...

Русские — вот самая надежная сила. Им, бывало, надо по сто раз повторить задачу, но зато потом можно не сомневаться. Сказано бросить бомбу в карету — он бросит. Ни на охрану смотреть не будет, ни о себе не подумает, подойдет и бросит. Русские лучше всех пригодны для дела, это точно.

Но сейчас ему надо было подчинить себе техасцев. И, кажется, у него это стало получаться.

— Вот здесь и стой, — приказал Захар.

— Я на камень присяду, ладно?

— Ну, присядь, чтоб не так заметно было.

Дорогу уже заволокли седые пряди тумана. Захар услышал цоканье копыт, а потом из белесой мглы показался силуэт всадника.

«Он?»

Захар потянулся к кобуре, но тут же узнал во всаднике местного шерифа.

— Доброе утро, мистер Бакстер! — приветливо заулыбался Захар, шагнув ему навстречу. — Что вы тут делаете в столь ранний час?

— Точно такой же вопрос и я вам могу задать, — сурово ответил шериф. — Я тут по делам службы. А вы?

— И меня сюда пригнала работа, — Захар развел руками. — Мы в «Стальной Звезде» не знаем, что такое восьмичасовой рабочий день, что такое выходные и прочие блага цивилизации. Работаем сутки напролет.

— Я облегчу вашу работу. Мне прислали ордер на арест Орлова. Я его задержу, а вы можете спокойно отправляться домой.

— Железная дорога ведет свое расследование, и он нам нужен как свидетель.

— Вот и получите своего свидетеля. Только сначала я доставлю его к судье Томпсону в Сан-Антонио, в федеральный суд. Сдается мне, эта инстанция малость повыше частной железнодорожной компании? Или я что-то путаю?

Не дожидаясь ответа, шериф прогарцевал мимо Захара и направился к дому Орлова.

— Что будем делать, Зак? — спросил Билли. — С шерифом лучше не ссориться.

— Мы и не ссоримся. Пусть ждет. И мы будем ждать. Посмотрим, кто первым дождется.

— Не понял. Если...

— Что тут непонятного? — раздраженно спросил Захар. — Увидишь — стреляй. Думаешь, он даст себя арестовать? Не тот человек. Ему терять нечего. Он и шерифа завалит, не сомневайся. Ты бы согласился прийти к судье, который отправит тебя на виселицу? Орлов — вне закона.

— Но если у шерифа ордер...

— Ты лучше о себе подумай, а не о шерифе. Если Орлов выстрелит первым, никакой шериф тебе не поможет.

— Вряд ли он выстрелит, — заявил Билли, похлопав себя по кобуре. — Вряд ли он успеет даже глаз скосить в мою сторону, как станет покойником.

— Надеюсь, так и будет, — улыбнулся ему Захар, мысленно похоронив трепача.

Туман — это хорошо. Орлов не станет дожидаться ночи, а постарается пробраться к дому, скрываясь в тумане. Он думает, что никто не станет ждать его среди бела дня. Думает, что засада, если и будет выставлена, то только к ночи. «Давай, Орлов, смелее», — подумал Захар с нетерпением.

Возвращаясь на свой пост в лесу, он увидел, что шериф расположился на крыльце орловского дома. Рядом на развернутой салфетке лежали свертки, стоял кувшин, а из открытого котелка поднимался пар. Ветер донес аппетитный запах тушеного мяса.

— Завтракаете, мистер Бакстер?

— Я тут и пообедаю, и поужинаю, если придется, — кивнул шериф. — Мне спешить некуда. Погода чудесная, вид отсюда прекрасный. Я и сам тут живу неподалеку, вон за той березовой рощицей.

— Да, красиво у вас.

— А вы сами откуда, Зак?

— Я с севера.

— Ну, тогда вам должно тут нравиться больше, чем в Эль-Пасо. И что вы там нашли? — Шериф подцепил ножом кусок мяса, положил его на хлеб и придавил сверху двумя кружк`ами нарезанного лука. — Я вот не смог бы жить там, где столько песка, москитов и мексиканцев. То ли дело у нас — лес, река, и одни белые кругом. Жить надо

среди своих, вы не находите?

«Что он мне зубы заговаривает? — насторожился Зак. — Неспроста он приперся, неспроста».

— Предлагаете переехать в ваш округ? — спросил он с улыбкой.

— Почему бы и нет? Для хорошего полисмена тут найдется занятие. Вы ведь раньше в полиции служили, верно?

— Как вы догадались?

— У меня глаз наметанный, — с набитым ртом проговорил шериф. — Скажем, на военного вы не похожи, выправка не та. А вот когда имеешь дело со всякой швалью, когда приходится дубинкой вбивать закон в тупые головы — такое отпечатывается на человеке.

— На мне отпечталось?

— Весьма заметно, весьма.

— Вы наблюдательны, Бакстер, — Захар прощально махнул ему рукой и быстрее зашагал к лесу, потому что у него желудок сводило от голода.

Подкрепившись беконом, он приказал своим:

— Вы двое — к фургону. А вы — на дорогу. Встаньте шагах в двадцати друг от друга и глядите в оба.

— Что, стоять прямо на дороге?

— Да. Стойте на набережной. Туман, понимаете вы или нет? Туман! Он может пройти незамеченным! Вот рассеется туман, все пойдем отдыхать, готовиться к ночи. Но сейчас — глядеть в оба!

— Какая-то у нас странная засада.

— Так засады не ставят.

— Не учите меня! — Зак от злости поперхнулся водой из фляги. — Живо по местам! И пушки держите наготове!

Они, недовольно бурча под нос, разошлись.

А Зак вернулся к шерифу. Он знал, что Орлов тут со всеми был в приятельских отношениях. Наверно, завидев Бакстера, он не испугается, а подойдет ближе. Наверно, подумает, что уж с Бакстером-то он всегда договорится. И ведь будет прав. Надо еще проверить, не соврал ли шериф насчет ордера. Может быть, он и явился сюда как раз для того, чтобы помешать «Стальной Звезде»? Да, очень может быть...

Он присел рядом с Бакстером на крыльцо и закурил папиросу. Шериф разжег сигару. Они молча дымили и смотрели на реку, почти невидимую за туманом.

А набережная постепенно оживала. Завывая колесами, протащи́лась длинная подвода. Навстречу ей так же медленно проехал фургон, запряженный волами. Туман понемногу таял, и вместе с ним таяла надежда Захара, что все решится уже сегодня, здесь и сейчас.

Солнце, ненадолго выглянувшее из-за облаков, загнало остатки тумана обратно к реке. Захар с досадой оглядел свое воинство — они маячили вдоль набережной, как городовые во время проезда важной особы. «Будем ждать ночи», — решил он и встал, растирая колени.

И тут он увидел старика, что прогуливался вдоль набережной. Собственно, тот появился уже давно, но до сих пор Захар не обращал на него внимания. Мало ли чудачков совершают утренний моцион?

И только теперь он подумал, что старика вполне мог подослать Орлов. На разведку.

Словно в подтверждение его мыслей, старик вдруг повернул и заковылял обратно к городу.

Захар чуть не бегом припустил от дома к набережной. Он на ходу вытянул кольт из кобуры и сунул за пояс. Увидев, что Билли встал с камня и изумленно таращится на него, Захар показал на старика и крикнул:

— Останови его!

— Кого? — заорал в ответ тупой техасец.

Но Захар уже пронесся мимо него и в несколько прыжков настиг старика.

— Извините, сэр! — задыхаясь от бега, проговорил он. — Эй, мистер, стойте!

Он забежал вперед и преградил деду путь.

— Что? Чего вам угодно, любезный? — прошамкал беззубый старикан, сердито насупив седые брови.

— Мне? Мне-то ничего не надо. А вот не желаете ли поговорить с шерифом? — спросил Захар, разглядывая рваный сюртук. — Мистер Бакстер хочет задать вам пару вопросов.

— Чего? Говорите громче, я стал неважно слышать...

Громко топая сапогами, подбежал Билли, а от реки по крутому берегу карабкался его брат Сэм. Остальные помощники Захара тоже не остались на местах. Он сердито обернулся и замахал на них руками:

— Убирайтесь! Идите по местам!

— Мы думали... — начал Билли.

— Думаю тут я! — оборвал его Захар. — Убирайтесь отсюда! Нет, не все! Билли, будь рядом.

Старик пробормотал что-то непонятное и зашагал прочь.

— Э, постойте, мистер, давайте пройдем к шерифу, — не отставал от него Захар.

— Зак, смотри, у старика-то пушка на боку, — сказал Билли, показывая пальцем на распахнувшийся сюртук.

«Не придерешься, — подумал Захар. — Револьвер в кобуре, кобура под одеждой, местный закон не нарушен. Всякий старый пень может таскать ствол, если здоровье позволяет. Но зачем ему с утра пораньше понадобилось брать с собой пушку? Подозрительный старик, весьма подозрительный!».

Дед грозно потряс тростью:

— Да что вы себе позволяете! Я вас в порошок сотру!

— Сэм, Билли, тащите его за мной, — приказал Захар и оглянулся, не идет ли к ним Бакстер.

Ему очень хотелось, чтобы тот подошел и разобрался с дедом на месте — кто такой, откуда взялся, что тут делает...

Но шериф спокойно сидел на крылечке и дымил сигарой, глядя куда-то за реку, поверх тумана.

— Э, папаша, где же вы так кровью измазались? — спросил Сэм, хватая старика за локоть и разглядывая его брюки.

Захар тоже опустил взгляд и увидел пятна засохшей крови. А еще он увидел, что под брюками прятались очень дорогие сапоги. В чем — в чем, а в сапогах Гурский разбирался. По одной только выделке носка он мог сказать, что старикивские сапоги стоят не меньше двадцати долларов. Он не успел сделать никаких выводов, потому что старик взмахнул тростью, и Захара словно молнией поразило. «Чугунная она у него, что ли», — только и успел он подумать, оседая на землю.

Очнулся Захар от грома выстрелов. Разлепив глаза, он увидел рядом с собой Сэма. Тот пригнулся за каменное ограждение набережной, и, выставив руку, палил куда-то, не глядя.

Захар приподнялся и увидел, как старик, стоя в баркасе, отталкивается веслом от берега.

Гурский вытянул кольт из-за пояса и чуть не выронил его. Руки дрожали, пальцы с трудом удерживали тяжелый револьвер. Положив ствол на парапет, Захар выстрелил в сторону баркаса. Искры из-под бойка укололи лицо, потому что он не выпрямил руку.

— Стреляйте! — заорал он, пытаясь встать. — Все стреляйте!

Билли сидел на земле, держась за голову, из-под пальцев блестела кровь. Двое других помощников, прячась за ограждением, палили в старика. Пули вскидывали фонтанчики песка на берегу, не долетая до баркаса. Старик вдруг вытянул руку с револьвером, мелькнула вспышка, и пуля звонко ударила о парапет. Помощники Захара дружно кинулись наземь, прикрывая головы руками.

Гурский разозлился и прицелился тщательнее. Выстрелил — и старик повалился на дно

баркаса. Еще выстрел, еще! Он видел сквозь туман, как на дощатом борту лодки появляются светлые полосы пробоин. Старика больше не было видно. Баркас, кружась, уходил вниз по течению, и скоро превратился в мутное пятно среди туманной мглы.

— Завалил ты его! Завалил! — вопил Сэм, хватая Захара за плечо. — Ну, Зак! Дай ему еще!

И Захар, быстро вставив новые патроны, послал вдогонку баркасу еще шесть раскаленных гостинцев, и каждая пуля попала в цель, он был в этом убежден.

Силы мгновенно вернулись к нему. Он встал, вогнал кольт в кобуру и оглянулся. Рядом стоял шериф.

— Мистер Бакстер, в вашем городе найдется лодка? Надо бы вернуть баркас. И посмотреть, кто там.

— Я и так знаю, кто там. Кто же там может быть, кроме покойника, наштигованного пулями?

18. Еще раз убиты

Сюртук и сапоги тянули его ко дну, и он с трудом избавился от их тяжести. Сапоги пришлось полоснуть ножом — он и на суше-то вечно мучался, стаскивая их, а уж под водой чикаться не стал. Вспорол голенища, и сапоги сами ушли вниз, как два булыжника.

Он понимал, что ранен, но не знал — куда. Боли не ощущал, руки-ноги ему повиновались, и он плыл под водой сколько мог, пока не схватился руками за корни, торчащие из илистого дна. Глянул вверх и увидел — будто сквозь мутное дрожащее зеркало — песчаный откос. «Здесь не заметят, — подумалось ему, — а заметят, так невелика беда. Двум смертям не бывать, одной не миновать». И все же он всплыл осторожно, стараясь не выдать себя всплеском. Немного отдышался и снова нырнул, под водой пробираясь вдоль берега, уходя все дальше и дальше против течения. Они начнут его искать ниже, гораздо ниже, и начнут нескоро. Сначала попытаются выловить баркас, потом будут чесать затылки и оглядываться. Увидят кровь в лодке и станут обшаривать берег в поисках тела. А тело — вот оно, скребется по песчаному дну... Песок? Значит, скоро отмель. А за ней камыши, там можно будет отсидеться...

Нет, не отсидишься. Он уже чувствовал, как ледяная вода сковывает движения. Горячка боя прошла, навалилась усталость, и лишняя минута в воде могла оказаться последней минутой жизни.

На излучине течение было сильнее, и он с трудом выгребал против него. Оглядываясь, бросал короткий взгляд на берег — но преследования не замечал.

Ладони зачерпнули песок, и колени ударились о дно. Отмель. Ее надо обогнуть. Но справится ли он с течением? И там, на середине реки, тумана почти не осталось. Его заметят, когда он выплывет на середину. Могут увидеть, если только станут смотреть в эту сторону. Но если он не поплывет в обход, а станет переползать напрямик через отмель, вот тогда-то его точно увидят!

Он не знал, что делать. Странное безразличие охватило капитана Орлова. Он вдруг представил, как хорошо было бы лечь на спину и отдаться течению, глядя в небо, в эти волнистые облака, за которыми едва просвечивает раскаленный кружок солнца...

На берег. Надо выбираться на берег. Но как? Глинистый откос высился над ним, почти отвесный, с длинными голыми ветвями, свисающими почти до самой реки.

Орлов встал на колени, по пояс высунувшись из воды. Выхватил нож и, раздвинув ветви, провел им по стенке откоса. Клинок вошел в плотный грунт, как в масло. «Нора, мне нужна нора», — подумал он. И принялся с лихорадочной скоростью рыхлить землю перед собой и выбрасывать ее в воду.

Он вгрызлся в откос, пока не почувствовал, что силы оставляют его. Последним усилием он забрался в неглубокую нишу, свернулся в ней калачиком — и ветви сомкнулись за ним...

Ему показалось, что не прошло и минуты. Но, когда он очнулся, за ветвями уже не было видно реки. Там было черным-черно, как бывает только в глухую ноябрьскую ночь.

В первое мгновение, открыв глаза и наткнувшись на черноту вокруг, он подумал, что умер.

Но мертвых не знобит, а Орлова трясло от холода. Страшно хотелось пить. Голова раскалывалась от боли. Что еще? Кажется, что-то с ногой. Может быть, просто затекла? Слишком долго лежал на одном боку?

Он пошевелился и понял, что ранен в бедро. Похоже на касательный удар. Кость не задета, иначе он бы сейчас орал благим матом. Надо бы кровь остановить. Но она, вроде, сама перестала вытекать из раны.

Он попытался повернуться на спину, но при первом же движении земля под ним стала осыпаться. Орлов ухватился за ветви, чтобы не свалиться в реку, а земля все продолжала обваливаться под ним, и в конце концов ему пришлось опустить ноги и сойти в воду.

Где-то вверху глухо брнчали голые ветви, качаясь под ветром. На черном зеркале реки дрожащей цепочкой огней отражались фонари набережной. «Отмель! — вспомнил он. — Я рядом с отмелью. А к ней с берега ведет тропинка. Там, на отмели, летом купаются мальчишки. Да, там обязательно должна быть какая-то дорожка наверх».

Вспомнив про лето, он сразу почувствовал себя лучше. Ведь он — дома. Он тут не пропадет. Здесь ему знаком каждый уголок, и каждый куст, и каждое дерево на берегу готово протянуть ему ветви, чтобы он вцепился в них и поднимался наверх.

Он выбрался на дорогу и остановился, пошатываясь.

Его дом белел в темноте, и до него было не больше сотни шагов.

— Обложили, — пробормотал он одеревеневшими губами, и побрел прочь от своего дома, скрываясь за деревьями.

* * *

Орлов шел по лесной дороге, пока не упал от усталости. Отлежавшись, услышал где-то рядом журчание воды. Ручей. Вода. К ручью он подобрался на карачках, и руки его надломились, когда он приблизил лицо к невидимым в темноте струям.

Утолив жажду, он машинально полез за трубкой в карман — но не было ни трубки, ни кармана. Не было вообще ничего. Ни оружия. Ни денег.

«Давненько я не путешествовал вот так, налегке», — подумал капитан Орлов, заставляя себя встать.

Ручей не только напоил его, он еще и помог капитану определиться на местности. Теперь Орлов точно знал, куда следует двигаться. И порадовался тому, что с самого начала выбрал верное направление.

Рассвет застал его на берегу озера. Орлов нарубил сосновых веток и устроил себе логово под корягой. Он не рискнул идти днем и решил отоспаться. К тому же спящему не нужна еда, а еды-то у него и не было. Голод все равно разбудил его, когда солнце стояло уже высоко. Орлов прошелся по лесу, набрал орехов и нащипал травы. Поел и снова зарылся в свою берлогу.

Еще один ночной переход — и на рассвете он увидел пятнистых лошадей, пасущихся на поляне. То были лошади Джошуа Кливленда. Орлов схватился за березку, чтобы не упасть. Он не мог сделать больше ни шага.

«По крайней мере, похоронят меня по-человечески», — подумал он, чувствуя, как земля уходит из-под ног.

Перед глазами замелькали мухи. Он попытался их отогнать, но боялся отпустить гибкий ствол, за который держался. «Да это не мухи, — вдруг понял он. — Это в глазах темнеет. Было уже такое, когда первый раз ранило. Сейчас круги пойдут, а потом — каюк».

Ему казалось, что снова наступает ночь. Все заволакивала мгла. И впереди, по узкой тропинке среди высоких папоротников, в луче света шла к нему Вера в белых одеждах. Она

вся светилась, и Орлов зажмурился от этого свечения.

— Живой! — только и сказала Вера, обнимая его. — Идти сможешь? Только не падай, а то мне тебя не поднять.

* * *

В землянке было тепло, даже жарковато. В очаге потрескивали поленья, дым завивался под закопченным сводом и улетал вверх. Когда Орлов строил эту землянку, он больше всего времени потратил на дымоход. И сейчас мог бы гордиться отличной тягой.

Он лежал на лавке, глядя в огонь, чтобы не встречаться глазами с Верой, стыдясь своей беспомощности и слабости.

Вера распоролла ножом его брюки по швам, и стала осматривать рану.

— Ничего страшного. Фасции повреждены, но сухожилия не задеты. Считай, что это просто большая ссадина. Хорошо, что ты залепил рану глиной, а не грязью. Сейчас перевяжу, у меня есть всё для этого.

— А нельзя ли сначала покормить, доктор?

— Ты же только что съел две тарелки каши!

— Я и не заметил.

— Ну, батенька, вы меня радуете. Если больной хочет есть, то не так уж он и болен.

— Я не больной.

— А я не доктор. Перевернись на живот.

Она ловко схватила его за плечо и бок и сама перевернула на лавке. Орлов сложил руки под щекой и закрыл глаза. Пусть делает что хочет.

Вера принесла в землянку два ведра с кипятком и наполнила большой котел. Окунула локоть в воду и удовлетворенно кивнула:

— Вот теперь в самый раз.

— Не многовато ли воды, чтобы промыть простую ссадину? — спросил он.

— Больной, вам вредно много говорить. Вытяните руки вперед.

Ловким движением она стянула с него заскорузлую рубашку, стащила остатки брюк, и Орлов глазом не успел моргнуть, как оказался голым. И тут же горячая мочалка легла на его спину. Душистая пена потекла по шее, забежала под мышки, и он зажмурился от удовольствия.

Пусть делает что хочет.

Она мыла его, как когда-то в детстве это делала мать. А он всеё не открывал глаз, и стискивал зубы, и впивался пальцами в лавку, чтобы не вскочить и не наброситься на Веру.

— Повернись, — дрогнувшим голосом сказала она. И повторила сердито: — Орлов, давайте без глупостей! Хотите заражение крови заработать? Я столько раненых перемыла, и все меня слушались! Ну-ка, на бочок, живо!

Ее влажная ладонь прошла по его щекам.

— Ты сбрил усы? Напрасно.

— Вырастут еще, — проговорил он, схватив ее ладонь и прижимая ее к своим губам. — Вера, Вера, как я рвался к тебе. Если бы тебя тут не было, я бы не дошел.

— Что вы такое говорите, граф, — едва слышно произнесла она.

И вдруг ее губы приблизились к его лицу...

* * *

Они лежали на медвежьей шкуре на полу землянки, укрытые колючим одеялом. Вера приподнялась на локте и провела пальцами по щетине на его скулах.

— Не нужны тебе усы. Я хочу видеть твои губы.

— Хорошо, буду бриться.

— Как я ненавидела тебя, когда ты приехал в прошлый раз, — проговорила она. —

Убить была готова. Приехал — и сразу исчез. Даже не посмотрел на меня. А я мылась, косы заплетала, наряжалась...

— Ты же сама меня погнала отсюда.

— Ну и что? А ты не должен был меня слушать. Взял бы меня, как сейчас. Без лишних слов. А ты уехал.

— Хорошо.

— Что «хорошо»?

— Хорошо. Теперь буду брать тебя без лишних слов.

Она шлепнула его по губам и засмеялась:

— О, больной, вы поправляетесь на глазах.

Орлов прижался лицом к ее волосам и жадно вдохнул их запах. Вот оно, счастье. Кажется, только что он был на самом дне, ниже некуда падать, ниже была только смерть — и вдруг вознесся на вершину блаженства. Ничего больше не нужно, только прижимать к себе это теплое упругое тело и вдыхать этот аромат. И ничего больше. И слышать этот голос...

— ... девчонки меня учат, а я — их. Знаешь, как будет «здравствуй»? «Маруаве». Красиво, да? Они вообще очень красивые. Совсем не такие, как я думала. Но скажи мне, почему они называют себя женами Джошуа? Он спит только с Кэтрин, и сыновья у него только от нее. Или я что-то неправильно понимаю?

— Старый он стал, вот и уgomонился. Раньше у него еще была Лайза. И Тотоми была, молоденькая.

— Лайза? Тотоми? Но их здесь нет.

— Умерли. Осталась только Кэт. А остальные жены — это вдовы. Их мужья погибли, или спились, или от болезней померли. Джошуа их взял к себе в семью. Вот они и стали его женами. И у детей теперь есть живой отец. Это разумно.

— Наверно. Но я бы так не смогла. Если б у тебя была еще какая-нибудь Лайза... — Она схватила его за горло. — Признавайся, чьи сапоги ты мне тогда подсунул? А?

— Надеюсь, ты их не выбросила?

— Хотела. Ну, так чьи они?

Он встал и, сняв с гвоздя старую шинель, накинул ее на плечи. Подошел к полке, где хранил запасы табака. Выбрал одну из трубок, что висели рядом на стене. Раскурил ее и сел на лавку, запахнувшись в шинель.

— Хорошо, что ты не выбросила те сапоги, — сказал он. — Хоть что-то осталось. У меня ведь теперь ничего нет. Ни дома. Ни всего, что было в доме. Вот так. Я теперь нищий, Вера. Босьяк.

— Что случилось? Пожар?

— Вроде того. Я дернул за хвост змею. Огромную змею. Мне с ней не справиться.

То ли от ранения, то ли от усталости, но табак подействовал на него сильно, будто в первый раз. Голова закружилась, и он прижался спиной к стенке, чтобы не потерять равновесие.

— Я думал, что после Денвера они от нас отвяжутся. Думал, что всех перебил. А они, как в сказке — одну голову отрубишь, три вырастают. Их целая армия. Обложили со всех концов. И бежать некуда.

Вера поднялась, оправив длинную рубашку. Налила в кружку морсу из кувшина и жадно выпила.

— Исушил ты меня, Паша. Все внутри горит, так иссушил. Как я молилась о тебе! Со слезами, без слов молилась, как в детстве за отца... Хочешь пить? Попей, тебе полезно.

Она села рядом с ним, обеими руками поднесла кружку. Морс был такой кислый, что скулы сводило. Но Орлов мог и не такое принять из ее рук.

— Некуда бежать, говоришь? Ну, и не надо бежать. Тебе отлежаться надо. Поспи. А к утру что-нибудь надумаем.

— Сказочница ты моя, — усмехнулся он. — Ты еще скажи, что утро вечера мудренее. И превратись в царевну-лебедь.

- В кого я только не превращалась, — ответила она. — Где тебе постелить?
- Там же, где и тебе.
- Значит, здесь. Ты ложись, а у меня еще дел невпроворот.

* * *

Через два дня Джошуа Кливленд вернулся из Сан-Антонио. Он ездил туда навестить сына, который учился на юридических курсах. Обычно после визитов в большой город Джошуа привозил с собой полный фургон подарков. На этот раз он вернулся на поезде, потому что очень спешил, а с фургоном отправил одного из сыновей.

Причиной такой спешки послужили дурные вести, которыми ему не терпелось поделиться с другом.

— Лучше бы я не умел читать! — воскликнул индеец, бросив газеты перед Орловым. — Где моя бывшая смелость? Почему я не вырвал язык тому, кто написал такое?

— Не осуждай журналистов, — сказал Орлов, просматривая заметку о своей смерти. — Они пишут то, что им прикажут.

— Зачем ты мне это сказал? Теперь я должен вырвать яйца тому, кто приказал написать такое!

— Хорошая идея.

Джошуа привез разные газеты, которые издавались для разной публики. У них и слог был разный, но суть заметки от этого не менялась. А суть была в том, что наконец-то, после долгих поисков, на заброшенной шахте были обнаружены тела двух последних жертв ограбления бронированного пульмана. Рейнджер Пол Орлофф и арестованная Ребекка Роджерс каким-то образом избежали участи остальных пассажиров злосчастного вагона. Им удалось скрыться от грабителей. Но, страдая от ранений, полученных во время нападения, они не смогли уйти достаточно далеко. Истекая кровью, несчастные добрались до старого прииска и остановились там, надеясь на помощь. Но помощь пришла слишком поздно. По заключению судебных медиков, Орлофф и миссис Роджерс скончались от потери крови примерно через сутки после инцидента. Тела были сильно повреждены хищниками и птицами, и опознать их удалось только по одежде и личным вещам.

— А кто такая миссис Роджерс? — спросил Кливленд. — Неужели...

— Да. Так они называли Веру.

— Ты ей покажешь это?

— Конечно.

— Я бы не стал. Ведь всё это ложь. Зачем человеку знать неправду? Все равно что глотать камни.

— С такими мелкими камешками она справится легко.

— Я привез для тебя костюм, — сказал Джошуа. — Самый приличный. Сын подбирал сам, как для себя. Ты будешь одет, как адвокат.

— Спасибо, но зачем?

— Неужели ты собирався явиться на свет в этом наряде?

Орлов оглядел себя:

— Наряд как наряд. Ты сам мне дал эту одежду.

На нем были широкие замшевые штаны на подтяжках и синяя рубаша с тщательно заштопанными дырками от пуль.

— Хочешь меня опозорить? Я приведу тебя в мэрию, и все скажут, что я бросил тебе свои обноски! Ты этого хочешь?

— Что мне делать в мэрии?

— А где еще ты сможешь заявить о том, что жив? Ну, впрочем, мы можем поехать и в Сан-Антонио. А еще лучше сразу в Остин, к губернатору! Да, мы поедem в Остин! А к костюму мне дали еще дюжину разных рубашек. Если ты не возражаешь, лишние я раздам своим мальчикам. Ты же не наденешь сразу дюжину?

— Брат, ты когда в последний раз ставил капканы? — спросил его Орлов.

Индеец внимательно посмотрел на него, перевел взгляд на газеты и снова глянул на Орлова, но уже по-другому.

— Они только и ждут, что я появлюсь, — сказал капитан.

— Да. Я понял. Не продолжай. Но кого же нашли там, на прииске?

— Думаю, что никого не нашли. Думаю, что журналистов пригласили в ресторан, хорошо угостили и рассказали жуткую историю про два истерзанных трупа. А могли и без ресторана обойтись.

— Но люди им верят... Я знаю, кто это сделал, — сказал индеец. — Тот, кто хотел отнять твой завод. Теперь ты не сможешь ему помешать. Я угадал?

— Время покажет.

— Кажется, я купил тебе неправильный костюм, — сказал старый команч.

19. Игра, из которой не выйдешь

Свой первый миллион Зеб Мэнсфилд зарабатывал несколько лет. Остальные дались ему легче и прирастали быстрее, но самые первые большие деньги были заработаны честным и упорным трудом.

Да, только трудом. Это потом уже он научился, как все, делать деньги из денег: вложил-прокрутил-наварил. А тогда, в шестидесятые, ему нечего было вкладывать, кроме собственного труда.

Прослышав, что в Техасе можно купить бычка за два-три доллара и продать его в Иллинойсе за двадцатку, Зеб подговорил друзей отправиться на Запад. Их было семеро, и все лето они провели, гоняясь по прериям и собирая беспризорный скот. Чьими были эти коровы и бычки? Большой частью они отбились от своего стада во время перегона и собрались в долинах Пекоса. Был тут и скот, когда-то принадлежавший переселенцам, чьи фермы были уничтожены индейскими набегами. Попадались и совсем уж дикие твари, не знавшие клейма, рожденные на свободе — однако, едва оказавшись в стаде, они тут же вспоминали о своем благородном происхождении и вели себя как подобает.

Первый гурт был невелик, хотя по тогдашним меркам он показался Зебу огромным — три сотни голов. Чуть позже он понял, что именно скромные размеры стада позволили ему почти без потерь пересечь воровские штаты, Канзас и Миссури. Шайки скотокрадов не захотели пачкать руки ради столь ничтожной добычи, когда тут же рядом блуждали в поисках тропы на север стада в тысячу, в три тысячи голов. Правда, и на первом перегоне Зебу пришлось столкнуться с местным населением — по ночам те распугивали стадо, а наутро приводили отбившихся бычков и возвращали всего за каких-нибудь пять долларов.

В октябре они достигли Иллинойса и, выгодно сдав бычков, получили ровно семь тысяч долларов — по тысяче на брата. И тут их компания распалась. Обрато в Техас Зеб вернулся уже один. Но он не отчаялся. Теперь он мог нанять работников и продолжить успешное дело.

Единственной статьей расходов была зарплата ковбоев. За собранный скот никому платить не надо — он был ничьим, пока Зеб Мэнсфилд не поставил свое клеймо. Корм? Он под ногами. Дикие травы Запада не страдали от засухи. Они подсыхали прямо на земле, где росли, и сохраняли аромат и питательность всю зиму. Техасские лонгхорны легко добывали себе этот корм даже из-под глубокого снега. Выносливые и крупные, они не требовали никакого ухода. Аренда пастбищ? В те годы и слова такого не знали — «аренда». Пастбища не принадлежали никому, пока их никто не занял. Крупные скотоводы договаривались между собой о естественных границах — от реки до реки или от холма до холма. Возможно, индейцы считали эту землю своей. Но они заблуждались, и федеральная кавалерия быстро вправила им мозги.

Итак, не вкладывая почти ничего, скотоводы получали через год огромное стадо хорошо упитанного скота. Куда его сбыть — вот в чем была проблема. И Мэнсфилд был

одним из первых, кто отказался от транзита через Миссури и Канзас. Он стал перегонять свои стада за восемьсот миль на север, в Вайоминг, где была железная дорога.

Не каждый ковбой соглашался отправиться в неизведанный путь, о котором было известно только одно — эта дорога слишком опасна. Зеб Мэнсфилд нашел решение. Он отправился в Форт Джексон, где отбывали срок самые отъявленные головорезы, и сумел договориться с начальством тюрьмы о досрочном освобождении дюжины опытных скотокрадов. Как? Вопрос цены. Это было рискованное вложение капитала, но оно себя оправдало. Новая команда ковбоев была вооружена не хуже передового кавалерийского эскадрона. И, как в любой воинской части, у команды Мэнсфилда был свой устав. Во время перегона ковбоям запрещалось не только употреблять спиртное, но даже сквернословить. Ссора каралась десятью ударами хлыста — обоим участникам, правому и виноватому. Ковбой, застреливший другого ковбоя, предстал перед общим судом и в случае виновности должен был тут же быть повешенным. За свой труд вчерашние заключенные должны были получить по сто долларов в конце перегона — а это, как ни считай, чуть не годовая зарплата работника на ранчо. И самое главное — самовольная отлучка из команды Мэнсфилда будет приравнена к побегу из Форта Джексон.

Впрочем, это условие было явно лишним, по крайней мере, пока они двигались со стадом. Бежать было просто некуда.

Первая же встреча с грабителями закончилась тем, что в табуне Мэнсфилда появился десяток новых, трофейных, лошадей. По пути через Индейскую Территорию ковбои Зеба трижды отбивали ожесточенные атаки апачей и кайова. И дважды сами нападали на подозрительные поселки, встретившиеся на пути. В Оклахоме уже тогда привык селиться всякий сброд, и теперь, узнав, что здесь пролегла Тропа Мэнсфилда, бродяги поспешили убраться подальше...

* * *

— Вы слышали когда-нибудь о Тропе Мэнсфилда? — спросил он у Майера.

— Да, конечно.

— Тогда вы должны знать, что она существовала недолго. Я проложил ее в шестьдесят седьмом, а в семьдесят шестом мои стада прошли по ней в последний раз. И знаете, почему?

— Попробую угадать. — Майер улыбнулся: — Человеком движут две силы — выгода и страх. Вас трудно чем-либо испугать. Следовательно, вы отказались от своей знаменитой тропы, потому что нашли более выгодный путь.

Мэнсфилда раздражала эта манера улыбаться без всякого повода. Кто-то считает улыбку признаком дружелюбного расположения. А кто-то — насмешкой. Когда беседуешь с иностранцами, все время кажется, что они в душе посмеиваются над тобой.

— Более выгодного пути тогда не было, — буркнул Зеб Мэнсфилд. — Я нашел более выгодный бизнес, вот и все. Простаки продолжали гонять скот на север. А я стал строить железные дороги для них.

— Прекрасно. Но к чему вы клоните?

— К тому, что я умею вовремя остановиться. Я мог бы еще лет десять спокойно заниматься поставками мяса, но я остановился и занялся железными дорогами. Я построил три линии, а потом вернулся в мясной бизнес. Догадываетесь, почему?

— Выросли цены на мясо? — предположил Майер.

— Если бы! Наоборот, упали. Я мог бы построить еще десяток дорог, но я остановился. Я вовремя остановился. Потому что мне предложили хорошие деньги за мою железнодорожную компанию. Возможно, кто-то стал бы цепляться за прибыльное дело. Но я даже не торговался. Я забрал деньги и ушел. И больше никогда не занимался железными дорогами, хотя это очень выгодно. Да, любой дурак понимает, что надо держаться за выгодный бизнес. Но умный человек умеет вовремя остановиться.

— Что же вас остановило?

— Никто меня не останавливал! Я сам, понимаете? Сам остановился. Конкуренция хороша только для покупателей. А мы, деловые люди, не терпим конкуренции. Я увидел более сильного противника, и решил превратить его в своего союзника. И не прогадал.

Мэнсфилд показал пальцем в окно, за которым светились огни ночного Эль-Пасо.

— Видите этот город? Он мог стать моим, если бы я захотел. Мне несколько раз предлагали баллотироваться на пост мэра. Я отказывался. Потому что умею остановиться. И теперь все местные политики — мои друзья, а могли бы стать моими врагами. Это как в покере — выигрывает тот, кто может вовремя выйти из игры. Так вот... — Мэнсфилд выдержал паузу, сверля взглядом Майера. — Я решил остановиться. Конвоев больше не будет.

— Что ж, я готов обсудить это решение, — кивнул Майер.

— Нечего обсуждать. Решение принято. Мы можем поговорить только о возмещении ваших убытков, если таковые поддаются денежной компенсации.

— Наши убытки — это *наши* убытки. Это не тема для обсуждения. Но мы можем обсудить, как возместить потери, которые понесет мистер Хелмс. Кстати, он обещал сегодня приехать и посетить ваш клуб.

Они сидели в самом тихом уголке клуба, за книжными шкафами. Здесь не было слышно ничьих голосов, и даже музыка оркестра едва доносилась. Поэтому Майеру не понадобилось напрягать голос, чтобы произнести свой ответ. Однако слова его отозвались в голове Мэнсфилда, словно внезапный выстрел.

— Буду рад его видеть, — с трудом выговорил он. — Давно он не заглядывал к нам в Эль-Пасо.

— Наверно, не было необходимости.

— А сейчас, значит, такая необходимость появилась?

«Он вызвал его сюда, чтобы надавить на меня», — подумал Мэнсфилд, с ненавистью глядя на улыбающегося Майера.

— Мистер Хелмс не уверен, что я могу обойтись без переводчика, — сказал иностранец. — В Техасе люди говорят не так, как в Нью-Йорке. Много непонятных слов, которые я не могу найти в словарях. А в столь важном деле, как наше, необходимо полное взаимопонимание.

— У вас была переводчица, но вы прекрасно обходились без ее услуг. Кстати, примите мои соболезнования. Говорят, она скончалась?

— Да, в газетах сообщали об этом.

— И тот парень, что был с ней, он тоже — того... — Мэнсфилд провел большим пальцем по горлу. — Да?

— Да, его тоже больше нет.

— Кого же тогда отслеживает мистер Зак? — поинтересовался Мэнсфилд. — Зачем он забрал столько моих людей? Для охоты на покойника?

— Мистер Зак должен был проверить одно свое предположение, только и всего.

— У меня тоже есть одно предположение. Я предполагаю, что газеты не всегда сообщают правду.

— Это не имеет значения. Важно другое. Газету читают тысячи людей. Сотни тысяч людей. Кто эти люди? Налогоплательщики. Присяжные. Избиратели. Газеты формируют их мнение. Неважно, каким способом. И еще. Газеты очень не любят печатать... Как это будет? Отказ от показаний? Нет. Опровержения? Есть такое слово?

— Да, опровержение.

— Если какая-то газета ошиблась, она сделает все, чтобы этой ошибки никто не заметил. Но чтобы ошиблись сразу несколько крупных уважаемых изданий? Такого не бывает. Никогда не бывает. — Майер провел пальцем по корешкам книг, стеной стоящих за его спиной. — Разве в книгах — правда? Только правда и ничего, кроме правды? Нет. Там содержится мнение авторов. Сложим мнение писателей с мнением читателей. Получим общественное мнение. А общество не ошибается. Общество решило, что беглая русская

террористка мертва? Значит, она мертва. И никто не докажет обратного.

— Даже если она сама явится в суд?

— Вот именно. Даже если явится.

Мэнсфилд встал и подошел к буфету. Плеснул себе виски в бокал и вернулся к креслу. Но садиться не стал.

— Итак? — спросил Майер.

Мэнсфилд сделал глоток и ответил:

— Конвоев больше не будет. Я отдал вам почти всё, что у меня лежало на складах. Вам хватит. А мне пора остановиться. Я выхожу из игры.

Он поставил недопитый бокал на стол и вышел из кабинета.

* * *

Подъехав к особняку, он не спешил выйти из экипажа. Толкнул охранника, сидящего рядом с кучером:

— Чего сидишь? Осмотрись и открой ворота. Заедем во двор.

— Во двор? — оглянулся кучер.

— Да, теперь будешь подавать свою колымагу прямо к крыльцу.

Войдя в дом, Зеб Мэнсфилд закричал:

— Почему все окна открыты? Почему свет кругом горит? Почему в саду ни один фонарь не светит? Дармоеды, бездельники, тупицы! Сколько вам говорить!

Прислуга засуетилась, охранники сбежались к входу и снова рассыпались, чтобы с керосиновыми фонарями осмотреть сад.

Мэнсфилд, не глядя, сбросил с плеч сюртук, и лакей едва успел подхватить его.

— К вам гость, сэр! Мистер Хелмс, сэр! Я проводил его в библиотеку, сэр!

— Давно он здесь? — Мэнсфилд остановился, вытирая платком сразу взмокший лоб.

— С полчаса, не больше.

Полковник Хелмс развалился в кресле под торшером. В одной руке у него дымилась сигара, в другой он держал сложенную газету.

— Привет, Зеб, — бросил он, продолжая скользить взглядом по плотной ряби строчек. — Видел Майера?

— Только что.

Хелмс кивнул и отложил газету.

— Этим иностранцам можно только позавидовать. Как у них все просто. Никаких выборов, никаких партий. Следует признать, что монархия — гораздо более совершенный механизм управления обществом, чем демократия. Но зато несовершенство наших институтов подталкивает нас к поиску новых решений. Мы не стоим на месте, мы развиваемся, вот в чем наше преимущество. Ты уже принял решение? Будешь участвовать в выборах?

— Сначала надо взвесить мои шансы, — ответил Мэнсфилд, опускаясь в кресло напротив и закуривая сигару. — Мне бы не хотелось начинать политическую карьеру с поражения. Если бы выборы проходили в городе, или хотя бы в округе, где меня каждая собака знает, я бы не сомневался. Но штат — это совсем другой уровень...

— Брось. Механика везде одна и та же. Что в городе, что по всей стране. Раскрою тебе секрет. Есть люди, которые всегда голосуют за демократов. Есть люди, которые всегда голосуют за республиканцев. Их примерно равное количество. Но есть еще и те, кому все равно. Они-то и решают, кто выиграет. Понимаешь? Получается, что политику определяют те, кому на эту самую политику наплевать. Ну, а раз им все равно, за кого голосовать, то почему бы не за тебя?

— Почему же именно за меня? — недоверчиво спросил Мэнсфилд.

— Потому что ты первым придешь к ним. Пока другие кандидаты будут носиться по своим сторонникам, и будут спорить со своими противниками, ты просто придешь к тем,

кому на все наплевать. Ты придешь первым. И скажешь: «Вы плевали на политику, а политика плюет на вас. А я не политик, я такой же, как вы. И я хочу, чтобы в политике было побольше таких простых парней, как мы с вами». Ну, или что-то в этом духе. Детали зависят от местности. В округе, где живут бывшие конфедераты, ты будешь петь одни песни, в округе с ирландцами — другие. Это мы еще все подгоним под местные условия.

Мэнсфилд подался вперед:

— Полковник! Я знаю вас много лет. И не могу поверить, чтобы вы приехали ко мне из Сан-Антонио только для того, чтобы получить мое согласие участвовать в выборах.

— Не только для этого, конечно. Но ты согласен?

— Мой ответ что-то изменит?

— Да, конечно.

— Согласен.

«Куда я лезу! — как бы в шутку ужаснулся Мэнсфилд, произнеся роковые слова. — Прощай, спокойная жизнь!»

Если бы не семья...

Зеб Мэнсфилд не знал, сколько ему еще суждено прожить. Но отпущенные годы следовало превратить в прочное основание, на котором будут стоять его дети и внуки. Деньги? Деньги можно растратить, пустить на ветер, их могут просто украсть. Нет, он должен оставить своим сыновьям не золото, а дело. А самый лучший бизнес — это политика.

Он знал это еще с тех пор, когда занялся строительством железных дорог. Первая дорога, самая короткая, в сто миль между двумя магистралями, обошлась ему в семь миллионов, из которых пять миллионов ушли на взятки. Зато он получил государственные субсидии по тридцать тысяч на каждую милю, да расширил земельные наделы — было двадцать миль, стало по сорок миль в каждую сторону от полотна. В конце концов вышло, что даже не пущенная в эксплуатацию дорога принесла несколько миллионов прибыли. Но ему пришлось для этого покрутиться, да еще как! А политиканы получали огромные деньги просто за то, что ставили нужную подпись в нужном месте!

Монополия, связи на биржах, внедрение новой техники — это хорошо. Но политика — лучше. Политик — тот же торговец, только товар у него особый. Государственная дотация, франшиза, субсидия или налоговая льгота стоят больше, чем золотая жила или алмазная россыпь, потому что не требуют никакого труда для своего использования!

— Да, я согласен, — повторил Мэнсфилд твердо.

— Не ожидал услышать ничего другого, — сказал Хелмс. — Считаю, что с этой секунды ты принят в команду.

— В какую команду?

— В команду победителей. Мы управляем Техасом, скоро станем править всей страной, а еще немного погодя — всем миром. Но вернемся к сегодняшним заботам. Сколько еще конвоев потребуется, чтобы отправить весь материал Майера?

Мэнсфилд, не отвечая, долго смотрел на огонек своей сигары.

— Неужели так трудно рассчитать? — удивился Хелмс.

— Я получил предупреждение, — сказал Мэнсфилд еле слышно.

— Да? От кого?

— Я получил предупреждение, — повторил он громче. — Кто-то проник в мой дом и убил мою собаку. Убил нагло. Почти на глазах всей моей охраны.

— Твою собаку? — Хелмс прищурился. — Погоди, у тебя был такой огромный волкодав...

— Не такой он был и огромный. Просто злой и дурной, — сказал Мэнсфилд с пренебрежением. — Кто-то располосовал его ножом, да так, что пес и не пикнул. У меня под окнами. Это предупреждение. Они могут и со мной такое повторить.

— Кто — они?

— Если бы я знал...

— Но ты кого-то подозреваешь? Кому ты перешел дорогу? — Хелмс махнул рукой. —

Впрочем, считай, что я не задавал этого идиотского вопроса.

— Я чувствовал, что должно случиться что-то такое, — признался Мэнсфилд. — Когда поднялась шумиха с этими билетами из банка Монтаны... Ведь девчонка могла сказать, откуда у нее эти деньги. Но не сказала. Могла бы сговориться со следователями, и ее бы не держали за решеткой так долго. Она ведь не знала, что присяжные ее оправдают. Могла бы получить несколько лет за соучастие в ограблении. Но она выдумала свою историю, вместо того, чтобы спокойно сдать нас. Я чувствовал, что это неспроста. И вот теперь она на свободе. И кто-то убивает мою собаку.

Он замолчал, снова уставившись на седеющий кончик сигары.

— Ну? — спросил Хелмс. — Как ты все это объясняешь?

— Я не умею ничего объяснять. Я чувствую — и всё.

— Думаешь, тебя станут шантажировать?

— Может быть. Или еще что-нибудь...

— Ты меня удивляешь. Не думал, что ты так чувствителен, чтобы переживать из-за бед, которые еще не случились.

— Мне было бы легче, если б это уже случилось. Тогда бы я знал, что делать. А сейчас...

Хелмс откинулся в кресле, сплетя пальцы перед грудью, и несколько раз хрустнул ими.

— Ладно. Допустим, это предупреждение, — сказал он, наконец. — Я уважаю твои чувства. Всем нам приходится сталкиваться с непонятными явлениями. Но причем тут Майер? Почему ты заморозил поставки?

— Потому что теперь о них может знать кто-то еще. И уже наверняка знает. И этот «кто-то» может устроить всем нам веселую жизнь. Если конвой будет перехвачен, полиция придет ко мне, а не к Майеру!

Хелмс укоризненно покачал головой:

— Зеб, ты забыл, где живешь? Тебе не следует бояться полиции.

— Но есть еще рейнджеры! Есть федеральный маршал! Мои враги могут натравить их на меня! Или нанять каких-нибудь ищеек из сыскного агентства!

— Это — фантазии, — мягко сказал Хелмс. — Снова фантазии. Зеб, давай вернемся в реальный мир. Оглянись — вокруг ни рейнджеров, ни дотошных парней из агентства Пинкертон. Этим реальным миром управляют реальные люди. И эти люди — мы с тобой. Честное слово, мне уже кажется, что я разговариваю не с Зебом Мэнсфилдом, а с кем-то другим! Пароход должен отойти от причала в назначенный день и час. Вагон должен быть наполнен и опломбирован тоже в назначенный день и час. У меня рассчитан каждый ход. А ты вдруг зажигаешь красный свет!

— Неужели это так важно, ящиком больше, ящиком меньше?

Хелмс прищурился:

— Если яблоко стоит один доллар, тебе продадут его за девяносто центов?

Мэнсфилд попытался улыбнуться:

— Ну, всегда можно договориться, выпросить скидку...

— В политике нет скидок, — жестко сказал Хелмс. — Выборы — это политика. И твои поставки Майеру — это тоже политика. Только совсем другая. Гораздо более серьезная. И там на счету каждый доллар, каждый ящик, каждый человек. Итак, сколько еще конвоев потребуется, чтобы отправить весь материал?

— Три ходки, — хрипло выдавил Мэнсфилд.

— Первая из них — когда?

— У меня нет людей. Стиллер ранен, четверо погибли в Колорадо, остальных забрал Зак. У меня просто нет людей, чтобы провести конвой.

— Стиллера подлечили, он скоро будет у тебя. Других проблем нет? Только не вспоминай о зарезанной собаке. Нет других проблем?

— Нет.

— Тогда запомни — десятое декабря. Это последний срок. Одиннадцатого утром я

встречаю последний конвой в Мексике.

20. Мертвые вне закона

Прежде чем отправиться в лес на охоту, Орлов два дня непрерывно упражнялся с луком. Лук был деревянный (команчи называют такие «детскими»), старый, и бил не дальше сотни шагов, но ведь и нужен он был не для войны, а только для того, чтобы поохотиться на птицу. Через два дня капитан решил, что его руки достаточно окрепли, а старые навыки полностью восстановились. Он ушел в лес до рассвета, и вернулся на закате, с парой индеек. Ту, что покрупнее, отдал в женскую палатку. А вторую вручил Вере.

— В следующий раз принесу оленя, — сказал он. — Видел одного. Мог взять. Не стал. Попрошу у Кливленда другой лук, тогда и будет тебе олень.

— Разве можно так говорить? — спросила Вера, сноровисто ощипывая птицу. — Не боишься сглазить?

— Боюсь. Но иначе нельзя. Сказал — значит, разбейся, но сделай. А то походишь, побродишь — да и плюнешь. Мол, сегодня неудачный день, попробую завтра. Так и с голоду помереть можно. — Он приподнял полотенце, под которым лежали свежие лепешки. Его просто шатало от голода, но он только посмотрел на хлеб, и снова прикрыл его, решив дожидаться, когда Вера накроет на стол. — Нет, надо как индейцы. Помолятся своему Великому Духу, закажут лося — и идут, уверенные в удаче. И не возвращаются, пока не добудут именно лося. Потому что Великий Дух не мог их обмануть.

— Ты так говоришь, будто долго жил среди них.

— Недолго, но жил.

— Я бы тоже смогла жить среди них, — сказала Вера. — К неудобствам походной жизни мне не привыкать. Мне тут дышится легко. Не могу этого объяснить, но в городах мне тесно. В последнее время я стала плохо переносить людей. Слишком много они говорят. И что говорят-то? Ложь в каждом слове. Разлюбила я людей, Паша. А без любви трудно. Раньше я им все прощала, а теперь что-то со мной случилось. Не могу прощать, и не хочу.

Капитан Орлов смотрел, как под ее руками крупная пестрая птица превращается в аппетитную тушку. Ему доводилось есть сырую рыбу, сырую печень оленя, и сейчас он был готов попробовать сырую индейку.

Вера опалила птицу над пламенем очага и отправила ее на полку.

— Поешь пока супчика грибного, — сказала она, вынимая из ниши над очагом глиняный горшок. — Индейку долго готовить, а я не могу в твои голодные глаза смотреть. Ты что, весь день ничего не ел?

— Почему же? Был у меня сухарик, — бодро ответил Орлов, хватаясь за ложку. — В лесу воздух сытный. О еде не вспоминаешь. Воды из ручья выпил, травкой закусил — и рад.

— Я тоже люблю лес. — Вера села напротив, подперев щеку кулаком. — Так бы и жила здесь всю жизнь.

— Нет, — сказал он. — Не думай об этом. Поначалу-то хорошо. Через месяц-другой начнешь понимать, почему люди понастроили городов. В лесу зверем становишься. Все мысли — только о еде. Как ее добыть, да как приготовить, да как сохранить. Да чтобы никто не голодал. Лес прокормит одного. Но семья тут не выживет.

— Кливленды ведь живут.

— Им некуда деваться.

— А нам? Есть куда?

Он не ответил, пережевывая хлеб.

— Можно перебраться в Калифорнию или в Оклахому, — сказала Вера. — Я слышала, там устраиваются люди. Приходят чуть ли не голые, без гроша за душой, и как-то устраиваются. Паша, и мы не пропадем. Раз уж так судьба сложилась, начнем все сначала. Признаюсь, мне легче стало, когда я узнала, что меня считают погибшей. Да, легче. Стану жить без прошлого. Там осталось много такого, от чего я мечтала избавиться.

Орлов ел медленно, гораздо медленнее, чем хотел бы. Потому что с набитым ртом он мог не отвечать Вере. Ему нечего было ответить.

Оставаться в лагере Джошуа можно было еще неделю, в крайнем случае, месяц. Заповедник часто навещали посторонние люди, и однажды станет известно, что в семье команчей появились двое белых. И те, кто продолжает розыск, несмотря на сфабрикованные газетные статьи, обязательно заглянут сюда. Нет, здесь нельзя задерживаться. Но и уходить некуда.

Может быть, и в самом деле податься в Оклахому? Или в Калифорнию? Время от времени по железным дорогам прокатывались волны переселенцев. На станциях появлялись бедно одетые мужчины средних лет, чей багаж состоял лишь из узелка, и порой в этом узелке были только какие-нибудь инструменты. Эти люди брались за любую работу. Иногда оседали на ферме, если хозяевам была нужна дешевая рабочая сила. Но обычно не задерживались нигде надолго.

«Что я положу в свой узелок? — подумал капитан Орлов. — Топор, пилу да точильный брусок. Думал ли отец, с малолетства обучая меня плотницкому да столярному делу, что оно мне понадобится на старости лет не как развлечение, а как ремесло? Нет, конечно. У него были другие идеи. Ему самому нравилось наблюдать, как из бесформенных кусков дерева вырастают лавки, полки, а то и стулья. Нет, стульев я так и не научился мастерить. В детстве мне доверяли самое простое. Но зато как приятно было, приезжая в усадьбу, видеть штaketник, изготовленный моими руками! Вот и буду теперь штaketники ставить на оклахомских фермах. А Вера? В няньки пойдет? Барышня-крестьянка. Княжна-кухарка. Да нет, просто кухарка. Потому что титулы остались в прошлом...»

В его прошлом тоже было много такого, от чего он бы с удовольствием избавился. И он понимал, что будущее ничем не лучше.

Не было у него ни топора, ни пилы. Из всего его имущества сохранился только нож. Также хороший инструмент, но он предназначен для иной работы.

Он не просто лишился всего, что у него было. Нет, у него все это *отняли*. Отняли дело, отняли имя, едва не отняли саму жизнь. Правда, он при этом приобрел нечто, возможно, более ценное. (Даже в мыслях он побоялся назвать Веру, чтобы не сглазить, чтобы не спугнуть неожиданное счастье)...

Но и ее он может потерять, если покорится обстоятельствам.

Нет, рано торжествуют враги, рано. Он еще жив, вооружен и опасен. Крайне опасен.

— ... Да, забудем прошлое, — говорила Вера. — Знаешь, ведь я давно замыслила свой побег. Как только услышала, что Важное Лицо захватило ферму Коллинзов. Я же прекрасно помню и ферму, и всю ирландскую семью. Мы стояли по соседству целый месяц. Отец наносил на карту переменное русло Рио-Гранде. Я помню коров, абсолютно одинаковых, черных с белой головой. Помню лохматых собак, мелких, но свирепых, которые так важно, как маленькие сфинксы, лежали вокруг стада. Я помню, как отец и Адамс однажды вернулись с фермы в изрядном подпитии. Настолько изрядном, что профессор Адамс спал у папы на плече... Да, Паша, воспоминания о ферме Коллинзов у меня сохранились самые теплые. И вдруг я узнаю, что их фермой ныне владеет кто-то чужой! Разве могла я не разузнать подробности? Что же я узнала? Что мои Коллинзы разорены тем самым Важным Лицом, которое так печется о благоденствии русского народа! Чем же русские лучше ирландцев? Но более того. Я узнала, что такому же разорению подверглись все фермеры, когда-то имевшие неосторожность поселиться на берегах Рио-Гранде.

— Почему «разорению»? Их не разорили. Их заставили продать землю. Про Коллинзов не знаю, но, говорят, многие в те годы неплохо заработали на продаже своих участков под строительство железной дороги.

— Ну, и где эта дорога? Нет ее, и не будет. Очередная афера. Скупили участки по одной цене, перепродали государству в десять раз дороже. Да еще получили государственную субсидию и положили миллионы в свой карман! А людей с земли согнали. И теперь пространства, когда-то заселенные сотнями трудолюбивых свободных людей...

Теперь эти земли принадлежат одному-единственному человеку, который даже не показывается там. Земля... — Голос Веры дрогнул, и она замолкла ненадолго, пытаясь совладать с волнением. — Земля-кормилица! Она превратилась в товар для кучки спекулянтов, которые станут перепродавать ее друг другу.

— Не только, — сказал капитан Орлов задумчиво. — Не только... Говоришь, там были молочные фермы? Значит, имелись коровники. Местные скотоводы обычно не тратятся на строительство. Их стада живут под открытым небом. В запасах корма они не нуждаются, потому что трава круглый год под ногами. А вот если это молочная ферма, там не обойдешься без амбаров, без коровников, без прочих построек.

— Их наверняка уже разобрали, или просто сожгли.

— Вряд ли. Там очень удобно держать, к примеру, угнанный скот. Скажем, припрятать на недельку десяток бычков из соседнего округа, или хоть из Мексики. Переклеймить, смешать со своим стадом... Да, коровники вещь весьма удобная. Тут каждая ложбинка просматривается, а в чужой коровник нос не сунешь.

— Полагаешь, Важное Лицо занимается еще и воровством?

— Судя по тому, что на него работают ребята вроде Мэтью Стиллера — почему бы и нет?

— Я это чувствовала с самого начала! — сказала Вера, покраснев и в волнении прижимая руки к груди. — Я чувствовала! И мечтала вырваться, чтобы разоблачить их всех. Но теперь...

— Что толку в разоблачениях! — Орлов пожал плечами. — Ты же видела, как они ловко пользуются газетами. Конечно, у каждого есть враги. Есть они и у Мэнсфилда, и ты могла бы выйти на них, но это не так просто...

— Кто такой Мэнсфилд?

— Важное Лицо. Я это недавно узнал.

— Ах, так... Позволь, выходит, что ты знаешь имя этого мерзавца? И не сказал мне?

— Сказал. Что изменилось?

Вера скрестила руки под грудью и недоверчиво глянула на него.

— Ты знаешь врага. И ты оставишь его в покое?

— Мне непонятно твое возмущение. Насколько я понимаю, Мэнсфилд дает деньги на революцию. Какой же он враг? Он союзник...

— Не издевайся. Ты прекрасно знаешь мое отношение. России не нужна революция, подготовленная на деньги таких, как Мэнсфилд. И если уж на то пошло, то для меня он даже более опасный враг, чем весь наш Жандармский корпус.

— «Наш», — протяжно передразнил ее Орлов. — Наши сатрапы. Наши держиморды. «Наши»! Как много в этом звуке...

— Паша, не время смеяться! Я тебя не понимаю. Мэнсфилд тебя разорил, чуть в могилу не загнал. Ты видишь, как он торжествует, и отправишься батрачить в Оклахому?

— Если бы я был один, я бы знал, что делать, — сказал капитан Орлов. — Но я не один.

— Пока я была одна, я знала, что мне остается только бежать и скрываться, — сказала Вера. — Но теперь я не одна. Паша, Паша, неужели мы будем всю жизнь от них бегать?

— Вера Николаевна! Позвольте напомнить, что вы только что мечтали о поездке в Оклахому!

— Плохо вы знаете женщин, граф. Нас переполняют противоречивые желания. Поэтому мы, женщины, непредсказуемы. И поэтому мы, женщины, непобедимы.

— Сдаюсь, — Орлов шутливо поднял руки. — Но позволь спросить. Ты понимаешь, что бороться с такими, как Мэнсфилд, значит нарушать все законы этой страны?

— Мы с тобой вне закона, — спокойно ответила Вера. — Потому что нас уже вычеркнули из списка живых.

* * *

Утром, едва выглянув из землянки, он заметил Джошуа, уходящего куда-то в глубину леса. На плечах старого вождя лежала бизонья шкура, и вместо обычных мокасин он был сегодня обут в высокие мягкие сапоги, которые обычно надевали команчи, собираясь в долгий конный поход.

Кливленд тоже заметил Орлова и, оглянувшись, коротким взмахом руки поманил за собой.

— Поможешь мне, — сказал он, когда капитан его нагнал.

Орлов только молча кивнул. Они долго шли по лесу, забирая все время вправо и вправо, словно индеец хотел описать круг.

Наконец, остановились возле незаметного шалаша, засыпанного листвой.

— Хорошее время для охоты, — сказал команч, оглядывая ставший прозрачным лес. — Деревья без листьев не прячут птицу. А птица этого не видит. Долго вчера ходил за индейками?

— Нет.

— Я дам тебе лук, с которым ты сможешь ходить на любого зверя. Кабан, олень, медведь — они твои, когда у тебя такой лук.

Джошуа разворошил вход в шалаш и на четвереньках забрался внутрь. Через несколько минут его седая голова показалась оттуда:

— Не могу найти тетиву. Наверно, ее и нет здесь. Спросишь у кого-нибудь из сыновей, они дадут тебе из своих запасов.

Он снова скрылся в шалаше, и было слышно, как он там возится, сопит и приговаривает.

— Возьми!

Из шалаша показалось что-то округлое, плоское, обтянутое мехом. Встав на колени, Орлов принял диковинную вещь, по рассмотрении оказавшуюся толстым и тяжелым щитом.

— Не клади на землю!

После щита из шалаша вывалилась волчья морда. Орлов подивился индейскому искусству выделки шкур. Мех блестел и переливался, как на живом волке. Глаза были закрыты, но уши стояли торчком.

— Шкуру не трогай!

Наконец, и Джошуа выбрался, держа в руке большой лук. Второй лук был у него за спиной, и на длинных ремнях волочились за ним колчаны со стрелами.

— Это тебе, — сказал он, протянув Орлову лук, изготовленный из рогов горного барана. — Его стрелы пробивают молодую сосну насквозь.

— А всё остальное кому? — спросил капитан. — Ты собрался в поход?

— Да, я собрался в поход.

Джошуа тщательно заложил ветками вход в шалаш и присыпал его палой листвой.

— Почему меня с собой не зовешь? — спросил Орлов.

— Это невозможно.

— Не доверяешь мне?

Джошуа Кливленд встряхнул шкуру, расправил ее и надел на плечи, так, что волчья морда нависла над его лбом.

— Может быть, мои кости еще не такие старые. Может быть, я еще смогу побегать по-волчьи, — приговаривал он. — Знаешь, как ловко я проделывал такое в юности!

— Зачем? Пугал лошадей?

— Нет. Прятался. Иногда бывает нужно незаметно подняться на холм и оглядеться. Если поедешь верхом, или даже поднимешься без коня — тебя сразу увидят. Всадника видно издалека, и он внушает тревогу. А если увидишь пешего, то это еще хуже — значит, он где-то спрятал своего коня, чтобы остаться незамеченным. А раз он хочет остаться незамеченным, значит это враг. А вот если в высокой траве мелькает волчья спина, то на него никто и не оглянется. Волк — это часть прерии. Как суслики под ногами и канюки в небе. Я в этой шкуре мог долго сидеть на холме, и никто от меня не прятался.

Джошуа сбросил шкуру, забрал щит и принялся внимательно его осматривать. Орлов показал пальцем на небрежно заделанный след от пули или стрелы:

— Щит побывал в бою?

— Дырку оставил я, когда его проверял. Это магический щит. Пули не долетают до него.

— Твоя же долетела.

— Тогда в нем еще не было магии. И сейчас нет. Надо провести ритуалы. Ты мне поможешь. Держи его так, чтобы он смотрел на солнце.

— Если я тебе помогу с ритуалами, ты возьмешь меня с собой в поход?

Кливленд откинул голову, чтобы свысока посмотреть на Орлова, который был намного выше его.

— Белые люди всё превращают в торговлю, — с горечью произнес вождь. — Если я не возьму тебя в поход, ты не станешь мне помогать с ритуалами?

— Стану. Но я могу тебе помочь и в походе.

— Это невозможно. Я отправляюсь в поход, чтобы отомстить за твою смерть.

— Вот как? Тогда другое дело. Конечно, покойников обычно не берут в попугачики, — сказал Орлов.

— Не смейся, Пол. Тебе хорошо, тебя никто не видит. А я каждый раз, как бываю в резервации, отворачиваюсь от людей. Скоро на меня станут показывать пальцем: «Смотрите, он опозорил весь род команчей, не отомстил за смерть родственника!».

— Но мы не родственники.

— Мы с тобой как братья. Сам знаешь, когда люди о чем-то говорят слишком долго, их языки наряжают правду в новые одежды. И вот ты уже родственник. Еще немного, и ты станешь моим сыном.

— Почему непременно сыном?

— Они же думают, ты погиб молодым.

— Это я-то молодой?

— Тот, кто умирает бездетным, считается молодым. Ты не оставил ни жены, ни детей. Я мог о них позаботиться и хотя бы так исполнить свой долг. Но ты не оставил после себя сирот. Придется отправляться в поход возмездия.

Капитан Орлов знал, что команчи склонны к шуткам точно так же, как и любые другие жители Техаса. У них своеобразное чувство юмора. Например, занимаясь конокрадством, они никогда не развязывают веревку, на которой паслась лошадь. Нет, они ее перерезают, чтобы у хозяина не оставалось сомнений: лошадь не отвязалась сама, не пропала из-за его небрежности, нет, ее нагло увели у него из-под носа.

Джошуа, бывало, разыгрывал его, когда Орлов начинал осваиваться среди индейцев — то приведет ему из табуна необъезженную лошадь, то отправит по следу, ведущему к осиному гнезду. Вождь редко улыбался. Тем больше запомнилось Орлову, с каким смешком Кливленд рассказывал о забавах прежних времен — как пытали пленных апачей, например.

Но сейчас он явно не шутил.

— Объясни мне, кому ты хочешь мстить, — сказал Орлов. — Если ты вернешься из похода без скальпа, как докажешь, что отомстил?

— Скальпы — это игрушки для стариков. О моей мести узнают раньше, чем я вернусь. Мою месть будет видно издалека, Пол, в этом можешь не сомневаться. — Джошуа, вдруг утратив пафос, прикрикнул: — Поверни щит, следи за солнцем! Ничего нельзя доверить! А еще просишься в поход.

— Ты не ответил на мой вопрос. Кажется, я имею право знать, кого ты винишь в моей смерти.

— Мне неприятно слышать, когда ты говоришь о себе, как о мертвеце.

Старик достал из колчана стрелу и попробовал ногтем острие наконечника.

— Почему-то костяные наконечники всегда остаются острыми, — задумчиво произнес он. — А стальные тупятся, если ими долго не пользуешься.

Но Орлов не позволил ему сменить тему:

— И все же, против кого затеваешь поход?

— Скажи мне, Пол, что с твоим заводом?

— Не знаю. Сейчас мне не до него.

— Если хочешь, я могу тебе сказать, что с ним. Директор сдал его в аренду. Я раньше думал, что в аренду можно сдавать только пастбища. Значит, и заводы тоже можно?

— Можно, — спокойно ответил Орлов. — Так обычно маскируют незаконную продажу.

— Вот-вот, все говорят, что твоего директора подкупили.

— Или напугали, — добавил Орлов.

— Хорошо, если так. Хорошо, если твой директор не вор, а только трус.

— Он не виноват в том, что со мной случилось, — сказал Орлов.

— А я не о нем. — Джошуа продолжал разглядывать наконечник стрелы. — Люди говорят, что твой завод теперь принадлежит большой компании. Называется «Стандард Ойл». У этой компании много нефти. А нефть хорошо горит. Мою месть будет видно издалека.

Орлов, устав держать на вытянутых руках тяжелый щит, спросил:

— Из чего делают такие щиты? Что там внутри? Дубовые плашки?

— Нет. Там книги. Книги лучше дубовых плашек.

— Ты снова шутишь? В книгах, конечно, больше магии, чем в дубе...

— Магию даст солнце, если ты будешь держать щит правильно, — ворчливо заметил команч. — А хорошую книгу не берет пуля. Я сам проверял. Застревает. Пол, я вижу, тебе не понравилась моя затея. Да?

— Да, не понравилась. Ты не обязан за меня мстить. Скоро все узнают, что я живой, и вот тогда на тебя точно будут показывать пальцем. Как на клоуна.

Джошуа опустил на землю, скрестив ноги. Его пальцы рассеянно поглаживали рыжий короткий мех колчана. Орлов хотел присесть рядом, но, уловив сердитый взгляд, остался стоять, подставляя щит лучам солнца.

— Но надо же что-то делать, — заговорил индеец. — Нельзя им позволять вытворять такое с людьми. Мы можем отвернуться от зла, можем убежать от него — но оно никуда не исчезнет. Зло можно только победить. С ним надо драться. Лучше погибнуть в драке. Тогда, по крайней мере, для погибшего уже не будет зла. Что же нам делать, Пол?

— Кажется, я знаю, что нам делать, — сказал капитан Орлов. — Идем ко мне. Я должен кое-что спросить у Веры. И тогда я точно скажу тебе, за чьим скальпом мы с тобой отправимся.

* * *

Клан, к которому принадлежал Джошуа Кливленд, носил имя «Нокони» — «Странники». И вполне заслуженно. Предки Джошуа отправлялись в такие дальние походы, что возвращались иногда через пару лет. Однажды они пересекли Рио-Гранде и двигались на юг, все дальше и дальше, и никто не мог их остановить. Неизвестно, как далеко они бы зашли, если бы не встретили хвостатых людей, которые жили на деревьях и кидались в них ветками. Когда Орлов услышал эту историю от Джошуа, он понял, что команчи добрались аж до Юкатанского полуострова, потому что только там они могли встретить обезьян.

По сравнению с такими дистанциями переход до Эль-Пасо был для Кливленда просто воскресной вылазкой на пикник.

Он объявил всем, что решил подарить немного своих лошадей родичам, живущим в резервации на мексиканской границе. Собрал небольшой табун и погнал его на юг.

Давно миновали те времена, когда вид кочующих индейцев вызывал тревогу или хотя бы любопытство. И не потому, что к ним привыкли. Наоборот, пути белых и краснокожих пересекались все реже и реже. Белые ездили по дорогам, индейцы двигались по целине.

Белые жили в городах, индейцы сбились в резервации. Белые плодились и размножались, индейцы вымирали. В восьмидесятых годах жители Техаса еще слышали порой об индейских бандах. В девяностые об индейцах попросту забыли. Где-то там, на севере, говорят, была какая-то заварушка в шайенской деревне Вундед-Ни. Но здесь, в Техасе, к индейцам относились с таким же снисходительным презрением, как к белым пьянчугам или к мексиканским бездельникам. В общем — как к отбросам цивилизованного общества.

Ни один полицейский патруль, ни один разъезд «Стальной Звезды» не оглянется на проезжающих мимо команчей с небольшим табуном. Даже если на этих индейцев поступит жалоба от какого-нибудь фермера, шериф или маршал не станут пачкаться. Нет, они передадут жалобу в специальную, индейскую полицию, и та уж будет разбираться с нарушителями — если их найдет.

Именно поэтому капитан Орлов счел «индейское» прикрытие самым надежным для безопасного перемещения. Для того чтобы выглядеть, как настоящий команч, ему было достаточно провести на коне пару дней, не умываясь. Солнце и пыль быстро придали коже неповторимый оттенок, а полотняная рубаша и старая шляпа достались Орлову от кого-то из сыновей Кливленда.

Столь же немудреный наряд выбрала себе и Вера, тоже отправившаяся в поход, как ни противились тому мужчины. Женщина настояла на своем. Ее аргумент был прост и неотразим — никто из них не знал, где расположены тайные склады Мэнсфилда, бывшие когда-то ирландскими фермами. А она знала.

Вера знала и многое другое. В пути, коротая время, она рассказывала Орлову о своей войне.

Ей недаром хотелось избавиться от прошлого. В нем перемешалось светлое с темным, да так, что не отделить одно от другого. Проще выбросить.

Она когда-то искренне верила в то, что способна, вместе с товарищами, добиться торжества справедливости, претворения в жизнь простых и очевидных истин — равенство всех перед законом, свобода слова, избираемость властных учреждений...

Самодержавие виделось единственной преградой, и Вере, как и многим другим, казалось — не будь царя, жизнь в России пойдет по иному пути. Да, она была готова положить свою жизнь ради идеи. Но когда Исполнительный Комитет вступил в кровавую схватку, Вера была слишком юна, и слишком далека от боевых структур организации. Когда же партия была разгромлена, молодежь попыталась воссоздать ее, учитывая горькие уроки борьбы. Кто знает, как бы сложилась судьба Веры, если б ее не схватили.

Арестовали ее, можно сказать, ни за что. Как она узнала впоследствии, ее фамилия оказалась в списке, изъятом при задержании курьера «Народной Воли». Тот не слишком заботился о конспирации — вместе с зашифрованными записями в руки жандармов попала книжка с кодовыми фразами. По правилам НВ, эти фразы следовало не записывать, а хранить в памяти. Но правила на то и придуманы, чтобы их нарушать. В результате Вера, вместе с десятком других товарищей, оказалась за решеткой. Выпустили ее довольно скоро, не прошло и трех месяцев. На допросах она играла роль простодушной дурочки, никого не выдала, и была выпущена не без вмешательства отца. Едва оказавшись на свободе, она была переправлена за границу. И здесь она впервые почувствовала неладное.

Средства на поездку Вера Муравьева получила от двух адвокатов, Беренштама и Кальмановича, которые ранее никогда не были причастны к делам «Народной Воли». В Швейцарии Вера стала получать денежную помощь от редактора газеты «Речь» — той самой газеты, которая так язвительно критиковала народовольцев. Правда, конверты с франками ей передавал не сам редактор, а его мамаша — но что это меняет? А конверты были не тощими, и Вера видела, как много денег уходит на содержание эмигрантской братии. Видела она и то, как исчезают многие из боевого подполья. Некоторым ее товарищам объявлялось, что партия в данный момент не нуждается в их слугах, но в нужное время их обязательно известят. И что же? Люди оказывались буквально на улице, без документов, без пристанища, с одной только надеждой на будущее. Но надежда эта таяла быстро, потому что партия никогда не

возвращала в свои ряды тех, кого выбросила однажды. Потери же быстро восполнялись новобранцами.

Вера выполняла простую и понятную ей работу — организовывала работу типографий, сначала в Женеве, потом в Лондоне. Аренда помещений, закупка оборудования, оплата выполненных работ — все это требовало огромных затрат, и она не могла понять, откуда берутся средства. Тем не менее, денег хватало на все, и ее новые товарищи жили, не отказывая себе в маленьких радостях. Когда же Веру переправили в Америку, ей вообще стало казаться, что она служит не революции, а какому-то невидимому, но могущественному хозяину. Этот хозяин не скупился, и десятки курьеров сновали между Старым и Новым Светом в каютах первого класса, перевоза чемоданы денег и небрежно зашифрованные письма. «Откуда деньги?» — все чаще спрашивала себя Вера и боялась искать ответ.

Самые худшие ее подозрения подтвердились, когда она столкнулась с Майером и Заком. Те в открытую твердили, что революция в России задохнется без денежных вливаний со стороны. Да только эти разговоры не пробуждали в Вере прежнего энтузиазма. Она была готова все бросить и вернуться домой, но и на эту поездку требовались немалые деньги — и у кого же их взять?

Да, все перемешалось, и чистое уже нельзя было отделить от грязного. Потому что чистота, смешанная с грязью, сама превращается в грязь.

Оставалось только мечтать о том, как бы вырваться из этого порочного круга...

Орлов терпеливо выслушивал ее, однако время от времени все же возвращал Веру из области возвышенных переживаний на грешную землю. Что известно об этих ребятах, которых она называет Майер и Зак? С кем они встречались в Эль-Пасо? Кто еще, кроме Мэнсфилда, горит желанием помочь русской революции? В чем может выражаться эта помощь, кроме вливания денег?

Вера вспоминала услышанные обрывки разговоров, пыталась описать все, что видела — точнее, то, что ей было позволено увидеть. Картина складывалась расплывчатая, но это уже было лучше, чем ничего. Кто воюет вслепую, не может рассчитывать на победу.

* * *

Они встали лагерем в горах Сьерра-Дьяблос. Джошуа отправился в город и вернулся оттуда с Апачем.

Тот расхохотался, увидев капитана Орлова в индейской рубахе:

— Ну, Пол! Ты бы еще перо за ухо воткнул! Что за цирк?

— Самый обыкновенный, со стрельбой и конными трюками, — ответил Орлов.

— Ты позвал меня на представление? У меня будет бесплатный билет?

— Твое место не в зрительном зале, а на арене.

— Ну, мне надо подумать, — протянул Апач. — На некоторые представления лучше смотреть со стороны. Причем издалека.

— Это как раз такое.

— Значит, стрельба настоящими зарядами? И кровь будет настоящая?

— Может быть.

— Хорошо бы. А то слишком много вранья вокруг. Особенно в последнее время. Скажи, как ты чувствовал себя, когда узнал, что ты мертвец?

— Прекрасно.

— Зачем понадобилось столько вранья?

— Ну, это было все-таки не совсем вранье, — сказал капитан Орлов, чтобы не расстраивать индейца. — Меня пытались убить два, нет, три раза. А в четвертый раз даже ранили.

— В газетах не было об этом. Просто нашли твой труп. А сначала долго поливали тебя грязью. Кому ты наступил на хвост, Пол?

— Паре крыс.

— Тогда ты правильно сделал, что позвал меня. Ненавижу крыс.

Апач замолчал, глядя на табун, который поднимался к ним от реки. Лошадей на водопой водила Вера. Она была в мужской одежде — синяя рубаха, замшевые штаны, мокасины. Из-под шляпы свисали косы, но и это не могло бы выдать в ней женщину — такие же длинные волосы носил и Джошуа. А его жены, кстати, все стриглись коротко.

— Значит, вы вместе? — спросил Апач у Орлова. — Ты решил оставить женщину себе?

— У нас с ней много общего. Например, общий враг.

— Его имя?

— Мэнсфилд. Зебулон Мэнсфилд.

— Ну, тогда у тебя много общего с половиной населения Техаса.

Орлов положил перед собой на песке плоский камень. Сверху — еще один, поменьше. И самый мелкий камешек водрузил на вершину пирамидки.

— Смотри. Внизу — это Мэнсфилд. Выше — наш второй враг. Его зовут Гочкис. А на самом верху — человек по имени Мэтью Стиллер. Стиллер убил маршала Паттерсона. Гочкис подослал людей, которые собирались убить меня. А оба они, Стиллер и Гочкис, работают на Мэнсфилда. Они называют его Полковником. Теперь смотри... — он выдернул нижний камень, и оба верхних упали на песок. — Вот что я хочу сделать.

Апач подобрал мелкий камушек и подбросил его на ладони.

— Стиллера видели в городе. Капитан Джонс приказал нам присматривать за ним. Гочкиса я не знаю, а вот Стиллера видел. Говоришь, этот грязный сопляк завалил старину Нэта? Чего только не бывает. Привести его сюда? Или тебе хватит его скальпа?

— Не торопись. Он свое получит, но сначала надо разобраться с Полковником.

— К Мэнсфилду трудно будет подобраться, — сказал Апач. — Чего ты хочешь? Чтобы он исчез? Или чтобы он мучился?

— С чего ты взял, что я хочу его убить?

— Разве не хочешь?

Капитан Орлов задумался.

— Хочу. Конечно, хочу. Но есть вещи поважнее.

— Нет таких вещей, — сказал Апач и глянул на Джошуа Кливленда, который сидел рядом.

Старый вождь царственно кивнул и заговорил нараспев:

— Если в твоём сердце поселилось желание увидеть смерть врага — убей его поскорее. Тебе лучше оставить все свои дела, забыть о еде и сне, забыть о женщинах, пока не убьёшь его. Иначе, если будешь тянуть слишком долго, то можешь нечаянно убить кого-то другого, потому что желание смерти сильнее разума, сильнее воли.

— Когда нам передали, что нашли твоё тело, ребята сильно расстроились, — сказал Апач. — Мы-то знали, что ты приезжал в город. Мы радовались, что ты водишь ищеек за нос. Мы верили, что наш Дьявол выкрутится. И вдруг — газеты... Мы подумали, они все-таки нашли тебя. Джек Джонс заперся дома, и весь день не выходил. Хозяйка говорит, он выпил две бутылки виски. Две бутылки, Пол. А мы были готовы на куски порвать любого, кто сказал бы о тебе плохо. Слухи про тебя ходили разные, но если б кто-нибудь тогда только открыл рот, он бы заткнулся навсегда. Если бы мы знали, кто стоит за всем этим, мы бы нашли способ отплатить за тебя. Никто не верил, что ты помогал беглой проститутке...

Апач замолк на секунду. Наверно, индеец смутился, но на его лице это никак не отразилось. Он продолжил:

— Это не я так назвал твою женщину. Но если хочешь, чтобы я извинился, то я извинюсь.

— Вы правильно сделали, что не поверили, — сказал Орлов. — Она не проститутка. Но я ей помогал. И помогаю до сих пор. И дальше буду помогать. Можешь сказать это всем, кому сочтешь нужным. Но сейчас давай все-таки поговорим о деле. Давай поговорим о караванах, которые так ловко ходили мимо нас.

— Их больше не было с тех пор, как ты уехал.

— Верно. Потому что здесь не было Стиллера. А теперь, ты говоришь, его видели в городе. Думаю, что надо ждать нового каравана. Джек Джонс хочет его перехватить?

— Я не знаю, чего хочет капитан Джонс, — сказал Апач. — Он сильно изменился после того, как ты уехал.

— Ладно, оставим Джека в покое. Давай просто проверим одну идею. Я знаю, что караваны водит Стиллер. Еще я знаю, что Стиллер работает на Мэнсфилда. И самое главное — у Мэнсфилда есть несколько ферм в полосе, что была отведена под железную дорогу.

— В Клеверной долине?

— Вот именно!

— От Клеверной долины — один переход к реке. Думаешь, они там отсиживаются перед ночным выходом?

— Хочу просто проверить, что там, на этих фермах. Может быть, мы ничего не найдем. Может быть, зря потратим время.

— Что это будет? — спросил Апач. — Налет с поджогом? Я могу достать керосин.

— Остынь. Пока мы будем только наблюдать.

— Как мне нравится это слово — «пока», — сказал Апач. — Ладно, можно и понаблюдать. Пока. Сколько у нас людей?

— С тобой нас трое.

— Можем позвать Медвежонка. Остальным я не доверяю.

— Я тоже.

— Джеку Джонсу нельзя говорить о нашей затее, — сказал Апач. — Он расстроится, если узнает. Он хочет, чтобы мы все делали по закону.

— Законы разные бывают, — сказал капитан Орлов.

21. Последний конвой

После больницы ему все стали говорить, что он очень изменился. И Гочкис туда же:

— О, Мэтью, тебя и не узнать.

Стиллер хотел послать его к черту, но промолчал. Из-за взрыва он стал немного заикаться, особенно, когда злился. И сейчас не хотел дать повод для новых насмешек. Изменился? Ну да, похудел. На больничной койке не разжиреешь. А еще он отпустил усы подковкой, и теперь время от времени поглаживал их.

— Остатки груза распределены на три конвоя, — сказал Гочкис. — В последнюю ходку мы встретим тебя за рекой. Разгрузимся. И дальше поедем на поезде.

— К-куда д-дальше?

— К морю. Тебе там понравится. Должен же ты отдохнуть после стольких испытаний.

— Я и без моря неплохо отдыхаю, — сказал он, а сам вспомнил, как весело было во Флориде. — Нечего мне на море делать. Сдам конвой, вернусь в Эль-Пасо и залягу на дно.

— Не хочу тебя расстраивать, но Полковник решил, что мы все поедем к морю, — Гочкис похлопал его по плечу. — Ты там окрепнешь. Тебе будет полезен морской воздух. Пойдем, я познакомлю тебя с ребятами.

Гочкис привел с собой шестерых угрюмых ковбоев. Мэтью не нуждался в долгих беседах, чтобы составить мнение о человеке. И глянув на новобранцев, он чуть не взвыл от досады. Ни один из них в подметки не годился даже самому последнему олуху из прежней команды.

Наверно, они неплохо управлялись с телятами. Может быть, уверенно держались в седле. Вполне возможно, они даже могли разыскать по следам отбившуюся от стада корову. Но Мэтью не собирался вместе с ними пасти скот. Ему были нужны люди для иной работы.

От Аризоны до Монтаны, от Вайоминга до Техаса — повсюду, где царили «мясные бароны», рядом с ковбоями-пастухами всегда были ковбои-стрелки. И еще неизвестно, какие ковбои приносили своему хозяину больше дохода.

Своя армия была нужна не только для защиты от индейцев. «Бароны» не могли бы

подмять под себя мелких скотоводов и занять их пастбища, если б не пользовались услугами метких стрелков, умеющих устраивать засады и бесследно исчезать. Когда же с шушерой было покончено, начались войны между самими «баронами». Их армии выросли, и в стычках участвовали десятки бойцов. Только вмешательство федеральных войск помогло остановить многолетнее кровопролитие в Нью-Мексико и в Вайоминге. В других штатах политиканы не успели вмешаться. А может, и не пожелали.

В стрелках Зеба Мэнсфилда когда-то числилась чуть ли не сотня бывших заключенных. Сам Мэтью Стиллер получил досрочное освобождение с условием, что будет работать на Мэнсфилда. Поначалу он рассчитывал, что не задержится на ранчо и смоемся при первой же возможности. Однако он очень скоро понял, что здесь не так плохо.

Ему не приходилось крутить хвосты коровам или часами стоять у плиты, готовя жратву для оравы пастухов. Его команде поручалась иная работа. Сначала они встречали на границе стадо, угнанное в Мексике, и прикрывали ребят, отсекая погоню. Стрелять в разъяренных мексиканских жандармов было весело и приятно, да за такое развлечение еще и платили неплохо.

Потом Стиллер и сам отправлялся за реку, но уже с грузом — водил караваны с контрабандой туда и обратно. И те же жандармы стали его лучшими друзьями.

Он доказал, что способен на большее, и ему доверили дело, о котором даже по пьяни он бы не похвастался. У Мэнсфилда были связи на железных дорогах, и он использовал их не только для того, чтобы добиться скидок на тарифы. Когда команда Стиллера устраивала налеты на почтовые поезда, Мэтью точно знал, в каком вагоне и в каком сейфе лежит самая крупная сумма, и не тратил время на мелочевку. За несколько лет на магистралях он не обчистил карманы ни одного пассажира. Нет, только сейфы, только золото и ценные бумаги, и только начиная с десяти тысяч. И никаких следов. Никаких свидетелей. Сопровождающие уничтожались. Охраны никогда не было. То есть, она была, но только в соседних вагонах, и ее попытки вмешаться в ограбление были запоздалыми и тщетными. Охранники проявляли свое геройство во время погонь, которые тоже не давали результатов. И неудивительно. Ведь охранная компания принадлежала тем же ребятам, что давали наводку Стиллеру. А еще в этих делах был замешан кто-то покруче самого Мэнсфилда. Потому что ни об одном из ограблений никогда не сообщалось в газетах. Ну, разве что в самых мелких, в уголовной хронике, среди заметок о драках и угонах скота.

Да, это была совсем не та работа, к какой, наверно, привыкли олухи, которых привел с собой Гочкис. Их грубые крестьянские руки справлялись с бычками, но не справятся с револьвером. Чтобы стрелять быстро и метко, руки должны быть гибкими и чуткими, как у музыканта.

Мэтью Стиллер оглядел их одежду и приказал:

— Шпоры снять. Мы не на скачках.

Все шестеро насупились и переглянулись. Шпоры у них были знатные, тяжелые, с шипами и звездочками, у двоих — с колокольчиками.

— Вам сказали, чем вы будете заниматься? — спросил Мэтью.

— Ну, вроде как перегнать мулов за реку...

— Верно, — усмехнулся Стиллер. — Точнее не скажешь. Перегнать мулов за реку. Шпоры снять, я сказал. Дальше. Покажите ваши пушки.

Они достали револьверы и протянули ему.

«Что за кретины!», — вздохнул Стиллер.

— Я сказал «покажите», а не «сдайте». Никому не отдавайте свое оружие, понятно? Хотя... Эти железяки можете отдавать. Ну-ка, взведи курок.

Он сморщился и зажал уши ладонями, услышав скрип.

— Разобрать, почистить, смазать! Через час приду, проверю. Поймите, парни, мы пойдем ночью. В полной тишине. Нас будут подстерегать рейнджеры. Вы знаете этих придурков. Они могут выстрелить на звук. Могут и попасть. Вы этого хотите? Я не хочу. Вот и подумайте над моими словами, пока будете чистить свои железяки.

* * *

Склады располагались на молочной ферме, в одном из сенных амбаров. Стиллер подогнал туда мулов, как всегда, на рассвете. И сразу завалился спать. Проснулся только чтобы набить брюхо, и снова зарылся в сено. Он всегда старался как следует выспаться перед выходом к границе. Проснувшись, выпил три кружки кофе. С сахаром и молоком. Такой напиток настоящие крутые парни, конечно, презирали. Но Мэтью Стиллеру не было дела до крутых парней. Он знал, что от сладкого кофе его глаза будут лучше видеть в темноте. А если пить кофе без молока, то замучаешься ссать через каждую милю пути. Пока ковбои навьючивали ящики, Мэтью подошел к проводнику.

— Как пойдём сегодня?

— Джек Джонс что-то пронюхал. Посты выставлены возле камышей. Придется тащиться через каньон.

— Все тихо?

— Как на кладбище.

Солнце висело над холмами. Их гребни светились золотом, как шерсть на загривке собаки, а склоны уже заливала лиловая тень. Мэтью Стиллер оглядел степь из-под руки. Здесь никто не ездил в это время, и дорога была пуста. По ней можно будет двигаться до самого каньона, а дальше придется соблюдать все меры предосторожности. Сведения о том, где находятся рейнджерские посты, почти всегда оказывались точными. Но порой рейнджеры, эти разгильдяи, устраивались не там, где предписывало начальство, а где вздумается. Вот почему конвои всегда шли так медленно и осторожно.

Стиллер поднял бинокль, заметив какое-то движение возле сухой акации. Поймав в поле зрения причудливо изогнутый ствол, перевел взгляд вправо — и рассмеялся. Из травы свечой выпрыгнул заяц. Вот он снова нырнул в заросли полыни, но уже совсем рядом бурой молнией промелькнул волк.

— Конец тебе, косой, — усмехнулся Стиллер.

Второй волк неподвижно застыл на склоне холма. Его седая голова с острыми ушами была видна над полыньей, но вот тень поднялась и к волку, поглотив его.

— Все готово, Мэтью, — окликнул его проводник. — Может, тронемся?

Обычно караван покидал ферму только после того, как на степь опустится непроглядная темень.

Но сегодня со Стиллером был один из самых опытных проводников, а команда, наоборот, была сплошь из новичков — они не станут возражать. И степь была полна тишиной и покоем, и Мэтью не хотелось думать о чем-нибудь неприятном и тревожном, и он сказал:

— Не будем терять время.

Мулы вытянулись в длинную цепочку. Впереди каравана ехали проводник и Стиллер, позади кучей держались охранники. Свернув с дороги, они перестроились. Проводник выдвинулся вперед, разматывая сигнальную веревку. Другой конец веревки был привязан к запястью Стиллера. Мулов поставили парами, один упирался мордой в хвост другого. Между парами мулов ехали охранники. Построение удобное, отработанное годами практики. В случае опасности каждый охранник уводил свою пару в сторону, и караван за пару секунд растворялся в ночи. Да, очень удобное построение, однако чтобы всех расставить по местам, потребовалось много времени, и в каньон они вошли уже в полной темноте.

Ему пришлось ехать, развернувшись в седле вполоборота, потому что после взрыва он почти ничего не слышал правым ухом. Дорога шла то вверх, то вниз, и сигнальная веревка то и дело провисала.

На дне каньона темнота сгустилась так, что Стиллер не видел даже ушей собственной лошади.

Он задрал голову, чтобы глянуть на небо, и увидел россыпи звезд. Ночь стояла ясная и

тихая. Когда появится луна, караван как раз выйдет из каньона.

Конечно, пересекать реку удобнее, когда темнота хоть немного разбавлена лунным светом. Но Стиллер предпочел бы двигаться на ощупь, только бы не стать мишенью для рейнджеров. Река в месте переправы завивалась в петлю, между протоками тянулись наносы белоснежного песка, и Стиллер легко мог представить, какими соблазнительными покажутся снайперу медлительные мулы, вытянувшиеся в цепочку. Снайпера не остановит и то, что караван уже бредет по мексиканской территории. Рейнджеры вспоминают о существовании границы лишь тогда, когда нос к носу сталкиваются с жандармами в смешной униформе. А пуля, выпущенная вдогонку, наугад, просто для острстки — даже такая шальная пуля может натворить немало бед...

Он услышал, как среди скал провыл волк. Ему отозвался второй.

Стиллер немного успокоился — если вокруг каравана снуют волки, значит, поблизости нет людей с дальнобойными винтовками.

Волки — удивительно хитрые твари. Они научились разбираться в оружии. Если у тебя только револьвер, волк подпустит тебя ближе, чем человека с ружьем. Волки даже отличают дробовик от нарезного карабина, и никогда не подойдут к винчестеру ближе, чем на две сотни шагов. Так что, пока они воют в каньоне, караван может двигаться дальше, не опасаясь рейнджерских засад.

Время от времени Стиллер разворачивался в седле, чтобы здоровым ухом послушать, как идут за ним мулы. Их прерывистый топот был едва слышен. Гораздо громче скрипели деревянные колодки, к которым были подвязаны ящики с грузом.

Впереди, в прогале между скалами, вдруг стало видно проводника. Его черная тень медленно переползала по волнистому песку отмели. Сверкнули пряжки на сбруе его коня, и Стиллер подумал: «Вот и луна взошла, черт бы ее побрал».

Он придержал лошадь, дав натянуться сигнальной веревке.

Темнота таяла, как будто кто-то протирал перед глазами Стиллера грязное стекло. Правая сторона каньона начала светиться под луной, и черная тень сползала по ней вниз.

Стиллер еще раз оглянулся. В каньоне уже стало настолько светло, что он увидел всех мулов у себя за спиной. Вдруг сигнальная веревка в его руке ослабла, потом дернулась — и повисла безвольно...

Тревога!

Он посмотрел вперед и увидел остановившуюся лошадь проводника. В седле никого не было.

Стиллер вскинул вверх руку, надеясь, что идущие сзади видят его.

Где проводник?!

Вот он! Лежит у ног своей кобылы, дергается, схватившись за горло, будто пытается освободиться от петли...

Петля! Его заарканили, как теленка!

Стиллер не видел веревки, но понимал, что она, натянутая, как струна, уходит вон за ту груду камней, в десяти шагах сбоку от лошади.

«Назад! Назад! Расходимся!» — махал рукой Стиллер, разворачивая коня.

До него донесся звук тупого удара — раз, другой, третий — словно кто-то бил палкой по мешку с мукой.

И вдруг раздался вопль. Он оборвался после нового удара. Новый вскрик прозвучал в тишине, снова удар — и тишина.

* * *

Охотничьи стрелы индейцев отличаются от боевых. На войне используется зазубренный наконечник, который невозможно выдернуть. Такая стрела редко бывает смертельной, однако раненый сразу и надолго выбывает из боя. На войне индейцы предпочитают ранить противника, а не убить. Это выгоднее. Раненый своими воплями

отвлекает товарищей, ему нужна помощь, а убитый тихо лежит себе, никому не мешая. Больше того, за убитого индейца будут мстить все его родичи, а раненый требует не возмездия, а лишь лечения.

На охоте же все иначе. Здесь раненый зверь — позор для охотника. Поэтому охотничьи стрелы, толстые, с гладким и прочным наконечником, проникают глубоко и бьют наповал.

Джошуа Кливленд выдал Апачу и Орлову по три бизоньи стрелы. С присущей ему вьедливостью он несколько раз напомнил им, что целить надо под грудь — тогда стрела пробьет тело насквозь, и противник мгновенно потеряет сознание, да и мучиться будет недолго.

По сигналу Медвежонка, который встречал караван на выходе из каньона, они принялись стрелять, каждый по своей цели. Орлов удачно свалил двоих погонщиков, у Джошуа тоже все получилось быстро и бесшумно. А вот Апачу не повезло. Сбив первого, он навел лук на второго. Но тот, видно, почуял неладное и сгорбил в седле. Стрела угодила ему под ключицу. От мощного удара он свалился с лошади и заорал, стоя на коленях. Вторая стрела пробила грудь, и он повалился наземь, продолжая орать. И только подошедший Кливленд пригвоздил его к земле, чтоб замолчал.

Орлов, покончив со своими, отложил лук и поднял с земли расправленное лассо. Он оттянул петлю пошире, подбираясь ближе к Стиллеру. Тот застыл в седле и только головой вертел.

Подкрадываясь, Орлов перебирал пальцами лассо, готовя бросок. Волосяной шнур скользил в ладони, и Орлов вспомнил, как когда-то тяжело давались ему первые уроки, с тяжелым и грубым веревочным арканом. Волосяной — совсем другое дело...

Он привстал над камнями вполоборота и одним широким движением метнул петлю. Увидев, как шнур захлестнул плечи Стиллера, Орлов дернул резко, чтобы петля скользнула выше, на горло. А потом уперся ногой в большой валун и отклонился, со всей силы натягивая лесу. Стиллер грохнулся наземь.

— Полегче! — крикнул Апач, кидаясь к упавшему. — Не придуши! А то и поговорить будет не с кем.

— Берегите его. С моим-то не поговоришь, — прогудел Медвежонок. — Неудачно упал, свернул шею.

Он сбросил с плеч тело проводника, уложив того рядом со Стиллером.

Капитан Орлов аккуратно собирал в круги лассо, следя, чтобы леса не перекручивалась. Как всегда, дело пошло не так, как задумывалось. Они получили только одного пленного вместо двоих. Двое пленных — большая удача. Их можно допрашивать то вместе, то порознь, и сравнивать показания. Если заартачатся, одного можно убить на глазах другого, и тогда оставшийся в живых станет более покладистым.

Но теперь придется говорить только с одним.

Хотя — о чем с ним говорить?

Что нового он может сказать? И будет ли в его словах хоть капля правды?

Глядя на Стиллера, Орлов подумал, что совершил ошибку. Это ничтожество не стоило того, чтобы на ходу изменить план. Не надо было уходить за караваном.

Они уже неделю кочевали по долине, наблюдая за фермами Мэнсфилда. Все фермы, кроме одной, выглядели заброшенными. Это могло быть уловкой. На заброшенных фермах могли прятаться охранники, а в самих развалинах могло быть спрятать много ценностей. Проверку развалин капитан Орлов решил отложить, а пока заняться фермой, на которой были обнаружены признаки жизни, причем довольно специфической жизни: мирные скотоводы как-то обходились без скота, не было даже собак, зато на двух сторожевых вышках постоянно маячили часовые.

На рассвете они заметили табунок мулов в сопровождении нескольких всадников. Апач, следивший за фермой в бинокль, подтолкнул Орлова: «Дюжина мулов. Как в тех караванах. Всегда одно и то же. Двенадцать мулов, семь всадников. Пол, скажи честно, ты знал, что они придут сюда именно сегодня?»

Орлов призадумался.

Похоже, что скоро отсюда выйдет караван. Один из тех, какие успешно пересекли границу под носом у рейнджеров. Предупредить Джонса? Ну, и что тот может сделать? Не повторится ли старая история? Нет, решил капитан Орлов. Нам надо сначала все выяснить. Нам надо вести наблюдение, чтобы потом накрыть всю шайку одним ударом... Но тут Апач передал ему бинокль и сказал: «Вон тот, в пятнистой шляпе — Стиллер».

И тогда Орлов вспомнил о своем обещании, данном над могилой Нэта Паттерсона.

Он испугался, что Стиллер уйдет в Мексику; уйдет и останется безнаказанным; уйдет и будет наслаждаться жизнью, в то время как Нэт будет лежать в могиле, как и множество других отличных парней, которых убил Стиллер.

Склад никуда не денется, решил капитан Орлов, и сказал: «Будем брать караван».

И вот двенадцать мулов стоят перед ним, и Мэтью Стиллер валяется у его ног. Казалось бы, надо радоваться. Но Орлов чувствовал только досаду. Он жалел о потраченном времени. И предчувствовал, какие хлопоты еще доставит ему перехваченный караван.

На ящиках красовались свежие надписи: «Осторожно! Стекло! Не бросать!» — крупными буквами по-испански, помельче на английском.

— Вскроем здесь? — спросил Медвежонок, поддев ножом обвязку ящика.

— Некогда, — сказал Орлов. — Уходим.

Убитых скинули в расщелину и завалили камнями. Караван, не дойдя до границы, развернулся и побрел обратно.

— Ты уже придумал, где спрятать груз? — спросил Джошуа Кливленд.

— В каньоне много пещер.

— Мулы к ним не поднимутся. Нам придется изрядно потрудиться.

— Вот еще, трудиться, — пробурчал Медвежонок. — Обложить камышом да поджечь, и все дела.

— Люблю смотреть на хороший костер, — сказал Апач, похлопав по ящику. — Доски сухие, хорошо займутся.

Стиллер, мешком висевший поперек седла, задергался и замычал. Орлов ослабил ему кляп и спросил:

— Ты хочешь что-нибудь рассказать про груз? Я правильно понял?

— Идиоты! Осторожнее с ящиками! Там динамит!

22. Адресат — Россия

Контрабандные потоки в районе Эль-Пасо двигались, преимущественно, в одном направлении — из Мексики. Везли кофе и текилу, а в последнее время, после того, как открылась сигарная фабрика, к традиционным грузам добавился еще и табак.

Те же редкие караваны, что уходили за реку из Техаса, обычно доставляли оружие. Оно предназначалось для группировок, время от времени затевающих очередную освободительную войну.

Поэтому капитан Орлов не удивился, обнаружив в ящиках не только динамит, но и армейские револьверы, и патроны к ним. Станным показалось ему лишь то, что динамит был разных сортов, и на некоторых упаковках сохранились наклейки с указанием поставщика и потребителя. Это было удивительно. Ведь те, кто подкладывает свинью правительству соседней, да еще дружественной, страны, обычно отличаются щепетильным отношением к конспирации.

Он подумал, что кроме повстанцев у военного груза может быть и другой получатель. На мексиканской территории находилось множество шахт, рудников и нефтепромыслов, принадлежащих американским компаниям, а те предпочитали содержать собственные охранные подразделения, не доверяя местным жандармам. Эти команды были, строго говоря, незаконными, как и поставки боеприпасов для них.

Но зачем охранникам столько динамита?

На эти, и многие другие вопросы должен был ответить Мэтью Стиллер. Однако капитан Орлов не спешил начать допрос.

Он старался подавить в себе отвращение и ненависть. Чтобы получить нужные сведения и сделать из них правильные выводы, ему требовался ясный и спокойный ум. Гнев, страх, радость — эти эмоции могут удесятерить человеческие силы, но сейчас они только повредят делу. И все-таки, глядя на противника, Орлову было трудно оставаться спокойным.

Больше всего его раздражала сама внешность Стиллера. Особенно его обритый череп, с покатым низким лбом, впалыми висками и выпяченным книзу затылком. Наиболее же мерзкими казались ему мощные надбровные дуги, словно козырьком укрывающие испуганно мечущиеся глаза.

— Так значит, тебя зовут Мэтью Стиллер? — спросил Орлов, наконец.

— Д-да.

— Другие имена? Клички? Может, назовешь настоящее имя?

— Мэ-мэрион Гауптенбау... В тюрьме звали «Чижиком».

«Да он совсем плох, — подумал Орлов. — Мэрион Гауптенбау! Такое с ходу не придумаешь, значит, выкладывает все с предельной откровенностью».

— Куда ты должен был сдать груз?

— Нас должны встретить у станции Вилья. Там стоит наш вагон.

«Верно, — вспомнил Орлов. — Предыдущие караваны тоже шли туда».

— Кто его отправил?

— Мэнсфилд.

— Вот как? Не знал, что старина Зеб приторговывает динамитом. Откуда у него столько взрывчатки?

— Старые запасы. Осталось от строителей. Мэнсфилд строил железные дороги. Ну, собирался строить. Получил субсидии. Материалы. Лес. Рельсы. Много чего еще. И динамит. Потом всё куда-то делось. Сейчас у него ничего нет. И этого динамита тоже вроде как бы нет. Я много могу рассказать про Мэнсфилда. Про его махинации. Не убивайте меня. Мэнсфилд метит в сенаторы. Больше всего на свете боится, что провалится на выборах. Говорит, второго шанса не будет. Если о его махинациях будет пропечатано в газетах, ему конец. Я вам всё расскажу. Не убивайте меня. Он держит несколько шаек. Одни грабят поезда, другие угоняют скот в Мексике. У него на фермах держат ворованную скотину. А еще у него есть доля в подпольных игорных домах... А еще он содержит адвокатов, которые отмазывают всех его ребят...

Произнося обличительный монолог, Стиллер неотрывно смотрел на толстые бизоньи стрелы, которые Орлов очищал от крови и грязи. Он скреб их песком и куском шкуры, оглядывал под разными углами, нюхал — и снова скреб, скреб, скреб, а голос Стиллера становился все тише, пока не сошел на шепот:

— Не убивайте меня, я все расскажу...

— Расскажи, как погиб маршал Паттерсон, — сказал Апач, присаживаясь рядом с Орловым.

— Маршал? Тот, что был в пульмановском вагоне? Мы взорвали вагон. Динамитом. Они попытались удрать. Мы их опередили, рванули под рельсами, и паровоз застрял. И тогда мы снова обложили вагон динамитом и рванули. Потом вытащили трупы, чтобы достать беглую девку. Но ее там не было. Мы из-за нее угнали вагон, а ее там не было...

— Ты не про девку, ты про маршала рассказывай, которого убил, — перебил его Апач.

— Я его не убивал. Он погиб от взрыва.

Стиллер лежал на краю скальной площадки. Орлов сидел на ящике с патронами, и мог бы одним движением ноги сбросить подонка в пропасть. У него за спиной, в пещере, возились Медвежонок и Кливленд, укладывая и пряча добычу. Точнее, возился один Медвежонок, а Джошуа, естественно, командовал.

— Иди, помоги ребятам, — сказал Орлов Апачу.

— Не прикончишь его без меня?

— Не беспокойся.

Орлов внимательно осмотрел стрелы и уложил их в колчан.

— Я не убивал маршала, — повторил Стиллер.

— Зря ты напал на пульман, — сказал Орлов. — В нем не было денег, только почта.

— Там была девка. Мне приказали убить девку. Проститутку с парохода. Она чем-то не угодила Мэнсфилду. И его друзьям, этим иностранцам. Их зовут Майер и Зак. Они ходят каждый вечер в клуб у мэрии. Это они заказали девку. И это они додумались рвануть пульман динамитом.

— Они? Но ты и раньше взрывал вагоны.

— Зак научил. — Стиллер облизал пересохшие губы. — Могу я попросить воды?

— Не сейчас. Продолжай. Кто такой Зак?

— Зак работает на Полковника. Только уже непонятно, кто на кого работает. Эти иностранцы всеми крутят, как хотят. Они и меня чуть не убили. Я же был в том самом поезде, под Сан-Антонио. Зак его взорвал, а списали на каких-то анархистов. А я точно знаю — работа Зака. Он там крутился, на станции. Только отъехали — рвануло. Он за девкой охотился, а я чуть концы не отдал из-за него. Встретить бы его сейчас. Горло перегрызу.

— Что-то я не пойму, — сказал Орлов, доставая трубку. — Сначала ты называешь Зака иностранцем. Потом говоришь, что он работает на Полковника.

— Что тут непонятного? Он иностранец. Живет в Сан-Антонио и часто ездит в Нью-Йорк, привозит оттуда других иностранцев. Полковник ведет с ними свои дела. Так люди говорят.

— А Майер?

— Вот и Майера привез Зак. Они договорились с Мэнсфилдом. Зеб дал им кучу денег. И конвой — это груз для Майера.

Орлов раскурил трубку и спросил равнодушно:

— Разве Майер приехал из Мексики?

— Не знаю. К нам они приехали из Сан-Антонио. Но потом, когда я проведу последний конвой, и мы загрузим вагон полностью, они встретят меня в Мексике. И мы все поедem к морю. Так придумал Полковник. — Стиллер приподнялся на локте. — Ну, теперь вы дадите мне воды?

Орлов, не вставая с ящика, пнул Стиллера в плечо. Тот завалился на спину, судорожно дернулся и беззвучно исчез за краем обрыва. Через пару секунд донесся хрусткий удар, потом еще один, уже глухой.

— У нас все готово, — сказал Апач, выходя из пещеры. — Сейчас моя очередь разговаривать...

Он осекся, увидев, что Стиллер исчез. Подошел к краю, глянул вниз и сплюнул.

— Пол, ты же обещал!

— Он сам упал, — спокойно ответил Орлов, выпуская струю дыма.

Ему не хотелось лишний раз спорить с Апачем. А тот не позволил бы Стиллеру умереть так быстро.

* * *

Медвежонок и Апач погнали мулов в город, а Орлов с Кливлендом отправились обратно в свой лагерь.

Мулами должен был заняться Апач. Узнать, откуда они взялись. Украли их или купили? Если купили — кто покупатель? Капитан Орлов постарался убедить кровожадного индейца, что его миссия очень важна. Вывести на чистую воду всех участников контрабандной цепочки — это гораздо полезнее для дела, чем просто снять скальп с Мэнсфилда.

У Медвежонка была другая задача, не менее важная. Он вырос в мексиканских трущобах Эль-Пасо, часто бывал там и, когда требовалось, мог вызвать себе в подмогу

целую армию малолетних шпионов. Орлов вручил ему обрывок фабричной упаковки динамита и попросил подбросить Мэнсфилду. А затем установить за ним слежку.

— Мне особенно важно знать, к кому он побежит, получив наше послание, — сказал Орлов.

— А он побежит?

— Конечно. Ну, не побежит, так другим способом свяжется с кем-то. С кем — вот что важно знать. Я ошибался. Мэнсфилд — не самый главный. Есть кто-то над ним. Вот с ним-то я бы и хотел повидаться.

Они разъехались в разные стороны, и примерно через час Джошуа Кливленд спросил:

— Ты уже не хочешь сделать то, из-за чего мы сюда приехали?

— Что?

— Убить Мэнсфилда. Почему ты передумал?

Примерно через пятнадцать минут Орлов ответил:

— Мне не хочется никого убивать. Даже Мэнсфилда.

— Стиллера ты тоже не хотел убивать.

— Да, не хотел.

— Самая тяжелая вещь на свете — это кровь убитых, — сказал Кливленд.

Орлов был не в том настроении, чтобы вести беседы, неизбежные в долгом и монотонном пути. Однако он чувствовал, что индейцу хочется поговорить, и спросил:

— Команчи умеют снимать эту тяжесть?

— Умели раньше.

Старый вождь помолчал, ожидая ответной реплики собеседника. Но не дождался. И продолжил разговор, словно размышляя вслух.

— Да, пролитая кровь отягощает душу. Когда убиваешь ради мести, эту тяжесть делит с тобой отмищенный. Порой убиваешь, чтобы спастись. И тогда тяжесть делят с тобой те, ради кого ты живешь. Но иногда приходится убивать, потому что нельзя не убить. Как сейчас. И тогда команчи не возвращались в семью, пока сердце снова не становилось легким. Надо было долго истязать себя. Не есть, не спать, не двигаться. Слушать голоса духов. Их особенно хорошо слышно на пятый день. А на седьмой день уже не только слышишь, но и видишь духов. Они забавные, духи... — Кливленд покрутил головой. — Вот поэтому наши народы и проиграли войну с белыми. Белые не тратили время на всякие глупости. Убивали нас десятками, как уток на озере, и спокойно продолжали жить. Какая тяжесть? Не думай об этом, вот тебе и станет легче.

— Да я уже и не думаю об убитых, — признался Орлов. — Я думаю о другом. Но ты опять скажешь, что мы, белые, всё на свете превращаем в торговлю.

— Торговля — не самое плохое занятие. Ну? Что ты хочешь купить? Подожди, я угадаю. Хочешь продать Мэнсфилду его собственную жизнь?

— С тобой трудно говорить, — сказал Орлов. — Ты слышишь мои слова раньше меня.

— Я и дела твои вижу раньше, чем ты их совершишь, — сказал Кливленд. — И я мог сказать тебе еще неделю назад, что ты не убьешь Мэнсфилда.

— Почему же не сказал?

— Потому что не знал, что будет дальше. А сегодня знаю. Ты не убьешь его. Потому что только он может тебя воскресить.

— Как?

— Если Мэнсфилд поймет, что его жизнь в твоих руках, он сделает все для тебя. Его газеты напишут о том, что там, на старом приiske, нашли не твое тело. Он сделает так, чтобы твой завод снова стал твоим. И все будет как прежде. Ты вернешься в свой дом. А по весне снова начнешь кочевать с рейнджерами. И все будет как прежде.

— И Мэнсфилд, как прежде, сможет заниматься своими грязными делишками.

— А ты, как прежде, станешь ему мешать, — спокойно парировал индеец. — В природе должно сохраняться равновесие. Волки убивают оленей, охотники убивают волков, но и те и другие должны знать меру, чтобы сохранить равновесие. Какой смысл убивать

Мэнсфилда? Его грязные делишки будет проворачивать кто-то другой. Просто для равновесия.

— Какой смысл меня воскрешать? На мое место тоже придет кто-то другой, — сказал Орлов.

— Не вижу, кто это может быть. — Джошуа Кливленд гордо вскинул голову: — Есть люди, как муравьи. И есть люди, как медведи. Одних много, других мало. Я редко встречал таких, как ты.

— А как ты?

— Таких вообще никогда не видел, — скромно ответил вождь.

Подъезжая к лагерю, они издали почуствовали запах еды. Вкусной еды.

— Команчи прячут огонь так, что ты пройдешь в десяти шагах и ничего не заметишь, — проворчал Джошуа Кливленд. — Твоя женщина не умеет обращаться с костром.

— Она умеет обращаться с мясом, — пряча довольную усмешку, отвечал Орлов.

Вера стояла у огня, помешивая варево в большом котле.

— Вам придется потерпеть, — сказала она. — Идите пока помойтесь с дороги.

Джошуа присел над отрубленной кабаньей головой и потрогал длинные резцы.

— Хороший зверь. Он сам к тебе пришел?

— Разве так бывает?

— Бывает. Когда в лагере нет мужчин, кабаны навешают женщин и разоряют кухню.

— Нет, — сказала Вера. — Я заметила следы, когда водила лошадей на водопой. Разбросала немного кукурузы у камышей. А с вечера устроилась там с винчестером. Может быть, он бы и пришел ко мне в лагерь. Но мне не хотелось ждать. Идите мыться.

Они спустились к реке и смыли с себя дорожную пыль. Обсыхая, сидели на теплом валуне и курили.

— Нет, ты не убьешь его, — сказал Джошуа Кливленд. — Ты не хочешь войны. Ты хочешь всю жизнь сидеть у костра твоей женщины. Нам надо возвращаться. Мы напрасно сюда пришли.

— Нет, — ответил капитан Орлов. — Не напрасно.

* * *

Ночью Вера спросила его:

— Почему ты ничего не рассказываешь? Неужели всё так плохо?

— Хорошего мало. Всё оказалось гораздо сложнее. Контрабанда, грабители, твои анархисты из Нью-Йорка — все перемешалось.

— Они финансисты, а не анархисты. И они не мои. Но это не важно. Ты побывал на ферме?

— Нет.

— Ничего. Она никуда не денется. В следующий раз.

— Я нашел Стиллера, — сказал он.

Она молчала, затаив дыхание.

— Его больше нет, — сказал Орлов, и Вера вздохнула.

Ветер потрепал полог шатра и снова затих. Слышно было, как где-то рядом пролетела ночная птица, мягко хлопая крыльями.

— Помнишь, я говорил, что Стиллер водил в Мексику конвои с контрабандой? Мы перехватили караван. Там динамит. И оружие. И я думаю, что все это предназначено не для мексиканцев. Я пока не уверен, но может статься, что этот динамит должен отправиться в Россию.

— Через Мексику?

— Я же говорю, что пока не уверен. Но конвоями занимаются Майер и Зак. Может быть, они просто торговцы оружием. Зарабатывают деньги для русской революции. Вот

скажи мне, для чего анархистам деньги?

— Ох, Паша, будто ты сам не знаешь. Для жизни. Ну, на газеты, на выкуп арестованных, на поездки. Расходы огромные.

— А разве оружие им не требуется? — Он не дал ей ответить: — Требуется. Покупать динамит в Европе? Опасно, там каждый их шаг на виду. Да и какая страна допустит подобную сделку? Нет, если уж покупать взрывчатку, то в Америке. И — сразу большую партию, очень большую, чтобы не гонять зря пароход. А пароход можно и в Мексике нагрузить. Матаморос, Тампико, Веракрус — международные порты. Какой-нибудь незаметный пароходик, испанский или, там, турецкий. Я бы турецкий нашел для такого дела.

— Почему непременно турецкий?

— Их у нас небрежно досматривают. Да он может и не дойти до наших портов. Привезут в Трабзон, разгрузятся, и через горы — к нам. Такими же караванами, как тут. Скажешь, больно длинный крюк получается?

— Скажу, что спать пора, — сонно проговорила Вера.

— Прости, милая, — он улыбнулся и погладил ее по щеке.

Вера перехватила его ладонь и прижала к своим губам.

— Спи, — сказала она, не открывая глаз. — Нашел о чем говорить ночью. Хочешь, чтобы мне кошмары снились?

Но он не мог заснуть. Его переполняла досада. Какими мелочными показались теперь ему собственные планы! Отомстить Мэнсфилду? За что мстить? За то, что тот ведет себя по законам своей природы? С таким же правом можно мстить дождю, который промочил тебя насквозь. Хорошо еще, что удалось — случайно! — рассчитаться со Стиллером. Если бы не это, поездка сюда была бы абсолютно бессмысленной.

Снова и снова пробуждал он в памяти слова Стиллера. Снова и снова сопоставлял разрозненные факты в простую и ясную картину. Террористы приехали сюда за динамитом. Несколько караванов уже пересекли границу. Груз накапливается на станции. Видимо, его повезут в особом вагоне. От границы в Торреон, оттуда — к морю. Веракрус или Матаморос? Где-то там стоит пароход, который должен доставить в Россию несколько тонн взрывчатки и оружия.

Груз не должен попасть в Россию. Этот поток надо остановить.

«Вот зачем я здесь, — подумал капитан Орлов. И тут же спросил себя: — Я могу это сделать?»

«Могу. Иначе даже не задумался бы об этом».

Он был почти благодарен Стиллеру. Ведь именно после встречи с ним нынешнее существование Орлова приобрело смысл. Да, смысл. Некоторым нравится другое слово — «предназначение». Еще лучше — «боевая задача». Выбор слова не имеет значения, только ответ на вопрос: «Зачем ты здесь?»

Орлова немного покорило, с каким равнодушием Вера отнеслась к его открытию. Впрочем, чему удивляться? Достаточно вспомнить, по каким причинам она оказалась в Америке. Ее забросила сюда та же сила, что управляет Майером, Мэнсфилдом, Стиллером. И, в конце концов, разве сама Вера несколько лет назад не собиралась взрывать бомбы?

Он прислушался к ее ровному дыханию, подождал немного и осторожно, чтобы не разбудить ее, встал. Вышел из шатра, накинув на плечи меховой жилет, и присел у тлеющего костра.

Над головой переливались звезды. Уже много лет они помогали капитану Орлову отыскать верный путь в ночной прерии. Но сейчас, глядя на них, он пытался вспомнить, как выглядят эти россыпи в российском неб. Смог бы он ориентироваться по звездам, попади прямо сейчас куда-нибудь в калмыцкую или оренбургскую степь, или в закавказские долины?

Трабзон...

Совершенно не обязательно вести караваны с динамитом через горы. На фелюгах — в Батум. Пограничная стража не справляется даже с обычными контрабандистами. Легко

представить, как она себя поведет, получив солидную премию за то, что в нужное время просто отвернется.

И совершенно не обязательно направлять груз через юг. Почему не через север? Шведский пароход, финская граница, множество шхер и островов. Там устроить перевалочную базу, и на рыбацких лодках возить взрывчатку небольшими партиями, среди ящиков с рыбой. Для серьезной диверсии не требуется вагон динамита. Скажем, чтобы взорвать железнодорожный мост, хватит и дюжины зарядов в определенном месте. Незачем превращать конструкцию в гору обломков. Наоборот, достаточно сорвать с опоры всего один пролет. Тогда, чтобы приступить к ремонту моста, придется сначала затратить уйму времени на разборку этого пролета. Чинить всегда тяжелее, чем строить заново. На восстановление движения по железной дороге уйдет не меньше месяца, убытки не поддаются подсчету...

Он закурил, пытаясь успокоиться. Усталость и напряжение последних ночей сказывались в том, что он не мог выбросить из головы лишние мысли. Они роились в нем, они жгли его своим ядом. Такое иногда приключалось с ним и раньше, и Орлов спасался только доброй порцией виски. Но сейчас у него не было с собой даже пива.

Вера бесшумно вышла из шатра и склонилась над ним, прижавшись теплой грудью к спине.

— Почему не спишь? О чем думаешь?

— Так. Ни о чем, — ответил Орлов.

23. Размен

Медвежонок вернулся через два дня. Сын ирландского шахтера и мексиканской батрачки, он был скуп на слова, пока не начинал ругаться. Поэтому его доклад состоял из двух частей.

— Он получил записку, — сказал Медвежонок. — И пропал.

— Как пропал? — удивился Орлов.

Тут началась вторая часть доклада. Медвежонок разразился пышной испанской тирадой, которую Орлов не взялся бы точно перевести на русский. На голову и другие части тела Зебулона Мэнсфилда были обрушены самые жуткие проклятия, причем вместе с ним пострадали и все его родственницы, включая прабабку.

— Так как же он пропал? — снова спросил Орлов, когда Медвежонок жадно припал к фляге с водой.

— Да очень просто. Выскочил из дома, забежал в конюшню, — и больше его никто не видел. Кто-то выезжал из конюшни, верхом. Но то был не Мэнсфилд. В доме его нет. Испарился, гад!

— За домом присматривают?

— Конечно! Мальчишки глаз не спускают. Когда Мэнсфилд убежал, хотели разойтись, но я приказал наоборот быть начеку. Ближе к ночи из дома вышли трое. Адвокат Гочкис и эти двое иностранцев. Геологи. Пацаны следили за домом всю ночь. Но Мэнсфилд так и не появился. Вечером опять пришли двое иностранцев. Через несколько часов ушли. Но не одни. За ними зашел полковник Хелмс, и ушли они все вместе, втроем.

— Кто-кто зашел за ними?

— Да есть тут у нас один важный тип из Сан-Антонио.

— Хелмс из Сан-Антонио? — Орлов приложил два пальца к верхней губе. — Вот с такими короткими усиками? И щурится все время?

— Да, точно. Ты его знаешь?

— Лучше бы не знал, — махнул рукой Орлов. — Ну, что дальше?

— Дальше ничего. Мэнсфилд так и не появился.

— Значит, Хелмс? Полковник Хелмс... Как же я сразу не догадался! — Орлов покачал головой. — Почему Апач не пришел?

— Это уж ты у него спроси, когда он появится, — проворчал Медвежонок. — Он же у

нас самый умный. Никого не слушает. Мулы все меченые. Ты пойдй к маршалу, возьми список образцов, найди тавро, по тавру найдешь хозяина. Так нет же! Никому не доверяет. Ходит с мулом по рынку, вроде как заблудилась скотина, а он ее нашел. И хочет вернуть хозяину за пару баксов.

— Не так и глупо, — сказал Орлов. — Я бы тоже сейчас не доверял маршалу.

— Думаешь. Мэнсфилд всех скупил?

— Надеюсь, не всех.

Медвежонок встал, поправляя кобуру.

— Ну, я поеду. Может, в следующий раз привезу тебе более ценные новости.

— Ты уже узнал самое главное, — сказал Орлов. — Теперь ты должен передать еще одно письмо. Точнее, приглашение на свидание.

Он набросал на обрывке упаковочной бумаги несколько строк.

— Но если Мэнсфилд так и не появится? — спросил Медвежонок.

— Черт с ним. Это не ему. Это письмо для Хелмса.

Герберта Хелмса все называли полковником, хотя он никогда не служил в армии.

Впервые Орлов увидел его на похоронах своего компаньона. На кладбище Хелмс не отходил от вдовы, и поначалу Орлов принял его за ее родственника. Однако на следующий день, оформляя с вдовой передачу акций, он узнал, что ее преследует некий полковник. И если б не предварительные договоренности, она бы могла уступить свою часть акций этому назойливому типу, который, к тому же, и цену предложил интересную. Орлов понял намек и заплатил вдове на десять процентов больше, чем договаривались вначале, а также пообещал взять на себя расходы по установке на могиле гранитного памятника.

Однако это не избавило его от новых встреч с Хелмсом. Тот появился в орловском офисе, когда завод снова попал в тяжелую ситуацию: не было бочек под керосин. Хелмс предложил разливать продукцию в цистерны. Предложение было выгодным. Но Орлову не понравилось, что цистерны принадлежали компании «Стандард Ойл». На это Хелмс заметил, что подобная неувязка устраняется элементарно, путем включения орловского завода в состав компании.

Орлов сделал вид, что воспринял это предложение как шутку. На том и расстались. Ненадолго.

Следующее предложение было сделано в более настойчивой форме. Заводу неожиданно подняли расценки за пользование нефтепроводом. Оказалось, льготные тарифы сохраняются только для членов какой-то ассоциации. Ее представитель, полковник Хелмс, любезно сообщил Орлову условия вступления — достаточно было всего лишь включить завод в компанию «Стандард Ойл».

Орлов отказался от льготных тарифов, однако не стал повышать цену на свой керосин. Прибыль падала, но ему было интересно проследить, как далеко могут зайти Хелмс и его хозяева в борьбе за торжество монополии.

И сейчас Орлов сам себе показался глупым мальчишкой, который дразнит цепного пса и не подозревает, что цепь разорвана, а пес — людоед.

— Я назначаю встречу в «Мечте», — сказал Орлов Медвежонку. — Произведем негласное задержание.

— Значит, уйдем скрытно? Через балкон?

— Предупреди Апача. Пусть приготовит лошадей. Будет прикрывать отход.

Медвежонок хотел что-то спросить, но, едва открыв рот, тут же захлопнул его и махнул рукой.

— Ты что? — спросил Орлов.

— Нет, ничего, ерунда.

— Если Апач не появится до понедельника, его заменит Кливленд, — сказал Орлов, угадав невысказанный вопрос.

Тихомиров перевернул несколько страничек календаря, увидел картинку с елкой и ангелочками — и огорченно вздохнул. Он задерживался в Америке непозволительно долго и даже не представлял, сколько еще ему придется здесь пропадать. В рождественские праздники он всегда старался оказаться либо в Париже, либо в Венеции. Да, там в это время ужасная погода, но зато какое веселье! Здесь, в Эль-Пасо, на погоду было грех жаловаться. Недаром эта местность считалась курортной. Но, как на всех курортах, тут царила тоска смертная. И встречать праздники в компании унылых стариков Тихомирову совершенно не хотелось.

— Я предупреждал, что Стиллеру нельзя больше доверять, — сказал Гурский. — Не послушали меня. Ну, и где он теперь? Небось, распродал весь груз каким-нибудь бандитам, а сейчас веселится с мексиканскими сеньоритами.

Они сидели перед камином в доме Мэнсфилда. Тихомиров листал календарь, а Гурский лущил арахис и бросал шкурки в огонь. Кроме них, в каминном зале был только лакей, время от времени подававший кофе или новый графин с холодной водой взамен того, который успевал нагреться. Так они проводили уже третий вечер с того дня, как Зебулон Мэнсфилд вышел из дома и не вернулся.

— Подождем еще час и уходим, — сказал Гурский. — Не ночевать же тут.

— Куда пойдем? Поужинаем в клубе?

— Я бы в варьете заглянул, — ухмыльнулся Захар. — Мадам Фифи, небось, заскучала без меня-то. А Шарлотта все насчет тебя интересуется, почему ты больше к ним не ходишь.

— Надоело всё. — Тихомиров раздраженно захлопнул календарь. — Ехали на пару недель, а валандаемся, считай, полгода. А Хелмс еще намекнул, что мы должны груз сопровождать. Мыслимое ли дело? Нет уж, увольте, ни за какие коврижки.

— В нашем положении особо и не поспоришь, — беззаботно отвечал Гурский. — Прикажут — будем сопровождать. Да какая разница, ежели разобраться? Что из Нью-Йорка отплывать, что из Матамороса. Была бы каюта чистая, да ром в буфете не кончался. Только успеешь глаза разлепить — и ты уже в Кронштадте. Плавали, знаем.

— В том-то и дело, что в Кронштадте, — сердито оборвал его Тихомиров. — Нам с тобой как раз в Кронштадте не хватало оказаться. Живо на виселицу приглашение выпишут.

— С американским-то паспортом — да на виселицу? Да я, Гаврила Петрович, всю Гороховую пройду, от Департамента полиции до Семеновского плаца, и ни одна свинья на меня даже косо глянуть не посмеет, уж будьте любезны!

— Мне и французского паспорта вполне предостаточно. А все же на Гороховой нам делать нечего, — сказал Тихомиров и суеверно поплевал через плечо.

— А это уж давайте партии решать, — веско произнес Захар. — Куда организация направит, туда и пойдем. Хоть на Гороховую, хоть на Плас Пигаль.

В последнее время они часто затевали споры по любому поводу. Сказывалось, наверно, что им слишком долго пришлось терпеть друг друга. И Тихомирову даже подумать было страшно, что после завершения американских дел ему придется выносить общество Гурского еще и в морском путешествии. Хоть он и страдал товарища переездом в Европу, однако сам-то надеялся отправиться туда в гордом и приятном одиночестве. Но, тут Захар прав: всё решит партия.

Правда, они по-разному понимали, что такое партия. Гурский был боевиком среднего звена. Мог организовать акцию на низовом уровне, мог использоваться в качестве курьера или телохранителя, как сейчас. Партия ему, наверно, представлялась в виде армии, поделенной на дивизии, полки и батальоны. И он, наверно, видел себя на правом фланге какой-нибудь гвардейской роты. Даже мог вообразить на своей груди какие-нибудь ордена за заслуги перед революцией. Да, Гурский был пушечным мясом партии. Тихомиров же представлял себе строение организации отнюдь не так примитивно.

Давно миновали те времена, когда Гаврюша с открытым ртом слушал приказы Августа Ивановича, своего первого наставника, и когда он каждую минуту ожидал разоблачения.

Нет, не ареста, а именно разоблачения. Он боялся, что однажды на каком-нибудь из секретных сборищ кто-то покажет на него пальцем и скажет: «Да это же самозванец! Никакой он не революционер! Он растратчик! Он сжег партийные бумаги, а средства присвоил! Смерть предателю!» И еще что-нибудь в этом роде. Кошмарные картины недолго посещали его сны. Скоро Гаврюша понял, что в партии много таких, как он.

Правительство с ликованием праздновало кровавую победу над «Народной Волей». Но по всей империи, от Гельсингфорса до Тифлиса, от Ревеля до Иркутска, из обломков организации вырастали новые партии. Эти группы называли себя социалистами, революционерами, анархистами или нигилистами... Названия были разными, суть — одна. В России появилась политическая оппозиция. У российского общества появилась надежда на переустройство всей системы отношений. И люди, которые уже научились вкладывать деньги в строительство дорог и фабрик, стали подумывать о вложении своих капиталов в политику.

Август Иванович, бывший рижский адвокат, в свое время помог некоторым членам организации укрыться за рубежом. Когда «Народная Воля» доживала последние дни, он вывез в Швейцарию архивы и накопления. Старые знакомые, закрепившись в эмиграции, ввели Августа Ивановича в состав Бюро. Бюро... Тогда это слово казалось новым. Оно потребовалось, чтобы подчеркнуть отличие от всяких «комитетов». Новая партия называла себя международной лигой анархистов. А поскольку анархисты не признают никакого бюрократического насилия, то и организации, как таковой, нет. Есть союз свободных людей. И есть Бюро, которое координирует их борьбу с ненавистной властью. Все очень просто. И надежно, не подкопаешься. Гаврюше понадобился всего год, чтобы понять все преимущества подобного политического механизма. Он понял, что оказался в элите. Не имея никаких заслуг, никаких убеждений, никаких политических способностей, он распоряжался огромными суммами и, больше того, распоряжался судьбами сотен людей. Он обладал властью, которая, впрочем, была ему не нужна. Комфорт, безопасность, размеренный образ жизни — всё, чего он хотел. И он это получил. Надо было просто исполнять распоряжения тех, кто стоял над ним. А распоряжения эти никогда не были слишком сложными для исполнения.

Приехать в Америку, договориться о поставках оружия, выклянчить денег на нужды революции — разве это так трудно? Вот если бы ему приказали бросить бомбу или выстрелить в человека... Вот тут Тихомиров мог бы попасть в затруднительное положение. Но люди, стоявшие над ним, хорошо знали, кому какое дело можно поручить.

— Знаешь, в чем ошибка американцев? — Тихомиров повернулся к Захару, отшвырнув календарь на диван. — Они думают, что человек способен работать, как машина. Паровой молот все время бьет в одно и то же место с одинаковой силой, изо дня в день, из года в год. А живой кузнец? Каждый его удар не совпадает с другим ударом, ни по силе, ни по точности.

— Ты это к чему?

— Американцы думают, что если человеку заплатить, он выполнит любую работу. Ты заметил, они почти всегда платят задаток? А если работник умрет, если надорвется, если просто сбежит? Мы, русские, рассчитываемся после работы.

— Ага, так легче обсчитать, — добавил Гурский.

— Я подвожу тебя к логическому выводу. Полковник слишком много взвалил на Стиллера, — и тот не выдержал. Потому что он не машина.

— Ну что, идем в варьете? — спросил Гурский, поднимаясь с кресла.

Тихомиров вздохнул. Как всегда, его размышления прозвучали, словно глас вопиющего в пустыне.

— Что ж, варьете ничем не отличается от прочих заведений. Такая же пошлость и такая же скука.

— С Шарлоттой не заскучаешь! — подмигнул ему Гурский.

И тут в дверях показался Зебулон Мэнсфилд. Он был одет все в тот же белый сюртук, в

каком вышел из помещения три дня назад. Но теперь на белом сукне в живописном беспорядке пестрели разноцветные пятна — в основном, бурые, но были и желтые, и черные... В щетине Мэнсфилда застряли соломинки и пушинки, на сапогах засохла грязь. Три дня назад он прервал разговор, извинился и пообещал вернуться через пять минут. Судя по изменениям во внешнем виде, то были весьма бурные «пять минут».

Следом в каминный зал вошел полковник Хелмс. Непринужденно подталкивая Мэнсфилда под локоть, он довел его до дивана и усадил.

До Тихомирова донесся запах перегара, исходящий от хозяина особняка. Хелмс устроился в кресло, закинул ногу на ногу и закурил сигару.

— Вообразите, друзья, наш драгоценный Зеб все это время прятался в конюшне. Пил бурбон со своими ковбоями. Они меня чуть не застрелили. Он приказал открывать огонь по каждому, кто подойдет к конюшне.

— Ладно вам, полковник, — простонал Мэнсфилд. — Незачем трепаться об этом на каждом углу. Вы еще в газетах своих напечатайте, что кандидат в сенаторы взял да и свихнулся накануне выборов.

— Зеб, у тебя слишком развитое воображение. Никто не говорит, что ты свихнулся. Ты просто принял меры предосторожности. На мой взгляд, оснований для этого не было. Но я уважаю твой выбор. Однако прошло три дня, ничего не случилось, и тебе пора вернуться к нормальной жизни.

— Нормальной жизни больше не будет, — мрачно прорычал Мэнсфилд и поднял глаза на тех, кто сидел у камина. Брови его удивленно приподнялись. — Вы еще здесь? Уносите ноги, ребята, пока вас не пришили, как Стиллера.

— Что с ним случилось? — спросил Гурский.

— Думаю, его точно так же располосовали тесаком, как моего волкодава. Мне прислали только его шляпу. Наверно, хотели голову прислать, да потеряли по дороге.

— Шляпу?

Полковник Хелмс снисходительно улыбнулся:

— К чему эти душераздирающие фантазии? Ну да, подбросили шляпу. Гораздо важнее, что в шляпе лежала весьма занятная бумажка.

— Письмо? — спросил Тихомиров, подавшись вперед.

— Можно и так выразиться. Скорее, сообщение. Некто сообщает нам, что последний конвой оказался у него в руках. Кстати, нет никаких оснований считать Стиллера погибшим. Вполне возможно, он сам и является автором послания. Однако отбросим предположения. — Хелмс встал и прошелся перед камином, держа руки за спиной. — Будем воспринимать действительность такой, какая она есть. Без фантазий. Итак, груз не дошел до станции. Груз находится в чужих руках. И у нас больше нет возможности переправлять остатки товара. Что вы думаете по этому поводу, джентльмены?

По этому поводу Тихомиров думал, что надо было уйти отсюда полчаса назад. Тогда сейчас он бы наслаждался обществом пылкой Шарлотты, а не ежил бы под взглядом прищуренных глаз Хелмса.

— Ну и черт с ним, — вдруг сказал Гурский. — Завтра же едем в Мексику и забираем вагон. Ну и черт с ним, что неполный. Нам хватит на первое время.

— Майер, что вы скажете?

— Я бы хотел сам ознакомиться с этим «посланием», как вы изволили выразиться.

— Пожалуйста, — Хелмс извлек из кармана пурпурной жилетки скомканный клочок бумаги.

Тихомиров развернул его, увидел какие-то штампы и цифры и вопросительно поглядел на Хелмса. Полковник объяснил:

— Это маркировка груза, который был отправлен со Стиллером.

— Ничего не понимаю, — пробормотал Тихомиров.

— Тут и понимать нечего, — заявил Гурский. — Надо ждать второго письма. Или подошлют кого-нибудь. Торговаться будут. Нам же наш товар перепродать задумали.

— Мне нравится ваша реакция, Зак, — сказал Хелмс. — Вы все просчитали примерно так же быстро, как я. Правда, я это сделал три дня назад, как только Зебулон передал мне это послание. И за эти три дня мне удалось продвинуться в нужном направлении. Джентльмены, не хотите ли немного прогуляться?

— Именно это мы и собирались сделать, — заявил Тихомиров, пытаясь вальяжной улыбкой загладить минутную растерянность.

Оставив Мэнсфилда на диване, они сошли вниз, погрузились в коляску и поехали на другой конец города, в район «красных фонарей». Захар оживился, разглядывая ярко освещенные улицы, на которых теснились красотики, подпирая стены. Однако Тихомиров предчувствовал, что их сюда привезли не для развлечения. Коляска остановилась в тесном переулке, и они смогли выйти из нее прямо в открытую дверь дома, даже не наступив на тротуар. «Удобное местечко для конспиративных встреч, — подумал Тихомиров. — Наверно, сюда возят всяких тузов. И дам из высшего общества, желающих предаться тайным оргиям».

Он увидел роскошную широкую лестницу, мягко освещенную двумя розовыми торшерами. Однако полковник указал на узкую, почти незаметную дверь, за которой обнаружилась ступеньки, круто ниспадающие в темноту. Из подвала повеяло могильной сыростью, и Тихомиров замешкался, пропуская вперед Зака.

Под низкими сводами горели три керосиновые лампы. Их свет отражался в лужах на каменном полу. Посреди подвала висел обнаженный человек, подвешенный за руки к потолку. Тихомиров встал на сухое место у самой стены. Ему пришлось немного пригнуться, чтобы не касаться затылком потолка. Захар и Полковник небрежно прошлепали по лужам на другой край подвала, к столу, на котором лежали палки и кнут. Двое мужчин, голых по пояс, сидели на краях этого стола, дымя самокрутками.

— Привет, Гарри. Привет, Майк, — Хелмс пожал им руки. — Есть новости?

— Все по-старому. Несет всякую чушь. Еще пугать вздумал.

Подвешенный вдруг заговорил, не поднимая опущенной головы:

— Я не пугаю. Я вас жалею. Зря вы ввязались в это дело.

— Bravo, — сказал полковник Хелмс. — Уважаю мужественных людей. Обещаю, что мы не выбросим твое тело на помойку, к крысам. Ты будешь похоронен как человек. Но можешь и жить, как человек. Выбирай.

— Честно?

Пленник поднял голову, и стало видно, что его лицо расплющено ударами. Нос, брови, губы — все спеклось в сплошную багрово-синюшную массу, глаз не было видно, и беззубый рот открылся, как черная щель.

— Честно? Я могу выбирать?

— Да. Ты знаешь, с кем говоришь. Мои слова иногда стоят миллионы долларов.

— Тогда... Тогда я выбираю помойку.

— Что?

— Пусть лучше меня обглодают крысы. А гнить в земле — это не для меня. Это для вас, ребята.

Тихомиров откашлялся и произнес:

— Полковник, к чему это представление? Я прошу избавить меня от подобных сцен. Допросы преступников не по моей части.

— Да, не мешало бы объясниться, — поддержал его Гурский, закуривая папироску.

— С удовольствием! — Хелмс обернулся к ним. — Этот несчастный появился на скотном рынке. Он водил за собой мула. Искал хозяина. Якобы этот мул ночью забрел к нему на огород. Хозяина он так и не отыскал. Зато, на свою беду, наткнулся на моих людей. И имел неосторожность забрести в уголок между фургонами, откуда уже не вышел. Гарри и Майк его связали, погрузили в фургон и доставили сюда. Вы спросите — для чего? Для беседы! Все дело в том, что люди, перехватившие наш груз, не отличаются большими умственными способностями. Они подбрасывают нам шляпу с запиской, и в этот же день

начинают поиски хозяев мула. Разве нельзя было разделить во времени эти действия, чтобы скрыть их связь? И разве нельзя было доставить наших мулов куда-нибудь в укромное место, а не во двор рейнджерской казармы? Нам буквально через час сообщили об этих мулах. Так мне стало известно о захвате конвоя. Итак, мы знаем, кто это сделал. Осталось выяснить лишь несколько деталей. Например, где груз?

С этими словами он снова повернулся к подвешенному.

Но тот оставался недвижим и нем.

«Зачем он нас сюда привел? — подумал Тихомиров. — Запугать хочет? Силу свою показывает? Или у него это вроде развлечения, которым радушный хозяин щедро потчует гостей?»

— Не надо было его хватать, — сказал Гурский. — Пользы никакой. А навредить можно сильно. Они теперь не пойдут на связь.

— Пойдут. Груз им не нужен. Им нужны деньги, — сказал Хелмс.

— Почему вы так думаете? — дрогнувшим голосом спросил Тихомиров.

— Потому что всем нужны деньги, — улыбнулся Хелмс.

— Не всем, — сказал Гурский, кивнув в сторону подвешенного.

— Ну, ему уже ничего не нужно. Идемте, джентльмены. Продолжим наш разговор наверху. Признаться, я надеялся, что мы услышим здесь что-то новое. Жаль, мои ожидания не оправдались.

— Сэр? — спросил один из костоломов.

— Заканчивайте, — не оборачиваясь, бросил Хелмс. — И на помойку.

По широкой лестнице, устланной коврами, они поднялись в зал, где звучал очень приличный струнный квартет. В креслах и на диванах расположилась богато одетая публика. Официанты в белоснежных фраках разносили бокалы с шампанским.

Тихомиров подхватил бокал с подноса и осушил его залпом. Зубы его стучали по стеклу.

— Итак, это рейнджеры? — деловито спросил Гурский.

Хелмс не ответил, ведя их вдоль драпированных стен к отдельному кабинету. И только когда они расположились там вокруг стола, и за официантом закрылась дверь, полковник сказал:

— Да, это рейнджеры.

— Мы полагали, они находятся под контролем, — сказал Тихомиров.

— Они и находятся, — спокойно ответил Хелмс. — Вы только что в этом могли убедиться. Командование рейнджеров находится под нашим контролем, но оно не может уследить за каждым подонком. Этот несчастный был рейнджером. Знаете, в компании бродяг и бездельников всегда найдется пара-тройка головорезов. Видимо, его дружки тоже скоро дадут о себе знать. Давайте согласуем наши действия. Потому что, возможно, они станут выходить не на беднягу Зебулона, а на кого-нибудь из нас.

— Что тут согласовывать? — Гурский презрительно скривился. — Пусть только подкатятся. Пуля в колено — и он все расскажет. Только надо сразу из него все вытряхивать, пока не очухался. А от ваших театральных трюков мало толку. Мужик попался крепкий, матерый, боли не боится, а злость ему только сил прибавляла. Нет, надо допрашивать, пока тепленький, пока в ушах звенит. Пусть они ко мне подкатятся, я с ними поговорю.

— Ваше мнение, господин Майер?

— Я категорически против подобных методов! Предлагаю начать с ними переговоры. Если речь пойдет о незначительной сумме выкупа, мы вполне можем пойти на такие затраты. Но на наших условиях. А именно — похитители сами перевозят груз через границу. Таким образом, им не потребуется раскрывать местонахождение их тайника, что наверняка будет ими воспринято положительно.

— И какая же сумма кажется вам незначительной? — любопытствовал Хелмс.

— До тысячи долларов. Ну, самое большее, две тысячи.

— Посмотрим, окажутся ли они столь же благоразумны, как вы.

— А если потребуют десять тысяч? — Гурский хлопнул ладонью по столу. — Ну их к черту! Не стоит время тратить! Сколько у нас в остатке? Две тонны? Ну и черт с ними! Пока будем ждать, пока торговаться — пароход уйдет! И так сколько времени потеряли. Уже давно делами бы занимались, а мы тут застряли!

— Груз ваш, вам и решать, — сказал Хелмс. — А вот чем украсить сегодняшний ужин, позволяйте решать мне.

Он нажал бутончик электрического звонка, и через мгновение в кабинете появился официант.

Тихомиров ел, не замечая вкуса. Ему казалось, что Захар и Хелмс знают что-то такое, чего не знает он. Они обменивались многозначительными взглядами. Оба явно были в приподнятом настроении, в то время как Тихомиров считал, что их положение ужасно. Ведь он уже послал телеграмму в Нью-Йорк, сообщив, что весь груз успешно переправлен. Да, поторопился, потому что боялся вызвать неудовольствие руководителей. Боялся, что его заподозрят в нерасторопности, в неспособности справиться с серьезной работой. Что же будет, когда выяснится, что груз получен не полностью? Может быть, в оставшихся и пропавших ящиках находилось нечто весьма ценное? Скажем, детонаторы или зажигательный шнур. Или, к примеру, когда груз будет доставлен на последнюю точку, выяснится, что к револьверам нет патронов. Да мало ли что может выясниться? Нет, ни один ящик не должен остаться здесь! А Гурскому словно и дела нет...

— Скажите, полковник, почему вы выбрали такое необычное место для допросов? — спросил он, когда самодовольные улыбочки сотрапезников стали решительно невыносимыми.

— Что? — Хелмс поднял одну бровь и прищурился. — Ах, вот вы о чем. Разве это место так необычно?

— Знаете ли, тайные застенки под кровом храма сладострастия — это нечто из сочинений месье Гюго. А вы не похожи на читателя романтических книжек.

— Случайное стечение обстоятельств. Когда его схватили, самым надежным и самым близким укрытием для не совсем законного занятия оказался именно этот храм сладострастия. Кроме того, здесь есть водопровод. А допросы порой требуют большого расхода воды. Знаете ли, люди часто и легко теряют сознание. И возобновить разговор удастся, только окатив их из ведра.

— И часто вы практикуете такие «разговоры»? — жалко улыбаясь, спросил Тихомиров.

— Что значит «часто»? Когда приходилось наводить порядок в этих краях, мои люди не церемонились с преступниками. Но, признаться, я уже забыл, когда занимался подобными делами. Бросьте, Майер. Приготовьтесь к тому, что придется общаться с людьми не нашего круга. Или вы хотите уклониться от переговоров? Доверите вести их мне?

— Нет-нет, я не уступаю. Но хотел бы рассчитывать на вашу помощь.

— Не сомневайтесь. Я вас не оставлю на растерзание негодяям, — рассмеялся Хелмс.

И снова Тихомирову показалось, что он смеется над ним, вместе с Гурским.

Когда долгий ужин был окончен, полковник предложил задержаться в борделе, чтобы посетить жрицу любви. Но Тихомиров, ко всеобщему неудовольствию, заявил, что нуждается в отдыхе.

Они спустились и прямо из дверей шагнули в поданную карету.

— Сэр, вам письмо! — произнес кучер, подавая Хелмсу пакет.

Полковник развернул его и прочел вслух:

— Представителю компании «Стандарт Ойл» Герберту Хелмсу. Если хотите обсудить дальнейшее использование известного вам груза, приходите в понедельник вечером в отель «Мечта Королевы».

24. Вот и поговорили

Тот, кто назвал это заведение «Мечтой Королевы», имел довольно странное

представление о королевских мечтах.

Отель затерялся в гуще таких же двухэтажных зданий, облепивших склон холма на городской окраине. Эти кварталы могли бы зваться районом красных фонарей, но на фонари тут не тратились. И без того тесные улочки казались еще более узкими из-за женщин, стоящих вдоль стен.

Только что прошел короткий дождь. Захару не хотелось шагать по скользкой глине, и он ступил на дощатый тротуар. Однако тут же был вынужден спуститься с него, едва вырвавшись из ласковых нескромных женских рук.

Войдя в отель, он обнаружил привычную картину. Весь первый этаж был отведен под банкетный зал. Несколько столиков по углам, диваны вдоль стен, длинная буфетная стойка и неизменное пианино на невысокой сцене, украшенной ярко-красным плюшевым занавесом.

Вечер только-только начинался, и в зале было пусто, если не считать дюжины местных красоток. Захар, оглядевшись, направился в угол, где был столик, прикрытый розовой ширмой, а на стене красовалось огромное зеркало в золоченой раме. Там можно будет сесть спиной к залу и через зеркало наблюдать за входом.

Не успел он опуститься в кресло, как на край стола непринужденно присела пышногрудая блондинка с черной розой в волосах.

— Красавчик, ты сегодня наш первый гость. Разве это не повод выпить шампанского?

«Черт меня дернул придти так рано, — подумал Гурский. — Теперь весь вечер придется терпеть эту дуру. А расходы-то, расходы какие! Цены тут наверняка грабительские. На улице, зайдя за угол и не раздеваясь, я мог бы получить то же самое за полдоллара, а тут с меня сдерут пятерку, да еще отнимут уйму времени. И это — не считая расходов на их дрянную выпивку!»

— Милашка, я бы начал с пива, — сказал он, изобразив улыбку.

— Фу, я пиво не люблю.

«Ну и катись», — мысленно посоветовал ей Гурский. Однако сказал:

— Так возьми себе шипучки. А после ужина, на десерт, закажем шампанское. Поужинаешь со мной?

Он мог бы и не спрашивать. Блондинка, источая аромат дешевого мыла, уселась рядом с ним. Захар подумал, что если от девушки пахнет мылом, а не смесью духов, пота и котлет с луком, то в этом заведении не так плохо, как могло показаться снаружи. Он осторожно попробовал принесенное пиво — и удивился. Оно было отменным. Гораздо лучше, чем в роскошном варьете, где Гурский привык развлекаться вечерами.

— Меня зовут Эвелина, — сообщила блондинка. — Почему ты раньше к нам не заходил? У нас работает самый лучший повар, и номера чистые-пречистые. Хочешь посмотреть? Не пожалеешь.

— Чуть позже, — кивнул Захар, с тоской представляя себе, чем придется занять часы ожидания Полковника. — Расскажи о себе.

Эвелина рассмеялась:

— Вот еще! Я не уличная девка, чтобы плести жалостливые сказки. Да и ты не похож на простака, так зачем же я стану тебе мозги пудрить?

— Что же, так и будем сидеть молча?

— Милый, женщина не может сидеть молча. Но спроси меня о чем угодно, только не заставляй рассказывать о себе.

— Тогда расскажи обо мне, — усмехнулся Захар.

— Дай руку, — властно произнесла она и, обхватив горячими пальчиками его ладонь, стала всматриваться в линии, как цыганка. — Что сказать о тебе? Ты приехал издалека. Но живешь здесь давно. И уже не намерен возвращаться в родной дом. Да и нет его, этого дома. Ты бездомный, как и все мы тут...

Зал постепенно наполнялся публикой. Глядя в зеркало, Захар не переставал удивляться. Он ожидал увидеть здесь всякий сброд. Однако за столиками и на диванах сидели вполне приличные гости. Недорого, но опрятно одетые, они не шумели, не слонялись по залу.

Многие были явно знакомы, но приветствовали друг друга едва заметным кивком.

На сцене незаметно появился пианист. Он играл негромко, спокойно, и музыка сливалась с ропотом голосов и шарканьем туфель по паркету. Несколько пар топтались у сцены, изображая танец.

— У вас тут очень мило, — сказал Гурский, заказав шампанского.

— Еще бы! Кого попало к нам не пустят. Здесь приличные парни собираются. Почти все с железной дороги, но есть и фабричные. А что? Если парень прилично зарабатывает, он может легко потратить десятку, чтобы доставить удовольствие себе и другим.

— И другим? Хочешь сказать, девушкам приятно... ну... — Гурский неожиданно для себя замялся, не найдя приличного слова. А неприличные здесь невозможно было произнести.

Эвелина его выручила, рассмеявшись:

— Получать деньги всегда приятно, красавчик!

Выпив шампанского, она покраснела и распустила шнуровку на и без того глубоком вырезе платья, так что теперь ее груди чуть не выскакивали на стол. Эвелина рассказывала о том, как ей повезло попасть в такое замечательное место, где чисто, прилично и спокойно. Многие девушки мечтают здесь оказаться, но их связывают долги. Ведь, работая в отеле, надо платить не только за комнатку. Стирка, уборка, кормежка — все это стоит денег, и немалых. Вот девушки и влезают в долги, и хозяйка может у них отнять последнее платье, пока долг не будет погашен, а без платья далеко не уйдешь. А еще надо платить полиции и пожарной инспекции. Десятка в месяц заменяет лицензию. А еще расходы на врачей...

Слушая Эвелину, Гурский и не заметил, когда в зале появились Полковник с Тихомировым. Они сидели на высоких табуретах у стойки, потому что все другие места были уже заняты. Тихомиров был бледен и часто вытирал лоб платком, откидывая длинные волосы. Полковник дымил сигарой, переговариваясь с барменом.

Вот к ним подошла девушка — и Захар напрягся. Почему-то он сразу понял, что девка появилась неспроста, она не станет приставать к гостям.

Они с Полковником постарались все рассчитать заранее. Охрана осталась на улице, чтобы не спугнуть тех, кто назначил встречу. Если они предложат перебраться в другое место, то Полковник, слегка поупиравшись, должен согласиться. Выйдут на крыльцо — и готово, попались, голубчики. Если же переговоры все-таки начнутся в отеле, то Полковника пригласят в какое-нибудь уединенное местечко: в номер, или, скажем, в подсобку. Тогда Хелмсу придется проследовать за ними, а Захар будет его незаметно сопровождать. И когда Полковнику останется только переступить порог, вот тут наступит время действовать Гурскому. Он не сомневался, что справится, даже если их там будет трое или четверо. На его стороне — внезапность и безнаказанность. Он мог творить все, что угодно, хоть поубивать всех, и ему ничего не будет, потому что за ним стоит Полковник, да и за самим Полковником тоже кое-кто стоит. Поубивать всех — и ни одна свинья не пикнет. Но до этого дело не дойдет, успокоил себя Гурский.

Кроме того, он знал, что Гарри и Майк тоже прячутся где-то здесь. Прячутся так хорошо, что он их до сих пор не смог заметить.

Он увидел, что проститутка, что-то сказав Полковнику, развернулась и направилась к лестнице. Хелмс похлопал Тихомирова по плечу, и они вдвоем пошли за ней.

Захар встал и взял Эвелину за пухлую руку, поднимая с кресла:

— Пошли наверх.

— Наверх? Мой номер здесь, за сценой.

— А я хочу наверх, — сказал он и повел ее за собой к лестнице.

Эвелина остановилась, но Гурский обнял ее за талию и привлек к себе.

— Наверху есть свободные комнаты?

— Не знаю. Я в чужую не пойду.

— Ладно, — притворно уступил он. — Пройдемся по галерее, а потом спустимся к тебе.

Он увлек ее за собой, поднимаясь по лестнице. Толстый ковер гасил шаги, но он слышал, как скрипят ступени под ногами Полковника. Хелмс остановился на площадке и посмотрелся в зеркало, поправляя галстук. Гурский поднял голову, и их взгляды встретились.

«А ведь ему страшно», — подумал Захар.

Страх можно скрыть громкой речью, смехом, руганью. Но когда ты вынужден молчать, тебя выдают глаза. Приподнятые брови, морщины на лбу и полуоткрытый рот — Полковник выглядел удивленным, но Гурский знал, что это не удивление, а страх.

Чего он боится? Его затащили сюда не для того чтобы убить. От мертвого Хелмса никакой выгоды. Мертвый Хелмс не сможет заплатить подонкам, захватившим груз. Значит, им дорога его жизнь. И скоро станет известно, как высоко они ее оценили...

Нет, этого нам не узнать, поправил себя Гурский. Потому что мы не станем даже торговаться с подонками.

Он прижал Эвелину к стене и схватил за грудь. Девка хихикнула:

— Ты чего! Фу, какой грубый!

Захар вжался лицом в горячую липкую ложбинку между полушариями груди, и Эвелина захихикала еще громче:

— Фу, колючий! Перестань!

— Пошли, пошли, — бормотал он, подталкивая ее верх по лестнице.

За галереей открывался коридор с розовыми стенами и лиловой ковровой дорожкой. Множество белых дверей, одна против другой. И — ни души в коридоре.

Куда они делись?!

Он услышал сзади чье-то дыхание. Оглянулся и увидел Гарри и Майка. Оба одновременно показали ему пальцем вправо. Гурский шагнул вперед и обнаружил за выступом стены другой коридор, более темный. Там и дверей было поменьше, и тускло горел лишь один светильник. В самом конце темнели силуэты. Гурский не стал их разглядывать, снова прижавшись к Эвелине и прячась за нее.

Она хихикала и упиралась, а он все напирал, подталкивая ее вперед, и глядел поверх плеча. Да, это они. Проститутка о чем-то говорит с Полковником. Отвернулась. Уходит.

Она шла прямо на Гурского, и он спрятался за Эвелину, пытаясь задрать юбку и схватить за ляжку.

— Веселишься, подруга? — проворковала девка, проходя мимо.

Гурский глянул вдоль коридора. Тихомиров стоял у стены, заложив руки за спину. Полковник подошел к номеру, перед которым застыл, скрестив руки на груди, детина в низко надвинутой шляпе.

Захар сунул руку в карман пиджака, обхватив прохладную рукоять револьвера. Другой рукой он продолжал мять грудь Эвелины. Так, тискаясь и хихикая, они понемногу приближались к концу коридора.

Детина открыл дверь перед Хелмсом, и тот заглянул внутрь.

«Пора!» — приказал себе Захар и медленно вытянул револьвер из кармана. Когда он прижал руку с кольтom к бедру Эвелины, та изумленно вытаращилась. Он легонько куснул ее за грудь.

— Сумасшедший! Так дело не пойдет! — жалобно пропищала девица.

— Ну, милашка, не обижай меня, и я тебя не обижу, — пьяно промычал Захар, подталкивая ее вперед.

Она задрожала и попятилась. Видно, ее охватил страх, едва она почувствовала на своем бедре холод револьвера, спрятанного под складками задранной юбки.

Ему оставалось сделать несколько шагов.

И вдруг Полковник совершил такое, от чего Гурский замер на месте.

Хелмс вошел в номер и закрыл за собой дверь!

Хелмс вошел в номер и закрыл за собой дверь.

— Вот уж кого я не ожидал здесь увидеть! — сказал он весело. — Хотя мне следовало бы догадаться. Что же, мистер Орлов, отдаю должное вашей изобретательности.

Полковник огляделся. Орлов занимал кресло, стоявшее между кроватью и зеркалом, и Хелмсу ничего не оставалось, как сесть на стул возле балконной двери.

— Итак, вы нашли способ вытащить меня на переговоры, — нарочито бодро продолжал Полковник. — Весьма экстравагантный способ, должен заметить. Возможно, результаты наших переговоров многим покажутся не менее экстравагантными.

— Не сомневаюсь, — произнес Орлов.

— Полагаю, вы в курсе некоторых перемен на вашем предприятии, — осторожно сказал Хелмс, следя за выражением лица собеседника. Орлов бесстрастно глядел мимо него. — Да, произошли некоторые перемены. Я бы не назвал их необратимыми. Нет, не назвал бы. Но, вполне возможно, мы найдем способ не отказываться от этих перемен, а сделать их одинаково приемлемыми и для вас, и для нас. Конечно, если вы станете настаивать, мы могли бы вполне официально провести операцию купли-продажи. Но для такой сделки придется провести огромную предварительную работу. Кстати, какая цена вас устроила бы? Помнится, весной мы остановились на сорока пяти тысячах. Нет-нет, я понимаю, что реальная цена завода намного выше. Где-то около восьмидесяти. Но вы же понимаете, финансами распоряжаюсь не я. Я всего лишь веду переговоры...

— Мы здесь не из-за моего завода, — сказал Орлов. — Закройте рот, Хелмс. И послушайте меня.

— Я весь внимание. — Полковник сложил руки на коленях и подался вперед.

— Мы захватили ваш динамит.

— Что? *Мой* динамит? Я не имею никакого отношения к динамиту! Мистер Орлов, позвольте напомнить, я представляю интересы компании «Стандард Ойл», а не «Дюпон». Мой бизнес — нефть, а не взрывчатые вещества.

Хелмс постарался улыбнуться. Но лицо Орлова оставалось каменным.

— Обойдемся без лишних слов. Итак, мы захватили ваш динамит. Не весь. А нам нужен — весь. Предлагаю отдать нам груз. Часть его находится в Мексике. Часть на складах Мэнсфилда. Нам не составит труда завладеть и той, и другой частью. Но это потребует времени. И жертв. Не хотелось бы лишний раз проливать кровь. Поэтому я и вызвал вас сюда. Вы можете отдать нам динамит, и тогда мы оставим вас в покое. Можете отказаться. И тогда мы заберем его сами. Решайте.

Хелмс поерзал на неудобном стуле.

— Мистер Орлов, вы же разумный человек. Неужели вы думаете, что я не был готов к подобным угрозам? Отель окружен моими людьми, и вам не удастся уйти отсюда...

— Вам тоже, — перебил его Орлов, — если вы не дадите согласие.

— Неужели вы собираетесь меня убить?

— Выбор за вами. Вы тоже разумный человек. Подсчитайте, что дороже, ваша жизнь или несколько тонн оружия.

— На весах и ваша жизнь тоже, — напомнил Хелмс.

— Кажется, вы не читаете собственных газет, — сказал Орлов без тени улыбки. — Моя жизнь уже ничего не стоит. Но я жду ответа.

— Если я скажу «нет», разговор закончится?

— Да. Мой человек держит вас на мушке.

Орлов кивнул в сторону проема в стене, задернутого плюшевыми занавесями.

— Так нечестно, — натянуто рассмеялся полковник. — Если б я знал, что вы тут не один...

— Вы бы не вошли, я знаю. Итак. Вы еще можете сказать «да».

«Откуда он знает, что динамитом распоряжаюсь именно я? — подумал Хелмс. — Взрывчатка принадлежит Мэнсфилду. Перехваченные револьверы украдены с армейских

складов. Почему же он говорит именно со мной? Как много он знает?»

— Допустим, я соглашусь, — медленно произнес Хелмс. — Каков будет механизм передачи груза?

— Вы укажете нам номер вагона. И дадите связь с вашими людьми на станции Вилья. Мы перебросим туда остатки груза с фермы в Клеверной долине...

«Он знает всё! — подумал Хелмс. — Кто за ним стоит? Не может же простой иммигрант, бродяга, рейнджер, пьяница — не может простолюдин так говорить *со мной* ! За ним кто-то стоит, но кто?»

— ... Как только вагон дойдет до места назначения, вас отпустят, — закончил Орлов.

— Что значит «отпустят»?

— Это значит, что пока мы будем заниматься грузом, вы останетесь под присмотром. Так будет спокойнее и для нас, и для вас.

Хелмс понимал, что все сведения Орлов мог получить, допросив Стиллера. Но сведения — только часть разговора. Гораздо сильнее действовали не сами по себе слова, а интонации, манеры, тактика беседы. И именно в этом полковник ощущал присутствие какой-то высшей силы, стоящей над Орловым, как кукловод над марионеткой.

Он был готов уступить, хотя бы ради любопытства. Противник рано или поздно раскроет свое лицо, но чтобы его увидеть, желательно остаться в живых.

Полковник спросил, стараясь придать голосу равнодушную окраску:

— Где гарантии, что вы не прикончите меня, как только получите товар?

— Мы покидаем Штаты, и вы не будете представлять для нас опасность. Повредить нашим друзьям вы не сможете, потому что вам до них не добраться. А вот они могут добраться не только до вас. — Неожиданно лицо Орлова осветилось улыбкой. — Решайте, Герберт. Представьте, что мы играем в шахматы. Фактически я предлагаю вам ничью. Мы оба понесли потери, совершили размены фигур. Хотите сражаться, пока на доске не останутся только два короля? Опытный мастер умеет быстро оценивать позицию. Соглашайтесь на ничью. И — займемся своими делами.

— Ну, что же... — протянул Хелмс.

За дверью грохнул выстрел.

Хелмс проворно юркнул со стула на пол и перекатился под стол. В комнате загремели выстрелы, зазвенело разбитое стекло. «Мне конец, — подумал Хелмс. — Надо было соглашаться сразу».

* * *

Гурский продолжал тискать Эвелину, приперев ее к стенке. Одна грудь вывалилась наружу, и он принялся облизывать набухший сосок. Девка уже не сопротивлялась, а только шептала что-то невнятное, и он чувствовал, как она прижимается к нему животом. Захар и сам немного завелся, изображая пьяную похоть, но продолжал незаметно следить за верзилой, что стоял у двери, за которой скрылся Хелмс.

«Полковник не вошел бы туда, если бы заметил опасность, — думал Гурский. — Он же не дурак. Наверно, увидел знакомого. Наверно, понял, что сможет его уговорить. Он у нас мастер уговаривать. Ну, а если он увидел, что ему в лоб ствол нацелен? Вот и шагнул. Черт! Жду еще немного, а потом...»

Неожиданно раздался надтреснутый тенорок Тихомирова:

— Я тоже должен быть там. Мистер Хелмс не уполномочен вести переговоры о моем имуществе.

— Сказано тебе, зайдет один, — прогудел верзила. — Стой тут. И жди. Без тебя договорятся.

— Я... Мне... Мы... — Тихомиров шагнул вперед.

И тут же ему в грудь уперся ствол кольта.

«Ловко!» — восхитился Гурский. Верзила только с виду казался увальнем, а пушку

наставил молниеносно.

— У него тоже ствол! — вдруг запищала Эвелина, отталкивая Захара.

Гурский, не раздумывая, выстрелил. Но девка толкнула его, и он понял, что промазал. Тут же выстрелил снова. Дитина пошатнулся, выронив револьвер. И через мгновение рухнул на пол возле двери.

— Добей его! — крикнул Захар Тихомирову и пинком распахнул дверь.

Схватив девку за волосы, он выставил ее перед собой. Толкнул, шагнув в комнату и держа ствол над ее плечом.

В темной комнате он сразу увидел Хелмса, тот скрючился под столом, закрывая голову руками. Не видя противников, Захар наугад пальнул в один угол, в другой. Зазвенело разбитое стекло. Из угла ударила вспышка, и жаркая струя прошла по волосам Гурского. Пуля впилась в косяк над головой, и он отступил, прикрываясь девкой. Снова выстрелил пару раз, и боек звонко щелкнул по пустой гильзе.

Назад!

Захар отскочил к стене, вытаскивая из-за пояса второй револьвер. Из номера выскользнул Полковник. Он удивительно быстро двигался на четвереньках. А когда наткнулся на труп у порога, то взвизгнул и по-собачьи перепрыгнул через него.

Гарри и Майк ворвались в соседний номер, выхватывая из-под полы обрезы дробовиков. Они принялись палить через тонкую стенку.

— Майер! Майер! — задыхаясь, кричал Хелмс.

Руки его подломились, и он припал лицом к ковровой дорожке, высоко отставив зад.

«Зачем ему Майер?» — успел удивиться Захар, снова подкрадываясь к распахнутой двери номера. Он выстрелил еще трижды, прежде чем заглянуть внутрь.

Балконная дверь была распахнута, и ветер трепал прозрачную занавеску. Захар огляделся — в комнате никого. Он подошел к балкону и увидел, что этой стеной отель выходит на пустырь. Где-то в темноте стучали, удаляясь, копыта нескольких лошадей.

— Вот оно что! — громко, потому что уши заложило от стрельбы, сказал Гурский. — Хотели через балкон смыться. И ведь смылись, подонки! Хорошо, что я хоть одного уложил. Полковник, гляньте, может он еще живой?

— Майер! — раздался в ответ отчаянный вопль Полковника.

«Да что такое!» — с досадой подумал Захар.

Он вышел из номера, перешагнув через убитого рейнджера, который лежал казался еще больше.

Над трупом склонился Гарри.

— Точно в висок, Зак, — сказал он. — Отменный выстрел.

— Два отменных выстрела, — отозвался Майк, разглядывая кого-то, лежащего вдоль стены. — Здесь — точно между глаз.

— Приятно иметь дело с хорошим стрелком, — сказал Гарри.

— Да. Когда он на твоей стороне, — отозвался Майк.

И только теперь Захар увидел, что вдоль стены в коридоре лежит Тихомиров, и из-под его головы растекается красная блестящая лужа.

— Хватит зубоскалить, — устало произнес полковник Хелмс, отряхивая брюки. — Гарри, Майк! Пошлите кого-нибудь по следу. У них там стояли лошади под балконом. Зак! Исчезни! Сейчас появится маршал, я сам с ним разберусь, а тебе незачем тут мелькать. Исчезни.

«Исчезни! — возмущенно повторил Захар, спускаясь по лестнице. — Исчезни. После того, как я спас его шкуру! Ну и ладно. Ну и исчезну. Пожалеешь, когда меня рядом не окажется, ох, и пожалеешь!»

25. Огонь в ночи

Он слишком хорошо знал, как выглядят убитые. Едва заметив лежащего за порогом

Медвежонка, Орлов понял — всё кончено. Надо уходить.

Все кончено. Но надо ли уходить?

«Вера ждет», — вспомнил Орлов. Надо уходить.

Пули носились по комнате, как бешеные осы. Карточка пробила стену и разнесла зеркало вдребезги. Грохот стоял неимоверный. Спрыгнув с балкона, Орлов оттолкнул лестницу, приготовленную для Хелмса.

— Ты один? — спросил Кливленд.

— Один. Медвежонок убит.

И они умчались к реке, ведя за собой двух лошадей без всадников.

Брод, отмель — и снова назад. Запутав следы, они вернулись в лагерь.

Вера ничего не спросила, и Орлов ничего не стал рассказывать.

Он нашел в сумке Медвежонка флягу с текилой и пошел прочь от костра.

— Ты куда? — окликнула его Вера.

— К реке.

— Ужин готов.

Ему было трудно говорить. Но он подумал, что Вера ни в чем не виновата. Незачем ее обижать. И сказал:

— Ешьте без меня. Не ждите.

Он спустился к воде и забрался на валун, окруженный камышами. Жадно припал к фляге. Текила обожгла горло.

Всё кончено. Надо уходить.

Он попытался обдумать то, что случилось. Но никаких мыслей не было. Была только боль и горечь.

Он чувствовал внутри себя зияющую дыру. Текила лилась в пустоту. Хмель не брал Орлова.

Журчала вода, обтекая валун. Перешептывались камыши. От этой безмятежной тишины ему хотелось заорать во весь голос. Хотелось стрелять. Хотелось взорвать к черту весь мир.

Он вдруг обнаружил, что бредет по колено в воде вдоль берега, размахивая пустой флягой.

— Я здесь, — услышал он голос Веры. — Иди ко мне.

Она сидела на песке у воды, закутавшись в одеяло. Орлов сел рядом, и она набросила край одеяла ему на плечи и голову.

— Дождь, — сказала она. — Промокнешь.

Дождь? Он провел ладонью по лицу и волосам. Мокро. Дождь.

— Я проиграл, — сказал Орлов. — Пытался блефовать. И проиграл. Медвежонка убили.

— Жаль его, — отозвалась Вера.

— Я ошибся. Всё напрасно. Я говорил с Хелмсом так, словно за мной стоит армия. «Мы такие, мы сакские, мы сами заберем ваш динамит, мы вас в пыль сотрем...» — Он потряс флягой возле уха и с отчаянием убедился, что она пуста. — Нет ничего. Ничего не осталось. Я просто забыл, что ничего не осталось. Вера! Говорю без фанфаронства, на войне я ходил по турецким тылам, как по собственному огороду. Спокойно, нагло. Потому что у меня за спиной стояли полки. Меня могли прихлопнуть, как муху! Но за мной шли колонны, конца-края не видно, пехота, драгуны, артиллерия. Их сила была моей силой. А здесь я кто? Никто. Раздулся, как пузырь. «Нам нужен динамит, и мы его возьмем!» Кому — нам? Нет никого.

Вера опустила голову на его плечо. Дождь стучал по одеялу, холодные капли скатывались по разгоряченному лицу.

— Ты все правильно сделал, — сказала она. — Не кори себя. Эти люди не верят словам. Их можно убедить только делом.

— Их можно убедить только пулей.

— Убьешь его? Тебе станет легче? А как же вагон с динамитом? Как мы его найдем без

Хелмса?

Она спросила об этом так просто, будто речь шла о пропавшей безделушке. Подумаешь, всего-навсего один вагон динамита. Да только вот незадача — без Хелмса его не найти. Если б не вагон! А так-то, делайте, Павел Григорьевич, с вашим Хелмсом все, что душе угодно. Хоть целуйтесь, хоть на шпагах бейтесь. Но вагончик-то сыскать надобно, уж не обессудьте, граф...

— Прости, Вера, — сказал Орлов. — Прости меня.

— Что? За что?

— За то, что плохо о тебе думал. Прости. И за то, что пытался все сделать, не спросив тебя.

— Тебе надо отдохнуть, — сказала она. — Завтра у нас будет тяжелый день.

От ее спокойного голоса ему вдруг стало легко. Легко и стыдно.

— Я бы поел чего-нибудь, — сказал он.

— Ужин еще не остыл.

Она встала, стряхивая песок.

— Как ты думаешь, — спросила Вера, — сможет Кливленд достать мне женское платье?

— У него есть какая-то родня в городе. Помогут.

— Как хорошо, — сказала она. — Как хорошо, что он с нами.

«Как хорошо, что он не пошел со мной наверх, а остался с лошадьми, — подумал Орлов. — Если б и его убили, как Медвежонка, я бы не вернулся».

Вместе с голодом к нему вернулась способность соображать. Он жадно ел жирное горячее мясо, облизывал пальцы, рвал лепешку зубами, ел и нахваливал, а сам все думал об одном — в чем был его промах?

Хелмс пришел на переговоры. Значит, ему это было важно. Он мог бы наплевать на динамит. Но ему надо было выяснить, кто вмешался в его игру. Неужели он понял, что ему противостоит одиночка? Неужели раскусил блеф? И каким-то образом подал сигнал своим боевикам?

Но это же безумие — начинать стрельбу, пока Хелмс не вышел из номера. Почему они были уверены, что Полковнику ничто не грозит? Или им было все равно?

Но как же Медвежонок позволил себя убить?

Орлов вспомнил, как боевик палил в него, прикрываясь девицей. Возможно, и в Медвежонка стреляли так же, скрытно и внезапно.

«Жаль, не довелось прикончить Хелмса, — подумал Орлов. — Когда еще представится такая возможность? Теперь он огородится тройным заслоном. Не подступишься. Ну да ладно. Вера права. Вагон нам нужнее».

— Когда мы узнаем, кто убил Медвежонка, что ты будешь делать? — спросил Джошуа Кливленд.

— Я знаю, кто его убил, — ответил капитан Орлов. — И я знаю, что делать.

Назавтра Вера вместе с Кливлендом отправилась в город. Перед этим она, как обычно, нагрела котел воды, спустилась с ним к реке и долго мылась, а после завтрака принялась натирать лицо золой и сажей. Она повесила на полог шатра зеркальце и внимательно вглядывалась в него, растирая черные полосы на щеках заячьим хвостом. Ей понадобилось еще немного тертой коры, чтобы лицо приобрело нужный цвет.

— Зря умывалась, — сказал Орлов.

— Некоторые и неделями рады не мыться, — ответила она, надевая драную шляпу.

Вера заломила поля, сдвинула шляпу чуть набок, последний раз посмотрелась в зеркало и спрятала его в сумку. Надела пояс с ножнами, с кисетом, с трубкой и множеством других подвешенных предметов. Накинула на плечи грубо выделанную меховую безрукавку. Легко взлетела на лошадь без седла. И, едва отъехав, окончательно превратилась в молодого команча, чуть полноватого, но сидящего на коне так же естественно и легко, как гарцующий рядом старый команч, тоже, кстати, чуть полноватый.

Они уехали, и Орлов остался в лагере. Ему было чем заняться. Он связывал динамитные патроны, составляя заряды. У него не было ни капсюлей, ни бикфордова шнура, и пришлось поломать голову, выдумывая, как взорвать динамит. Он верил, что любая запертая дверь имеет свой ключ под ковриком. И если судьба подбросила ему несколько ящиков динамита, она просто обязана где-то поблизости расположить и средства подрыва. Так и вышло. Он вспомнил про ящики с револьверами и живо смастерил громоздкое, но действенное взрывное устройство.

К трем динамитным цилиндрам он привязал револьвер так, что дуло упиралось в дно одного из них, сдвинутого вперед. Между взведенным курком и барабаном Орлов вставил огарок свечи. Оставалось только поджечь фитиль, спустить курок и отойти на безопасное расстояние. Свеча прогорит, револьвер выстрелит, пуля ударит в динамит, и тот взорвется.

Должен взорваться.

Он потратил несколько свечей, высчитывая время горения. Обнаружилось, что у каждого револьвера свой характер. Одни срабатывали раньше, другие позже. По счастью, у Орлова был богатый выбор — целый ящик армейских «мервинов» 1876 года выпуска.

Готовить взрывчатку к делу было приятно. Еще приятнее было возиться со стрелами. Он заварил немного мучного клея еще с утра и теперь смешал его с порохом — клея поменьше, пороха побольше. Сняв наконечник со стрелы, он обмакнул конец древка в клей и отложил стрелу, давая ей подсохнуть. Разжевав полоску коры, он размазал ее по сухой части древка и густо посыпал порохом, втирая его. Снова обмакнул конец, и снова принялся жевать кору. Стрела будет покрыта горючей коркой до самого оперения. Она вспыхнет и будет гореть в полете, и ее пламя станет только жарче, когда стрела попадет в цель. Кора была горькой на вкус, но Орлов жевал ее с наслаждением. Сейчас он понимал чувства Кливленда, когда тот собирался поджечь нефтехранилище. И понимал, какого удовольствия чуть было не лишился индеец.

Месть должна быть яркой.

Она и будет яркой.

* * *

Международная Лига Анархистов вынесла приговор компании «Стандард Ойл» как наиболее омерзительному представителю семейства монополистических хищников.

Отныне любое здание, запятнанное эмблемой компании, может взлететь на воздух.

Любой поезд, перевозящий продукцию компании, может быть пущен под откос.

Любой танкер под флагом компании может пойти на дно.

Мы, Непримируемые Анархисты, объявляем смертный приговор компании, но не людям. Нам не нужны жертвы. Но если, несмотря на наше предупреждение, кто-то пострадает, вся ответственность ляжет на компанию «Стандард Ойл».

Орлов сложил листок и возвратил его Вере.

— Здания, поезда, танкеры... Ты забыла про нефтепроводы.

— Я не забыла, — ответила она, разрывая листок и бросая клочки бумаги в костер. — Просто это слово звучит как-то слишком прозаично. Оно лишает наш манифест патетики. Кроме того, я не хотела осложнять нам работу. Пусть они усиливают охрану портов, заводов, железных дорог. А мы ударим там, где нас не ждут.

— Это неспортивно, — укоризненно произнес Орлов. — Сразу видно, что среди террористов нет англичан.

— Милый, ты плохо знаешь историю! Самым первым терактом была попытка подрыва именно британского парламента.

— Ну, тебе лучше знать. В какие газеты ты разослала сей манифест?

— Только в те, которые первыми напечатали сообщения о нашей смерти.

Джошуа Кливленд сердито обернулся к ним, оторвавшись от чистки револьвера:

— Сколько раз вам говорить! Не упоминайте это слово, «наша смерть»! Не называй себя мертвецом, и проживешь немного дольше.

Капитан Орлов разгладил песок перед собой и принялся чертить ножом схему нефтепроводной сети.

— Итак, что мы имеем? Вот четыре насосные станции, одна из них — узловая. Между этими двадцать две мили, здесь — десять миль.

— Почему такая разница? — спросила Вера.

— Уклон. Труба идет в гору, мощности насоса не хватает, чтобы компенсировать перепад высот. Вот здесь, на этой станции, имеются резервуары. На остальных нефть поступает прямоотком из трубы в насос и оттуда в следующую трубу. Я предлагаю ударить здесь и здесь. — Он зачеркнул ножом два квадратика, означающие станции. — Две диверсии в течение одной ночи заставят думать, что действовали две самостоятельные группы. Мы используем короткий отрезок. Взрываем верхнюю станцию, скатываемся вниз и уничтожаем следующую. Отсюда вдоль старого русла выходим на солончаки и скрываемся в горах. День проводим в пещерах. Ночью — возвращение в лагерь. Какие будут соображения?

— Насколько я понимаю в геометрии, расстояние от второй станции до гор составляет примерно двадцать миль, — сказала Вера. — Если, конечно, чертеж выполнен в масштабе.

— Масштаб тут не идеальный, — признался Орлов. — Двадцать не двадцать, а за ночь должны пройти.

— На свежих лошадях дойдем, — сказал Джошуа Кливленд. — Ты красиво рисуешь, Пол. Но позволь мне испортить твой рисунок.

Кончиком ножа он провел еще одну дугу — от первой станции до волнистых линий, означающих границу солончаков.

— Один из нас со сменными лошадьми после первого взрыва отправится вот сюда. Этот путь короче, верно? Одна сторона треугольника всегда короче, чем две другие, вместе взятые, так? Словом, один из нас с лошадьми прибудет вот сюда, под стены старого монастыря, и будет ждать. Двое других взорвут вторую станцию и двинутся не вдоль русла, а по дороге через поселок. За поселком высокий холм, с него будет виден монастырь. Его хорошо видно днем. Но мы с тобой, Пол, разглядим его и ночью, если Вера сумеет разжечь костер под его стенами.

— Прекрасная идея, — сказала Вера. — После взрыва в поселке начнется суматоха, многие выскочат на улицу. Как ты собираешься незамеченным проехать мимо десятка свидетелей?

— Команчи умеют становиться невидимыми, — гордо ответил вождь.

— Твое искусство еще пригодится нам. Но сейчас не нужны невидимки. Через поселок проедем мы с Полом. Пусть они видят нас. Пусть запомнят. Пусть потом опишут в показаниях. И тогда Хелмс и Мэнсфилд будут знать, что с ними ведут войну не команчи, не невидимки, а непримиримые анархисты.

— К тому же, брат, ты лучше справишься со своими лошадьми, — добавил Орлов. — Не говоря уж о том, какой отличный костер у тебя получится.

— Вот так всегда и бывает, — горько заметил Джошуа Кливленд. — С белыми невозможно договориться. Каждое твое слово оказывается направленным против тебя же самого. С белыми невозможно договориться.

— Не забывай, брат, — сказал ему капитан Орлов. — Мы не белые. Мы русские.

* * *

«Гладко было на бумаге, да забыли про овраги». За время службы в Генштабе Орлов слышал эту присказку, наверно, тысячу раз. Ею неизменно заканчивалось каждое совещание,

где разрабатывался очередной план. Тщательно выверенные документы, где каждое слово и каждая цифра согласовывались, а потом еще и утверждались — все эти документы оставались всего-навсего благими пожеланиями, а вовсе не законами, каковые неукоснительно исполнялись бы на практике. Жизнь, словно издеваясь, вносила свои поправки в любой план. И Орлов всегда оставался готовым к любым переменам.

Составляя диспозицию, он постарался учесть всё: свои силы, возможности противника, рельеф местности, даже влияние погоды: ведь в дождь нельзя пускаться через солончаки. Как на всяком совещании, его план, естественно, подвергся правке — для того и обсуждался. И, как всякий план, он обязательно будет нарушен. Вот только знать бы заранее, в какой части...

«Гладко было на бумаге...», — подумал капитан Орлов, когда, пробираясь по ночной степи, заметил впереди, над холмами, яркое зарево. Он знал, что узловая насосная станция имеет довольно многочисленную охрану и ограждена двойными рядами колючей проволоки. Но ему и в голову не приходило, что компания «Стандард Ойл» потратится на электрическое освещение.

Он выругался, придерживая коня. Джошуа остановился рядом.

— Бедные ночные духи, — сказал вождь. — Люди вторглись в их владения. Скоро на всей земле не останется места для темноты.

— Тебе придется вспомнить о том, как превращаться в невидимку.

— Давай подъедем ближе. Может быть, и не придется.

Они спешили на склоне, и поднялись к макушке холма. Здесь был слышен равномерный гул работающих машин. Призрачный свет нескольких прожекторов заливал поле с черными кругами резервуаров. Отчетливо виднелись все строения и аккуратные дорожки между ними. Дальше, за каналом, цепочки огней украшали корпус электрической станции.

На миг в душе Орлова шевельнулся стыд. Он пришел сюда, чтобы разрушить плоды упорного человеческого труда. «Я не разрушу, а только чуть-чуть приостановлю механизмы», — попытался он оправдаться перед самим собой. Правда, даже чтобы приостановить механизмы, к ним не мешало бы сначала подобраться.

— Как красиво, — сказала Вера. — И как удобно. Интересно, кто придумал так направить свет?

Капитан Орлов чуть не рассмеялся. Только теперь он понял, почему в освещении станции ему с самого начала привиделся какой-то изъян. Прожектора освещали территорию, но подходы к периметру оставались темными. И больше того, охранники, находящиеся на освещенных местах, наверняка не могли разглядеть ничего по другую сторону ограды.

— Видите, на самом краю, у ворот, склад? Под крышей — проемы. Как раз для твоих стрел, брат. Прожектор туда светит очень удачно.

— Я бы попал в цель и в темноте, — сказал Кливленд.

— Итак, вы вдвоем — туда. А я — к насосной. Поджигаете склад и возвращаетесь к лошадям. Здесь и встречаемся.

— Когда ты взорвешь насосы, разольется нефть, — сказала Вера. — Можем мы ее поджечь стрелами?

— Сама загорится.

— Ты уверен?

— У меня хватит стрел, — сказал Кливленд. — Всё, что может гореть, будет гореть.

— Спички не забудьте.

Орлов, прихватив сумку с динамитом, стал спускаться с холма. Нефтепровод здесь был новый, из шестидюймовых труб, и тянулся низко над землей. Орлов сначала шел вдоль него, немного пригибаясь, затем пришлось двигаться на четвереньках, а когда до ограждения оставалось с полсотни шагов, пополз по-пластунски. Колючую проволоку он миновал, протиснувшись под трубой. И здесь замер, дожидаясь удобного момента, чтобы подобраться к зданию станции.

Он пытался представить, чем сейчас заняты Джошуа и Вера. Старый команч, как всегда, долго и придирчиво будет выбирать наилучшую позицию для стрельбы. И так же долго будет наставлять Веру, как ей подносить огонь к наконечнику стрелы. Наконец, запал начнет тлеть, Джошуа отпустит тетиву, и стрела взмоет в небо, и вдруг разгорится в полете, и нырнет в вентиляционный проем под крышей склада... И что тогда?

А если на складе только запасные детали для насосов? И никаких горючих материалов?

— Пожар! — закричал кто-то так близко, что Орлов вздрогнул и вжался в землю еще сильнее.

Он услышал топот множества ног. Захлопали двери. Где-то на дальнем краю зазвенел пожарный колокол.

Ему не было видно пожара, но судя по начавшейся панике, Джошуа Кливленд сдержал слово — все, что могло гореть, загорелось.

Орлов выждал еще немного — и выбрался из-под трубы. Теперь его одежда была вся в мазуте и издалека, наверно, была неотличима от промасленных комбинезонов, в которых носились вокруг склада работники станции.

Конечно, хотелось бы забраться внутрь помещения и подложить взрывчатку прямо под насос. Тогда повреждения были бы максимальными. Но, как говорится, не до жиру. Орлов не стал мудрить и просто втиснул заряды между стеной и трубой в том месте, где она уходила в стену — там как раз было достаточно места под кирпичным сводом. Три патрона, сверху еще три, с привязанным револьвером. Он отвел курок «мервина» и вставил под него обрезок свечи. Затем осторожно загнал патрон в барабан и подвел его под боек.

Все его движения были спокойными и плавными. Как всегда при работе с взрывчаткой, Орлов позабыл об окружающем мире. Даже если б его сейчас схватили за волосы, он бы, не дрогнув, продолжал свое дело. Спокойно и плавно он опустил руку в карман за спичками. И в эту же секунду его сердце провалилось куда-то в сапоги. Спичек в кармане не было.

Он мог их потерять, когда полз под трубой. А мог и просто забыть. Идиот! Олух!

Предаться самоубийству было некогда. Динамит уложен. Он будет подорван так или иначе.

Орлов оглянулся в поисках хоть какого-нибудь укрытия. Он невольно шагнул к трубе, под которой можно было бы так удобно устроиться. Он ведь почти сроднился с ней, пока прятался в ее тени. Но нет, трубе осталось жить несколько секунд.

— Эй, а ты чего стоишь! Хватай лопату! Склад горит, хочешь, чтобы тут все вспыхнуло? — заорал, пробегая мимо него, рабочий в комбинезоне.

«Именно так, приятель, — едва не ответил Орлов. — Именно этого я и хочу».

Рабочий подбежал к красному деревянному щиту, на котором висели лопаты и багры. Рядом возвышались ящики, доверху наполненные песком. Орлов подбежал к ним в тот момент, когда работяга, с багром наперевес, уже уносился обратно к складу.

— Господи, помилуй, — взмолился Орлов, достав кольт и прицелившись.

Отсюда ему не было видно динамита, спрятанного под стену. Он целил в темную дугу между трубой и кирпичной стенкой. Взрывная волна должна будет уйти внутрь помещения. Ну, не вся, конечно...

Он присел за ящик с песком.

— Господи, помилуй!

И нажал на спуск.

Ему показалось, будто кто-то с размаху ударил его по лицу шершавой доской. Орлов упал за ящик, схватившись за голову. Гром обрушился на него, и каменный дождь посыпался с неба. Когда же он смог подняться, всё вокруг него горело. Извилистые языки пламени стелились по земле, густой дым накатывал волнами со всех сторон.

Орлов попытался сориентироваться. И понял, что составляя план диверсии, надо было прежде всего подумать об отходе.

Ему некуда было отходить. Он оказался в капкане собственного изготовления. Причем — в огненном капкане.

Он побежал туда, где пламя было пожиже. Увидел обвалившуюся стену насосной. Из пролома била струя пара. «Удачно получилось, — подумал он. — Паровая машина разрушена. Значит, и от насоса остались рожки да ножки. Очень удачно получилось».

За станцией дыма было меньше, и он увидел снующих людей. Поднял с земли багор и побежал к ограждению.

— Ты куда? — кричали ему вслед. — Сгоришь!

Но он скрылся в дыму. Багром отодрал проволоку от столба и смог выбраться наружу, почти не повредив одежды.

Наконец, он добрался до места, где его ждали Вера и Кливленд.

— Уходим, — только и смог проговорить капитан Орлов, забираясь на коня. — Уходим. Больше никаких взрывов сегодня.

— Вот и хорошо, — с облегчением произнесла Вера. — Едем домой.

— Если больше не будем ничего взрывать, зачем спешить? — сказал вождь. — Смотрите, как красиво.

Старый команч улыбался, и на его морщинистом лице играли отсветы пламени, бушующего в долине.

26. Продолжаем разговор

Крупные газеты обошли молчанием пожар, уничтоживший нефтехранилище. Только в паре вечерних выпусков сообщалось о «происшествии на нефтепроводе», где смогли отличиться доблестные огнеборцы компании «Стандарт Ойл».

— Надо взорвать дом, где делают газеты, — посоветовал Кливленд. — Тогда они обязательно напишут. Все любят читать о себе. Наверно, писать о себе еще приятнее.

— После взрыва некому будет писать, — сказал Орлов.

— Ну, тогда давай взорвем что-нибудь рядом. Динамита у нас много, плохих людей тоже много, мы можем еще долго так развлекаться.

Они сидели у вечернего костра. Мужчины вели беседу, дымя трубками. А Вера просматривала газеты, держа их близко к пламени, и Орлов все ждал, что бумага вспыхнет у нее в руках. То-то смеху будет для Кливленда... Джошуа каждый день отправлялся в город за новостями и газетами, и каждый раз ворчал, потому что газеты стоили денег, а пользы от них... Один вред.

— Тебе понравилось взрывать, как я погляжу, — сказал ему капитан Орлов.

— Это весело. Много шума, много огня, много паники. Приятно видеть испуганного врага. Даже приятнее, чем видеть мертвого. Убить нетрудно. Что такое наше тело? Кожаный мешок с кровью. Проткни его — и жизнь вытечет. С телом справиться несложно. Но страх живет не в теле, а в душе. Когда враг охвачен страхом, его душа трепещет в твоём кулаке, как пойманная птица. Ты ловил птиц руками, Пол? И не пытайся. Да, напугать врага — это приятнее, чем просто убить.

— Ты прав, как всегда. Я бы хотел напугать Хелмса до смерти, — сказал Орлов.

— До смерти? Зачем? Пусть живет долго. Мы долго будем радоваться, бросая его в пропасть страха. Он будет падать туда и с нетерпением ждать конца. А конца всё нет и нет. Вот что такое настоящий страх, Пол. У нас много динамита. Мы бросим Хелмса в хорошую, бесконечную пропасть.

«Легко тебе говорить, — подумал Орлов. — Приятно любоваться взрывами издалека». Сам-то он навидался их еще на турецкой войне, был контужен при диверсии под Карсом, а теперь вот и в Америке успел неосторожно подставиться под взрывную волну. Орлов не находил ничего привлекательного в грохоте, дыму и пламени. Но сейчас у него не было другого оружия, кроме динамита.

Вера, внимательно изучавшая колонки объявлений, вдруг захлопала в ладоши:

— Есть! Получилось!

Она покраснела, заметив, что Орлов и Кливленд недоуменно смотрят на нее. И

поднесла газету ближе к лицу, скрывшись за ней.

— Вот! В самом низу! Сообщение от редакции. Вниманию лиц, подавших объявление относительно имущества компании Эс-О. Укажите место и время встречи для дальнейших консультаций.

— Это про нас? — спросил Орлов.

— Конечно! Как еще они могли бы ответить? Я знала, что они догадаются использовать газету.

— Не думаю, что Хелмс так легко уступит.

— На него давит компания. Они увидели, что мы не блефуем. Им проще отдать нам вагон, чем нанимать армию охранников, от которых всё равно никакого толку.

— Почему ты думаешь, что между динамитом и компанией есть связь? Может быть, Хелмс ведет свою игру?

— У него нет ничего своего, — ответила Вера, аккуратно складывая газеты. — Даже души. Он продал душу компании. Мне приходилось встречать таких людей. Правда, их души принадлежали другим фирмам. Например, правительству. Полковник Хелмс — добросовестный слуга. Или, если выражаться более точно, он хороший управляющий. Но у него нет ничего своего. Он управляет чужим хозяйством. И сейчас хозяин приказал ему встретиться с нами, пока мы не нанесли новый удар.

Джошуа Кливленд поднял ладонь:

— Если полковник Хелмс назначает вам новую встречу, на нее сначала пойду я. Мне раньше часто приходилось становиться между враждующими племенами. Я не допущу, чтобы он вас обманул.

— Брат, мы не в Сан-Антонио, — сказал Орлов. — Это там тебя все знают, а в Эль-Пасо ты всего лишь старый индеец. Тебя и близко не подпустят к полковнику.

Кливленд высокомерно улыбнулся:

— С полковником меня познакомил сам губернатор. Герберт Хелмс стоял, а мы с губернатором сидели в креслах и курили свои трубки. А Герберт Хелмс стоял и слушал, как губернатор хвалит мои табуны. Стоял с опущенной головой и слушал. Он старше, чем губернатор, но он стоял. Потому что там не было свободных кресел. Потому что на всех остальных креслах сидели мои жены. Я был в гостях у губернатора. А полковник Хелмс зашел к нему по каким-то делам. Но губернатор сказал, что дела могут подождать, пока он курит трубку со своим другом. Ну что, Пол? Захочет полковник Хелмс говорить со мной? Или прогонит старого индейца?

Орлов не торопился с ответом. Впрочем, индейцу и не нужен был его ответ. Кливленд решил идти на встречу, и его не заставишь изменить решение. Теперь надо было заботиться только о том, чтобы эта встреча не превратилась в ловушку.

— Легче взорвать мост, чем подготовить переговоры с врагом, — сказал он. — Надо обдумать каждую мелочь.

— Не беспокойся. Я уже всё обдумал. Я знал, что мне придется говорить за тебя, — сказал Кливленд. — Поэтому я взял не только отцовский лук и амулеты. Я взял в дорогу шляпу и костюм. Хватит им лежать в углу палатки. Пора надеть. Раньше команчи красили лицо перед боем. Сейчас мне приходится перед боем мыться и надевать костюм. Вот такие времена настали, брат.

Орлов выбил трубку, продул мундштук и завязал кисет. Кливленд следил за его движениями. Даже не сказав ни слова, Орлов мог выдать свое отношение к сказанному. Старый команч был чертовски наблюдательным. И слишком мнительным. Вот почему Орлов старался показать каждым своим жестом, что покоряется воле вождя, хотя и мог бы с ним поспорить.

— Сначала ты придешь к рейнджерам, — сказал он, наконец. — Их капитан сведет тебя с Хелмсом. Полковник — хитрый лис, но ты — старый волк. Он тебя не обманет. Ты увидишь всё, что скрывается за его словами. И если он действительно готов уступить, ты приведешь его на встречу с нами.

— Со мной, — сказала Вера. — На этот раз с ним буду говорить я.
Орлов переглянулся с Кливлендом, и компанч усмехнулся.
— Вряд ли он станет разговаривать с женщиной, — сказал Орлов.
— Он станет разговаривать с представителем Лиги анархистов. А ее представитель в Техасе — это я. — Вера повернулась к Джошуа: — Мне понадобится еще шаль. Черная шаль. Я понимаю, что черную шляпку достать невозможно, но хотя бы на шаль я могу рассчитывать?
Старый индеец важно кивнул.
— Черное платье, черная шаль, — пробурчал Орлов. — К чему этот траур?
— Вот и видно, кто из нас анархист, а кто — просто сочувствующий элемент. Пора бы тебе знать, что черный — цвет анархии.

* * *

Маршал быстро разобрался в деле. Обычная пьяная разборка в публичном доме. Убитого рейнджера похоронили на мексиканском кладбище, а приезжего геолога Майера — на немецком. Городская казна пополнилась изрядным штрафом, содранным с хозяйки отеля. Два номера были отремонтированы уже к вечеру следующего дня. И жизнь в Эль-Пасо снова вернулась в привычное русло.

Несколько дней Захар Гурский безвылазно проторчал в особняке Мэнсфилда. Старина Зебулон, как выяснилось, знал толк в выпивке. Утро они начинали с французских вин, за обедом распечатывали пару бутылок виски, а вечер коротали за шампанским. Столь приятное времяпрепровождение закончилось, когда в особняке снова появился полковник Хелмс со своими костоломами, Гарри и Майком.

Гурский не знал, что с ним теперь будет. Слишком тяжелые обвинения могли ему предъявить и товарищи по партии, и сам Хелмс. Встреча с похитителями динамита закончилась полным провалом. Мало того, что злодеям удалось ускользнуть, так еще и Тихомиров погиб. Злодеи тут же доказали, что умеют обращаться с похищенным грузом. А партия потеряла единственного курьера, имевшего выход на все европейские боевые группы. И в том, и в другом наверняка можно было винить только Захара.

Захар готовился к худшему. Когда вслед за Полковником вошли Гарри и Майк, он моментально протрезвел. Ему хорошо было известно, как избавляются от тех, кто становится источником проблем. Нет-нет, никаких трибуналов, никаких разбирательств не будет. С ним будут обращаться так же ровно, как и раньше. Пригласят куда-нибудь. И по дороге неожиданно выстрелят в затылок. Это лучшее, чего можно было ожидать.

Впрочем, он знал и другое. Он знал, что никогда не даст прихлопнуть себя, как комара. Вот почему он больше проливал вина, чем пил. И вот почему под одной коленкой у него был подвязан нож, а под другой — двуствольный «деринджер».

Но Полковник заговорил спокойно, деловито, и Захар немного успокоился. Он понял, что — по крайней мере, сегодня —, речь пойдет не о нем.

— Кажется, мне удалось найти приемлемый выход из нашего катастрофического положения, — сказал Хелмс. — Если всё пройдет, как задумано, груз будет доставлен по назначению, а не останется гнить в Мексике. Собирайся, Зак. Поедешь на родину.

— Что я забыл на родине? Мне и тут хорошо, — отвечал Гурский, потягивая шампанское. — А на родине меня ждет военно-полевой суд. В чем я провинился перед вами, сэр? За что вы посылаете меня на верную смерть?

— Шутки в сторону. — Полковник опустил в кресло у камина, и один из костоломов подал ему бокал бренди. — У тебя есть два дня, чтобы привести себя в порядок. Сказать по правде, я не доверял Майеру. И с самого начала жалел, что такой ценный груз придется доверить этому слюнтяю. Но теперь я спокоен. Ты как раз тот человек, который справится с делом.

Гурский, продолжая корчить из себя пьяного, неловко поставил бокал, и тот

опрокинулся.

— С каким делом, сэр? Мое дело — следить за вашими друзьями и душить ваших врагов.

— Вот и встретишься с моими друзьями в России. Заодно проследишь за ними.

— Может, и придушить кого-нибудь придется?

— Может быть.

— Тогда я согласен! — Захар расхохотался. — Распорядитесь забить мою каюту шампанским. Говорят, помогает от морской болезни. И надо еще взять запас на обратную дорогу.

— Вот об этом можешь не беспокоиться, — сказал Полковник. — Ты отправляешься в края, где вино льется рекой. На обратную дорогу тебя снабдят бочками прекраснейшего вина, по сравнению с которым шампанское покажется дешевой кислятиной.

— Оно и есть дешевая кислятина, — мгновенно погрузился Гурский. — Пью тут всякую дрянь. Одно название, что шампанское. А только вот в Париже оно почему-то вкусное, а тут... Эх, бедняга...

— Кто бедняга?

— Ну, этот... — Захар не сразу вспомнил, под каким именем прибыл сюда покойный Тихомиров. — Этот... Майер. Он так мечтал о Париже. Черт! Как он мог подставить свою пустую башку! Мне даже кажется, он нарочно это сделал.

— Не вини себя, Зак. И не такое случается. В конце концов, Майер знал, на что идет. Кстати, тебе известно его настоящее имя?

— Только то, какое он сам назвал, когда нас познакомили в Нью-Йорке. Не знаю, настоящее ли оно. Его звали Гавриил Тихомиров.

— Это еврейское имя?

— Нет. Такие фамилии у нас носит церковная братия.

— Мне все время казалось, что он еврей, — сказал Полковник. — Я не доверяю евреям. Просто не имею права. Когда ведешь войну с семейкой Ротшильдов, нельзя доверять их соплеменникам. Потому что рано или поздно они все равно сговорятся у тебя за спиной. Значит, Майер не был евреем, ты уверен?

— Может, и был. — Гурский пожал плечами и подумал, что если б он убил американца, Хелмс сейчас не был бы так приветлив. А за еврея, пожалуй, еще и похвалит. — Скорее всего, был. Многие евреи принимают христианство и берут христианские фамилии. Так удобнее жить в России.

Полковник поднял бокал с бренди:

— Прощай, Майер. Кем бы ты ни был, свою часть работы ты выполнил. Ты погиб, но знамя борьбы, выпавшее из твоих рук, поднимут друзья.

Он встал и ушел, не прощаясь.

* * *

Неосторожная фраза насчет Ротшильдов, вырвавшаяся у полковника Хелмса, объяснялась накопившейся усталостью. Обычно он никогда не позволял себе никакой конкретики в разговорах даже со своими боевиками. «Враги», «друзья», «дело» — вот вокруг чего крутились все их беседы. Если возникала необходимость в переписке, Хелмс диктовал секретарю текст, который потом тщательно вычитывал. В случаях, когда нельзя было доверять и секретарю, писал сам, но печатными буквами. С агентами в разных концах страны он общался посредством кодированных телеграмм. Даже простое упоминание названия компании на переговорах воспринималось им так, будто кто-то позволил себе шутку на похоронах. И никогда, ни при каких обстоятельствах полковник Хелмс не позволил бы себе упомянуть всеу имя хозяина компании «Стандард Ойл».

Только наедине с самим собой, в глубине кабинета, у камина, он мог размышлять, называя вещи своими именами. Потому что отвлеченные категории хороши для тупиц, а

полковник привык оперировать точными понятиями. «Враг» нужен идиотам. Им нужна какая-то невидимая, но гадкая сила, из-за которой они живут так плохо. А полковник знал, что враги часто становятся союзниками. И наоборот. Значит, к черту все эти недолговечные ярлыки. Нет ни врагов, ни друзей. Есть только одна непреходящая категория в этом мире — интересы компании. Увеличение прибыли. Ослабление конкурентов. Захват рынков. Установление монополии. Вот простые и понятные цели, к которым стремилась компания, а с ней и полковник Хелмс.

Он никогда не служил в армии и не участвовал в войнах. Хотя мог бы. Он был родом из Южной Каролины, из семейства потомственных плантаторов. Когда вспыхнула война между Севером и Югом, ему было двадцать три года, и он только-только собрался жениться на дочери крупнейшего владельца сети ткацких фабрик. Свой хлопок, свои фабрики — клан Хелмсов-Стюартов мог бы задавить всех конкурентов не только на побережье, но и в соседних штатах. Однако невеста решила, что сейчас, когда все молодые люди отправляются громить врага, ее жених просто обязан сначала снискать воинскую славу, а уж потом идти с ней под венец. К сожалению, ее папаша был того же мнения, и вложил свои миллионы в создание собственного полка, состоящего сплошь из отпрысков каролинской аристократии. Что было делать? Жених патриотической невесты тоже записался в тот полк, однако, к сожалению, не смог вместе с ним отбыть на поля сражений, ибо его присутствие срочно потребовалось в Европе, куда Хелмсы поставляли свой хлопок.

В Штаты Хелмс вернулся только в конце семидесятых, глубоко убежденный в том, что Европа стоит на краю пропасти.

Это убеждение только окрепло к девяностым, но сейчас Хелмс мог бы не без гордости признать, что в столь шатком положении европейских конкурентов есть и его скромная заслуга.

Судьба свела его в Европе с людьми, которые называли себя революционерами. Хелмс не мог понять, почему они так ненавидят собственную страну. Он не видел никакой выгоды в том, чтобы разрушить дом, в котором худо-бедно, но живешь. А они горели желанием все разрушить, и уж на новом, очищенном месте выстроить что-нибудь эдакое.

Он не мог их понять, но мог использовать. Он научился говорить с ними на одном языке, и они не стеснялись брать у него деньги.

Когда Хелмс стал работать на Рокфеллера, он вложил в компанию не только свой довольно скромный капитал, но и свои связи — а они были гораздо ценнее денег.

Именно эти связи следовало бросить в бой сейчас, в разгар войны между Рокфеллером, Ротшильдами и Нобелями.

Совсем недавно казалось, что компания «Стандард Ойл» близка к полной победе над европейскими конкурентами. Рокфеллер контролировал 90 процентов экспорта американского керосина и доминировал на всех мировых рынках, кроме российского. Но в нефтяную войну вмешались британские дельцы. Они владели акциями Суэцкого канала, у них были танкеры, а у Ротшильдов — бакинская и грозненская нефть. В 92-м году танкер «Мюрекс» отправился в первый рейс из Батума в Сингапур. Русский керосин хлынул в Индию и на Дальний Восток, размывая бастионы рокфеллеровской монополии. Британцы не пропускали через Суэцкий канал американские танкеры, ссылаясь на их якобы устаревшую конструкцию и высокую пожароопасность. Но и этого мало! Британские власти позволили Нобелям экспортировать продукцию на берега туманного Альбиона. И буквально за пару лет доля русского керосина в Англии выросла в пятнадцать раз!

Компания не могла вести войну на два фронта. Сейчас шли тяжелые переговоры с Нобелями о разделе мировых рынков. А вот Ротшильды высокомерно отказались от заключения любых соглашений, и с ними придется говорить другим языком. Языком силы.

— Да, языком силы, — с удовольствием повторил Хелмс, усаживаясь за свой столик в ресторане.

Бывая в Эль-Пасо, он всегда останавливался в отеле «Камино Реал». Кроме прочих преимуществ, эта гостиница привлекала его еще и своим небольшим французским

рестораном, уютно спрятанным в дальнем крыле здания. Здесь всегда было спокойно и малоллюдно, в отличие от двух других ресторанов отеля.

Но сегодня был какой-то особенный вечер. Поглощенный раздумьями, полковник не сразу заметил, что он сидит в зале совершенно один. Нет, конечно, вокруг него порхали официанты, и на эстраде заунывно пикировал аккордеонист — но все столики были свободны.

Не успел Хелмс обдумать это странное обстоятельство, как в зале появилась примечательная фигура. То был старый индеец из племени команчей, один из тех вождей, что наловчились подыгрывать губернатору в его усилиях по созданию кажущейся гармонии рас в Техасе. «Если краснокожих стали пускать в такие заведения, пора обзаводиться новым губернатором», — подумал Хелмс.

К удивлению полковника, индеец уверенно направился к его столику. Он был одет в дорогой синий костюм в мелкую полоску, с антрацитовым жилеткой и пунцовой розой в петлице. Из-под шляпы белоснежного фетра спускались седые косы, переплетенные пестрым шнуром. Вместо галстука индеец предпочел прикрыть горло черным шелковым платком. В общем, он выглядел весьма импозантно. Как опереточный антрепренер.

— Чудесный вечер, мистер Хелмс, — произнес индеец, отодвинув кресло от соседнего столика и сядя на него так, чтобы оказаться лицом к полковнику.

— Не уверен, что мы знакомы, любезный, — вежливо улыбнулся Хелмс, бросая скомканную салфетку на пол.

«Ноги моей здесь больше не будет, — подумал он с досадой. Но тут же нашел иной выход. — Узнаю, кто устроил это шоу, и добьюсь, чтоб их всех уволили».

— Нам не нужно быть знакомыми, — невозмутимо сказал индеец. — Да, я знаю ваше имя. Но это лишь нелепая случайность. Мне незачем знать вас. Вам незачем знать меня. Я никто. И вы никто. Вы всего лишь адрес. Я всего лишь сообщение. Всего лишь знак.

— Да? Знак чего? — полюбопытствовал Хелмс, вставая и оглядываясь.

— Знак того, что вам пора встретиться с людьми, которые умеют устраивать огненные представления.

— Цирк — не моя сфера интересов. К тому же я боюсь составить конкуренцию вашему приятелю, Буффало Биллу.

Хелмс убедился, что официанты вымерли окончательно, причем вместе с буфетчиком и музыкантом. Теперь он остался один на один с краснокожим.

— Эти люди устраивают представления не в цирке. А на нефтехранилищах. По крайней мере, так они сами о себе рассказывают. Вам виднее, есть ли в этих словах хоть капля правды.

Хелмс снова опустился в кресло, почувствовав, как дрогнули колени. Глядя в сторону, он сказал небрежно:

— Вернемся к началу разговора. Прошу прощения, я не расслышал вашего имени.

— Мое имя — Письмо. Живое Письмо.

— И что же написано в этом письме?

— Есть люди, с которыми вы хотите встретиться. Они не против. Вы можете их увидеть и поговорить с ними. Если ваше намерение осталось твердым, отправляйтесь вместе со мной, — сказал индеец. — Прямо сейчас.

— Я так не могу, — возразил полковник. — Вот так, прервать ужин и отправляться на какую-то там встречу? Серьезные переговоры так не ведутся.

— Значит, ваше намерение было нетвердым, — сказал индеец и встал. — Вы получили письмо. Вы дали на него ответ.

Он приподнял шляпу и развернулся, чтобы уйти.

— Куда мы отправимся? — спросил полковник, и его бросило в жар. — Я готов. Мое намерение твердое.

— Внизу стоит мой экипаж, — важно сказал индеец. — Я вас отвезу. Можете не опасаться. Десятки свидетелей видят, как вы отправляетесь со мной. С вами ничего не случится. И после разговора вы сможете продолжить ужин.

«Ехать в одной коляске с краснокожим? Это уж слишком!».

— Я бы предпочел верховую прогулку, — сказал Хелмс.

— Кажется, ваше намерение все-таки не очень твердое.

— Твердое, — сказал Хелмс. — Если это так уж необходимо, поедem в вашем экипаже, мистер Кливленд.

* * *

Извозчики, дежурившие на стоянке возле «Камино Реал», сегодня вечером были удивительно покладисты. Вопреки традиции, они не торговались с седоками, и соглашались везти их в любой конец. Лишь бы уехать. Лишь бы не задерживаться. Уж больно неуютно им было здесь сегодня вечером. Сам капитан рейнджеров Джек Джонс стоял возле крайней пролетки, дымя сигарой и мирно беседуя с кучером. Конечно, Джонса могли привести к отелю и обычные заботы, свойственные молодому неженатому мужчине. Но тогда что делали тут его рейнджеры? Эта публика была слишком хорошо известна местным извозчикам, слишком часто их приходилось развозить после гулянок в ресторане. Но сегодня все эти молодчики были трезвы как стеклышко, одеты по-городскому, и не шатались по площади всей оравой, а старались держаться поодиночке, смирнехонько прохаживаясь вдоль панели. Не к добру такой сбор, решили извозчики, только и мечтая поскорее убраться отсюда. Мирный вечер, начавшийся с появления даже трезвых и безоружных рейнджеров, легко мог перерасти в кровавое побоище.

Если б извозчики слышали, о чем говорил Джонс, они бы, возможно, и седоков не стали бы дожидаться.

— Почему бы мне ей не верить? — говорил он. — Девчонка нас никогда не обманывала. Ей незачем выдумывать. Что видела, то и говорит. Медвежонка завалил Зак, я уверен.

— Ты же знаешь Медвежонка, — отвечал ему Орлов, сидя на козлах и перебирая вожжи. — Дал бы он себя завалить первым же выстрелом?

— Я долго думал об этом. И всё понял, когда поставил себя на его место. Представь. Вот перед тобой Майер. Он рвется в номер, где идут переговоры. Ты наставляешь на него ствол. И вдруг какой-то пьяный, который в другом конце коридора тискает девку, вдруг он стреляет в Майера! Что ты будешь делать? Стрелять в ответ? Если бы пуля просто ударила в стенку рядом с тобой, тогда все ясно. Но стреляли-то не в тебя! Да, знаю. Ты бы все равно выстрелил в ответ. И я бы выстрелил. Но не сразу. Наверно, этой секунды ему и не хватило, чтобы ответить. Да еще тот прикрыт бабой... — Джек Джонс бросил огрызок сигары в лужу. — И тут Зак стреляет снова. Не знаю, зачем ему было надо убивать Майера. Но Медвежонка завалил он, и никто другой. Ему и отвечать.

— Ты говорил об этом с маршалом?

Джонс посмотрел на Орлова так, будто тот его смертельно оскорбил. И ничего не ответил.

— Я слышал, что этот Зак — иностранец, — сказал Орлов. — Еще говорят, что полковник Хелмс использует его для связи с зарубежными партнерами. Если это правда, и если Зак — человек Хелмса...

— Все равно, — перебил его Джонс. — Мне теперь все равно. Апач исчез без следа, и тут же убивают Медвежонка. Они наверняка работали на пару, тайком от всех... И еще эти чертовы мулы, которых они нашли в каньоне... Я не понимаю, что творится. И мне это надоело. Я простой техасский парень. Если убивают моих друзей, я не стану ждать, пока маршал предаст суду преступника. Я пока еще и сам на что-то способен.

— Могу я тебя попросить об одном одолжении? — спросил Орлов. — Только об одном.

— Просить-то ты можешь... Ну?

— Если сейчас вместе с Хелмсом выйдет Зак...

— Его нет в отеле, я проверял, — остановил его Джонс. — Так что можешь смело просить, чтоб я не стрелял в него сразу. Да? Ты этого хотел? Да мог бы и не просить. Я не стану ломать твою игру. Не знаю, что за игру ты ведешь. Но ломать не стану. А теперь могу я задать тебе один вопрос?

— Если ты о той женщине, с которой я приехал, то — да, это она, — сказал Орлов.

— Газетные снимки — полное дерьмо, — сказал Джонс. — Ни за что бы не опознал ее по ним. Значит, и всё, что о ней писали, такое же дерьмо, как и снимки. Так?

— Джек, поговорим о ней потом, не сейчас.

— Пол, ты не понял. Мне надоело терять друзей. Не то чтоб я сильно за тебя опасался. Тебя так просто не возьмешь. Но... Ну пойми ты! Мне надо знать, что за человек рядом с тобой.

— Хороший человек. Надежный. Она не крадет, не убивает, не завидует, не прелюбодействует, почитает родителей и не поклоняется кумирам.

— Святая?

— Нет. Святые не убивают кабанов. А она это делает, когда больше не из чего приготовить ужин.

Джонс улыбнулся, впервые за вечер, и подал Орлову руку:

— Я пошел. Удачи тебе.

27. Сделка

Вера почувствовала, как вспыхнули щеки от слов Орлова. Наверно, даже в полумраке закрытой пролетки было бы видно, как она покраснела. В ее кругу комплименты считались одним из позорных атрибутов мужского угнетения. Произнося свою тираду, Павел, несомненно, учитывал, что Вера ее услышит. Но можно ли считать комплиментом простую констатацию того факта, что женщина способна охотиться? Поразмыслив, Вера пришла к выводу, что сказанное Орловым надо расценивать не как банальный комплимент, а как чисто мужское хвастовство. Один самец хвастается перед другим своим новым приобретением — самкой, способной без его помощи управиться с кабаном.

Наверно, ход мысли слишком явно отразился на ее лице, потому что когда Орлов заглянул в пролетку, его брови удивленно поднялись:

— Ты чего такая сердитая?

— Совершенно не обязательно было извещать его о моем присутствии, — сказала она сухо. — Не забывай, я объявлена в розыск как государственная преступница. И Джонс теперь обязан меня задержать. А ты сам говорил, что он очень ревностно относится к своим обязанностям.

— Государственная преступница уже похоронена, разве ты забыла? — Павел улыбнулся. — Джек — мой друг. Если б у него появилась женщина, хоть немного похожая на тебя, я бы за него порадовался. Вот и он сейчас рад за меня.

— Оставьте ваши комплименты, граф! — Она снова покраснела. — Паша, извини, но ты меня отвлекаешь. Мне надо подготовиться к тяжелому разговору. А ты действуешь на меня не лучшим образом. Не мешай, умоляю.

Он, погасив улыбку, отвернулся и снова уселся на козлах, понуро опустив голову в кучерском цилиндре. Вся его фигура выражала терпеливое ожидание.

«Скоро ли? Почему не идет Хелмс? — думала Вера. — Что, если его не удастся склонить к переговорам? Значит, снова война? Что ж, значит, будем воевать, пока не кончатся заряды. И пока нас не остановят...»

Сердце ее тоскливо сжалось. Она с ужасом вспомнила пламя, полыхавшее над разрушенным зданием, и волны черного дыма, в которых то появлялись, то пропадали человеческие фигурки. Люди боролись с пожаром, а Вера смотрела на них с высокого холма — и хотела быть вместе с ними. Там, внизу, были те, ради кого и делаются революции — люди труда, люди, продающие свою жизнь богачам. Ну, и какая им польза от усилий Веры,

от бесстрашия Павла, от меткости и сноровки Кливленда? Одно только горе, вот что принес им тот взрыв. Бедняки не стали ни свободнее, ни богаче.

А богачи не стали беднее.

«Но, может быть, станут послушнее», — подумала Вера, решительно отбрасывая сентиментальные мысли.

Снова и снова она пыталась оценить свои позиции перед грядущим боем с Хелмсом — боем бескровным, словесным, но от этого не менее тяжелым.

На что она могла опереться? Только на свои предположения о характере противника. Люди такого склада отличаются холодным аналитическим умом. Они опираются не на эмоции, а на здравый смысл и практичность. Хелмс и его хозяева должны достаточно быстро просчитать все потери, которые они понесут от противостояния.

Конечно, они могут больше полагаться на свою силу. Горстка безумцев, каковой им представляется анархическое движение, не может долго сопротивляться давлению мощной репрессивной машины. И если Хелмс собирается продолжать войну, не считаясь с потерями, то говорить с ним бессмысленно.

Но у Веры был свой козырь в этой игре. Конкуренция — вот на чем она собиралась сыграть. Деловые люди уважают силу. Тот, кто победил в конкурентной борьбе, заслуживает уважения. Лучше сотрудничать с победителем, чем с побежденным, даже если побежденный приходится тебе родным братом.

А Майер и Зак вовсе не были братьями Хелмса. Кто они ему? Лишь партнеры. А партнеров иногда приходится менять...

— Они идут, — донесся до нее приглушенный голос Павла.

Вера поправила шаль так, чтоб она, ниспадая на лоб, почти полностью закрывала глаза.

Полковник Хелмс забрался в пролетку и сел на диван напротив Веры. Дверца мягко захлопнулась, Павел задернул полог, и экипаж тронулся.

Несколько минут они сидели молча друг против друга, слушая цокот копыт по брусчатке и голоса толпы, текущей по обеим сторонам улицы.

Наконец, Хелмс спросил отрывисто:

— Кто вы?

— Ваши газеты называют нас непримиримыми террористами, — ответила Вера.

— Я знаю, как делаются газеты. Поэтому и спрашиваю. Кто вы на самом деле?

— Мы анархисты. Это значит, что мы враги государства. Любого государства. И любого правительства. Это значит, что мы открыто выражаем те чувства, которые испытывает каждый нормальный гражданин любой страны. Правительство является врагом любого фермера, любого бизнесмена, любого художника и любого мыслителя. Оно навязывает всем нам свою волю, оно всех нас грабит, оно насилует нашу душу и нашу мысль, и оно всех нас убивает. По приказу правительства люди убивают друг друга на войне, или посылают на смерть своих сыновей. Правительство — убийца, грабитель и насильник. Но сопротивляться ему решаются только анархисты. Точнее, только непримиримые анархисты. В нашем движении сейчас стало слишком много различных школ, кружков, сект. Мы называем себя непримиримыми, чтобы отличаться от всех остальных.

— Я видел разных анархистов, — сказал Хелмс. — Все они были из высшего слоя. Образованные. Даже слишком образованные. Да, среди них были мыслители и художники. Но ни одного бизнесмена или фермера. Ни одного инженера. Они могут произносить зажигательные речи, но сами не способны даже вставить запал в динамитный патрон. Один из них мог часами рассказывать мне о том, как замечательно будет устроено общество будущего, в царстве анархии. Он уехал в Россию, чтобы приблизить наступление этого царства. Но ему не удалось разрушить государство. Все, что он разрушил — это лишь гостиничный номер. Ну, и собственное тело, разумеется. Говорят, от него не осталось ничего. Только фальшивый паспорт.

— К чему этот печальный рассказ?

— К тому, что все анархисты, которых я видел, были мечтателями и пустозвонами. Да,

они произносят вслух то, о чем думает каждый обыватель. Невелика заслуга — изрекать банальности. Но вы, «непримиримые», как мне кажется, сделаны из другого теста. Кто готовил подрыв нефтехранилища?

— Надеюсь, вы не рассчитываете услышать его имя и адрес?

— Меня интересует его профессия.

— Он военный.

— Среди вас много таких?

— Все, — спокойно сказала Вера.

И это была чистая правда. Ибо она с полным правом отнесла и себя к тому же сословию, к какому принадлежал Павел. А других соратников у нее не было.

Хелмс долго молчал, вертя в пальцах сигару, но не зажигая ее.

— В прошлый раз я говорил с Полом Орловым. Нам не дали закончить разговор. К сожалению. Если бы он сразу сказал, кого представляет...

— Он и сказал. Но вы не расслышали. Не захотели расслышать.

— Итак, вам нужен динамит.

— Не только. Нам нужно оружие. Нам нужны деньги. И нам нужен постоянный источник того и другого, — сказала Вера. — Потому что борьба будет долгой и тяжелой.

Она вздохнула, собираясь с мыслями. До сих пор ей было легко, потому что она говорила то, что привыкла говорить. Сейчас же предстояло лгать. Вера ненавидела ложь во всех ее проявлениях. Но в борьбе приходится использовать любое оружие.

— Безусловно, вам известно, что я прибыла сюда по заданию Бюро. Вам также известны мои задачи.

— Да, я всё знаю.

— Боюсь, не всё. Люди, которые прибыли вместе со мной, называют себя уполномоченными представителями Бюро. Однако по крайней мере один из них заслуживает того, чтобы предстать перед нашим трибуналом. По подозрению в измене. Мне удалось случайно обнаружить черновики зашифрованного письма. Знаете ли, многие наши товарищи действительно принадлежат к тому классу, о котором вы говорили. К разряду ораторов, трибунов, неспособных ничего сделать своими руками. К шифровальному делу они относятся с убийственной небрежностью. Мне удалось по черновикам восстановить текст письма. Речь шла о том, что груз, ради которого мы прибыли в Техас, будет направлен по согласованному маршруту. Порт Ричмонда в этом письме был назван точкой перехвата.

— Перехвата? — Хелмс прищурился.

— Не говоря уже о том, что одно только разглашение подобных сведений равносильно прямой измене, в письме было и кое-то еще, — продолжала Вера. — Называлась сумма, в которую этот человек оценивал весь груз. Исходя из этой суммы, он устанавливал размер своих комиссионных.

— Кто написал шифровку? — спросил Хелмс. — Куда она была отправлена?

Вера покачала головой.

— Я не могла установить с достаточной уверенностью. Но мне этого и не требовалось. Один из них — враг. Второй явно с ним заодно. Что мне оставалось делать?

— Уничтожить обоих, — жестко сказал Хелмс.

— Чисто мужское решение. — Вера поправила шаль, сползающую по волосам. — У меня не дрогнула бы рука, если б я решила их убить. Но что бы изменилось от этого? Враги давно свили гнездо в Лиге. Именно поэтому мы и решили действовать независимо от Бюро. Отныне его решения не имеют над нами никакой власти. И мы будем действовать так, как того требует революция, а не интересы частных лиц. Поэтому я и решила исчезнуть. Связалась с товарищами. И вот, после некоторых осложнений, я готова продолжить свою миссию. Но уже не от лица Бюро. А от лица «непримиримых».

Полковник Хелмс, так и не закулив, спрятал сигару в нагрудный карман сюртука.

— Я мог бы вам подсказать, кто был тот человек. Его звали Майер. Мой агент разоблачил его. И уничтожил. Как видите, мы с вами движемся в одном направлении.

— Майер? Уничтожен? — Вера едва не вскрикнула, но, сдержавшись, лишь хладнокровно кивнула. — Надеюсь, ваш агент не ошибся. Но вернемся к предмету разговора. Итак, нам нужен вагон. Полный вагон. И больше того, он нужен нам не здесь, а в России. Поэтому вы передадите нам не только груз, но и маршрут. То есть укажете нужных людей на всем его протяжении. И подробно опишете, как с ними связаться, как с ними говорить, кому сколько платить, и тому подобные детали. Подробности мы обсудим позже. Надеюсь, у вас найдется время для этого. Как нашлось сегодня. Вы готовы дать ответ прямо сейчас?

— Мое присутствие здесь — это и есть ответ, — важно заявил Хелмс. — Знаете, я никогда не испытываю чувства сожаления. Может быть, и стоило бы пожалеть о том, что наш предыдущий разговор был прерван самым бесцеремонным образом. Может быть, следует еще больше жалеть об убытках, нанесенных компании вашей акцией на нефтепроводе. Может быть. Но я ни о чем не жалею. Главное, что мы понимаем друг друга. Итак, как вы намерены использовать полученный груз?

— Как всегда.

— То есть, для так называемого безмотивного террора, — уточнил Хелмс. — И мишени будут подбираться по законам случайности, так? Я глубоко уважаю ваши взгляды. Возможно, в душе я даже больше анархист, чем вы, потому что мои претензии к правительству выражаются цифрами с большим количеством нулей. Но позвольте внести небольшую поправку в план нашей совместной деятельности. Да, вы вольны выбирать себе любую мишень. Но мне бы хотелось определить регион, где будет использован наш груз. А также характер этих мишеней.

— Пожалуйста, — сказала Вера. — Нам все равно. Посетители дорогого ресторана точно такие же пособники правительства, как полицейские, солдаты или работники нефтепромыслов.

— Прекрасно! — Хелмс не удержался от довольной улыбки. — В таком случае можете рассчитывать на то, что ваш источник оружия и денег будет поистине неисчерпаемым.

— Куда нам следует направить удар? — деловито спросила Вера, преодолевая отвращение.

— Кавказ. В частности, Батум. Нефтеналивной порт. Строительство трубопровода между Баку и Батумом. Любой объект с эмблемой БНИТО, «Каспийско-Черноморской нефтяной компании». Если вам удастся привлечь к участию в подобных акциях местные воинственные племена, наша помощь возрастет в десятки раз. Насколько мне известно, среди горцев идеи анархизма пользуются особой популярностью.

— Да, так и есть.

— Я знал, что мы сможем договориться, — сказал Хелмс, откидываясь на спинку дивана.

— Завтра за вами зайдет наш человек. Будьте готовы к поездке, — предупредила Вера. — Мы не можем больше терять ни дня.

Она хлопнула в ладоши, и экипаж остановился.

— Выходите, полковник. Вас отвезут обратно.

Хелмс выглянул из пролетки.

— Ага, нас сопровождали? Да, вы сделаны из другого теста. Никогда не думал, что у анархистов может быть такая четкая организация дела.

* * *

Наверно, никогда еще мексиканскую границу не нарушал столь внушительный караван с контрабандой. Три десятка тяжело нагруженных мулов в сопровождении двух дюжин всадников пересекли Рио-Гранде на рассвете.

Орлов ехал в головном дозоре вместе с подручными Хелмса, Гарри и Майком. Когда они выбрались из прибрежных камышей, их встретил местный проводник. Он был в мундире

жандарма, но вместо форменной шляпы песочного цвета на его голове красовалось роскошное черное сомбреро, богато расшитое серебром.

— А где Мэтью? — спросил он вместо приветствия.

— Его сегодня не будет, — ответил Гарри.

Мексиканец яростно выругался, ударив кулаком по седлу.

— Вот подонок! В прошлый раз он играл в долг! Я платил за него! Сорок песо! Он обещал отдать со следующим конвоем, я столько ждал, и что же я получил? Опять обманул, проклятый гринго!

Он поднял коня на дыбы, разворачиваясь.

— Что встали? — крикнул мексиканец, оглянувшись. — Двигайте за мной. Пошевеливайтесь, если хотите до ночи попасть на станцию.

Мулы один за другим выбирались из камышей и скапливались на песчаной отмели. Охранники перестраивали их парами, чтобы колонна была не такой длинной. Вместе с ковбоями Мэнсфилда по отмели носились индейцы, которые пришли вместе с Кливлендом. Сам старый вождь в стороне сидел на своем мустанге, равнодушно глядя на суету погонщиков. Орлов подъехал к нему.

— Мы дальше не пойдем, — почти не шевеля губами, негромко произнес Кливленд. — Нам нельзя показываться здесь.

— Я знаю, — сказал Орлов, глядя в сторону. — Ты и так много сделал для меня.

— Не так много. Ты справишься без нас. Только не торопись. Пусть все идет так, как идет. Ты вошел в реку. Не суетись. Она вынесет тебя на берег там, где нужно.

Орлов набил трубку и принялся ее раскуривать.

— Сколько отсюда до станции?

— Летом вы бы пришли засветло. Сейчас — не знаю. Не загадывай. Ты придешь на станцию тогда, когда придешь, и ни минутой раньше. Счастливой охоты, брат.

Кливленд направил коня обратно к реке. Он не произнес ни слова, не подал никакого знака, но все его всадники мгновенно оставили мулов, развернулись и поскакали за вождем. Стена камышей сомкнулась за ними, и индейцы исчезли.

Орлов остался один, дымя трубкой и следя за тем, как вытягивается колонна мулов, степенно бредущих вслед за проводником.

Гарри и Майк подъехали к нему.

— Нам бы лучше не задерживаться тут, — сказал Гарри. — С того берега всё видно. К чему лишние разговоры.

— А куда рванули краснокожие? — спросил Майк. — Что тебе сказал старик?

— Сказал, что к вечеру будем на станции.

— Они боятся мексиканцев, — сказал Гарри. — Тут с ними не церемонятся. Говорят, здесь апачей было больше, чем во всем Техасе. Сейчас — ни одного. Вырезали под корень.

— Но эти-то, вроде, не апачи, — неуверенно сказал Майк, из-под руки глядя на реку, где косая цепочка всадников уже выбиралась на другой берег. — Это команчи, точно. Я слышал, босс называл их команчами.

— Для мексов нет разницы, — авторитетно заявил Гарри. — У них так поставлено: если ты индеец, то сиди в деревне и ковырайся в земле. А увидят тебя на коне, да еще с оружием — все, ты бандит, прощайся со скальпом, да еще семью вывезут на хлопковые плантации, это у них вместо каторги. Вот так-то. А мы с ними чикаемся.

Теперь они ехали позади каравана. Гарри развлекал попутчиков воспоминаниями о службе в мексиканской сельской полиции. Туда время от времени устраивались ребята из команды Мэнсфилда, когда их пребывание в Техасе становилось нежелательным. Майк молчал, и Орлову иногда казалось, что тот просто заснул в седле. Но из-под низко надвинутой шляпы порой поблескивали прищуренные глаза. И Орлову не нравилось, что эти глаза наблюдают за ним, незаметно и непрерывно.

Что ж, они для того и отправились в Мексику, чтобы наблюдать друг за другом, а не любоваться местными красотами.

Орлов не раз бывал здесь, на чужом берегу, гоняясь за скотокрадами. Его всегда поражало, как сильно меняется местность, если двигаться на юг от Рио-Гранде. Холмы становятся все положе и, наконец, их сменяет плоская, как дно сковороды, равнина. Песок здесь жгуче оранжевый, и рыжая пыль лениво вскидывается из-под копыт. Чахлые кусты рассыпаны по пустыне, как редкая щетина на щеках спящего великана. Из всей живности тут можно заметить разве что змею, свернувшуюся кольцом, да пару стервятников высоко в небе. Конечно, пески только кажутся безжизненными. Ночью пустыня оживет, и сотни невидимых существ наполнят ночную тишину своими песнями любви и предсмертными вздохами. Но сейчас обитатели равнины надежно укрылись от чужих взглядов. И только змеям и стервятникам незачем прятаться. Они чувствуют себя хозяевами.

И так же, по-хозяйски, пересекал пустыню караван с динамитом.

* * *

Сначала ему показалось, что он видит дым от множества костров, словно там, на горизонте, разбила бивак пехотная рота. Потом подумал, что в пустыне что-то горит. Больше всего эта дымная полоса была похожа на след паровоза, но Орлов точно знал, что здесь поезда не ходят, а до станции Вилья еще далеко.

— Не много осталось, — крикнул, обернувшись к ним, проводник-мексиканец.

— Стройка идет быстро, — сказал Гарри. — Скоро рельсы дойдут до реки, и тогда для конвоев придется искать новый коридор.

— Это уже не наша забота, — процедил Майк сквозь зубы.

— Да, пусть теперь другие пыль глотают. Мы с тобой теперь — важные птицы. Будем брать извозчика, даже чтоб доехать до соседней пивнушки. — Гарри рассмеялся. — Черт, как же давно я не жил в больших городах. Скажи, Майк, а Лондон — большой? Больше, чем, скажем, Сан-Антонио?

— Откуда мне знать.

— А ты, Пол, как думаешь? — Гарри повернулся к Орлову. — Босс говорил, что ты жил в Европе. Ну и как насчет Лондона?

— Не был я там, — сказал Орлов, озадаченно наблюдая за тем, как из пыльной мглы на них надвигается поезд.

Да, то был настоящий поезд, правда, всего из двух вагонов: зеленого пассажирского и красного багажного. Их толкал задним ходом допотопный паровоз с высоченной трубой.

Орлов привык замечать железную дорогу по телеграфным столбам. Но здесь не было столбов. Казалось, что нет и рельсов, и вагоны катятся по голой земле.

Но нет, рельсы были. Они заканчивались, упираясь в небольшую горку земли. Если бы паровоз не остановился вовремя, он бы снес эту слабую преграду. Но паровоз остановился, и из вагонов выпрыгнули люди, размахивая шляпами.

— Быстрее, быстрее! — кричали они.

Погонщики засвистели, поторапливая мулов.

— Глазам не верю, — насмешливо протянул Гарри. — Я думал, мы будем их тут ждать до второго пришествия. А они явились даже раньше нас! Не похоже на мексов!

— Зато похоже на босса, — сказал Майк.

Орлов различил среди тех, кто прибыл с поездом, фигуру полковника Хелмса. Он стоял в тени вагона, поглядывая на часы.

А в открытом окне показалась Вера, махнув ему рукой.

Что ж они и должны были встретиться. Но не здесь.

Загремела, откатываясь, дверь стального красного вагона. Все дружно бросились разгружать мулов. Ящики по цепочке поплыли к вагону, исчезая в черном проеме.

Гарри и Майк сняли шляпы, подойдя к Хелмсу. Орлов остался в седле, с независимым видом раскуривая трубку.

— Пока всё идет гладко, — сказал полковник. — Мистер Орлов, можете

расположиться в вагоне.

— Я считаю груз, — отозвался Орлов. — Привычка, знаете ли. Люблю, когда все цифры сходятся.

— Как вы нас опередили, босс? — с почтительным удивлением спросил Гарри.

— На дилижансе. Выехали вечером. Ночью были на месте. Парни, ваши места в середине вагона, располагайтесь.

— Эх, жалко, коня взять нельзя, — сказал Гарри, потрепав гриву своего жеребца. — Прощай, Скорпион.

— Вернемся, купишь себе нового. Идите в вагон, — добавил полковник уже чуть более строго.

Они забрались в первый вагон, пассажирский, с занавесками, белеющими сквозь запыленные стекла.

Орлов шевелил губами, словно и в самом деле считал уплывающие в вагон ящики. Ему требовалось время, чтобы очухаться после крепкого удара. У него на глазах рухнуло всё, что они с Джеком Джонсом так тщательно готовили.

По их плану, рейнджеры должны были незаметно прибыть на станцию Вилья под утро и занять позиции между пакгаузами. Как только Орлову станет известно, где находится вагон, он должен был подать сигнал. И рейнджеры, вместе с командой мексиканских гвардейцев, захватили бы и груз, и сопровождающих. Гвардейцами командует старый приятель Джека. Ему можно доверять. Точнее, только ему и можно доверять.

Им казалось, что они учли всё. Но кто же знал, что от станции в сторону реки ведет еще одна ветка, недостроенная, но вполне пригодная для движения небольшого состава? И кто мог предположить, что Хелмс сам явится в Мексику, чтобы отогнать свой вагон в пустыню, где его спокойно набьют динамитом под самую крышу?

Он оставался в седле, пока дверь не была задраена. Хелмс так же спокойно ждал в тени вагона, продолжая поглядывать на часы.

— Разгрузка займет часа два, не меньше, — сказал он, захлопнув крышку часов и пряча их в жилет. — Ну как, мистер Орлов? Сошлись цифры?

— Не хватает двух ящиков.

— Возможно, тех самых, которые были использованы?

— Ах да, я и забыл! — Орлов со смехом стукнул себя по лбу.

Он слез с лошади и подвел ее к одному из грузчиков, молодому мексиканцу в мокрой от пота рубашке.

— Береги кобылу. Она из хорошего табуна. Из табуна команчей.

— Спасибо, сеньор, — растерянно пробормотал мексиканец, глянув на полковника.

Хелмс кивнул, и грузчик схватился за повод.

— Спасибо, сеньор. Храни вас Бог!

Орлов еще раз огляделся, словно боялся что-нибудь забыть тут или потерять. Но ему нечего было забывать. И терять — нечего.

28. Куда ведут рельсы

Переборки в вагоне были такими тонкими, что Орлов слышал, как в соседнем отделении Гарри и Майк шлепают картами по столу. Дверей не было, вместо них секции отделялись от прохода брезентовой занавеской. «Особо не посекретничайешь, — подумал Орлов. — Остается надеяться, что никто из них не понимает по-русски».

Словно угадав его мысли, Вера сказала на французском:

— Среди них есть наши соотечественники. Один из тех, с кем я приехала.

«Зак?» — Орлов чуть не выругался от досады. Зак, убивший Медвежонка, смог ускользнуть от рейнджеров!

— Почему ты не переодеваешься? — спросила она.

В углу раскачивался на плечиках светлый костюм. На лавке под ним Орлов увидел

остроносые башмаки, серую шляпу и несколько сложенных сорочек.

— Надену чистое перед выходом. Ты сама подбирала?

— Нет. Написала список, отдала полковнику. Принесли. Переодевайся, хочу посмотреть, как на тебе это будет сидеть.

— Еще успею.

Он посмотрел в окно. Давно уже осталась позади станция Вилья, со всеми рейнджерами и гвардейцами. Рыжая пыль густым слоем оседала на стекле. Орлов задернул занавеску.

— Куда мы едем, тебе известно?

— В Торреон, — сказала Вера и раскрыла сумочку. — Вот наши паспорта, полюбуйся. Мы с тобой опять муж и жена. Мистер и миссис Брукс.

— До Торреона примерно ночь пути. А оттуда куда?

— Это не важно, — сказала Вера, продолжая копошиться в сумке. — Нам выдали наличность. Новенькие купюры. Интересно, настоящие?

Она достала книжечку, оказавшуюся Библией. Извлекла из-за переплета тонкий свинцовый карандаш и написала на чистом обороте обложки: «Отцепить и взорвать».

— Другого выхода я не вижу, — сказала она, когда Орлов кивнул.

— Я тоже.

— Так ты будешь переодеваться?

— Я бы сделал это гораздо быстрее, — он провел пальцем по ее записке, — если б тебя тут не было.

— Но я здесь. И вам, граф, придется к этому привыкнуть.

«Отцепить и взорвать? Всего-то? Осталось только придумать, как поступить с теми, кто попытается нам помешать», — подумал Орлов. Он вдруг увидел, что Вера улыбается.

— Я вспомнила, как мы встретились, — сказала она. — В том поезде. И вот, снова поезд. И снова все кончится точно так же, как в прошлый раз.

— Ничего не кончится, — сказал Орлов. — У нас с тобой все только начинается.

— А я знала, что всё будет так.

— Как?

— Что мы будем вместе. Знала с первой же минуты. Еще в суде. Только увидела тебя — и сразу все поняла.

— Ты же меня ненавидела. Шипела на меня, как кобра.

— Я и сейчас тебя иногда ненавижу, — с улыбкой сказала она. — И шипеть на тебя буду всю жизнь. Как кобра. Опять комплименты, граф. Кобры так красивы.

Орлов растер щеки, словно на морозе. У него начинала неметь кожа лица. Обычное состояние перед боем. Он не мог избавиться от желания просто перестрелять всех, кто с ними едет. Чтоб не мешали спокойно взорвать груз.

«Если останемся живы, надо будет поездить вместе по свету, — подумал он. — Просто чтобы спать в одной каюте, прогуливаться вместе по палубе. Или ехать по Франции и вместе прильнуть к окну, разглядывая виноградники. Или на рыбацком паруснике скользить между греческими островками. Вместе, мы еще целую жизнь проведем вместе. По крайней мере, остаток жизни».

Вагон раскачивало всё сильнее, поезд набирал ход. Орлов отцепил кобуру от пояса и переложил револьвер в карман куртки.

— Много народу в вагоне? — спросил он.

— Не знаю, не считала, — сказала Вера, показывая пальцами: в соседних отделениях двое и трое. — Полковник звал меня к себе, у него отдельная комнатка, с дверью. С мягкими диванами.

— Довольно неприличное предложение.

— Он там не один.

«С Заком», — понял Орлов.

С трубкой в руке он прошелся по вагону. Заглянул к охранникам, попросил спичек.

Вышел на тормозную площадку. Там стоял один из ковбоев Мэнсфилда. Он неприязненно покосился на трубку и, кивнув в сторону багажного вагона, сказал:

— Не курил бы ты здесь. Сам знаешь, не гвозди везем.

— Знаю, что не гвозди.

Орлов облокотился о перила и посмотрел вниз, где под сцепкой бежало полотно, сливаясь в бурую ленту.

— Знаю, что не гвозди, — повторил он. — Только ты не бойся. От одной искры ничего не будет. Даже если вагон загорится, ничего не будет. Динамит может долго гореть, не взрываясь.

— Ну, вагон-то железный, он не загорится. А все равно, — сердито сказал ковбой. — Приказано смотреть, чтоб тут не курили.

— Я и не курю.

Он вернулся в вагон. Веры в купе не было. Ее голос раздавался рядом. Она играла в покер с Гарри и Майком.

«Чего ждать? — подумал капитан Орлов. — Дело-то нехитрое». Холодная ярость заливала его сознание, не оставляя места для долгих раздумий. Ему не терпелось поскорее покончить со всей этой историей. Он был готов просто стрелять по вагону с динамитом, надеясь, что хоть одна пуля сможет вызвать взрыв.

Но голос Веры, снова раздавшись за переборкой, остановил его. Орлов одернул себя: «Стой! Куда понесся? Расцепить вагоны? А дальше? Как ты попадешь внутрь? Как подготовишь подрыв? И потом — а как же Вера? Легкой смерти ищите, граф? Превосходно! А с ней-то что будет? На кого вы ее оставите? Ковбоям на потеху?»

Противники были им все сосчитаны. Двое, трое, еще один на площадке, и полковник с Заком. А в револьвере — шесть патронов. На всех не хватит.

Отогнув занавеску, к нему заглянул Хелмс.

— Вы позволите?

— Странно. Я только что подумал о вас, — сказал Орлов.

— А я подумал о вас. — Хелмс уселся на лавку. — Хотелось бы уточнить. Знаком ли вам регион Кавказских гор? Россия, насколько мне известно, ведет там войну уже много лет. И я подумал, что, если вы — военный, то ваша оценка может быть весьма полезной.

— Моя оценка?

— Насколько перспективной может быть борьба диких племен в условиях Кавказа?

— О какой именно перспективе вы говорите? Смогут ли горцы создать свое государство? Нет, не смогут, — сказал Орлов.

— Черт! Совсем забыл. Вы же анархисты, — улыбнулся Хелмс. — Вы не станете помогать в таком деле, как создание государства. Впрочем, меня интересует иная перспектива. Как долго может существовать там вооруженная банда, вроде мексиканских? Ну, год, два? Или лет десять, двадцать?

Орлов не имел никакого желания сейчас беседовать о политике. И его ответ, возможно, прозвучал грубовато.

— Насколько я знаю, на Кавказе нет банд как таковых. Вообще нет. Население вооружено поголовно. Отчаянные головы могут сбиться в шайку и отправиться куда-нибудь за чужими баранами. Встречаются еще одинокие разбойники. Но крупные банды там не выживут. Им просто не прокормиться. Кавказ — не Мексика. Там холодно. И голодно.

— Ну, а если им подбрасывать консервы? Если у них будут базы, где можно будет скрываться?

Орлов пожал плечами:

— Пустая затея.

— Отчего же? Мексиканцы успешно воюют уже лет двадцать, и правительство никак не может их окончательно разгромить.

— Но Кавказ не имеет общей границы с Техасом или Аризоной, — сказал Орлов. — А турки сами нищие и голодные, они не смогут посылать конвои с консервами и патронами

вашим бандитам. Даже если вы будете туда слать пароход за пароходом. Турки сами все разворуют. А остальное продадут на Балканах или арабам. Мой вам совет, не связывайтесь вы с Кавказом.

— Спасибо, — сказал Хелмс. — Я привык доверять мнению экспертов. Обязательно учту ваш совет.

Он встал, полы сюртука приоткрылись, и Орлов увидел у него на поясе кобуру.

— Не желаете коньяку? — Полковник улыбнулся: — Я обычно не пью в дороге. Но на этот раз путешествие будет таким долгим, что без выпивки не обойтись.

— Я подожду, пока мы не погрузимся на пароход, — сказал Орлов.

— Только не стройте шикарных планов, — предупредил Хелмс. — Не надейтесь на белоснежные скатерти и серебряные приборы. Пароход вас разочарует, если вы привыкли к лайнерам Бременской линии. Старая посуда. Будем тащиться долго и осторожно.

— Лишь бы доплыть, — сказал Орлов.

— Так выпьете с нами?

— Нет, спасибо. Я, пожалуй, подремлю. — Орлов даже зевнул и потянулся.

За стеной раздался смех Веры и досадливый возглас Гарри. Полковник с неожиданной игривостью подмигнул Орлову:

— Вы удачливы в выборе спутников. А мне придется убивать время в обществе грубых мужланов. Нет, мистер Орлов, вы зря отказываетесь. У меня приличный коньяк, из Франции.

— Контрабанда?

Хелмс недовольно скривил губы.

— Какая разница! Ну, как хотите.

«Что это с ним? Явно обиделся, что я отказался с ним выпить», — удивленно подумал Орлов.

Было слышно, как за переборкой позвякивает бутылка, касаясь горлышком стаканов. Сквозняком принесло запах бурбона. «Хорошо, что они пьют, — подумал Орлов. — С пьяными как-то спокойнее будет. Но что же делать, как поделить шесть патронов на восьмерых? На перезарядку они мне не дадут ни секунды».

Вошла Вера. От нее сильно пахло спиртным. Она улыбалась, поправляя растрепавшиеся волосы.

— Поздравь меня, я выиграла. Они думали, что в покере главное расчет. Какая наивность!

Сев рядом с ним, она прильнула губами к его уху и прошептала:

— Полковник звал тебя выпить? Отлично. Идем. От него выйдем на площадку. Вдвоем. И всё. Понимаешь?

— Там стоит один, — шепнул он.

— Он твой.

Он бережно взял ее за подбородок и поцеловал в губы, пахнущие бурбоном. Она отстранилась, вздохнув.

— Идем, Паша, время дорого.

Вера взяла сумочку под мышку и с грустной улыбкой оглянулась на костюм, что остался болтаться на вешалке.

— Идем, идем...

Она вышла первой, и сразу же столкнулась с Майком, который стоял в проходе, безуспешно пытаясь раскурить сигару. Спички ломались в его пальцах, и качало Майка не только из-за скорости, с которой летел поезд.

— Ну, мэм, куда вы? Нельзя бросать игру... — Он икнул и выронил коробок.

Вера протиснулась дальше, к концу вагона, и постучала в дверь купе:

— Полковник! Могу я попросить вас о помощи?

Проходя мимо Майка, Орлов понял, что тот пьян бесповоротно, и скоро рухнет. Он скосил глаза и увидел, что Гарри растянулся на лавке, закинув руки под голову, и уже похрапывает. По полу каталась пустая бутылка. «Когда они успели так напиться? — подумал

он. — Ай да Вера. Ее работа!»

Дверь отодвинулась, и Вера смело шагнула внутрь. Орлов остался стоять в проходе. Через минуту из купе выглянул Хелмс:

— Да вот же он! Мистер Орлов, рассудите наш спор! Миссис Брукс утверждает, что в Европе повсеместно закрывают публичные дома! Надеюсь, она не права, а вы как считаете?

— Приедем, узнаем, — попытался улыбнуться Орлов.

Но лицо словно окаменело, и губы едва раздвинулись. Он все же заставил себя войти в купе и присесть на край дивана. Вера уже поднимала рюмку с коньяком, собираясь чокнуться с Хелмсом. Напротив Орлова развалился хмурый субъект с кольцом за поясом, чья физиономия показалась ему знакомой. Сейчас некогда было копаться в памяти, и он только подумал: «Вот еще ствол. Забрать — и тогда можно будет всех перебить. Спокойно перебить всех. Спокойно отцепить вагон и спокойно взорвать».

Впрочем, он понимал, что его попутчики не те люди, которые позволят перебить себя.

Несколько минут он слушал щебетание Веры и вальяжные реплики захмелевшего полковника. Затем встал и, бросив короткий взгляд на Веру, вышел из купе.

Он вышел на площадку. Ковбой пристроился на узком откидном сиденье, дымя самокруткой.

— Сам-то куришь, — насмешливо заметил Орлов. — Значит, и мне можно.

Он полез в карман. Но достал оттуда не трубку, а кольт. Удар рукояткой пришелся ковбою прямо по середине шляпы. Парень беззвучно привалился к стенке вагона. Орлов отстегнул цепочку, ограждавшую площадку. Приподнял ковбоя за плечи и постарался, сбрасывая, толкнуть его посильнее. Чтоб не попал под колеса. Может, и не разобьется...

Прошла целая вечность, прежде чем дверь вагона распахнулась, и он увидел Веру.

— Где ты пропадаешь! — сердито сказал он, перебираясь через барьер на площадку багажного вагона.

Вера передала ему сумку, потом долго подбирала юбку, и все никак не могла задрать ногу, а Орлов, с кольцом в руке, не отрывал взгляда от двери. Если сейчас за «миссис Брукс» увяжется пьяный ухажер, придется потратить на него патрон.

Наконец, она оказалась рядом с ним.

Он отдал ей револьвер.

— Кто появится, стреляй в живот.

Она, с сумочкой под мышкой, подняла кольт двумя руками и навела на дверь. А Орлов склонился над сцепкой, пытаясь расшатать и выдернуть скользкий шкворень. Но вот вагоны разъединились, и цепи зазвенели, волочась по шпалам.

— Тормоз, тормоз! — крикнул он ей, вытирая черные руки об куртку. — Закручивай тормоз скорее.

Она принялась со скрипом крутить тормозное колесо, а он все целился в дверь и молился, чтобы она так и осталась закрытой. Завыли понемногу тормозные буксы, и зеленый вагон стал отдаляться.

— Как попасть внутрь? — крикнула, задыхаясь, Вера. — Нельзя ждать полной остановки!

— Знаю!

Еще во время погрузки он заметил узкое окно недалеко от тормозной площадки. Наверно, там было место сопровождающего. Вот только вопрос — а нет ли кого-нибудь внутри? Когда задраивали дверь, вроде бы никто в вагон не входил. Ну, а если сопровождающий был там еще раньше?

«Вот и проверим», — решил он и полез на крышу.

Вагон катился все медленнее, судя по перестуку колес. Орлов свесился над окошком, дотянулся до него рукой и ударил револьвером по стеклу. Оно оказалось крепким. Но все же разбилось после нескольких отчаянных ударов.

— Как там? — донесся до него голос Веры.

— Пока не знаю.

Цепляясь за желоб на краю крыши, он повис, выбивая носком последние осколки. Завел ноги в окно. Оставалось только прыгнуть.

«Было бы крайне досадно обнаружить там внутри затаившегося стрелка», — подумал он, и разжал пальцы.

Спускаясь внутрь, он разодрал штаны. И, кажется, не только штаны — по бедру потекла теплая струйка. Но не было времени перевязываться.

В вагоне никого не было. Только ящики на стеллажах, и узкий проход между ними. Орлов наугад вспорол обвязку одного ящика. Сбил крышку. Винчестеры. С патронами. «Пригодится», подумал он. В соседнем ящике оказались револьверы.

Еще револьверы. И еще. А тут — мотки бикфордова шнура. «Может, и запалы где-то рядом?» — подумал он. Ага, а вот и динамит!

Вагон катился еле-еле, и наконец, остановился.

Орлов через окно вывалился наружу. Вера уже бежала к нему, путаясь в длинной юбке.

Выстрелом из кольта он сбил замок. Вдвоем, поднатужившись, они смогли откатить дверь. Первым делом Орлов выбросил наружу пару винчестеров и несколько пачек патронов. Скоро они ему понадобятся.

— Там где-то должны быть запалы, — сказала Вера. — Я сверяла список, должны быть!

— Будем вскрывать все ящики? Их тут тьма тьмущая!

— Есть другие предложения?

Орлов почесал затылок:

— Эх, была бы свечка, я бы...

Вера молча раскрыла сумку и, порывшись в ней, извлекла парафиновую свечу.

— Такая тебя устроит?

— Господи... Да откуда... — Орлов расхохотался и поцеловал ее. — Сокровище ты мое!

Он забрался в вагон и принялся за работу. Привязывая револьвер к динамитным зарядам, он несколько раз хлопал себя по карману, проверяя, на месте ли спички.

И вдруг Вера закричала с отчаяньем:

— Взрывай, Паша, взрывай! Они возвращаются!

«Быстро же хватились», — подумал он, аккуратно укладывая связку с револьвером поверх раскрытого ящика с динамитом. Он спустил курок, и жало его впилось в парафин свечи. Спокойным и плавным движением достал из кармана спички. Пальцы его заметно дрожали. Но спичка загорелась сразу, и свеча занялась мгновенно. «Не задуло бы, — подумал он. — Надо бы дверь закрыть».

Не отрывая взгляда от мерцающего огонька, он попятился к выходу. Спрыгнул и взялся за скобу двери.

— Давай закроем.

— Паша! Они! Они возвращаются, взрывай! Взрывай немедленно! — навзрыд кричала Вера, хватая его за руки.

— Давай закроем, — повторил он спокойно. — Чтоб не задуло. Толкай.

Он говорил негромко, словно боялся, что от громкого голоса свеча может потухнуть.

Дверь прокатилась с рокотом и лязгнула, остановившись.

Только теперь Орлов смог оглянуться.

Он увидел, что паровоз, задом толкающий зеленый вагон, уже в паре сотен шагов.

Орлов поднял с земли два новеньких, в масле, винчестера. Страхнул с них песок.

— Держи.

Вера непонимающе смотрела на него.

— Видишь вон то деревце, повыше прочих? — Орлов показал рукой. — Там и заляжем. Наша задача — никого не подпустить к вагону. Только и всего. Сколько горит свеча? Минут пять? Радость моя, через пять минут все кончится.

— Как ты сказал? — Вера принялась ловко вставлять патроны в приемную лунку

магазина. — «Радость моя»? Это что-то новое, граф. Это даже лучше, чем «кобра».

— Вперед!

Они припустили прочь от вагона. Под деревцем оказалась небольшая выемка в земле. На утоптанном песке виднелись волоски. Какой-то зверь любил тут отдыхать, прячась в тени.

Не успели они устроиться поудобнее, как из вагона выпрыгнули первые смельчаки. Пули непристрелянных винчестеров прошли мимо, но охладили порыв, и они залегли за колесами, отвечая частыми выстрелами.

Низкое солнце слепило Орлова, но он и не надеялся попасть.

Несколько фигурок мелькнули возле паровоза и тут же пропали.

«Обходят, — подумал Орлов. — Не забыть бы про них».

Он выстрелил еще пару раз и перекатился в сторону.

— Заметил их? — спросила Вера. — Не хотела тебя отвлекать.

Паровоз, между тем, продолжал медленно пятиться, приближая зеленый вагон к одиноко стоящему на путях красному.

— Не дай им зацепиться, — попросил Орлов, вглядываясь в просветы между кустами. — Чаще бей, чаще.

— Я стараюсь. Солнце в глаза!

— Ты не старайся, ты стреляй.

Он вдруг заметил мелькнувшую тень и выстрелил по ней. И тут же откуда-то справа грохнул выстрел. Пуля ударила по стволу дерева.

— Ох и шустрый народец, — пробормотал Орлов, наводя ствол туда, где еще не осело облачко пыли.

Другой выстрел прогремел слева, но он не отвлекся, продолжая выцеливать невидимого противника. Их там двое. Подкрадываются. Один пальнет, другой подползает. Потом другой пальнет, а первый...

Он увидел силуэт. Человек приподнялся над землей, и Орлов нажал на спуск.

Попал.

«Так-то, батенька. А теперь займемся вашим приятелем».

— Паша, Паша... — простонала Вера.

— Что с тобой? — спросил он, не поворачивая головы.

— Зацепили вагон! Увозят!

— Далеко не увезут, — спокойно ответил он, а у самого внутри все оборвалось.

Вот он! Шляпа отчетливо виднелась между голых веток. Орлов опустил мушку пониже. Выстрел взметнул фонтан пыли. Он передернул затвор и снова выстрелил. Человек всплеснул руками и исчез.

— Увозят! — Вера встала на колени, посылая пулю за пулей вслед вагонам. — Эх, Паша, Паша...

Он набросился на нее сзади и прижал к земле. И вовремя. Пуля прошуршала рядом, опередив грохот выстрела.

— Там еще третий был, — сказал Орлов. — Сейчас побежит догонять своих. Не упусти его.

— Да уж всё упустили, всё упустили, — чуть не плача, приговаривала она, однако не опускала винчестер, и ствол не дрожал.

— Вон, голубчик, не выдержал, кинулся, — сказал Орлов, упреждая мушкой бегущую фигурку.

Вера выстрелила первой, и фигурка пропала в облаке рыжей пыли.

— Вот подонки, — сказал Орлов. — Заметь, они и не собирались их ждать. Бросили своих, заметила?

Вера молча опустила на землю, опираясь на винтовку.

Орлов перезарядил винчестер и направился к кустам.

— Ты куда? — равнодушно спросила Вера, глядя вслед уходящему поезду.

— Так. Пройдусь.

Он не хотел оставить здесь подранков. И не мог оставаться рядом с ней.

Первый был еще жив. Орлов с удивлением узнал Гарри. Почему-то ему казалось, что полковник отправит в обход кого-нибудь из ковбоев. Выстрелив ему в висок, Орлов подумал, что и Майк где-то рядом. И не ошибся.

Тот скрючился в кустах. Пуля пробила ему шею, и песок вокруг был обширно полит кровью.

Интересно, кто третий? Не сам же Хелмс?

Нет. Оказалось, Вера подстрелила того самого соотечественника. Зак уже не дышал, впившись побелевшими пальцами в рыжую пыль. Орлов подобрал с земли длинноствольный кольт сорок пятого калибра. Хорошее дальнобойное оружие. С таким можно смело идти против винчестера. Не повезло тебе, Зак. Вера стреляет лучше.

Разглядывая кольт, Орлов вдруг вспомнил, где видел этого Зака. У себя в Севастополе, на набережной. Тогда Орлов изображал из себя старикашку, пытаясь пробраться в собственный дом. А Зак его остановил. А потом еще и пулю засадил. Вот из этого самого ствола. Орлов вспомнил не столько лицо, сколько рукоятку, торчавшую из-за пояса. Черную обрезиненную рукоятку, самую непрезентабельную, и самую удобную, что бы там ни говорили любители ореховых и роговых накладок...

Он повесил винчестер за плечо и отошел от Зака всего на несколько шагов, когда что-то острое впилось ему в спину. Падая, Орлов услышал выстрел. Он гремел долго, отзываясь то звоном, то громовыми раскатами, и только навалившаяся тьма принесла тишину...

* * *

Он увидел над собой лицо Веры. Она склонилась над ним, и ее волосы щекотали ему нос.

— Я умер? — спросил Орлов.

— Скорее, нет.

Он почувствовал, что ему трудно дышать. Ощупал грудь и наткнулся на повязку.

— Он стрелял тебе в спину, — сказала Вера. — Пуля попала в винтовку, ударила по лопатке. Кровь я остановила. Идти ты сможешь.

— Как он мог стрелять? Я забрал его кольт.

Вера поднесла к его лицу блестящий пистолетик.

— «Деринджер»? — Орлов удивился. — Вот не ожидал. Террорист — и вдруг эдакая дамская штучка.

— От дамских штучек тоже гибнут.

— Долго я валялся?

— Минут десять прошло.

— Ты шутишь? — Он приподнял тяжелую голову, недоверчиво оглядываясь.

Солнце всё так же висело над горизонтом. Ветер всё так же гонял струйки пыли между кустами. И все же что-то изменилось. Что-то было новым в этой картине.

Капитан Орлов привстал на локте и посмотрел назад. Над горизонтом вздымался широкий столб дыма и пыли, золотистый по бокам, свинцово-серый сверху. Он клубился, расплываясь в стороны, но оставался таким же густым, и не таял.

— Это что? — спросил он. — Поезд? Наш вагон?

— Да, это наш вагон, — ответила Вера, открывая сумку. — Вот, Паша, выпей немного. Тебе не помешает.

Она протянула ему плоскую фляжку.

Он глотнул и закашлялся.

— Ого!

— Не надо морщиться. Коньяк от полковника Хелмса не может быть плохим.

— Да он-то не плох. Это я что-то стал плоховат.

Он отпил еще — и почувствовал, что может встать на ноги. Что и было тут же исполнено.

Вера шла рядом, с сумкой под мышкой и винчестером на плече.

— Что у тебя еще там, в сумочке? — спросил капитан Орлов.

— Все, что нужно. Ничего лишнего. Паша, давай определимся, куда идти.

Он посмотрел на столб дыма и махнул рукой в противоположную сторону.

— Нам туда. Рано или поздно Джек Джонс сообразит, что мы проскочили мимо него. И пошлет вдогонку поезд с рейнджерами. А мы пойдем им навстречу по рельсам.

Вера ловко подставила плечо, когда Орлова вдруг потянуло к земле.

— Ты держись за меня, Паша. Не стесняйся. Идти-то ты сможешь, а вот дышать тебе будет трудно. Нам спешить некуда, мы бежать не станем. Потихоньку, полегоньку — и дойдем. Даже если твой Джек Джонс и не вышлет за нами никого. В чем я абсолютно уверена. Сами дойдем, ты не волнуйся.

— Да я не волнуюсь. Чего ради мне волноваться?

Он шел, не чувствуя ног. Зато под рукой он чувствовал Веру. Ее плечи, такие мягкие и такие крепкие.

Капитан Орлов шел и все повторял про себя: «Сами дойдем. Сами дойдем».

конец